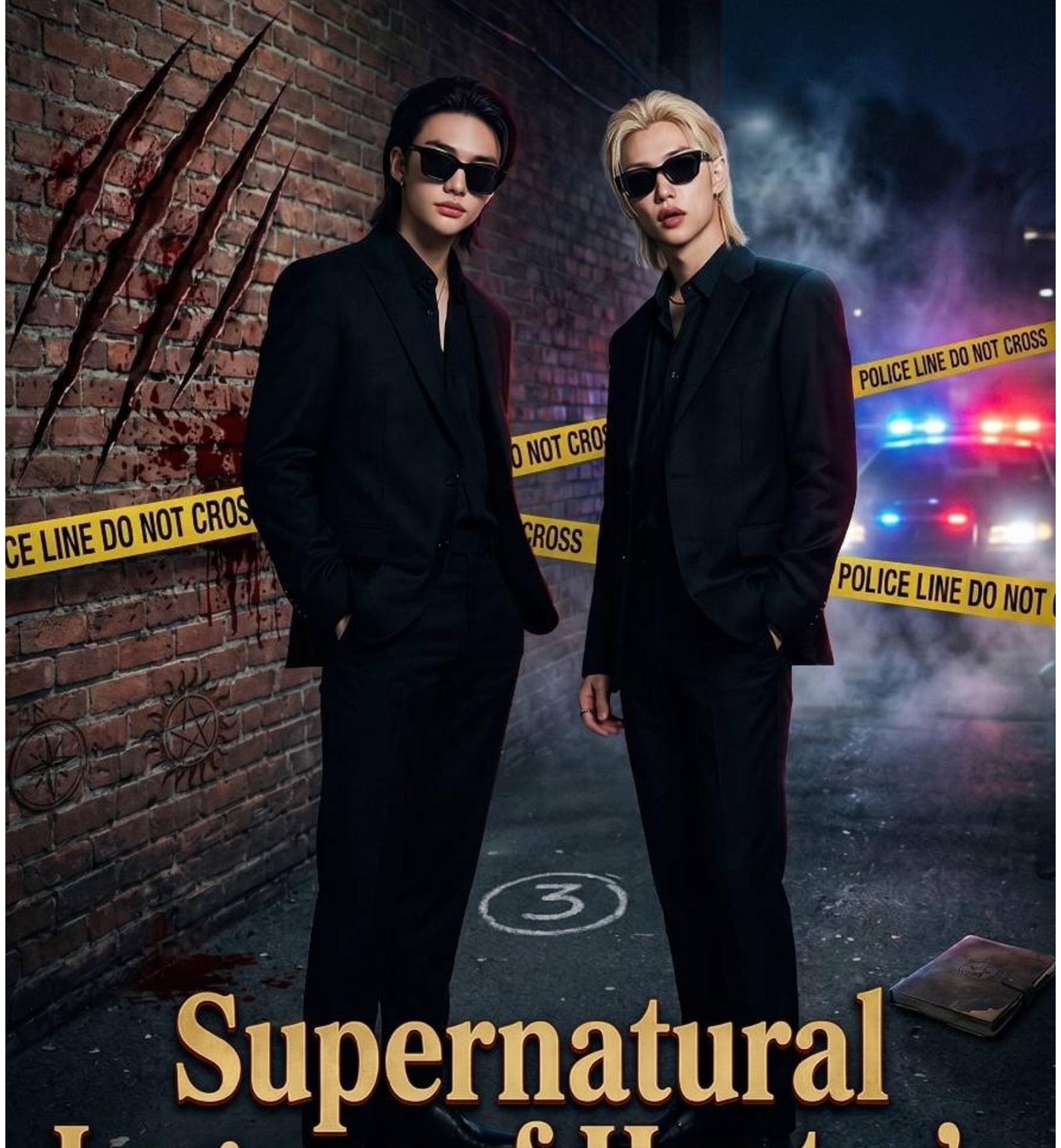

Felix Lin

Supernatural Legacy of Hunter's

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Felix Lin

Supernatural: Legacy of Hunter's

«Автор»

2025

Lin F.

Supernatural: Legacy of Hunter's / F. Lin — «Автор», 2025

Жизнь двух популярных айдолов — это ослепительный блеск софитов, крики фанатов и изнурительный ритм бесконечных туров. Но в одну ночь идеальный мир даёт трещину. Тень прошлого настигает их, открывая пугающую правду: они — наследники древнего ордена. Их предки веками удерживали тонкую грань между человечеством и бездной, и теперь пришло время принять «семейное дело».

© Lin F., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Episode 1: Сказки на ночь оказались правдой	6
— — — ☆ — — —	8
— — — ☆ — — —	49
Episode 2: Дилетанты	108
Пролог.	108
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Felix Lin

Supernatural: Legacy of Hunter's

Episode 1: Сказки на ночь оказались правдой

ДИСКЛЕЙМЕР

Это художественное AU (альтернативная вселенная), где участники Stray Kids — Хён-джин и Феликс — совмещают карьеру айдолов с охотой на нечисть. Остальные герои не знают об их тайной жизни.

Все события и поступки персонажей — вымысел, продиктованный сюжетом. Работа не имеет отношения к реальным людям, их характерам, убеждениям и не направлена на нанесение вреда их репутации.

Текст содержит сцены жестокости, описание насилия, нецензурную брань, а также упоминания алкоголя и табака. Всё это — инструменты для создания атмосферы «тёмного фэнтези».

Автор не пропагандирует насилие или деструктивный образ жизни.

18+ | Читатель несёт самостоятельную ответственность за выбор контента. Если подобные темы вызывают дискомфорт, пожалуйста, воздержитесь от чтения.

Пилотная глава

Запись № 5795.

Меня зовут Хван Хёнджин. Сейчас 2035 год, мне 35 — ровно столько же, сколько и Феликсу. Помните тех парней из Stray Kids, от которых все сходили с ума? Да-да, те, чьи треки взрывали чарты? Так вот, их имена давно стёрты из мейнстрима. Феликс оказался таким же, как и я, — охотником.

А, чуть не забыл!

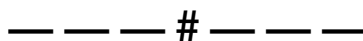
Перед началом — врубайте «Thunderous». Этот трек — наш саунд к безумию, которое мы тащим на себе. Или, может, «Back Door»? — наш пропуск в мир, который обычные люди не должны видеть...

Сейчас мы сидим у озера в Кимпхо, это забытое богом место в провинции Кёнгидо. Впервые за полгода выглянуло солнце, и мы решили отметить этот редкий момент парой бутылок дешёвого пива. Честно говоря, мы оба просто убились от усталости — драки со всякой нечистью утомляют не по-детски. Да-да, именно так всё и было. Мы больше не танцуем, мы сражаемся. Мои мышцы помнят синхрон, но теперь они рефлекторно хватаются за пистолет.

Интересно, как мы вообще дошли до жизни такой? Всё началось не с чёрного «Мустанга» и не с охоты на демонов — всё было куда банальнее. Я тогда, ещё зелёный и наивный, видел мир только через призму сцены, рёв тысяч фанатов и слепящий свет софитов. Феликс, мой друг и напарник, был втянут в этот водоворот не меньше. Мы были айдолами, жили в мире глянцевого обложки и идеальных сторис.

Мы — те, о ком редко говорят всерьёз и кто почти не попадает в заголовки, если это не очередной скандал. А орден Просвещённых, который мы зовём "Минджок-э бит" — то есть "Свет народа", звучит пафосно, да? — существует со времён династии Чосон. Только вот не обольщайся: к королевскому двору мы не имеем никакого отношения. У этих ребят в заглавнике есть древние, пыльные свитки обо всей этой нечисти. Это не охотники, как мы, а скорее задроты-исследователи, которые каталогизируют все эти паранормальные жути. Но в одну ночь всё полетело к чертям, наш идеальный мир развалился, как дешёвый картонный домик, оставив после себя только пепел и слухи.

Мы свернули не просто с проторенной дорожки шоу-бизнеса. По вине чьей-то кривой руки (или, может, просто по велению судьбы) мы, придурки, открыли дверь, которую эти «просвещённые» так усердно запирали. И теперь мы и есть Stray Kids в самом буквальном смысле этого слова. Потерянные дети, которые ищут выход, как вытащить этот мир из грядущей задницы. Потому что, поверь мне, мир стоит на краю. И новый кошмар, который грядёт, будет в разы хуже всего, что ты видел в новостях. Держи дробовик наготове.

Четверг, 15 июня 2023 года. Сеул.

— Моя черепушка трещит уже третий день кряду, — простонал Феликс, впечатавшись щекой в подушку. Луч солнца, просочившийся сквозь щель в занавесках, был просто пыткой. Он застонал, прикрыв глаза ладонью. — Ещё и сны дурацкие лезут! Когда это кончится, чёрт возьми!

— Может, твоя нервная система просто сдаёт позиции? — предположил Хёнджин, вваливаясь в комнату с чашкой чая, от которой исходил манящий аромат. — Что за кошмары там у тебя? Или это аллергия на магнолии тебя доконала? Вчера их пыльца просто витала в воздухе...

— Снилось, будто мы на съёмках, всё как обычно, — голос Феликса звучал хрипло, будто он пару недель глотку рвал в микрофон без отдыха. — А потом... потом небо потемнело, стало чёрным, как смоль, и тут — крылья. Здоровенные, вороны, только размером с небольшой самолёт. И весь мир вокруг завертелся, пошёл рябью... Как в кривом зеркале, понимаешь?

— Ты не один такой, приятель, — выдохнул Хёнджин, ставя кружку на тумбочку возле кровати друга. — Мне тоже кошмары снятся. Только у меня не перья, а... глаза. Светящиеся, красные, как у демона, они пялились на меня из любой тени. Я чувствовал этот взгляд, даже когда открывал глаза.

— Красные глаза... — прошептал Феликс, запустив пальцы в свои растрёпанные волосы.

Феликс чувствовал себя так, будто из него всю жизнь выжали до последней капли. Странный сон оставил после себя липкий осадок паники, который не хотел отпускать. Мятный, освежающий пар от чая, который Хёнджин так заботливо поставил рядом, едва долетал до носа, утонув в этой давящей атмосфере тревоги. Обычно этот травяной настой помогал сбросить напряжение, успокоить нервы... Но сегодня всё было наперекосяк.

Хёнджин опустил на край кровати, внимательно изучая друга. Вид у него был откровенно паршивый: синяки под глазами, мертвенно-бледное лицо, веки отёкшие — явные признаки того, что силы исчерпаны, а усталость засела прямо в костях. Менеджер уже который день твердил, что им нужен тайм-аут, что пора сбавить обороты и дать себе передышку. Но график был беспощаден — камеры, танцы, интервью... Этот постоянный прессинг, будто невидимая хватка, не давал вздохнуть полной грудью. Всё это напряжение читалось в каждом его жесте, в каждом взгляде.

— Может, это просто переутомление? — предположил Хёнджин, беря Феликса за руку, чтобы проверить пульс. Рука была холодной и чуть влажной. — Мы оба зашиваемся. Нам бы отлежаться по-человечески, а не эти жалкие пять часов между прогонами.

Феликс кивнул, принимая заботу, как спасённый утопающий. Внутри была пустота, и он чувствовал себя разбитым. Ему казалось, что вся эта реальность — картонная декорация, а ночные видения — лишь предупреждение о чём-то настоящем, тёмном.

— Сегодня репетиция будет? — просипел Феликс, пытаясь подняться. Голова закружилась, и он снова рухнул на подушку.

— Ага, через пару часов. Новый альбом «5-Star» взорвал чарты, а Чанбин на взводе, — Хёнджин кивнул на чашку. — Выпей, полегчает.

Феликс с благодарностью взял чашку и медленно отпил несколько глотков, наслаждаясь сладостью и теплом напитка. Чай мягко обволакивал горло, немного снимая боль.

— А помереть можно? — прошелестел Феликс, уже чуть придя в себя.

Хёнджин рассмеялся тихо и спокойно, чтобы снова не вызвать у друга головную боль.

— Неа, Феликс. Тебе не светит конец света. Тебе надо освоить новый танец. К тому же, признаться, я не в восторге от идеи оттирать розовых пони с твоих волос, если вдруг решишь, что пора в небытие.

Феликс, несмотря на пульсирующую боль в висках, выдавил улыбку. Хёнджин всегда умел развеять любую тоску. Он осушил чашку, ощущая, как силы возвращаются в тело. Боль отступила, оставив после себя лишь лёгкую дрему. Вот так и живём — айдолы на грани, а бытие — это нескончаемая битва с усталостью и мыслью, что завтра всё по новой.

— Ладно, — согласился Феликс, медленно поднимаясь с кровати. — Попробуем дотянуть до репетиции. А там — снова в горизонтальное положение. Может, на этот раз приснится что-то менее безумное, без этих видений и мигрени.

Он окинул взглядом Хёнджина, уже переключаясь на предстоящие дела. Камбэк маячил на горизонте, и, невзирая на всю эту чертовщину, внутри зарождался прилив бодрости и предвкушения. Новые па, свежие треки, новые эмоции — всё это часть их маршрута. Жизнь шла своим чередом, а рядом — друзья, и этого хватало, чтобы снова поверить: любая преграда им по зубам.

Вся команда собралась после скоростного завтрака — жалкая порция овсянки и пара тостов с арахисовым маслом, запитых ледяным молоком — и двинулась в студию. Их машина, уютный минивэн, бесшумно скользила по утреннему Сеулу, наполняя салон умиротворением. Внутри стояла тишина, нарушаемая лишь тихим покашливанием Феликса да изредка слышимым басом треков из наушников Чанбина. Лино, как обычно, залипал в свой мобильник, периодически издавая короткий смешок над какой-то глупой видюшкой. Лидер сосредоточенно выводил каракули в своём блокноте, время от времени шумно выдыхая.

Студия встретила их привычной атмосферой, которая всегда служила для них своеобразным якорем. Это был тот самый «саунд» — микс из свежего запаха лака на паркете, глухого баса, доносившегося из-за стен, и едва уловимой горчинки кофе. Огромное помещение, забитое всякой аппаратурой — колонки, небольшие компьютеры, — это и было сердце их музыкального мира. Вдоль всей стены бликовали зеркала в полный рост, где парни оттачивали свои па, превращая каждый взмах в чистый экшен.

Сегодня вся ставка была на новый динамичный трек — сложная хореография с резкими перепадами ритма, требующая от них выложиться без остатка. Разминка дала старт, постепенно вовлекая команду в рабочий процесс. Каждый элемент шлифовался до мелочей, собираясь в единый механизм — отточенный, сильный и готовый порвать сцену.

Чанбин, как заведено, был придирчив и требователен — к себе и к остальным. Он беспрестанно делал замечания, подправлял мелочи, добиваясь абсолютного унисона. Феликс, хоть и чувствовал себя неважно, старался выжать из себя максимум. Улыбка, впрочем, выходила натянутой, и Хёнджин, следивший за каждым его па, не спускал глаз с состояния друга. Его самого слегка подкашивало, тело настойчиво напоминало о себе в самый неподходящий момент.

Время летело, как пуля. Часы сменяли друг друга. Усталость наваливалась бурной волной, но жажда довести дело до совершенства была сильнее. К закату все вымотались, но результатом остались довольны. Новые связки отработаны, песня звучит мощно и слаженно. Цель достигнута. Казалось бы, обычный день, все разъехались, но Хёнджин задержался, желая отшлифовать свои движения до блеска. Пара резких выпадов, потом плавные переходы. И вдруг — звон в ушах такой, что он рухнул на колени, хватаясь за голову, сжавшись, словно от удара под дых. Мир завертелся, окрасившись в тошнотворный зелёно-жёлтый. Звуки студии — отдалённые шаги, еле слышное гудение вентиляции — превратились в оглушающий, невыносимый грохот.

Пальцы впились в виски, пытаясь удержать череп от распада. Внутри пульсировало так сильно, что мысли разлетались на осколки. Треск нарастал, и вместе с ним на грудь опуска-

лась неподъёмная глыба, перекрывая дыхание. Время растянулось в вечность, каждый вдох — пытка. Когда этот кошмарный гул наконец отступил, Хёнджин предпринял попытку подняться. Тщетно. Ноги отказали, и он рухнул на пол, балансируя на ладонях. Перед глазами плясали фантомы, а острая, бьющая по жилам мигрень, казалось, пробивала костные своды насквозь. Холодная испарина липла к коже, сердце колотилось как отбойный молоток.

— Что за чёрт? — выдохнул он тихо, голос хрипел. — Перегрузка? Да ну, бред какой-то, такого раньше не бывало.

Предстоящий камбэк выжимал из них все соки. Бесконечные часы танцев, вспышки камер, пустые разговоры — всё это копилось внутри, как лавина, готовая сойти в любой момент.

Может, Феликс, как всегда, был прав?

Наконец Хёнджин смог опереться о стену, медленно приводя себя в вертикальное положение. Дрожащей рукой осторожно потёр висок. Под кожей явно чувствовалась неистовая вибрация. Голова всё ещё гудела, но самый острый край боли притупился. Он напряг память, пытаясь отмотать плёнку назад.

— Что там было перед этим «звоном»? Кажется, очередное па, резкий разворот... Может, просто резкий рывок? — пробормотал Хён в пустоту.

Медленно, с видимым усилием, он поднялся на ноги, опираясь на стену. Рука дрожала, подобно старому холодильнику на холостом ходу. Каждый шаг отдавался маленьким «пинком» под ребра, а голова норовила улететь куда-то в стратосферу. Свинцовая тяжесть и эта липкая, противная мысль *ну всё, сейчас рухну* никуда не девались. Едва удерживая тело в вертикальном положении, он, шатаясь, двинулся к углу зала. Там, точно мираж в пустыне, стояла заветная бутылка с водой. Схватив ее, он сделал пару жадных глотков и решил: на сегодня тренировка окончена. Нужен отдых, и точка.

Собрав вещи в сумку: пару измятых, но всё ещё «почти» чистых футболок, крем для лица, чтобы кожа не потрескалась от стресса, пару ручек — вдруг приснится очередной кошмар. Обязательно наушники — чтобы заглушить гул в голове, и, конечно же, дезодорант. В мире, где тебя видят миллионы, ты не можешь пахнуть, как старый чулан.

Переодевшись в раздевалке, меняя влажную футболку на что-то более сухое, где отчетливо пахло хлоркой и отчаянием, он ещё пару секунд пялился в зеркало, раздумывая, принять ли по-быстрому душ, но сил не хватало даже на то, чтобы поднять веки. Силы таяли стремительно, напоминая разряд батареи его новенького «яблока» в минус тридцатиградусный мороз.

Завтра он обязательно поговорит с Чаном насчёт своего состояния. Слова уже плясали на кончике языка, но он отчаянно надеялся: всё это — просто временное перенапряжение, какая-то мелочь, которую можно перешагнуть. Не желая особо светиться, пришлось натянуть бейсболку и солнцезащитные очки, стараясь хотя бы немного скрыть свою привлекательную внешность.

Полчаса медленного, почти бесшумного движения такси — и вот он у порога. Расплатившись с водителем — ещё одна мелкая сделка с миром, — Хёнджин вышел. Магнитный ключ приятно охлаждал ладонь, пока он, ссутулившись от измождения, тащился вверх по широким ступеням. Здание это, конечно, больше походило на стеклянного монстра, сияющего в сумерках, — скорее на пентхаус для какого-нибудь магната, чем на дом айдолов. Фасад, усеянный окнами, ловил последние отблески заката. Он проигнорировал дежурного охранника — не до любезностей сейчас — и направился напрямик к двери, словно призрак, ищущий свой покой.

Дверная ручка поддавалась лениво, с тихим скрипом. Хёнджин шагнул внутрь. За порогом раскинулся холл — не унылая прихожая, а просторная зала. Стены здесь служили галереей: казалось, кто-то из местных художников, а может, и сам Каин, решил здесь попрактиковаться. Вдоль одной стены примостилась изящная этажерка, служащая консолью, а на ней — ваза,

полная цветов, свежих, как утро после дождя. Зеркало над ней, обрамлённое резным деревом, громадное, ловило мягкий свет настенных бра, разливавших уютное, обволакивающее сияние.

Пол под ногами прикрывал коврик — крошечный островок роскоши с узором, что гасил звук шагов, даря ногам бархатную негу. Чуть поодаль, у другой стены, притаились пуфики — мягкие, пушистые, они так и манили: «Эй, присядь на секунду, переведи дух». Но Хёнджин как никто другой знал: если сядет хотя бы на минуту, там же и отключится. В углу затаилась статуэтка из камня, холодная и изящная, схожая с клинком, смазанным ядом.

Ниши полок были забиты книгами, расставленными по росту, и фарфоровыми фигурками, глядящими на тебя с немым укором. По краям коридора стояли горшки с зеленью, листья которой играли от едва заметного сквозняка. Декоративные крючки держали зонты и плащи — целый арсенал на случай внезапного апокалипсиса. Пол, тёмное, лакированное дерево, тянулся вдаль, уводя взгляд к ряду одинаковых дверей. На каждой — табличка с именем, напоминание о каждом, кто здесь жил.

Общежитие впечатляло продуманностью, словно сошедшее со страниц журнала для избранных. Дизайнеры явно постарались, создав пространство, которое было одновременно комфортным и функциональным. Здесь восемь парней могли уединиться и сосредоточиться на своих целях, не мешая друг другу. Гостиная, с её минималистичным шиком, натуральным деревом и нежными тканями, заливалась мягким, золотистым светом. На огромных диванах, расположенных полукругом, обычно собиралась вся группа — здесь гремел смех, обменивались планами, обсуждались грядущие шоу. Это было их убежище, их «дом», даже когда мир требовал бесконечной гонки.

Хёнджин частенько находил себе пристанище с мольбертом или блокнотом. Он обожал творить, и гостиная мигом превращалась в его личную студию, где на свет выходили новые образы. Карандаши, тюбики с краской — всё лежало ровно на маленьком столике у дивана. Иногда на стенах появлялись его наброски, добавляя пространству неповторимый «отпечаток». Феликс же нередко играл приставку или устраивал киномарафон. Уютное кресло, рядом столик с джойстиками — идеальная база для геймерских баталий. Стоило ему начать, как тут же подтягивались остальные, превращая игровой процесс в настоящий балаган.

Чанбин, с душой, прикипевшей к музыке, брэнчал на гитаре или выводил мелодии на синтезаторе, который занял почётное место в углу. Минхо находил покой в чтении; его книжный уголок был у окна, где солнце дарило лучший свет — идеальное место для личного затворничества. Хан, душа компании, вечно травил байки или отпускал шутки, создавая ту самую тёплую, дружескую ауру, стягивая всех вместе. Сынмин предпочитал аудио-визуальный рай: фильмы, музыка и, конечно, полезные закуски. И Айен, у которого глаз намётан на красоту, иногда вмешивался в интерьерные дела, подкидывая идеи по новым подушкам или пледам, чтобы общая картина выглядела безупречно.

Когда Хёнджин шёл по коридору вглубь общежития, в нос ему ударил густой микс лаванды и чего-то чертовски аппетитного. Минхо явно затеял очередное кулинарное таинство, пытаясь подсластить их суровые будни. Хён невольно усмехнулся, представляя, как парни набросятся на этот шедевр, едва он покинет духовку. Он проскользнул в гостиную, стараясь не шуметь и не разбудить тех, кто уже успел «отключиться» после изматывающей смены в зале.

В тусклом свете настольной лампы Феликс и Чанбин напоминали двух заговорщиков, склонившихся над древней картой, — хотя на деле это была всего лишь настолка. Свет подчёркивал резкие тени на их лицах, выделяя острые скулы и сосредоточенные взгляды, отчего обычный вечер казался сценой из нуарного триллера. Ликс тихо хмыкнул, делая ход.

Присев рядом, Хёнджин обозначил своё присутствие хриплым, едва слышным «привет». Чанбин тут же вскинул голову, и его острый, цепкий взгляд в мгновение ока просканировал друга, зацепившись за мертвенную бледность и лёгкое дрожание пальцев, когда тот жадно припал к бутылке с водой.

— Друг, ты выглядишь так, будто только что с того света вернулся, — голос Чанбина прозвучал тревожно, без тени привычной иронии. Он отодвинул коробку с игрой и добавил: — Рассказывай, что случилось.

Тяжело выдохнув, Хёнджин сбросил с плеч невидимый, но чертовски тяжёлый груз. Откинувшись на спинку дивана, он выложил всё как есть: рассказал и про те самые «вертолеты», от которых к горлу подкатывала тошнота, и про противный звон в ушах, и про то, как танцпол сегодня чуть не превратился в зыбучие пески. Он не утаивал деталей, понимая: в их деле замалчивание может стоить слишком дорого. Феликс слушал молча, и в глазах читалась не просто обеспокоенность, а настоящая братская боль.

— Хён, ты в последнее время пашешь на износ, — подал голос Ликс. — Мы же не железные, и ты — в первую очередь.

Чанбин сурово кивнул, подтверждая вердикт.

— Завтра первым делом доложишь об этом Чану. Это не обсуждается. И, парень, серьёзно — запишись к врачу, пока окончательно не рассыпался.

Хёнджин кивнул, ощущая, как внутри всё скручивается тугим узлом. Перспектива визита в клинику пугала, но здравый смысл бил в набат. Он выдохся, превратился в пустую оболочку, лишённую всяких сил.

— Какая-то хрень творится... — Феликс озадаченно почесал затылок, качая головой. — Сны дурацкие, башка раскалывается, а камбэк уже наступает на пятки. Нас точно кто-то целенаправленно сбивает с рельсов...

— Бред сивой кобылы, — Минхо, хрустя печеньем, выдал скептическую усмешку. — Скажите ещё, здесь замешана паранормальщина! Охотников за привидениями позвать?

Несмотря на едкий тон, Лино сканировал парней внимательным взглядом. Шутка про чертовщину — проверенный способ сбить градус напряжения, повисшего в комнате после откровений Хёнджина. Феликс же, напротив, ушёл в себя, пытаясь разгадать природу этого гнетущего чувства. В памяти всплыл эпизод нескольких дней давности: дикое головокружение после выматывающего прогона в зале. Тогда он списал всё на переутомление, но сейчас, глядя на побледневшего друга, осознал: дело пахнет керосином.

— Ноу, — тихо произнёс Ликс, — помните вчерашний шум среди ночи? Гул, доносящийся чёрт знает откуда... Я не понял, где был источник звука, но проснулся абсолютно разбитым. И сегодня утром та же история.

Хёнджин вскинул брови.

— Да, я тоже это слышал! Сперва решил, что это часть моего кошмара, но нет... Низкочастотная вибрация...

Чанбин, до этого мрачно сверливший взглядом пол, подал голос:

— Было дело. Списал на шум Сеула. Мы ведь пашем по двадцать часов в сутки — немудрено, что нервишки сдают. Может, просто истощение?

— Если бы, — отозвался Хёнджин, и в его тоне сквозила неприкрытая паранойя. Перед глазами до сих пор стояли те сны — рваные, сюрреалистичные кадры, пропитанные липким страхом. Этот морок преследовал его несколько ночей кряду, вытягивая все жилы. Усталость была такой глубокой, пробирающей до костей, что казалась ядом, отравляющим саму суть и оставляющим после себя лишь звенящую пустоту.

Феликс, уткнувшись в экран смартфона, быстро листал вкладки в поисках зацепок.

— Слушайте, что откопал по теме низкочастотных звуков и их влияния на психику. Пишут, эта частота способна вызывать мигрени, бессонницу, приступы паники... И вишенка на торте — галлюцинации. Чистой воды психоз на ровном месте.

Смахнув крошки с пальцев, Минхо вальяжно откинулся в кресле, однако взгляд его остался цепким.

— Может, соседи сверху майнят крипту на допотопном железе? Или нас просто потряхивает? Сейсмическая активность, все дела.

— Мимо, Лино! Какие, к чёрту, соседи? Мы в общаге одни-одинёшеньки, — отрезал Чанбин. — А сейсмика в этих краях — редкость. Чтобы ЭМП так зашкаливало, под половицами должен гудеть как минимум промышленный генератор. Это мы ещё проверим, но чувствует моё сердце: дело не в железках.

Минхо криво усмехнулся, а Хёнджин поднялся и замер у окна. За стеклом раскинулся Сеул, залитый неоном и огнями фар. На первый взгляд всё выглядело спокойно и привычно — обычный мегаполис.

— Одно дело — странный шум. Но когда у нас с Ликсом раскалываются черепашки... Это уже не совпадение... — он с силой надавил на виски, пытаясь унять пульсирующую боль и собрать мысли в кучу.

Феликс, сидевший напротив, выглядел паршиво: бледный, осунувшийся, он сгорбился, точно на плечи ему давила невидимая бетонная плита.

— Точно... — едва слышно прошептал он. — Мир плывёт. Кажется, ещё секунда — и отключусь. А спать при этом не могу, как будто кто-то веки изнутри спичками подпирает.

Привычная маска беззаботности слетела с лица Минхо. Он поднялся и принялся мерить комнату шагами, окидывая парней взглядом, в котором читалась нешуточная тревога.

— Включаем мозги. Если это не стройка и не сдвиг плит, то откуда эта вибрация? Подземные коммуникации? Зброшенные ветки метро? Или мы столкнулись с чем-то... из ряда «Секретных материалов»?

Чанбин, вечно ставивший во главу угла сухие факты и логику, с силой впечатал палец в клавишу Enter на ноуте, стоявшем на захламлённом журнальном столике.

— Посмотрим схему городских сетей. Может, работяги затеяли какой-то подземный ремонт, о котором забыли предупредить честных граждан.

Спустя полчаса копания в цифровых архивах и геологических сводках на свет божий всплыла пара заброшенных шахт и тоннелей. Судя по документам, всё было запечатано бетоном ещё в прошлом веке и никакой опасности не представляло.

— Глухо, как в танке, — выдохнул Чанбин, откидываясь на спинку дивана и потирая переносицу.

Хёнджин поймал взгляд Минхо и едва заметно дёрнул уголок губ.

— Ну? Что я талдычил?

— Ой, всё, — Минхо потёр подбородок, растягивая губы в ехидном оскале. — Значит, какая-то хрень из преисподней решила встряхнуть из вас двоих всю душу? Или зелёные чөлөөчки прилетели за секретом твоей укладки?

— Да брось, инопланетяне — это уже перебор, — отмахнулся Чанбин, хотя уголок его рта дёрнулся. Светящийся экран с картами отражался в стёклах очков, придавая его облику излишнюю серьёзность. — Это не ответ, а дешёвая отмазка. Нужны факты.

Хёнджин, чьё терпение обычно таяло быстрее, чем снег в апреле, начал нервно барабанивать пальцами по столешнице. Лино, вальяжно развалившийся в кресле напротив, явно получал удовольствие от всего этого абсурда.

— Ладно, — продолжил Чанбин, щёлкая мышкой. — Шахты вычёркиваем. Но что, если источник вибрации не в земле, а... прямо над ней?

— В точку, — подхватил Хёнджин. — Ощущение было такое, будто кто-то... отбивал чечётку.

— Чечётку? — Минхо коротко хохотнул, в глазах блеснули бесовские огоньки. — Слушай, если этот призрак думает, что с таким ленивым футворком пройдёт прослушивание в «Тот Свет Entertainment», то у него большие проблемы. Надеюсь, он не ждёт от нас фидбека: я не привык оценивать танцоров без коленей.

Феликс приснул, хотя виски всё ещё ломило от боли. Шутка зашла идеально — он едва не сполз на ковёр от смеха. А вот Джинни лишь насупился и посмотрел на друзей так, будто уже прикидывал, в каком багажнике их будет удобнее везти до ближайшей лесополосы.

— Всё, хорош, — осадил их Чанбин, понимая, что конструктивного диалога сегодня больше не выйдет. — Сворачиваем лавочку. Утро вечера мудренее.

— Аминь, — драматично зевнул Ликс, буквально соскребая себя с пола. — Иначе я сам стану призраком от этого недосыпа.

Чанбин захлопнул крышку ноутбука, будто ставя точку в затянувшемся расследовании. Минхо, не теряя времени, задвинул столку поглубже в шкаф, подальше от лишних глаз. Ликс, едва держась на ногах от дикой смеси хохота и тотального недосыпа, попытался выудить своё худи из-под стула. Ткань намертво вцепилась в «гордиев узел» из зарядок, спровоцировав новый приступ истерического смеха. Хёнджин с каменной миной, напоминающей физиономию Дина Винчестера после особенно паршивой охоты, молча вызволил вещь из плена. В каждом его движении сквозило раздражение, а во взгляде, направленном на Минхо, читалось обещание скорой расправы за идиотскую шутку. Тот лишь состроил гримасу «само раскаяние», хотя в глазах всё равно плясали черти. Он прекрасно знал: Джинни поворчит для приличия, но по-настоящему злиться не станет. Свои же люди, одна семья. Они прошли через такое дерьмо, после которого обычные люди бегут напрямиком к мозгоправам.

В просторной гостиной наконец воцарилась тишина — тяжёлая и осязаемая, нарушаемая лишь ленивым топотом расходящихся парней. Чанбин щёлкнул выключателем, доверив охрану пространства тусклому ночнику в углу. Комната напоминала место преступления против порядка: разбросанные книги, чья-то небрежно брошенная на кресло куртка и прислонённая к стене гитара — немой свидетель ночных терзаний над новыми текстами. В воздухе застыл терпкий аромат кофе, перемешанный с нотами дорогого парфюма. Парни потянулись в сторону спален, растворяясь в полумраке коридора.

На следующее утро, когда первые лучи солнца начали бесцеремонно продираться сквозь занавески, в общежитии всё ещё царил штиль. Хёнджин подорвался первым. В голове гудело, точно там поселилось навязчивое эхо вчерашних событий. Он сел на кровати, уставившись в окно в попытке привести мысли в порядок, но странное, неприятное предчувствие не желало отпустить.

Собственная комната — это его личный бункер. Единственное место на земле, где правила устанавливает он сам, а не расписание камбэков или менеджеры. Дверь закрывается с едва уловимым щелчком, и всё — внешний мир с его суетой и софитами перестаёт существовать. Здесь время не бежит, оно вязнет в воздухе, замирая где-то между парижским шиком и мастерской сумасшедшего гения.

Огромное окно в пол — впрочем, как и во всём общежитии, — занавешенное почти прозрачным тюлем, впускает в помещение мягкое сияние дня. В сумерках же комната преобразается: тёплые лучи дизайнерских торшеров и дрожащее пламя свечей создают на стенах причудливые тени. Цветовая палитра строгая, но уютная: сочетание кремового, глубокого чёрного и графитового серого служит идеальным фоном для того, что Хёнджин считает главным, — его искусства.

Центральное место занимает массивный деревянный мольберт. На нём покоится незавершённый холст, где мазки масляной краски складываются в меланхоличный пейзаж. Пол вокруг застелен старым ковром, ставшим невольным свидетелем сотен творческих порывов: разноцветные кляксы и пятна акрила превратили его в отдельный арт-объект, который хозяин бережёт больше, чем дорогую мебель. Рядом, на рабочем столе, царит упорядоченный хаос: тюбики с краской, кисти в стаканах и десятки эскизов, приколотых прямо к стене. Наброски углём — изящные руки, лица друзей, тонкие лепестки увядающих цветов — создают ощущение, будто мысли Хёнджина материализовались и застыли на бумаге.

Воздух в комнате плотный и многослойный. В нём аромат дорогого селективного парфюма с нотами сандала и табака переплетается с резковатым запахом льняного масла и свежего холста. На комоде, среди коллекции разных флаконов, стоит керамическая подставка. Там, словно маленькие сокровища, разложены кольца и цепочки — его ежедневные «доспехи».

Мебель отражает стремление к лаконичности. Широкая кровать с низким изголовьем застелена тёмным льняным бельём, на котором часто можно найти забытый томик поэзии или альбом по истории искусства. Своё место в этой комнате нашёл и шкаф: в нём в строгом порядке висят объёмные пиджаки, шёлковые рубашки и береты, готовые в любой момент дополнить его образ.

Особое место занимает ростовое зеркало в тяжёлой раме. Его периметр усеян полароидными снимками: закаты над рекой Хан, любимый питомец Кками, размытые кадры из мировых турне. Это карта его памяти, застывшая в химии фотобумаги. На столе, заваленном мелочами, соседствуют скетчбук, пара ручек, наушники и та самая кружка с котом. Каждая вещь находится на своём законном месте.

Виниловый проигрыватель в углу, обычно наполнявший пространство звуками старого джаза до глубокой ночи, сейчас молчал. На подоконнике, рядом со стопкой пластинок, стоит ваза с парой засохших роз. Хёнджин не выбрасывает их, находя в увядании особую, тихую эстетику.

Эта комната — физическое воплощение его души: перфекционизм в деталях, граничащий с полным беспорядком в моменты вдохновения. Здесь, среди запаха красок и звуков музыки, Хёнджин переставал быть кумиром миллионов и становился просто художником, ищущим красоту в каждом движении кисти.

За дверью послышалось движение — типичная утренняя возня, состоящая из сонных проклятий и скрипа пружин. Хёнджин замер, пытаясь по звукам вычислить, кто из ребят уже на ногах. Из коридора донеслось недовольное ворчание, больше похожее на рокот неисправного двигателя.

— Чанбин-и? — прошептал Хён, пытаясь окончательно продрать глаза.

Тот всегда вставал первым, начиная день с тихой, но ощутимой тирады в адрес будильника. А следом «вступила» тяжёлая артиллерия в стиле Феликса: громкий, хриплый голос, приправленный австралийской манерой речи, и ритмичный стук в стену.

— Хён, подъём! Гет ап!

Корейская речь Ликса в сочетании с его неистребимым акцентом всегда звучала для Хёнджина как лучшая музыка. Он представил эту взъерошенную светлую голову и негромко рассмеялся.

— Встал я, встал! — Хёнджин лениво потёр щёку, разглядывая себя в зеркале над тумбой из тёмного дерева. — Господи, ладно. Сегодня я хотя бы не выгляжу как полное дерьмо.

Он выбрался из-под одеяла, разминая затёкшие мышцы. В зеркале маячило нечто с «вороньим гнездом» вместо причёски. Критически осмотрев своё отражение, Хёнджин попытался уловить причину смутного беспокойства, но в итоге списал всё на недосып. Сдёрнув с кресла тёмный халат, он набросил его на плечи и вышел в коридор, на ходу стряхивая остатки сна.

Но стоило ему показаться в дверном проёме, как прямо перед носом уверенно проследовал Чан. С полотенцем на плече и зубной щёткой во рту он выглядел так, будто ни за что не собирался уступать дорогу.

— Доброе утро! Кто первый встал — того и тапки, — весело бросил Крис.

— А вторая ванная что, сквозь землю провалилась?! — возмущённо крикнул Хёнджин ему в спину, всем видом демонстрируя крайнюю степень нетерпения.

— Ага, там Айен застрял! — отозвался Чан так уверенно, будто это была истина в последней инстанции.

— Никакого покоя в этом доме, — Хёнджин закатил глаза, хотя на душе всё равно потеплело.

Утренняя суэта была их общим ритуалом, безумной симфонией из ворчания, австралийского сленга и вечной битвы за место под душем. Было бы странно, если бы день начался иначе. Это был их хаос — уютный и привычный. Хёнджин вздохнул и прислонился плечом к косяку, понимая, что придётся ждать, но вдруг уловил божественный аромат жареного бекона и чего-то сладкого. *Панкейки*? Желудок предательски заурчал, намекая, что чистые зубы вполне могут подождать, пока на столе есть горячая еда.

Скрип деревянных ступеней отозвался в пустом коридоре, когда Хёнджин наконец соизволил спуститься вниз. Утреннее солнце всю бесчинствовало, пробиваясь сквозь панорамные окна. Снаружи синевой дразнил бассейн, но внутри царила иная магия. В воздухе стоял такой густой аромат, что его, казалось, можно было намазывать на хлеб: жжёный бекон, приторный кленовый сироп и ваниль от горы блинчиков, возвышавшейся на столе, словно Пизанская башня.

У плиты в своём неизменном тёмно-синем халате хозяйничал Минхо. В этот момент он больше напоминал сурового шефа из придорожной закусочной, чем айдола. На голове красовалось полотенце, закрученное на манер тюрбана, а вид был максимально деловой. Он виртуозно жонглировал лопаткой, переворачивая шкварчащее мясо, и краем глаза следил, чтобы тесто на соседней сковороде не превратилось в уголь. Параллельно этот «многозадачный терминатор» умудрялся расставлять чашки, даже не глядя на стол.

В центре обеденной зоны красовались фиолетовые тюльпаны. Явный почерк Феликса — этот парень не мог прожить и дня, не добавив в их сложный быт капельку эстетики. Рядом теснились банки с джемом, мёдом и гора поджаристых тостов. Заметив Хёнджина, Минхо на мгновение сбросил маску сурового кулинара, и в его взгляде промелькнула тёплая усмешка.

— Проснулся, принц Версаче? — бросил он, не отрываясь от плиты. — Налетай на завтрак, пока бекон не испарился. Чанбин уже половину смёл!

Хёнджин еле заметно хмыкнул. Аппетит Чанбина действительно вошёл в легенды, и оспаривать этот факт было бесполезно. В этот момент в кухню ввалился Феликс и с размаху приземлился на стул, уткнувшись лбом в край стола. Следом притащился заспанный Джисон. Потирая глаза кулаками, он уставился на еду с таким видом, будто увидел Святой Грааль.

— Ого... Это за счёт заведения?

Минхо, не меняя выражения лица, парировал в своём репертуаре:

— Ага, аттракцион невиданной щедрости. С тебя двести штук баксов. Наличными.

— Это типа... дорого или я по дешёвке проскочил? — пробормотал Джисон, зависая над тостом.

Феликс, не поднимая головы, издал короткий смешок. Идиллию нарушил Айен. Младший ворвался в кухню, сияя так, точно сорвал джекпот в Лас-Вегасе. Плечи ещё влажные после душа, волосы торчат в разные стороны, а в руках — телефон как главный трофей.

— Парни! — выпалил он. — Мы официально в трендах TikTok!

Все застыли. Джисон так и остался сидеть с вилок в руке.

— Чего? Нас там вообще кто-то находит среди котиков и бесконечных рецептов пасты? Айен победно вскинул подбородок, сверкнув ироничной улыбкой:

— Шутишь? Нас лайкают миллионы. Видосы с нашими танцами смотрят чаще, чем записи концертов. Теперь главное — не сгореть от испанского стыда, когда в сеть сливают наши самые позорные фейлы.

Поддевая лопаткой очередной кусок бекона, Минхо усмехнулся.

— Мы настолько круты, что наши мемы разлетаются быстрее, чем новые треки. Пора вводить прайс-лист на наши косяки.

В этот момент на кухне появился Чан. Уставший взгляд, влажная шевелюра — лидер выглядел так, будто всю ночь решал проблемы мирового масштаба ну, или просто сводил треки. Он молча сел, меланхолично взял панкейк, щедро утопил его в сиропе и отправил в рот.

— Какая разница, — подал голос Чан, потягиваясь так, что хрустнули кости. — Мы на вершине, остальное — лирика. Даже если завтра о нас забудут, мы останемся легендами... Ну, или качественными мемами. Тоже неплохо.

Хёнджин, увлечённо уничтожавший завтрак рядом с Джисоном, внезапно подскочил. Облизнув испачканные в сиропе пальцы, он замахал руками:

— Всё, я в душ! — крикнул он, едва не поперхнувшись. — Подальше от ваших мемов и этого безумия, пока у меня процессор не сгорел!

Проводив его взрывом хохота, ребята вернулись к еде. Чан, сохраняя невозмутимость, махнул рукой вслед, мол, *беги, спасайся*. Минхо взглянул на часы, возвращая всех к реальности:

— Через пару часов выдвигаемся в агентство. Никаких опозданий.

Феликс, минуту назад сонно и лениво ковырявшийся в тарелке, вдруг оживился и задорно задвигал бровями:

— Принято! Сегодня надо выложиться на все сто.

Айен поморщился, с досадой дёрнув воротник футболки.

— Только с моим костюмом явно что-то не то. То ли он сел, то ли я резко раздался в плечах. Надо будет озадачить стафф, пусть проверят швы... Пока я не стал мемом ещё и из-за этого.

Джисон, потирая плечо, поддакнул с видом человека, чей прикид тоже оставлял желать лучшего:

— Та же петрушка. Мой наряд вроде новый, а сидит так, будто я вещи у младшеклассника отобрал. Если не разберемся с этим, я на выступлении и шагу не ступлю.

Минхо, не отрываясь от плиты, выдал свою фирменную ухмылку:

— А может, Айен, тебе просто стоит завязывать с беконом? Глядишь, и костюм перестанет трещать по швам, и ты перестанешь ныть под тяжестью собственного эго.

Кухня взорвалась смехом. Чонин, меланхолично помешивая кофе, парировал:

— Тогда перестань жарить его в промышленных масштабах, раз уж намекаешь, что мы тут все поперек себя шире!

— Зато это чертовски вкусно! — рассмеялся Минхо, подбрасывая ломтик на сковородке. — А ты вечно гребёшь в тарелку больше, чем можешь проглотить, так что чья бы корова мычала.

— Я растущий организм, мне положено плотно заправляться! — Чонин не сдавался, сверкая глазами. — И вообще, кто сказал, что пара лишних «аппетитных» килограммов нам повредит?

— Ну, раз ты такой голодный, буду готовить в два раза больше, — кивнул Минхо, — чтобы ты окончательно перестал влезать в свои шмотки.

Внезапно из-за спины Чонина, словно чёрт из табакерки, вынырнул Чанбин. Он хищно потянулся к стопке блинчиков, стоявшей прямо перед носом макнэ.

— По-моему, всё идет по плану. Я вот настолько чертовски хорош, что меня самого впору подавать на десерт. Так что, народ, кому ещё добавки для поддержания формы?

Чан тихо хмыкал в кружку, наблюдая за этим хаосом, а Феликс всю работу папарацци, щёлкая шедевры Минхо для соцсетей. Вскоре к общему безумию примкнул Хёнджин — мокрые волосы, полотенце на шее и вид человека, готового съесть слона. Аромат кленового сиропа и жареного мяса заполнил всё пространство. Он пристроился между Айеном, который уже уплетал третью порцию, и «аппетитным» Чанбином, чьи щёки горели от азарта.

— Выглядит как преступление против диеты, — вынес вердикт Хёнджин, разглядывая стопку блинов. — Я съел всего пару штук, но пока стоял под душем, только о них и грезил. Еле дотерпел.

Феликс тут же сунул ему под нос экран смартфона:

— Зацени, уже в сети. Подпись: «Завтрак от шефа Ли». Лайки летят быстрее, чем Чанбин ест.

— Заслуженно, — пробормотал Чонин с набитым ртом. — Минхо — гений сковородки. Хотя я бы не отказался от ещё пары ломтиков бекона...

Минхо сжалился, но вместо желанного мяса подкинул ему ещё один блин, щедро залив его золотистой сладостью:

— На, жуй, только не лопни. А то потом на репетиции будешь жаловаться на несварение, а лечить тебя я не нанимался.

Чан, не отрываясь от своей дозы кофеина, лениво протянул:

— Глядите на него. Наш Лино скоро возомнит себя Гордоном Рамзи и свалит в какой-нибудь пафосный ресторан.

— Мечтать не вредно, — огрызнулся Минхо, хотя уголки его губ предательски поползли вверх.

Для него эта кухонная возня была чем-то вроде священного ритуала — единственный способ не сойти с ума в их вечном хаосе и показать этим оболтусам, что он их всё ещё ценит. Чонин, набив щёки блинчиками, активно закивал в знак согласия с лидером. Со стороны он напоминал довольного хомяка, добравшегося до запасов элитного зерна, и одновременно — кота, который только что безнаказанно обчистил миску со сливками. Феликс в это время самозабвенно тонул в ленте соцсетей, изредка прыскавая от очередного дурацкого видео. Сынмин же хранил величественное молчание, методично поедая завтрак с видом человека, познавшего дзен.

Когда с едой было покончено, общага превратилась в разорённый муравейник. Феликс, по обыкновению путаясь в собственных ногах, выскочил за дверь, едва не пересчитав носом ступеньки. В спешке он оставлял после себя густой шлейф кофейного аромата и лёгкий налёт беспорядка. Его кеды, выдавшие виды и пережившие не один десяток перелётов, казались продолжением ног, а вечно запутанные провода наушников цеплялись за каждую дверную ручку. Сынмин — образец спокойствия и дисциплины — уже подпирал плечом микроавтобус. Он листал мессенджеры, и в его сосредоточенном взгляде читалось негласное осуждение всех опаздывающих.

— Очешуешь, притормозите! — выдохнул Феликс, пытаясь на ходу поймать равновесие и не растерять содержимое рюкзака, где блокноты с каракулями мирно соседствовали с горой жвачки.

Светлые волосы без укладки смахивали на взорвавшийся одуванчик, что добавляло образу порцию нелепого очарования. Поправив бейсболку с геймерским логотипом, он наконец доковылял до машины. Сынмин, оценив масштаб катастрофы, лишь тонко улыбнулся:

— Выдыхай, Ликс. Мы ещё никуда не уезжаем.

Феликс замер, пытаясь восстановить дыхание, выудил из кармана джинсов смартфон и уткнулся в экран. Куча уведомлений от фанатов и пара сообщений от Хёнджина, который, судя по всему, опять устроил из своего шкафа Нарнию.

— Ну как всегда! — буркнул он и быстро набрал ответ: «Ты там в штанах запутался, черепаха? Шевелись!»

В этот момент на плечо Феликса легла тяжёлая ладонь. Тот подпрыгнул, чуть было не выплюнув сердце от неожиданности. Оказалось, Чан и Минхо уже давно обосновались в салоне и с нескрываемым удовольствием наблюдали за этой пантомимой сквозь боковые стёкла. Глядя

на испуганную физиономию друга, они дружно засмеялись, а Сынмин лишь прикрыл глаза, безмолвно молясь о терпении.

— Чёрт, я чуть душу дьяволу не отдал! — выпалил Феликс, вытирая пот со лба и чувствуя, как краснеют уши.

Чан, расплывшись в широкой ухмылке, снова хлопнул его по плечу, на этот раз чуть легче.

— Сорри, Ликси, — в голосе лидера сквозила неприкрытая ирония. — Клянусь, я не хотел доводить тебя до инфаркта. Почти.

Через двадцать минут: *Stray Kids*

Микроавтобус вибрировал от низкого гула двигателя и бесконечного трёпа — салон был до отказа забит айдолами. Чанбин с задумчивым видом потрошил свой рюкзак, будто надеялся откопать там не наушники, а как минимум философский камень. Хёнджин наконец соизволил явиться: он завалился внутрь с видом рок-звезды на отдыхе — при полном параде, но сохраняя вид полнейшего безразличия. Он что-то бурчал под нос, однако, поймав тяжёлый взгляд Чана, моментально прикусил язык.

— О, явился — не запылелся, — хмыкнул лидер. В его голосе отцовская забота мешалась с желанием отвесить парню профилактический подзатыльник. — Ещё пара минут, и куковал бы ты тут в гордом одиночестве.

Хёнджин закатил глаза — классический жест — и принялся поправлять края худи. Машина тронулась, вливаясь в неоновый поток сеульских улиц, а младший, Айен, уже вовсю «приседал на уши» остальным, расписывая прелести новой игры, в которой провёл всю ночь.

— Даже не вздумай втягивать нас в это болото! Нет уж, увольте! — Феликс с притворным ужасом вскинул руки и технично ретировался в самый конец салона.

— Да брось, ты же сам залипал в «Геншин Импакт» до покраснения глаз! — Айен усмехнулся, скептически выгнув бровь.

Феликс ухмыльнулся, сдаваясь под натиском фактов, но тут же пошёл в отказ:

— Ладно, было дело! Но я в завязке, серьёзно. Хватит с меня этого цифрового задротства, мозги уже плавятся.

Салон взорвался смехом. Все прекрасно знали: «завязки» Феликса хватает ровно до того момента, пока не выйдет свежее обновление. Чанбин наконец выудил из сумки клубок проводов, напоминающий гордиев узел, и принялся невозмутимо распутывать его одной рукой. Хёнджин тем временем окончательно обмяк на сиденье, созерцая проносящийся за окном калейдоскоп из рекламных вывесок и огней мегаполиса.

— И что там за затык на уровне? — подал голос Минхо, лениво повернувшись к макнэ. — Я думал, ты там уже всех боссов на ноль помножил.

Айен слегка поморщился:

— Там один босс — сущий кошмар. Настоящая мясорубка. Мои персонажи ложатся в первом же раунде, сколько их ни качай. Просто жуть.

— Ну ясно, — ухмыльнулся Чанбин, не отрываясь от наушников. — Растёт достойная смена задротов. Только вот ты, Феликс, чего так всполошился, если тебе «всё равно»?

Феликс лишь пожал плечами:

— Просто иногда наступает момент, когда хочется выкинуть телефон в окно. Игры жрут время как не в себя. Честно, пацаны, лучше бы мы в карты на щелбаны перекинулись или в настолки по старинке.

Хёнджин издал тихий, едва слышный смешок, не отрываясь от окна:

— А я бы просто погулял где-нибудь подальше от цивилизации, пока вы не развели тут свою геймерскую демагогию.

Парни снова дружно загоготали, и густая атмосфера в автобусе окончательно разрежалась. Спустя двадцать минут тряски — долгожданная остановка. Сразу после выхода из салона группа двинулась к главному входу. Каждый нацепил привычную маску, погрузившись в собственные мысли. Тяжёлая дверь с эмблемой JYP Entertainment отозвалась низким скрипом, впуская их в стерильное чрево холла. В нос ударил резкий запах полироли и дезинфектанта — аромат, ставший для них роднее домашнего уюта. Начищенный до блеска мрамор под ногами так и просил, чтобы на нём кто-нибудь поскользнулся, а со стен на них взирали глянцевые лица коллег по цеху.

Они, словно по команде, слаженно двинулись к лифту. Чан ткнул кнопку, и стальные створки разошлись, заглатывая всех восьмерых в своё нутро. Внутри воцарилась та самая звенящая тишина, которую нарушало лишь приглушённое гудение тросов. Кабина начала неспешный подъём. Хёнджин привалился плечом к стальной стене, разглядывая в отражении лица парней. Его обычно яркий взгляд потускнел, выдавая скопившуюся под кожей усталость, которую он так старательно прятал. Феликс, стоявший по левую руку, принялся что-то тихо насвистывать, пытаясь склеить треснувшее настроение, но эта затея выглядела натянутой, почти по-детски. Чан же застыл в режиме максимальной концентрации, гипнотизируя бегущие цифры на табло, будто от этого зависела скорость их подъёма. Джисон тем временем увлечённо истязал край своей рубашки. Его пальцы нервно подрагивали, а взгляд метался от едва заметной царапины на стене до пылинки у носка кроссовка — куда угодно, лишь бы не встретиться глазами с остальными.

На лице Сынмина застыла гримаса скрытой тревоги. Он вертел в руках наушник, то и дело проверяя что-то в телефоне, будто ждал сообщения о конце света. Минхо держался особняком, с непроницаемым видом изучая собственные ногти. Ни паники, ни надежды — просто холодное принятие того, что день будет длинным. И лишь Чанбин, низко опустив голову, яростно долбил по клавишам смартфона, фиксируя очередную порцию мыслей.

Лифт замер, издав короткий шипящий звук, и перед ними открылся коридор, ведущий в «святая святых» — репетиционный зал. Пара поворотов — и они на месте. На полу уже дожидалась упаковка воды, а на диванах сиротливо лежали полотенца. В планах на сегодня значились новая хореография и запись пары демок для камбэка. На лицах парней промелькнула вся палитра эмоций: от «убейте меня» до «погнали». Но каждый понимал: нужно пахать. У успеха высокая цена, и они были готовы выложиться до последнего цента.

После разминки началась основная часть тренировки. Всё шло по накатанной. Феликс и Хёнджин двигались в унисон, и, на удивление, ночные кошмары на этот раз оставили их в покое. Такая внезапная тишина в мыслях даже немного настораживала. Хёнджин так и не решился выложить Чану всё, что накопилось, решив для начала присмотреться к своему состоянию. *Возможно, это просто побочный эффект перегрузок, и паниковать раньше времени — дело гиблое,* — думал он.

Они оттачивали движения, шлифовали вокал, и воздух буквально искрил от их энергии. Никто и не догадывался, что за этим привычным штилем может скрываться нечто из ряда вон выходящее.

Когда тренировка закончилась, на смену физическому изнеможению пришла иная, более тягучая усталость. Жизнь в агентстве состояла не только из танцев до седьмого пота: её заполняли бесконечные обсуждения графиков, подписание контрактов и бесконечные лекции стаффа. Это была та сторона айдольской жизни, где всё — от выражения лица до следующего шага в карьере — было строго регламентировано, и для странных предчувствий Хёнджина попросту не оставалось места в расписании. После многочасовой работы в зале колено Феликса решило исполнить сольную партию боли, напоминая о каждом неудачном прыжке.

Айен лениво разминал забитые мышцы, перебрасываясь парой слов с Сынмином о грядущих релизах, а Чанбин всюду травил байки, пытаясь расшевелить эту внезапно притихшую компанию.

Никаких тревожных звоночков, никакой чертовщины — просто вторник. Ни подозрительного скрежета в вентиляции, ни внезапных перепадов напряжения. Обычный стерильный мирок JYP: слепящие лампы, фонтаны безумных идей и привычный гул кондиционеров. За бетонным панцирем здания Сеул жил на полную катушку. Люди неслись по своим делам, изображая броуновское движение, а в кофейне на углу варили тот самый «бодрящий яд», за которым стафф бегал чаще, чем в местную столовую.

К вечеру Хёнджин начал подозрительно часто тереть ухо. Движения стали дёргаными, взгляд — расфокусированным. Он замирал, точно ловил какую-то помеху на внутренней радиоволне. Лицо превратилось в сплошную маску озадаченности. Чан, чей радар на проблемы «младших братьев» работал круглосуточно, нахмурился:

— Хёнджин, не пускай всё на самотёк. Тебе нужно показаться врачу. Мало ли, вдруг там воспаление или какая-нибудь дрянь застряла.

В ответ на это парень лишь отмахнулся, изображая полное безразличие:

— Да брось, Чан. Просто передоз децибел и усталость. Завтра буду как огурчик, не бери в голову.

Но на душе у него скребли кошки. Предчувствие, подобно назойливому сверчку, поселившемся прямо в голове, никак не отпускало. После окончания работы в агентстве группа наконец отправилась в общежитие. Сегодня кухонный пост занял Феликс. Он чувствовал себя вполне сносно, поэтому, облачившись в фартук — своего рода доспехи «домашнего шерифа», — тут же принялся за дело. Хёнджин же, стараясь не обращать внимания на зуд в ухе, присоединился к остальным.

Вскоре по коридорам пополз божественный аромат: Феликс задумал сокрушительный удар по диетам в виде жареного мяса с нежным пюре и хрустящей зеленью. Он виртуозно орудовал ножами, напевая что-то на корейском. В глазах — азарт, в движениях — хирургическая точность. Хёнджин невольно расплылся в улыбке. Забота друзей была тем самым топливом, которое помогало двигаться дальше, даже когда хотелось забиться в угол. *Если к утру не отпустит — точно сдамся медикам,* — пообещал он сам себе.

Ужин прошёл в лучших традициях семейных посиделок: полчаса непрерывного трёпа, подколов и громкого хохота, сотрясавшего стены гостиной. Когда тарелки опустели, Чан и Айен взяли на себя «грязную работу», возвращая кухне божеский вид.

Хёнджин, мечтая смыть с себя усталость и пыль залов, направился в ванную. Полотенце на плече, щетка в руках — стандартный набор для вечернего ритуала. Щёлкнул выключатель, свет ударил по глазам. Разложив принадлежности на краю раковины, он потянулся к крану, чтобы пустить воду... И тут всё пошло по наихудшему сценарию. Стоило ему коснуться ручки, как железка решила, что с неё хватит. Раздался металлический лязг, и кран вырвало с корнем, и ледяной гейзер окатил парня с головы до ног.

Вода пропитала одежду насквозь, пробирая до самых костей. Кожа моментально покрылась мурашками. Хёнджин стоял посреди ванной, а с него в три ручья стекала вода. Секундная пауза, пара крепких выражений — и он схватился за полотенце. Ткань мгновенно потяжелела, впитывая влагу. Кран продолжал изрыгать воду, пусть напор уже и не напоминал Ниагарский водопад.

— Приплыли, — проворчал он, наблюдая, как пол начал скрываться под слоем воды, превращая комнату в филиал городского бассейна. — Идеальный финал дня, ничего не скажешь.

В этот момент в дверном проёме нарисовался Феликс.

— Что за грохот? — поинтересовался он, выгибая бровь.

— Ёнбок?! — Хёнджин выдохнул это имя так, будто увидел привидение, и едва не растянулся на скользком кафеле.

Ликс прищурился, оценивая масштабы локального апокалипсиса. Его физиономия выражала гремучую смесь недоумения и плохо скрываемого веселья. Хёнджин сейчас больше всего напоминал вымокшего хорька: такой же длинный, нелепый и до жалости взъерошенный.

— Я услышал шум и... — Феликс осёкся, поймав на себе взгляд друга. Тот явно намекал, что за любую шутку сейчас можно схлопотать полотенцем по лицу. — Ладно, без шуток. Что тут стряслось? — спросил он, осторожно пробираясь по ещё сухим участкам пола.

Хёнджин неопределённо махнул рукой в сторону изувеченного смесителя, затем с силой выжал полотенце над раковиной — теперь оно напоминало жалкую тряпку — и бросил его на пол, пытаясь преградить путь воде.

— Без понятия... — буркнул он, откидывая мокрые пряди с лица. — Просто хотел принять ванну, а кран... Ну, сам видишь. Сорвало резьбу. Такое чувство, будто у меня в руках проснулась сила Халка. Я же его даже не дёргал особо!

Внимательно изучив повреждения, Феликс нахмурился. Кран был новенький, блестящий, но металл на стыке выглядел так, будто его перегрызли зубами.

— Надо звонить сантехнику, — вынес вердикт Ликс, косясь на подступающую к его ногам воду.

— Обойдёмся, я сам разберусь. Не вздумай записывать меня в белоручки, — отрезал Хёнджин. — Помнишь, где Чан прячет ящик с инструментами? В общежитии вечно всё кочует с места на место.

Феликс вздохнул, качнув головой. Упрямство Хёнджина порой могло соревноваться с бетонной стеной.

— Инструменты... Чан держит их в подвале, в том сером ящике под лестницей. Ключ на крючке у двери, — ответил он, стараясь сохранять дзен, чтобы не доводить и без того взвинченного друга до точки кипения. — Только смотри под ноги, там темень и пыли на три поколения вперёд.

Хёнджин, сверкнув глазами, рванул к выходу.

— Пыль — это мелочи. Я быстро! — донеслось уже из коридора.

Феликс остался в одиночестве, задумчиво созерцая последствия катастрофы. *Сто килограммов силы? Конечно, Хёнджин танцор и атлет, но ведь не терминатор.* Присев на бортик ванны, он наблюдал за расширяющимся пятном на полу, пока его внимание не привлекла тонкая трещина в стене прямо за креплением крана: кафельная плитка пошла паутиной, будто по ней ударили изнутри. Подавшись вперёд, он провёл пальцем по шероховатому шву и тут же поморщился, резко отдёрнув руку — на кончиках пальцев осталось нечто странное.

— Это ещё что за хрень?! — пробормотал он, брезгливо вытирая руку об обрывок тряпки.

Субстанция была чёрной, точно смоль, густой и липкой. От неё исходил неприятный, едва уловимый металлический запах, напоминающий мазут с какой-то едкой примесью. Ликс никогда не видел ничего подобного в этом общежитии. Он снова вгляделся в трещину: узкая, почти незаметная, она уходила глубоко в стену, скрывая в себе запасы этой тёмной дряни. Казалось, жидкость медленно сочится наружу, словно живая ползучая гадость, решившая заявить права на их ванную.

Ликс отшатнулся, чуть не врезавшись спиной в дверной косяк. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица, а перед глазами снова и снова всплывал немой вопрос: *Что это, чёрт возьми, было?* Но стоило Хёнджину ввалиться в ванную, чертыхаясь и волоча за собой тяжеленный ящик с инструментами, как наваждение рассыпалось в прах. Феликс уставился на свои ладони — пальцы мелко дрожали, сжимая мокрую тряпку. Чисто. Никаких следов того, что он только что видел.

— Нашёл! — прохрипел он, с грохотом роняя железный ящик на кафель, так что эхо разлетелось по всему общежитию. — Сейчас устроим этому крану инквизицию.

Засучив рукава с видом заправского механика, Хёнджин вывалил на пол кучу гаечных ключей и отвёрток. Казалось, он готов был объявить войну всей сантехнике Сеула. Феликс, всё ещё не придя в себя, медленно поднял руку и указал на стену:

— Хён... Ты видел эту трещину?

Джинни остолбенел с пассатижами в руке и посмотрел на друга так, словно тот предложил ему съесть тарелку сырых баклажанов.

— Трещину? Какую ещё трещину? — он прищурился, сканируя стену, но та сверкала безупречной чистотой. — Ликс, это новое здание, нас заселили сюда пару недель назад. О чём ты вообще?

Лицо Феликса, обычно светящееся добротой, сейчас напоминало восковую маску. Серьёзность в его глазах пугала.

— Вот здесь. Прямо перед тобой, — он ткнул пальцем в пустоту.

Поднявшись с колен, Хёнджин подошёл к стене и с силой провёл ладонью по глянцевой поверхности, тщательно прощупывая каждый сантиметр. Под пальцами ощущался лишь холодный, идеально ровный кафель.

— Ты уверен? Может, свет так упал? — голос старшего смягчился, в нём проскользнули нотки беспокойства.

Он знал Феликса. Тот не был из тех, кто склонен к галлюцинациям или пустым фантазиям. Австралиец всегда твёрдо стоял на ногах, но сейчас его взгляд был прикован к стене с пугающей интенсивностью.

— Хёнджин, я... Послушай, я не спятил, ладно? Там, в стене, была эта... штука. Она выглядела как... Ну, как смола или очень густой мазут, только... — Ликс запнулся, подбирая слова, и неопределённо повёл рукой в воздухе. — Она была слишком, неестественно чёрной. Понимаешь? И запах... такой странный, тяжёлый. Пахло... железом? Или как в старом гараже, где всё пропиталось отработкой, но с какой-то... кислой примесью.

Нахмурившись, Феликс злился на себя из-за того, что никак не мог подобрать нужных слов.

— Так, ты начинаешь меня пугать, — Хёнджин нервно усмехнулся, но тут же вспомнил про главную проблему. Вода всё ещё хлестала из-под крана. Он рухнул на колени, пытаясь перекрыть вентиль. — Проклятье, ну и тугой же... Весь этот день — сплошной сюрреализм.

Тяжело выдохнув, Феликс потёр лицо ладонями, пытаясь прийти в себя.

— Ладно. Может, у меня просто передоз кофеина и пора на боковую. Глюкануло и прошло.

Хмыкнув, Хёнджин бросил на друга короткий взгляд снизу вверх:

— Поспать — план надёжный, как швейцарские часы. Но раз уж ты здесь, будь другом, помоги мне усмирить этого железного ублюдка. Всё вроде новое, брендовое, а держится на честном слове!

Феликс, взъерошив свои и без того растрёпанные волосы, опустился рядом.

— Чёрт бы его побрал, — прошипел Хёнджин, наконец-то заставив вентиль поддаться. — Эта конструкция — живой памятник тому, как нельзя делать сантехнику. Клянусь, я бы лучше три часа стоял в планке, чем возился с этим... триумфом инженерного маразма.

— Может, дело не в твоей криворукости, а в давлении? — Ликс прищурился, изучая стыки труб. — Смотри, тут же перекося. Гайки с одной стороны затянуты до упора, а с другой — гуляют сами по себе. Конечно, его клинит! На, держи ключ.

Хёнджин, пробурчав что-то неразборчивое, перехватил инструмент. Его пальцы, привыкшие к изящным кистям и карандашам, теперь неуклюже боролись с тяжёлым холодным металлом. Хитросплетение труб и впрямь выглядело так, будто их собирали на спор в полной

темноте. Тем временем Феликс включил фонарик, направляя луч в самые глухие углы под ванной. Его осторожные, выверенные движения резко контрастировали с яростным напором Хёнджина, который с рычанием пытался сдвинуть заклинившую гайку.

— Может, зальём тут всё WD-40? — предложил Ликс, заметив заветный баллончик в недрах ящика.

— Валяй, — отозвался Хён, вытирая лоб тыльной стороной ладони и размазывая по коже техническую грязь. — Если эта штука не поможет, я реально вызову экзорциста... Ну, или нормального слесаря.

Феликс выудил баллончик, прицелился и, выдержав нужный угол, точным коротким пшиком пустил струю смазки в самую глубь резьбы. Хёнджин навалился на ключ всем весом. Металл жалобно лязгнул, и гайка наконец поддалась с характерным, почти победным хрустом.

— Чёрт возьми! — выдохнул Хёнджин, откидывая мешающую прядь волос. — Вечно всё идёт наперекосяк в самый неподходящий момент.

— То, что кран решил устроить фонтан, — это полбеды. Меня больше смущает то, что на стене была трещина, а теперь она исчезла, — Феликс на мгновение задержал взгляд на пустом месте, но тут же переключился. — Ладно, проехали. Глянь, прокладка стёрлась в труху, нужно менять немедленно. И трубы... болтаются, как хвост дворняги.

Снова нырнув в ящик, Феликс принялся перебирать содержимое в поисках ремкомплекта и фум-ленты. Он действовал быстро и чётко: счистил налёт, убрал ошмётки старой резины и слой за слоем намотал герметик с дотошностью криминалиста на месте преступления. Шаг за шагом парень возвращал детали на места, затягивая гайки уверенными, выверенными движениями. Хёнджин замер, наблюдая за этим перформансом с нескрываемым изумлением — он и не подозревал, что за мягким голосом и веснушками скрывается настоящий мастер на все руки.

— А ты в этом шариишь, — признал Хёнджин, когда работа была закончена.

Кран теперь сиял, точно новенький, а вода шла ровной, тихой струёй, без раздражающих рывков и «кашля». Феликс выпрямился, чувствуя приятную усталость в плечах, и довольно хмыкнул.

— Просто не выношу халтуру. Люблю, когда механизмы работают как часы. А теперь, думаю, мы заслужили огромную пиццу и какой-нибудь олдскульный фильм. Что скажешь?

— Идёт! Только сначала ликвидируем последствия нашего «потопа» и эту грязь, которую мы тут развели.

— Тряпки в подсобке? — уточнил Феликс, уже прикидывая маршрут.

— Минхо в прошлый раз проводил там ревизию и всё распахал по полкам, я сам видел! — подтвердил Хён, уже вовсю сгребая лишнюю воду с бортиков раковины.

— Окей, сейчас притащу ведро, — по-деловому отозвался Феликс.

Они в четыре руки быстро собрали разбросанный по полу инвентарь: Хёнджин подхватил разводной ключ и баллончик со смазкой, а Феликс аккуратно уложил на место остатки ремкомплекта. Когда последняя защёлка на крышке сработала, Ликс отнёс потяжелевший ящик в подвал на его законное место и пружинистым шагом направился к кладовой. Дверь недовольно скрипнула, пропуская его внутрь небольшого, но плотно набитого закутка. Полки ломились от чистящих средств и бытовой мелочёвки. Резкий запах хлорки здесь мешался со свежим ароматом дерева — отголоски недавнего ремонта. Феликс быстро выцепил взглядом новенькое ведро и пластиковый контейнер с губками. Выбрав самую мягкую, чтобы не поцарапать кафель, он прихватил стопку чистых тряпок. Минхо явно подошёл к вопросу порядка со всей своей кошачьей педантичностью.

На обратном пути Феликс чуть было не впечатался носом в паркет коридора. Заковыристо выругавшись под нос, он чудом удержал равновесие и всё-таки добрался до ванной. Всузив Хёнджину ведро с тряпкой, он сам засучил рукава и объявил беспорядку войну: принялся

оттирать зеркало, шкафчики и стены, залитые водой. Пока напарник усердно мыл пол, Ликс с азартом наблюдал, как исчезают разводы и пыльный налёт. Они работали как отлаженный механизм — без лишней болтовни, понимая друг друга с полувзгляда. В финале всё сияло: плитка отражала свет, а зеркало сверкало так, будто его только что привезли из магазина.

— Ну всё, теперь в этой ванной можно хоть жить! — выдохнул Хёнджин, устало разгибая спину.

— Только кран больше не мучай, ладно? А то он кряхтит, как дед на завалинке, — ухмыльнулся Феликс, подкалывая друга. — И вообще, свет тутдохлый, как в подсобке придорожной забегаловки в три часа ночи...

Стоило ему потянуться к выключателю и коротко щёлкнуть, как лампа над головой лопнула с оглушительным треском. Хёнджин едва успел отскочить, когда на пол посыпался град острых осколков, а в воздухе запахло палёной проводкой.

— Твою ж напravo! — выкрикнул Феликс, отскакивая к двери. — Вот это фейерверк!

— Ты издеваешься?! Это что, приколотой, Ликс?! — заорал Хён, глядя на него так, будто его только что пытались принести в жертву обстоятельствам.

— Да я пальцем ничего не трогал! — возмутился Ликс, лихорадочно выуживая телефон и включая фонарик. — Клянусь, я тут ни при чём!

Холодный луч прорезал полумрак ванной, выхватывая из темноты танцующие пылинки. Пол был усеян стеклянным крошечком, которое в свете диода переливалось не хуже фанатских лайтстиков. Хёнджин замер в углу, прижимая руки к груди и заметно подрагивая. К счастью, обошлось без крови, но лицо его выражало крайнюю степень экзистенциального кризиса. Феликс, мгновенно растеряв весь свой задор, подскочил к другу, осматривая его на предмет лишних «дырок» в одежде или коже.

— Ты цел? — спросил он уже без тени иронии, заглядывая другу в глаза.

— Просто... испугался до чёртиков, — прошептал Хёнджин, не сводя глаз с пустого патрона. — Но купание отменяется. Что это за чертовщина?

— Без понятия. Главное, чтобы пробки не выбило, а то Чан нас...

Договорить он не успел. В дверном проёме, точно грозовая туча, материализовался Чан. Судя по лицу, лидер был настроен на что угодно, только не на мирные переговоры.

— Что за балаган? — ледяным тоном осведомился он. — Вы решили устроить тут ночной дебош или соревнуетесь, кто эффектнее разнесёт общагу?

— Хёнджин, твой выход! — взмолился Феликс, технично прячась за спину товарища и используя его как живой щит от праведного гнева лидера.

Сверля их тяжёлым взглядом, Чан направил на парней свет своего телефона. В этом беспощадном сиянии бледность Хёнджина и виноватая мина Феликса смотрелись особенно эпично.

— Я... я случайно свернул кран... — начал лепетать Хёнджин. — Ликс помог всё убрать. А потом он просто щёлкнул выключателем, и оно ка-а-ак бахнет!

— Кран?! — голос Чана упал до пугающего баритона, вибрируя в тесном коридоре общегития. Это был звук надвигающейся катастрофы, не сулящий ничего хорошего.

Свет от экрана подчёркивал резкие линии лица лидера, превращая его в сурового шерифа, у которого выдалась чертовски паршивая смена. Хёнджин инстинктивно втянул голову в плечи. Феликс же, напротив, замер в нелепой надежде на чудо — вдруг весь этот кошмар испарится, как плохой спецэффект в бюджетном кино.

— Да, хён! — пискнул Феликс, стараясь казаться меньше комнатной пыли. — Чистая правда!

Чан шумно выдохнул, пытаясь обуздать закипающее раздражение. Перед ним стояли не мировые звёзды, а два ходячих стихийных бедствия, вечно попадающих в нелепые переделки. Увидев их перепуганные глаза и искреннее раскаяние, он заметно обмяк.

— Ладно, — буркнул лидер, устало потирая переносицу. — Соберите осколки так, чтобы утром никто не поехал в травмпункт. Айен и Сынмин уже в отключке, так что не вздумайте шуметь. Уяснили?

— Да, хён! — хором выдохнули «преступники», чувствуя, как петля на шее ослабла.

Развернувшись к своей комнате, Чан всерьёз задумался, не пора ли обить все углы в доме поролоном. Его «детёныши» обладали талантом находить неприятности на ровном месте — того и гляди, кто-нибудь решит проверить розетку на вкус.

После того странного инцидента, когда Хёнджин внезапно проявил мощь гидравлического пресса и свернул стальной кран, а Феликс одним касанием к выключателю устроил тотальный блэкаут в электросети, спокойные будни Stray Kids дали трещину. И это было только начало.

Понедельник, 1:24 ночи.

Хёнджин

Хёнджин переступил порог комнаты и замер. Чутьё, натренированное годами жизни в безумном ритме, мгновенно подало сигнал тревоги: в его личном пространстве кто-то навёл свои порядки. Главная потеря обнаружилась в ту же секунду — любимый скетчбук, верный спутник в перелётах и за кулисами, просто испарился.

— Великолепно, — проворчал он, оглядывая комнату взглядом заправского детектива. Внутри закипало раздражение вперемешку с беспокойством. — Решил поиграть в невидимку, или кто-то из парней всё же приделал тебе ноги?

Выдвинув ящик, где обычно хранились старые наброски, Хёнджин привычно перебирал листы, пока пальцы не наткнулись на нечто... чужеродное. Посреди знакомых работ скалилась мерзкая мазня. Хмураясь, он пытался вспомнить хоть что-то, но память выдавала «ошибку 404»: ничего подобного он раньше не создавал. Существо выглядело пугающе: огромные глаза, частокол острых зубов и крылья, напоминавшие сгустки едкого чёрного дыма, занимали почти всё пространство листа. Долго сверля взглядом бумагу, он пытался выудить из памяти хотя бы отрывок того, как его рука выводит этот кошмар, но в мыслях царил лишь тревожный вакуум.

По спине пробежал неприятный холодок. Его стиль — это эстетика, мягкие линии, воздушные акварельные пятна, портреты мемберов или сонные пейзажи Сеула. А это художество отдавало чистым безумием. Тяжёлые, агрессивные штрихи, атмосфера беспричинной тревоги — рисунок буквально давил на психику. Он судорожно перевернул страницу, надеясь найти объяснение или хотя бы записку от Чанбина в духе «я просто пошутил». Глухо. Следующий лист — девственно чист. Ещё один — та же история.

С грохотом задвинув ящик, Хёнджин почувствовал, как сердце бешено колотится о рёбра. Куда делся скетчбук? И какой шутник решил оставить ему такой «подарок»?

— Дела-а... — выдохнул он в пустоту, ощущая, как внутри всё стягивается в тугой узел недоумения.

Вторник, 2:35 ночи.

Феликс

Феликс сгорбился над столом, вымучивая текст новой песни. Строчки лезли из головы неохотно, но он продолжал тихо напевать их под нос, стараясь не разбудить остальных мемберов. Единственным союзником в этой ночной смене была тусклая настольная лампа, выхва-

тывающая из темноты край блокнота. Внезапно из вязкого мрака за спиной выплыл силный шёпот — искажённое эхо, от которого волосы на загривке встали дыбом:

— Фе...ликс... Фе...ликс...

Парень нахмурился, вскинул брови и замер, затаив дыхание. Галлюцинация? Сквозняк? Он попытался списать это на гул в ушах от вечного недосыпа и снова уткнулся в строки. Но зов повторился — на этот раз чётче, настойчивее, прямо над самым ухом:

— Фе...ликс... Фел...икс...

Либо я окончательно поплыл, либо в этой комнате есть кто-то ещё.

Он резко обернулся, сорвавшись на крик неожиданно для самого себя:

— Кто здесь?!

Тишина в ответ стала почти осязаемой. Прождав пару секунд, он выдавил из себя остатки скепсиса:

— Хёнджин, завязывай! Твои приколы — полный отстой!

Решив покончить с этим, Феликс рывком поднялся, подошёл к двери и распахнул её так, будто собирался выбить из кого-то дурь. Но за порогом его ждал лишь пустой коридор общежития, залитый тусклым, болезненным светом дежурных ламп.

— Что за чертовщина...

Феликс прищурился, сканируя темноту. Внутри всё неприятно сжалось, а воздух в коридоре вдруг стал ледяным, как в старом подвале. Взгляд зацепился за странное марево в паре метров от него. Это определённо не было человеком. Прозрачный, едва уловимый силуэт завис в воздухе, не шевелясь, но Ликс кожей чувствовал — на него смотрят. Секунды тянулись, превращаясь в странную игру в гляделки с пустотой, где ставкой был его рассудок. Он зажмурился на мгновение, надеясь, что морок развеется, но холод, пробирающий до костей, никуда не делся. Страх вперемешку с диким любопытством парализовали волю, но здравый смысл вопил: «Беги!».

Холодная волна окатила с ног до головы. Феликс резко развернулся, влетел в комнату и с грохотом захлопнул дверь. Щелчок замка прозвучал как финальный аккорд, превращая спальню в подобие хлипкого бункера. Тишина стала гнетущей, а собственное дыхание теперь напоминало шум турбин самолёта.

Мысли спутались в один грязный узел. Всё происходящее отдавало сюрреализмом, заставляя сомневаться в собственной адекватности. В памяти всплыл недавний случай в ванной: тогда он заметил какое-то тёмное пятно, странную пульсирующую дрянь прямо у крана. Списал на галлюцинации от усталости, ведь как только пришёл Хёнджин, всё испарилось без следа. Феликс опустился на кровать, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

— Поздравляю, Ликс. Либо ты вляпался в скверную историю, либо твой следующий камбэк пройдёт в палате с мягкими стенами.

Но интуиция подсказывала: рассудок в норме. Это дерьмо происходило наяву. В груди клокотала смесь страха и острого желания вырваться из липкого оцепенения. Он резко вскочил и принялся лихорадочно рыться в рюкзаке. Пальцы наткнулись на небольшую баночку. Точно, он таскал с собой обычную соль — кто-то из стаффа просил передать её, чтобы отстирать испачканное на съёмках клипа худы. В голове щёлкнуло: *разве соль не считается универсальным средством против всякой нечисти?* Призрак это был или просто плод воображения — плевать.

Заминка длилась секунду. Ликс метнулся к двери и сыпанул белые кристаллы под порог, но тут же осознал: *этого мало... Чёрт с ней, с логикой. Нужно соорудить защитный периметр.* Он осторожно рассыпал соль вокруг себя, образуя ровный круг, сел в самом центре и сжал в кулаке остатки — импровизированный амулет. Сердце колотилось где-то в горле, внутренности трясло, но пришло странное чувство контроля. Пусть такая защита выглядела по-дет-

ски, Феликс был уверен: если эти кошмары реальны, так он выгрызет себе хотя бы пару минут покоя.

Утро принесло с собой спасительный свет, но не облегчение. Около десяти часов общежитие уже жило привычной шумной жизнью: парни возились на кухне, обсуждали планы, перекидывались шутками. Только Ликса не было. Чан, заметив пустующее место за столом, нахмурился:

— Странно. Ликс обычно первым прибегает на запах еды. Где его носит?

Мемберы переглянулись, в воздухе повисло лёгкое напряжение. Чанбин негромко буркнул:

— Может, приболел? Совсем заездили парня на репетициях.

— Пойду проверю, — бросил Хёнджин, поднимаясь со стула и направляясь к лестнице на второй этаж.

Добравшись до нужной двери, он дёрнул ручку — заперто. Хёнджин постучал костяшками, стараясь придать голосу уверенности:

— Феликс, эй! Ты там? Всё путём?

Тишина. Лишь глухое эхо его собственного вопроса гуляло по коридору. Хёнджин ударил по дереву сильнее, добавив нетерпеливо:

— Ликс, открой! Не смешно.

Снова ни звука. Сердце Хёнджина пустилось вскачь. В голове прокручивались паршивые сценарии: от внезапного обморока до чего-то посерьёзнее. И тут из-за двери донёсся едва уловимый шорох — точно кто-то тяжело вздохнул или сдвинулся с места. Хван замер, вслушиваясь в каждое движение.

— Феликс? — уже мягче позвал он, прислонившись лбом к косяку. — Всё в порядке? Отзовись.

Эта минута растянулась в вечность, пока за дверью наконец не послышались медленные, шаркающие шаги. Хёнджин инстинктивно отступил на полшага, когда замок щёлкнул и дверь нехотя приоткрылась. Феликс выглядел так, будто провёл ночь в окопах: лицо бледное, под глазами залегли тени, взгляд затуманенный.

— Хёнджин... — голос Феликса сорвался на шёпот. — Я видел это. Снова.

— Что именно? — Хван подался вперёд, заглядывая в комнату, где на полу белели странные солевые дорожки.

Тяжело вздохнув, Феликс произнёс слова так, будто вернулся с того света:

— Там, в коридоре. Что-то было... В общем, забудь. Очередной глюк от недосыпа.

Сверля друга подозрительным взглядом, Хёнджин кожей чувствовал: дело пахнет чем-то посерьёзнее обычных ночных кошмаров. Пока он пытался подобрать слова, Феликс небрежно мазнул рукой по щеке и выдавил ту самую улыбку «всё пучком», за которой обычно прячут дикое желание вырубиться прямо на месте.

— Не грузись, Джинни. Всё ровно. Просто перебрал с тренировками, с кем не бывает. В коридоре пусто, обычные игры разума на фоне усталости.

— Ну да, конечно, — Хёнджин старался сохранять голос ровным, хотя внутри всё зудело от беспокойства. — Рассказывай сказки. А приправа на паркете — это новый тренд или ты решил замариновать наше общежитие? Почему у тебя везде рассыпана соль?

Феликс усмехнулся так, будто этот вопрос был верхом остроумия.

— Оценил, да? — отозвался он с едкой иронией. — Мой персональный метод борьбы с незваными гостями из подсознания.

Хёнджин нахмурился, не оценив юмора.

— Хорошо паясничать, Ликс. Что ты там на самом деле разглядел? У тебя вид такой, будто ты трое суток не спал, а потом тебя ещё и грузовиком переехали.

Выдохнув, Феликс слегка прищурился, глядя куда-то сквозь стену.

— Если честно, я уже сам не вдуплюю. Мелькнула какая-то тень... Или мозг решил устроить пранк. Пересмотрел хорроров на ночь. Но, знаешь, интуиция вопит, что это не просто глюк. И соль тут лежит не ради красоты.

— То есть ты всерьёз думаешь, что в нашем общежитии завёлся кто-то лишний? — спросил Хёнджин, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

Феликс пожал плечами, сохраняя маску напускной невозмутимости.

— Слушай, если это галлюцинация, то она чертовски настойчивая и явно хочет поиграть в прятки. А если нет... ну, тогда наше новое общежитие официально получает звание самого стрёмного места в Сеуле.

Хёнджин окинул взглядом комнату. Их новое жильё выглядело абсолютно стандартным — обычная обитель айдолов. Ничего подозрительного, за исключением одного факта: странности преследовали исключительно их двоих.

— Окей, — отрезал он. — Давай на всякий случай соберём что-то вроде «антистрессового набора» на случай, если крыша поедет окончательно. И запомни: если эта тень решит материализоваться, не вздумай звать её на чай. Сразу ори мне или ребятам. Мы команда или где?

Уголки губ Феликса дрогнули в искренней улыбке, хотя взгляд оставался напряжённым.

— Договорились. Но учти: если оно со мной заговорит, я официально меняю профессию. Уйду в охотники за привидениями, там график свободнее.

Оба негромко рассмеялись, хотя в этом смехе сквозила отчётливая нервозность. В этот момент до них дошло: пока они прикрывают друг другу спины, неважно, что бродит в темноте коридоров. А пока они могут над этим стебаться — они в игре.

Среда, 3:15 ночи.

Хёнджин

Жажда — штука паршивая, особенно в три часа ночи, когда горло напоминает пустыню Атакама. Хёнджин забыл прихватить бутылку воды из холодильника, а плестись на кухню в такой час — затея сомнительная. Диета и строгие запреты менеджеров на сахар шептали: «Вернись в кровать», но желание глотнуть ледяной газировки пересилило здравый смысл. В конце концов, в это время суток мир всегда кажется чертовски странным, так почему бы не добавить в него немного вредного сиропа?

Парни давно видели десятый сон. Хёнджин выбрался из-под одеяла, чувствуя, как ночная прохлада общаги кусает за лодыжки. Он включил фонарик, и узкий луч света вспорол мрак, выхватывая углы стен и закрытые двери спален. После баек Ликса о «каких-то странных тенях» паранойя медленно, но верно запускала когти под кожу.

Хёнджин двигался крадучись, стараясь не разбудить мемберов и не вписаться лбом в косяк. Каждый шаг отдавался звоном в ушах, а по затылку пополз противный холодок, заставляя волосы на шее встать дыбом. Кухня встретила его натруженным гулом холодильника. Хён осторожно потянул дверцу, и стерильный белый свет залил помещение, на мгновение ослепив. Он уже предвкушал первый глоток, как вдруг... боковым зрением заметил, что дверца шкафчика медленно открывается. Без скрипа, без лишнего шума — просто плавное движение, будто невидимый гость решил проверить запасы печенья.

Сердце его сделало сальто и ушло куда-то в район тапочек. Кровь зашумела в ушах.

Шикарно. Сейчас я тут устрою лузгу, а завтра пацаны будут гадать, откуда в общаге взялось амбре скунса.

Спустя вечность он шумно выдохнул, пытаясь унять дрожь в коленях.

— Сквозняк. Чистой воды физика, — пробормотал он, хотя в помещении не шелохнулась даже занавеска. — Так, Хёнджин, соберись, тряпка! Либо у меня окончательно поехала кукуха от недосыпа, либо кто-то из парней решил, что я слишком расслабился. Лино, придурок, если это твои шуточки, я скорблю твои пудинги котам!

Он резким движением захлопнул шкаф, едва не прищемив пальцы, и потрянул головой, отгоняя липкое чувство тревоги. Внутри всё ещё всё сжималось, но отступить было поздно — вода сама себя не выпьет. Пока что в этой битве с тишиной он вёл со счётом 1:0. Ну, почти.

Четверг, 2:20 ночи.

Феликс

— Фе... ликс... Фе... ликс-и... Фе... ликс...

Феликс чувствовал себя так, будто по нему на полном ходу проехала «Импала» 67-го года, а потом водитель решил сдать назад для верности. Голова гудела, а вкрадчивый, маслянистый шёпот ввинчивался в виски похлеще сломанного радио в дешёвом мотеле.

— Послушай меня внимательно, кто бы ты ни был... — прохрипел он в подушку, даже не думая разлеплять веки. — Я сейчас не в настроении для спиритических сеансов. Хочешь поболтать — записывайся на приём после утреннего чекапа. У меня randevu с подушкой, и лишние рожи в этой комнате не приветствуются. Исчезни.

Он резко отмахнулся от невидимого раздражителя, перекатившись на другой бок. Феликс отчаянно пытался стряхнуть вязкие остатки наваждения, мечтая лишь об одном — провалиться в спасительное забытие. Хотелось верить, что навязчивый голос — всего лишь побочка от шестнадцатичасового прогона хореографии и литров американо, а не начало очередного безумия. Натянув одеяло до самого носа, он заставил себя отключиться, надеясь, что к утру мозг перестанет подкидывать такие дешёвые фокусы.

Пятница, 7:15.

Хёнджин

Хёнджин провалился в такой тягучий и оморочный сон, что реальность по сравнению с ним казалась жалкой декорацией. Его занесло в какое-то богом забытое захолустье семнадцатого века: туман стелился по земле, скрывая тайны, от которых за версту несло могильным холодом. Под ногами хлюпала жирная иссиня-чёрная грязь, перемешанная с прелой листвой, а над головой нависало небо цвета запёкшейся крови, едва проглядывающее сквозь скелетообразные ветви исполинских дубов. Воздух, тяжёлый и сырой, обжигал лёгкие при каждом вдохе, отдавая привкусом железа и застоявшейся воды. Он чувствовал непривычную тяжесть своего облачения: грубая кожа плаща неприятно холодила плечи, металлические застёжки на груди тихо позвякивали в такт рваному дыханию. Потёртые сапоги сжимали ступни. Пальцы перебирали вычурные кольца эпохи Ренессанса. Каждое движение сковывал тяжёлый бархат камзола, расшитый узорами, напоминающими хищные лозы.

Впереди, за пеленой мглы, чернела чаща, где в тених копошились жуткие твари. В руках он сжимал увесистую рукоять длинного хлыста. Твари шипели и скалились, но Хёнджин не чувствовал страха — только холодную уверенность. Он не был добычей. Он был тем, кто вышел на охоту. Каждый взмах оружия отзывался в руке приятной тяжестью. Глаза монстров полыхали алым, напоминая отсветы адского пламени.

Мир вокруг буквально сочился злобой. Тьма дышала в затылок, прижимая к краю пропасти. В момент, когда финал казался предрешённым, Хёнджин вложил все силы в последний сокрушительный удар — и рухнул в реальность.

Он подскочил на кровати, задыхаясь. На электронных часах на тумбочке высвечивалось 7:15 — цифры резали глаза едким неоновым светом. Грудную клетку распирало от бешеных толчков крови. Первый выдох принёс облегчение: *Фух, родные стены, знакомая спальня*. Но следом накрыла липкая, как дёготь, тревога. Солнечный свет, пробивающийся сквозь шторы, слепил глаза и казался слишком наглым и неуместным после того мрачного леса. Ледяной пот катился по вискам, пропитывая дорожную шёлковую пижаму. В ушах всё ещё стоял призрачный рык, а ладонь зудела, помня фактуру фантомной рукояти.

На постели — хаос из смятых простыней. Хёнджин медленно сполз на пол: ноги слушались плохо, голова шла кругом. Сон не желал отпускать, прокручиваясь перед глазами, как заевшая киноплёнка: хоррор в 4К, пугающе детальный и живой. Хван посмотрел на ладони: они дрожали. Комната, заполненная привычными вещами — брендовой одеждой, эскизами и флаконами парфюма, — вдруг показалась чужой. В нос ударил резкий запах гнилой листвы и сырой земли, а в теле всё ещё отдавалось эхо воображаемых взмахов хлыста.

Подойдя к окну, он прижал ладонь к холодному стеклу, почти вжимаясь в него лбом. Прозрачная преграда отделяла его от привычного мира: серого бетона, сочной зелени деревьев и редких машин, спешащих по своим делам в это раннее утро. Никакой чертовщины. Ледяная поверхность обжигала кожу, помогая вытеснить фантомные запахи, но внутри всё равно зудело предчувствие беды. Хёнджин всматривался в собственное отражение, наложившееся на панораму города, и видел в своих глазах страх, заставляющий мышцы каменеть.

Ванная встретила его холодным блеском кафеля. Ополоснув лицо ледяной водой, он долго пытался узнать своё отражение. Перед ним был всё тот же айдол, тот же визуальный центр группы, но в глубине зрачков по-прежнему металась тень семнадцатого века. Страх не уходил — он лишь трансформировался в глухое, тягучее беспокойство. Сборы в агентство прошли как в тумане. Натянув первое, что попало под руку — безразмерное худи и широкие брюки, — Хёнджин покинул комнату. Коридор общежития казался слишком узким, а тишина — давящей, свойственной лишь этому предрассветному часу. Быстрым шагом он направился к Феликсу: только этот парень мог выслушать любой бред и не покрутить пальцем у виска. На выходе по плечу снова мазнуло холодом, будто коснулась невидимая тень.

Просто нервы, ничего больше.

Он уже занёс руку, чтобы постучать, как вдруг дверь распахнулась — Ликс как раз собирался выходить. Хёнджин среагировал молниеносно и затолкнул друга обратно в комнату.

— Стой, притормози на секунду!

— О боги, — картинно выдохнул Феликс, едва не выронив телефон от неожиданности. — Ты мне чуть инфаркт не обеспечил!

Замахав руками, словно режиссёр на съёмочной площадке, требующий больше драмы, Феликс отступил на шаг. Он прищурился, сканируя взбудораженного Хёна.

— Ты чего такой дёрганный? Куда несёшься? Нажми уже на «паузу», а то искрить начнёшь.

— Оп, — Хёнджин с кривой ухмылкой ткнул пальцем в воздух, имитируя нажатие кнопки. — Нажал. Полегчало?

Феликс, заметив, что за иронией друга скрывается натянутая струна, не выдержал и рассмеялся — тем самым фирменным смехом, который всегда работал лучше любого успокоительного.

— Ладно, — Хёнджин отмахнулся и уже без тени иронии добавил: — Ты же знаешь, я не из тех, кто впадает в истерику на ровном месте. Но тут какая-то паршивая чертовщина, и мне нужно докопаться до сути.

— Окей, детектив, и что же тебя так перепало? — Феликс прислонился к стене, внимательно разглядывая друга.

Хёнджин вывалил всё как на духу, стараясь не упустить ни одной детали своего ночного кошмара.

— Так, стоп... Давай по новой. Ты хочешь сказать, что видел себя в каком-то дремучем Средневековье, обвешанным оружием и кромсающим тварей? Чистой воды фэнтези-хоррор?

— В том-то и дело. Ощущение такое, будто я там не просто мимо проходил, а жил годами. Всё... слишком осязаемое.

— Ага, всё ясно. Значит, следующий этап — ты заказываешь себе латы и начинаешь гонять стафф по этажам с криками, что ты рыцарь семнадцатого века?

— Не паясничай, Ликс. Всё было слишком реально... Кожа горела, адреналин зашкаливал. Я чувствовал себя на грани — там, где жизнь встречается со смертью и они жмут друг другу руки.

— Ладно, извини... — Феликс посерьёзней, его голос стал тише. — Это паршиво и, честно, звучит как бред. Напоминает чью-то злую шутку над нашими нервами.

— «Паршиво» — не то слово... Знаешь, я там заприметил один символ. Герб на щите или что-то в этом роде. Я его сто процентов где-то уже видел... — пробормотал Хёнджин, потирая виски.

— Помнишь, как он выглядел? — вкрадчиво спросил Феликс.

— Да, точно! Сейчас... — Хёнджин лихорадочно рылся в памяти, вылавливая обрывки сна. — Представь щит. Чёрный, глубокого оттенка, как пустота в подземельях старого храма. На нём выбит крест, вписанный в массивную арку. Золото по краям не сияет — оно старое, потемневшее, испещрённое трещинами. Завитки узора похожи на языки пламени, но в то же время в них угадывается оскал зверя, охраняющего тайну.

Схватив со стола Ликса листок и карандаш, Хёнджин принялся быстрыми, резкими штрихами набрасывать эскиз.

— Арка. Крест не тонкий, а плотный, тяжёлый — настоящий символ клятвы. Края щита обиты бронзой с грубыми заклёпками. Этот герб не кричит о славе. Он шепчет: «Я выстоял. Я сохранил».

Феликс, наблюдавший за лихорадочной работой друга с изрядной долей скепсиса, вдруг резко выпрямился. Уверенность в голосе Хёнджина, эта отчаянная, почти болезненная отдача заставили сомнения испариться, оставив после себя лишь липкую тревогу.

— Герб, значит... Допустим. И как же ты... справлялся с теми существами? — спросил Феликс, тщетно пытаясь скрыть дрожь в голосе.

— У меня был хлыст, — Хёнджин сделал резкое движение рукой, словно рассекая воздух невидимым оружием. — Тяжёлый, из какого-то особого сплава, с гранёным металлическим наконечником. Я каждой клеткой чувствовал вибрацию от ударов по плоти. Я их кромсал. Кровь была настоящей. Медный привкус на языке, едкий запах... — он замолк, побледнев.

— погоди, ты хочешь сказать, что физически ощущал весь этот кошмар? — Феликс округлил глаза, не в силах поверить в услышанное.

Хёнджин лишь молча кивнул, закрывая глаза. Его дыхание стало рваным, прерывистым.

— Я помню сырую землю под сапогами, ледяной камень... обломки какого-то древнего строения. Кругом разруха, всё поросло мхом и склизкой плесенью.

Стены общежития будто начали давить, комната стала невыносимо тесной. Феликс сжал плечо друга, пытаясь вернуть его в реальность.

— Послушай, — выдавил он, изо всех сил сохраняя напускное спокойствие. — Сходи к мозгоправу, пока не съехал в канаву! Серьёзно, чел. Может, это переутомление или дикий недосып из-за графика... Специалист быстро вправит шестерёнки.

— Забудь, — Хёнджин резко дёрнулся в сторону. Его взгляд пригвоздил Феликса к месту — пугающе трезвый, сфокусированный. — Дело не в графике. Тут что-то другое. Я кожей чувствую. У нас есть сорок восемь часов... Давай дотянем до понедельника, а там решим?

— Ладно, допустим. Кроме нас двоих, этот бред всё равно никто не видит... — Феликс сдвинул брови, в его голосе металл перемешался с плохо скрытой тревогой. — Но камбэк

уже на носу, не тупи! Мы не можем выйти к фанатам в таком состоянии. Как мы вывезем хореографию, если едва на ногах стоим?

Взгляд Хёнджина, обычно напоминавший глубокий тёмный шоколад, сейчас померк, а глаза стали похожими на выцветший на солнце агат. На лице мелькнула горькая усмешка.

— Ликс, — прошелестел он, — ты серьёзно думаешь, что наша главная беда — это танцы и новый альбом? Правда? Мы видим... «это», а тебя волнует наш внешний вид в кадре?

Феликс уставился в пол, нервно переплетая пальцы. Крыть было нечем — Хёнджин бил в самую цель. Но страх перед провалом группы давил не меньше неизвестности. Они вкалывали как проклятые, и теперь, на финишной прямой, всё начало трещать по швам. Сначала по мелочи: вещи не на своих местах, навязчивое ощущение чужого взгляда в пустой комнате, холод, пробирающий до костей... Шёпоты, тени, мелькающие на периферии зрения. Или они оба просто сошли с ума от нагрузок?

— Я... просто пытаюсь быть реалистом, — пробормотал Феликс, и его голос предательски дрогнул.

— Два дня, — отчеканил Хёнджин приглушённым, севшим голосом. — Ровно сорок восемь часов до того, как всё вскроется. Я это нутром чую... Это... «присутствие». Кто-то дышит нам в спину. Кто-то... ждёт своего часа.

По спине пробежал ледяной разряд, и Феликс судорожно сглотнул: он никогда не видел Хёнджина таким. Привычная мягкость и дурашливые шутки исчезли, сменившись мрачной решимостью и жуткой, колючей искрой в зрачках.

Суббота, 1:20 ночи. **Феликс & Хёнджин**

Ликс и Джинни оккупировали гостиную, полностью растворившись в синеватом сиянии экрана макбука. Парни из рэп-лайна пытались довести до ума свежий текст, попутно прогоняя партию демки, набросанную Чанбином. В воздухе висело ощутимое напряжение: дедлайны горели ярче, чем софиты на сцене.

— Слушай, здесь ритм спотыкается, — Феликс прищурился, пытаясь разобрать мелкий шрифт на экране. — Нужно подтянуть хвосты, иначе на записи выдохнемся...

Договорить он не успел. Напольная лампа, стоявшая в углу, внезапно выдала серию нервных вспышек и окончательно погасла. В ту же секунду экран ноутбука жалобно мигнул и тоже потух — за работой они совсем забыли проверить уровень заряда. Пространство мгновенно погрузилось в густой, как смола, мрак.

— Какого чёрта? — процедил Хёнджин, пытаясь рассмотреть хоть что-то дальше собственного носа.

— Похоже, мы перешли на бонусный уровень, только мануал нам не завезли, — Феликс вслепую дополз до выключателя, но щелчки пластика не принесли результата. — Походу, электричество сказало «прощай».

— Может, просто сеть не выдержала нашего гениального флюу? — предположил Хёнджин, на ощупь выуживая смартфон.

Яркий свет экрана полоснул по глазам. На часах — 1:20 ночи. Никаких уведомлений о плановых работах или авариях в районе. Ликс, чьи глаза на удивление быстро адаптировались к темноте, подошёл к окну. За стеклом Сеул продолжал подмигивать неоном, значит, эта «чертовщина» носила сугубо локальный характер. Тем временем Хён откопал на полке свечи и спички, удачно подвернувшиеся под руку. Крохотный язычок пламени тут же разогнал мрак, заливая пространство тёплым, дрожащим светом. Они устроились на диване, поставив свечу

на кофейный столик. Теперь мир сузился до небольшого освещённого пятка, окружённого уютными тенями.

— А вдруг это проделки какого-нибудь полтергейста? — с кривой ухмылкой прошептал Ликс, наблюдая за пляской теней на стене.

Хёнджин только скептически повёл плечом.

— Не исключено. Хотя, — он задумчиво потёр подбородок, — обычно эти ребята не так практичны. Предпочитают спецэффекты покруче: летающие вазы, хлопающие двери или, ну не знаю, грянули бы на пианино «Рапсодию в стиле блюз». А тут просто вырубили свет. Слишком скучный сценарий для потустороннего гостя, не находишь?

Тихий смешок вырвался у Феликса.

— Твоя правда. Но знаешь, после всего увиденного я сомневаюсь, что это просто глюки системы. Твои сны, эти странные предчувствия... Всё это выбивает почву из-под ног. Я просто не вдупляю, что за аномалия тут обосновалась, но больше всего бесит, что остальные живут как ни в чём не бывало. Минхо ни разу не заикнулся о странном шёпоте или скрежете в стенах. Джисон не падает в панике, увидев призрачные силуэты в коридоре! — Ликс тяжело вздохнул, мгновенно осунувшись в лице. — Может, мы реально накрутили себя? Или это какая-то затянутая шутка судьбы. Знаешь, мне осточертело играть в детектива без единой внятной улики. Мы словно топчемся на месте в этой темноте.

Глядя в пустоту, Хёнджин на мгновение завис.

— А что, если это не призраки? — медленно произнёс он. — Вдруг какая-то невидимая сила просто проверяет нас на прочность? Хочет посмотреть, не сорвёмся ли мы, когда вокруг начнёт твориться полная неразбериха. Что ж, если это тест, то мы его пройдем. В конце концов, мы и не из таких передраг выбирались.

Феликс прищурился, вглядываясь в лицо друга.

— Или у нас просто кукуха поехала от бесконечных репетиций и недосыпа, — он выдавил ухмылку, хотя взгляд оставался предельно серьёзным. — Одно знаю точно: случайностями тут и не пахнет. У меня паршивое предчувствие, Хён. Кажется, мы во что-то вляпались по самые уши.

В ответ Хёнджин хрипло хохотнул, качая головой.

— Нас послушать — чистой воды клиника. Сами не верим в то, что несём.

— А какие варианты? — Ликс с вызовом посмотрел на друга. — Либо завалиться спать и надеяться, что это коллективный глюк, либо признать: нам устроили квест на выживание. Я за любой кипиш, лишь бы не тащиться на съёмки к пяти утра. Это куда страшнее любого полтергейста.

Хёнджин коротко хмыкнул, отстраняясь от спинки дивана.

— Короче, я в отруб, раз свет сдох. Щиток подождёт до утра, нечего там ковыряться впотьмах. Не хватало ещё, чтобы током приложило.

Лениво махнув рукой, Феликс бросил вдогонку:

— Ага, и прихвати пачку соли на всякий пожарный. Если к тебе в комнату заглянет незваный гость — ори погромче. Я уже на низком старте, помирать от инфаркта в мои планы не входит.

Скептически вскинув бровь, Хёнджин замер в дверном проёме.

— Соль? Серьёзно? Ты реально думаешь, что эта приправа спасёт твою задницу от бабайки?

Феликс лишь ухмыльнулся в ответ.

— Ага, классика жанра. Вроде как оберег от всякой мути.

Хёнджин, чья улыбка стала ещё шире, покачал головой.

— И где ты этой ереси нахватался? Пересмотрел дешёвых хорроров в самолётах или решил удариться в городские легенды?

Сохраняя невозмутимость дзен-мастера, Феликс пожал плечами.

— Называй это интуицией. Мне спокойнее думать, что соль — магический щит, а не просто добавка к недожаренному стейку.

После этого короткого сеанса «экзорцизма на минималках» парни разошлись. Общежитие Stray Kids постепенно погружалось в густую ночную тишину. Хёнджин, всё ещё посмеиваясь над суеверием друга, зашёл в свою комнату и провернул ключ в замке.

— Ну да, соль — идея на миллион, — пробормотал он под нос. — Если призраки реально боятся специй, я могу накормить целую армию нежити до смерти.

Сменив дизайнерскую одежду на уютную пижаму, он первым делом проверил, заряжен ли телефон. Для них связь — это всё. Мало ли: вдруг придётся экстренно спасать Ликса от воображаемых монстров или, что куда вероятнее, выслушивать жалобы на подозрительный скрип половиц. Вооружившись увесистым томом по истории корейского искусства, Хён нырнул под одеяло.

В общежитии воцарилось странное безмолвие. Обычно даже в три часа ночи жизнь здесь была ключом: кто-то шуршал упаковками снеков на кухне, кто-то залипал в YouTube, а по коридору раздавалась тяжёлая, уверенная поступь Чанбина. Но сегодня тишина казалась почти осязаемой, вакуумной.

Хёнджин уже собирался ложиться спать, когда из-под кровати донеслось подозрительное шуршание. Сердце тут же пустилось в галоп, выбивая рваный ритм в грудной клетке. Звук повторился, став отчетливее: некто настойчиво скребся по паркету, словно там копошился голодный греmlin. Он замер на мгновение, а затем медленно, стараясь не выдать себя ни единым вздохом, отложил книгу и потянулся к смартфону. Осторожно сполз на пол, прижавшись щекой к прохладному дереву; пальцы едва заметно дрожали, пока он нащупывал кнопку фонарика, чтобы направить луч в пыльную бездну под кроватью.

В круге света мелькнул пушистый рыжий хвост. Сунни! Любимец Минхо, этот пушистый «агент хаоса» каким-то образом умудрился просочиться в комнату.

— Господи, напугал до усрачки, дружище... — Хёнджин выдохнул, чувствуя, как адреналин медленно отступает. — Как ты вообще сюда влез?

Страх моментально улетучился, уступив место искреннему недоумению. Одной рукой подсвечивая путь, второй Хёнджин аккуратно выудил «преступника» из его убежища. Оказавшись на постели, обладатель мягкой медово-рыжей шёрстки в тонкую тёмную полоску, с белой грудкой и аккуратными «носочками» на лапах, тут же выгнулся дугой. Кот завёл свой «моторчик» и принялся вовсю бодаться головой о ладонь, требуя законной ласки. Он зарылся пальцами в шелковистый мех за ухом, пока Сунни щурился от удовольствия. Вид у зверя был максимально довольный, словно это была его личная секретная операция. Никакой пыли или паутины — кот явно не прятался там долго. Хёнджин окинул комнату подозрительным взглядом. Дверь закрыта на замок. Окно заперто изнутри. Никаких лазеек, никаких щелей.

Каким образом Сунни просочился внутрь? Минхо обычно держал свой «зоопарк» при себе, а их спальни разделял длинный коридор — целая миля по меркам общежития. *Может, кот проскользнул в дверь, когда кто-то выходил, а затем юркнул в мою комнату, воспользовавшись моментом?* Но Хёнджин готов был поклясться на новом альбоме: он лично проверял замки перед тем, как вырубиться. *Настоящая загадка запертой комнаты.*

В тишине раздавалось лишь довольное мурчание Сунни, уютно устроившегося на коленях айдола. Хёнджин снова потянулся за смартфоном. Стоило прояснить ситуацию у «кошачьего папочки» и узнать, почему его подопечный решил сменить прописку посреди ночи.

Гудки уходили в пустоту — Минхо был вне зоны доступа или просто игнорировал реальность. Хёнджин присмотрелся к коту. Тот щурился, но в глубине янтарных глаз читалось нечто подозрительно похожее на... укор? Он снова почесал его за ухом. Обычный кот, ничего сверхъестественного.

— Ладно, Сунь, раз твой хозяин ушёл в астрал, остаёшься здесь. Будешь за старшего, — пробормотал Хёнджин, со вздохом откладывая телефон на тумбочку.

Кот не заставил себя ждать и тут же оккупировал край подушки. Мягкий мех приятно щекотал кожу. Щелчок напольной лампы — и теперь лишь тусклый свет уличного фонаря, пробивающийся сквозь занавески, разгонял темноту, мягко очерчивая контуры беспорядка.

Утром, когда будильник грубо вышвырнул его из сонного марева, Хёнджин на автомате шлёпнул по экрану, пытаясь вновь ускользнуть в забытие. Всё шло по стандартному сценарию, пока не раздался настойчивый австралийский акцент, способный поднять и мёртвого.

— Джинни, подъём! Я слышу твой будильник за версту! — Феликс пару раз приложился кулаком к двери, имитируя таран.

Поморщившись и зажмурившись, он издал страдальческий стон, пытаясь удержать ускользающий сон. Хёнджин протёр веки, прогоняя мутные тени, но интуиция уже вовсю была в набат — пора вставать. С трудом окончательно проснувшись, он повернулся к подушке, надеясь увидеть рыжую морду ночного визитёра, но там было пусто.

— Да вы издеваетесь... — прохрипел он, подпрыгивая с кровати, точно под ним сдетонировал матрас. — Кот? Ты где, мелкий паршивец?

Он устроил в комнате настоящий обыск: перерыл всё под кроватью, вывернул шкаф и заглянул в самые пыльные углы. Ни черта. Ни единого рыжего волоска, ни единого «мяу». Кот испарился, оставив после себя лишь холодную простыню и ворох дурных предчувствий. Сердце зачастило, в груди поселилось то самое гадкое чувство: реальность дала трещину.

Как это вышло? Неужели я окончательно поехал крышей? Нет, исключено. Я же чётко видел его ночью!

Наспех натянув оверсайз-футболку и впрыгнув в тёмные джинсы, Хёнджин рванул на кухню со скоростью олимпийского спринтера. Там, за кружками кофе и ленивыми обсуждениями планов, уже обосновались Сынмин, Феликс и Минхо. Но стоило ему ввалиться в дверной проём, взлохмаченному и с диким взглядом, как разговоры стихли.

— Выглядишь паршиво, — констатировал Сынмин, вскинув бровь. — Тебя словно через шредер пропустили.

Затормозив у стола, Хёнджин попытался унять дрожь в руках и скрыть нахлынувшее волнение.

— Скажем так, утро не задалось, — выдавил он с натугой. — У меня вопрос на миллион. Минхо, твой Сунь... Он ночью из комнаты не сваливал? Потому что этот рыжий засранец дрых на моей подушке.

Медленно отставив чашку, Минхо застыл; лицо не выражало ничего, кроме искреннего недоумения.

— Ты о чём вообще? — вопросительно посмотрел он. — Сунь всю ночь провалялся со мной. Я точно помню, как он мостился у меня в ногах. Из спальни — ни ногой.

Мир вокруг Хёнджина на мгновение замер. Он уставился на друга, ожидая, что тот сейчас расхохочется и признается в глупом розыгрыше. Но взгляд Минхо оставался непоколебимым: кот был на месте, за закрытой дверью, а значит, ночные нежности ему просто привиделись. В голове тут же что-то щёлкнуло, в памяти снова всплыла ночь — он же слышал это мурлыканье, ощущал ладонью мягкую шерсть. Феликс, заметив, как друг окончательно «подвис», осторожно подал голос:

— Может, это просто слишком реалистичный сон? Такое случается, когда переутомишься. Ты уверен, что не начал путать реальность с собственными фантазиями?

Минхо обвёл присутствующих коротким взглядом, пожал плечами и не без иронии добавил:

— Или он просто слишком тоскует по Кками, вот мозг и подсунил ему рыжую галлюцинацию. Иди выпей кофе, Хёнджин. Ты явно всё ещё спишь на ходу.

Хёнджин любил свою собаку до беспамятства, это факт. Но сейчас в груди скребло вовсе не от тоски по питомцу. Тот эпизод... Слишком осязаемый для обычного глюка. В ноздрях до сих пор стоял запах Суни — тот специфический кошачий аромат, перемешанный с резким цитрусом, древесной корой и тяжёлым мускусным шлейфом парфюма Минхо. Там, в стенах их дома, кто-то притаился. Невидимый наблюдатель сверлил их взглядом, и намерения его были явно далеки от дружеских. Но как заставить себя проверить это? Как переступить через липкий страх и рациональные сомнения?

Вся неделя тянулась, словно прилипшая к подошве жвачка — вязко и тревожно. Воскресенье выдалось на редкость будничным: менеджер распределил парней по делам. Кто-то поехал отдуваться на интервью, кто-то позировал для глянца, а кто-то застрял в четырёх стенах JYP. В понедельник компания наконец «выкинула белый флаг» и дала выходной. Парни дрыхли почти до обеда, пытаясь наверстать упущенное за бессонные ночи.

Когда Чанбин вместе с Минхо вовсю гремели посудой на кухне, готовя поздний завтрак, в дверь общежития настойчиво забарабанили. Чан, набрасывавший в гостиную новые строки в блокнот, поморщился, оторвался от дела и нехотя поплёлся открывать. На пороге его поджидала увесистая коробка и запыхавшийся охранник.

— Это ещё что за подгон? — лидер недоуменно вскинул бровь.

Секьюрити лишь безучастно дёрнул плечом, перекладывая тяжесть на руки Чана.

— Без понятия, приятель. Прикатил какой-то тип, требовал передать лично Хвану. Ска- зал открывать только ему, и точка.

— Странные дела... Запомнил, как он выглядел?

— Ну... седоватый такой. Не из наших, европеец. Акцент такой, что уши режет, — при- помнил охранник.

— Подозрительно... — Чан нахмурился, перехватывая коробку поудобнее. — Ты хоть документы у него проверил? А если там бомба или ещё какой «сюрприз»?

— Да брось, я прогнал её через сканер. Там хлам какой-то, макулатура... — отмахнулся охранник.

Чан тяжело вздохнул, но спорить не стал.

— Ладно. Раз это для Хёнджина, пойду вручу адресату.

Ворча под нос классическое «вечно мне больше всех надо», лидер потащил тяжеленную коробку к спальне младшего. Любопытство жгло не хуже дешёвого виски, однако лезть в чужое барахло — дело гиблое. Его больше мучил вопрос: что за иностранец отправил этот груз и к чему такая секретность, достойная архивов спецслужб? Остановившись у нужной двери, Чан выдал серию ритмичных ударов.

— Хёнджин, приём! Тут тебе привалило счастье размером с холодильник!

Тишина в ответ была красноречивее любых слов.

— Дрыхнешь, что ли? — пробормотал он и снова постучал. — Короче, я вхожу. И не вздумай потом ныть про нарушение личных границ!

Аккуратно протиснувшись в комнату и затащив следом увесистую ношу, Чан застыл на пороге: спальня встретила его пустотой. В их общежитии, конечно, можно было затеряться, но только не в четырех стенах спальни. Единственная здравая мысль — парень засел в душе. Чуть не растянувшись на полу, зацепившись за какой-то брошенный шмот, Чан выругался и с глухим стуком водрузил коробку на стол. Пока хозяина не было, он присмотрелся к посылке. Вид у неё был такой, будто последние лет восемь она провела в сыром подвале: пыльная, местами обо- дранная, без единого разборчивого обратного адреса или маркировки. Окинув это недоразу- мение подозрительным взглядом, Чан поспешил ретироваться, решив заняться своими делами.

Хёнджин в это время действительно завис в ванной. Тёплая вода и гора пены — луч- шая терапия после бесконечных репетиций. Он не спеша привёл себя в порядок, застыв перед зеркалом. Обычная рутина «вижуала»: сыворотки, кремы, маски. Тёмные круги под глазами

отчётливо намекали на хронический недосып, а глаза казались мутными и сонными. Обмотав голову огромным чёрным полотенцем и накинув махровый халат, он побрёл к себе.

Днём общага выглядела мирно: никакой гнетущей атмосферы или странностей. Лампочки не мигали, техника не выкидывала фокусов, всё шло своим чередом, а мягкие тапочки приглушали звук шагов в пустом коридоре. Но стоило ему толкнуть дверь своей комнаты, как взгляд моментально зацепился за чужеродный предмет на столе: он питал страсть к чистоте и эстетике, поэтому это пыльное «нечто» вызвало лишь приступ брезгливости.

— Какого чёрта... Кто притащил этот мусор в мою комнату? — прошипел он.

Нехотя Хёнджин покрутил посылку, оценивая внушительный вес. Сбросив полотенце на стул, он выудил из органайзера канцелярский нож и точным движением вскрыл скотч. Содержимое оказалось, мягко говоря, специфическим. Он запустил руку внутрь, извлекая вещи наружу. Первой в пальцах оказалась массивная серебряная зажигалка Zipro с искусной гравировкой дракона. Покрутив её в лучах солнца, он отложил находку в сторону. Следом показался тяжёлый перстень. Старое кольцо с символикой неизвестного ордена выглядело странно знакомым. Образ дяди в памяти почти стёрся, и вспомнить, мог ли тот носить подобное украшение, было чертовски сложно. Рядом с зажигалкой лёг потемневший кулон на кожаном шнурке. Помимо стопки бумаг, исписанных латынью, на дне обнаружился крошечный ключ с биркой — на ней значился адрес или номер ячейки в каком-то хранилище. Совсем запутавшись, Хёнджин достал последний предмет — потрёпанный временем дневник.

Сдув с кожаной обложки облако пыли, он начал перелистывать страницы. Волна азарта и тревоги накрыла с головой. Внутри красовались жуткие зарисовки тварей — существ, которых он никогда не встречал в реальности, но точно видел в своих последних ночных кошмарах. Страшные фигуры буквально оживали под пальцами, а рядом теснились аккуратные заметки с советами, как отправить этих чудовищ на тот свет.

— Не может быть... — прошептал он, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Бестиарий.

Пробежав глазами по строчкам, Хёнджин наткнулся на описание ритуала. Какая-то дикая помесь древнего римского обряда и библейских текстов. Весь процесс делился на два этапа: сначала «очищение» сосуда, затем — окончательное изгнание нечисти. Там же красовались инструкции по созданию защитных амулетов, чертежи символов и схемы ловушек. Настоящая поваренная книга по борьбе с чертовщиной, только вместо специй — соль и железо.

Между страницами, скреплёнными старой металлической скобой, притаился полароидный снимок. Хёнджин осторожно выудил его, боясь повредить хрупкую бумагу. Фото выглядело блёклым, с подпалёнными временем краями, однако лица сохранились идеально.

Вот дядя, знакомый лишь по маминым туманным рассказам — вечно витающий в облаках чудака. Теперь понятно, почему его образ так настойчиво всплывал в памяти. Но кто этот второй? Высокий парень в костюме, уместном разве что на тематической вечеринке. Совсем юнцы, только начинающие свой путь, едва перешагнувшие порог двадцатилетия. Но в их взглядах уже читалась эта странная, опасная «взрослость», не имеющая ничего общего с возрастом.

На обороте, словно приговор, чернела надпись: «25 мая 1998 года. Тревор Валеску». Эти слова наотмашь ударили в солнечное сплетение. Хёнджин плотно сжал губы, отложил карточку на край стола и перевернул следующую страницу. Бумага оказалась шершавой, напоминающей кору дерева, и источала специфический аромат: смесь подвальной сырости и горькой жжёной лаванды. Этот запах прилип к коже, будто густая смола. Что-то личное, семейное, намертво связывающее дядю и этого загадочного Тревора.

Что ты затеял, дядя? Во что ты впутался? — пронеслось в голове. Глядя на снимок, он пытался понять: где они? В каком-то пыльном архиве или, чёрт возьми, в заброшенном бункере?

Всё, финита. Предохранители перегорели. Хёнджин решительно отложил вещи дяди на край стола и метнулся к шкафу. Домашний халат отправился в свободный полёт на кровать, а створки распахнулись с глухим стуком, точно крышка багажника старой «Импалы». Пальцы лихорадочно перебирали вешалки. Спустя мгновение наружу были выужены светлая рубашка и прямые джинсы цвета выстиранного неба. Следом полетели синяя джинсовка и выдавшие виды чёрные кеды. Плевать на гламур — сейчас в приоритете был стиль «хватай и беги».

Короткая схватка с волосами перед зеркалом — и готово. Схватив дневник и зажав старый снимок в пальцах, Хёнджин ураганом вылетел из комнаты. Он пронёсся по коридору общежития и без стука ворвался к другу, почти выбив дверь. Феликс, в этот момент самозабвенно монтировавший влог в Adobe, от неожиданности чуть не исполнил обратное сальто вместе с креслом.

— Ты с дуба рухнул?! — выдохнул Ликс, в панике едва не отправив результат многочасового рендеринга в цифровое небытие одним случайным кликом.

С нервным смешком, больше похожим на кашель, Хёнджин сунул находку прямо под нос другу.

— Ликс, скажи мне, что это пранк. Или я окончательно съехал крышей. Это вещи моего дяди, Хван Минсока. Того самого, что бесследно исчез в 2015-м! Захожу к себе, а там на столе — коробка с каким-то хламом. Из ниоткуда.

Осторожно перехватив фото, Феликс всмотрелся в детали. На лице отразилось полное замешательство. Он вертел снимок и так и эдак, пытаясь найти хоть каплю логики или тайный шифр, но в итоге лишь беспомощно развёл руками:

— Да чёрт его знает... Может, Чан-хён решил нас так жёстко разыграть? Не вдупляю: это реально наследие твоей семьи или я перебрал с энергетиками.

— Да я и сам поначалу грешил на ребят, — Хёнджин нервно повёл плечом и вложил дневник в свободную руку Ликса, пока тот сжимал фото в другой. — Ясное дело: кто-то из наших подбросил посылку, пока я выходил. Но, Ликс, снаружи нет ни единой пометки. Ни адреса, ни имени — вообще ничего, только личные вещи дяди. Никто из ребят не стал бы так заморачиваться, а уж тем более рисовать монстров. На обычную шутку это не тянет.

Феликс отложил полароидный снимок и взял дневник, медленно изучая его содержимое.

— Ты прав, детализация здесь просто поразительная... — согласился он, проводя пальцем по одной из страниц, прежде чем перевернуть её. — Но посмотри на бумагу. Она слишком ветхая. Чтобы листы так пожелтели, должны были пройти не годы... а века.

— Бред собачий. Просто бред! У дяди явно была фантазия на грани безумия... Старые байки, ничего больше.

Подняв взгляд на друга и уловив его скепсис, Феликс вернул дневник и выдохнул, расплываясь в облегчённой улыбке.

— Ну ещё бы! Все эти твари, городские легенды и прочая чертовщина — это же чистой воды сюжет «Сверхъестественного», так? Просто сценарий для фанатов!

Хёнджин приземлился на край кровати, вновь перелистывая страницы, исписанные мелким почерком. Элементы мозаики наконец сложились: он вспомнил кадры из того самого шоу. Существа, способы борьбы, ритуалы — всё это в точности повторяло записи в дневнике. От этой догадки во рту мгновенно пересохло:

— А если... это не выдумка? Что, если сериал — не просто полёт фантазии Крипке, а реальная жизнь? Своеобразный способ спрятать правду у всех на виду?

Феликс нахмурился, не понимая, куда клонит друг:

— Ты сейчас серьёзно? Хочешь сказать, жизнь Сэма и Дина — наша реальность? Ты не перегрелся на репетиции?

— Да я сам знаю, что это звучит как бред! — Хёнджин подался вперёд, понизив голос до шёпота. — Я до последнего надеялся, что просто сошёл с ума. Но теперь всё сошлось.

Ликс, этот сериал... Это не сценарий. Это, блин, грёбаная инструкция по выживанию. И я без понятия, что нам делать дальше, потому что пазл сложился, и от этого мне до жути страшно. Вспомни всё, от чего мы отмахивались, списывая на усталость. Мы ведь видели это. Оба.

Задумавшись, Феликс озадаченно почесал затылок и выдал:

— А может, мы... — он заговорил тише, поддаваясь общему настрою. — Что, если мы провалились в какую-то параллельную вселенную? В мультивселенную, где весь этот бред — суровая правда? Или наша реальность просто дала трещину и пересеклась с чем-то... иным?

Они замерли, сверля друг друга взглядами. Граница между вымыслом и тем, что они привыкли считать нормой, поплыла, напоминая размытую акварель под дождём. Хёнджин почувствовал, как сердце забилося в ритме бешеного баса.

— То есть ты допускаешь, что все эти городские легенды, магия и прочая мистика — часть нашего мира? — Хёнджин впился взглядом в Феликса, безмолвно требуя ответа. — И мой дядя вместе с тем парнем, Тревором, не просто испарились, а загремели в эту «другую» реальность, существующую где-то по соседству?

Заметив чересчур пафосную физиономию друга, Феликс не выдержал. Его прорвало на смех, который рикошетом запрыгал по стенам комнаты.

— Вау, ну и загнул, Спилберг. Только я сомневаюсь, что в жизни можно так запросто просочиться в иную вселенную. Тут либо портал подавай, либо кто-то должен был конкретно хакнуть мироздание, чисто как в фильме «Человек-паук: нет пути домой», — пожал плечами Ликс. — Поздравляю с должностью, Джинни. Похоже, ты у нас потомственный охотник, «семейное дело» и всё в таком духе. Это тебе не связки в хореографии оттачивать. Днём ты — «вижуал» Stray Kids, а по ночам патрулируешь сомнительные переулки. Сцена станет идеальным алиби. Фанаты и не догадаются, почему у тебя вечно сбиты костяшки!

Картинно закатив глаза, Хёнджин прижал ладонь к лицу, будто изображая героиню викторианской драмы, которая вот-вот рухнет в обморок от избытка чувств.

— «Семейное дело»? Ликс, побойся Бога, я — лицо Версаче! Ты хоть представляешь, как я буду объяснять самой Донателле, что не приехал на показ, потому что застрел в четвёртом измерении, пытаюсь изгнать беса из мусорного бака за общежитием? «Извините, на мне сегодня не ваш шёлк, а эктоплазма, она сейчас в тренде у призраков нижнего мира»?

Издав короткий, почти истерический смешок, он ткнул пальцем в сторону Феликса, входя в раж:

— И вообще, какой из меня охотник? Я вчера собственного отражения в прихожей шуганулся! Решил, что злой дух явился за моей душой, а это был просто я в новом худи. И что я скажу менеджеру, если на камбэке у меня вместо «сияющей кожи» будет след от когтя на поллица? «Не паникуй, хён, это просто агрессивный пилинг от демона среднего звена — парень мой фристайл не оценил»?

Хёнджин резко остыл и устало провёл ладонью по щеке:

— Нет уж, Питер Паркер недоделанный... Не тянет меня на подвиги. В смысле, тянет... Но сомнения грызут, чёрт бы их подрал.

Феликс выслушал эту тираду со стоическим спокойствием, а затем, расплывшись в ехидной ухмылке, выдал:

— Выходит, ты в деле. Ну что, «звезда мирового масштаба», готов к своему самому паршивому дебюту? Или забьём на «семейное дело» и пойдём доедать рамен, пока нас не повязали санитары?

— Рамен — это заманчиво, — Хёнджин усмехнулся, вытирая слёзы, — но от «семейного дела» ты так просто не отрестишься. Ты ведь в этой яме сидишь со мной рядышком. Освежи память, Ликс: твои сны. Те же стрёмные закорючки, тот же шёпот... А что, если мы оба из «таких»? Из рода охотников?

Они на мгновение затихли, переваривая сказанное, а затем снова зашлись в хохоте.

— Прикинь, братья по несчастью... или по оружию, — задумчиво протянул Хёнджин.

— Звучит как завязка для очень странного фанфика, — отозвался Феликс, потянувшись.
— Было бы круто, если честно. Но ты же понимаешь, какой это бред со стороны? Нас в первую же психушку сдадут, если мы об этом кому-то заикнёмся.

— Да ладно тебе, я не сумасшедший! Почти. Но если без шуток... — Хён на мгновение замер, глядя в пустоту, а затем добавил: — Давай выясним правду. На полном серьёзе.

Скептически посмотрев на друга, Феликс покачал головой, но всё же сдался.

— Окей, попробуем.

Сияя, как начищенный пятак, Хёнджин выудил из кармана халата iPhone. Редкие капли всё ещё срывались с его влажных волос на воротник, но он, воодушевлённо разблокировав экран, этого даже не замечал.

— Считай, это наше первое официальное дело. Проверим теорию на практике.

Феликс не удержался от смеха:

— План — капкан. Только учти: я в этом деле полный ноль. Моя задача — светить фонариком и вовремя делать ноги, а ты берёшь на себя всех местных монстров.

Хёнджин снова рассмеялся, наигранно возмущившись:

— Эй, не сачкуй! У кого тут шестьдесят три медали по тхэквондо? Ты ими можешь любого призрака до смерти закидать!

— Ну, тогда я в подмастерьях, — Ликс мягко улыбнулся. — Главное — начать, а там разберёмся, кто из нас прирождённый охотник.

Идея тут же увлекла Хёнджина. Не теряя ни секунды, он уже всю ленту новостей.

— Гляну-ка я полицейские сводки по всей Корее, — произнёс он, скептически прищурившись. — Вдруг где-то мелькнёт аномальная активность или что-то, выбивающееся из привычной реальности. Любая зацепка, подтверждающая, что мы не просто переутомились на тренировках.

— Не думаю, что всё так просто, — перебил его Феликс, мгновенно посерьёзнев. — Сам рассуди: если даже обычные копы замечают следы странных инцидентов, прикинь, как тщательно NIS зачищает любую утечку.

Хёнджин, чей энтузиазм только что бил фонтаном, запнулся на полуслове. Аргумент Ликса приземлил его похлеще ледяного душа. Одно дело — спорить с полицией, и совсем другое — бодаться с Национальной службой разведки. NIS — это вам не охрана на входе в JYP. Эти ребята подметают за собой так стерильно, что ты забудешь, как собственную маму зовут.

— Да не зуди ты, — буркнул он, нервно дёрнув плечом, и снова уткнулся в смартфон.

Синеватый свет экрана падал на его напряжённое лицо. Пальцы лихорадочно прокручивали ленту, проскакивая мимо типичного «мусора»: бытовухи, мелких краж и пьяных драк в подворотнях. Ни одной зацепки — сплошная скука. Феликс лениво оттолкнулся ногой от края стола, заставляя компьютерное кресло мерно покачиваться. Тихий, методичный скрип механизма заполнял тишину комнаты, пока он продолжал внимательно считывать каждую эмоцию на лице Хвана.

— Пока глухо, — выдохнул Хёнджин, закусив губу. — Но я копну глубже. Дай мне пять минут, Ликс, не кипятись!

Тот лишь иронично фыркнул, закинув руки за голову.

— Да брось, это же чистой воды клиника... — в голосе Феликса прорезался скепсис, перемешанный с усталостью. — Откуда вообще уверенность, что в этих сводках хоть капля истины? Очередные сказки, чтобы развлечь скукающих обывателей в перерывах между работой и единственным выходным.

Игнорируя шпильки, Хёнджин продолжал зарываться в архивы. Продираясь сквозь дебри официальных отчётов и сомнительных форумов, он отчаянно пытался выудить хоть что-то сто-

ящее — ту самую деталь, что выбьет почву из-под ног. Феликс продолжал тихо посмеиваться, считая это занятие пустой тратой времени, пока вдруг Джинни не замер. Его глаза округлились, а дыхание перехватило.

— Твою ж... Кажется, есть! — вскрикнул он, и в этом возгласе смешались азарт и лёгкий мандраж.

Хёнджин быстро пролистывал текст, впиваясь глазами в строчки. Мгновенно растеряв весь свой сарказм, Феликс подался вперёд и изогнул бровь:

— Ну и? Яви миру своё сокровище. Что там, очередной кот на дереве?

В ответ на это Хёнджин с видом триумфатора развернул телефон экраном к другу и чеканно произнёс:

— Полицейский рапорт, засунутый в самый подвал архива. Пять студенток из Пусана. Испарились прямо из кампуса, одна за другой. Ни свидетелей, ни следов борьбы, полная тишина в соцсетях. Они просто перестали существовать, и никто не чешется.

Феликс, всё ещё пытаясь сохранить маску безразличия, пробежался глазами по тексту:

— Ой, да ладно тебе... Пять девчонок. Может, рванули на какой-нибудь закрытый рейв и зависли там, пока предки обрывают телефоны... — он вдруг осёкся, заметив дату первого заявления. — Погоди. Два месяца назад?

— Вот именно, — отрезал Хёнджин. — Вряд ли можно тусить восемь недель подряд, забив на учёбу и жизнь, и при этом ни разу не засветиться ни на одной камере в городе. Это что-то другое.

С силой массируя переносицу, Феликс выдохнул.

— Слушай, а вдруг нас тупо разыгрывают? Вся эта чертовщина, голоса в пустых коридорах... Вдруг это часть какого-то дурацкого шоу?

Хёнджин, чьи пальцы побелели от того, с какой силой он сжимал смартфон, прошипел:

— Тогда объясни мне, умник, почему мы оба вторую неделю не слезаем с таблеток? Откуда эта дикая слабость и сны, после которых хочется вскрыться? Тоже сценарий для YouTube-канала?

Феликс открыл было рот, но аргументы рассыпались, так и не сложившись в слова. Он уставился в окно, где под лёгким ветром колыхалась густая листва, чувствуя, как мысли вязнут в липком тумане. В глазах застыла растерянность — нить логики окончательно оборвалась, превращая привычный мир в декорации к посредственному триллеру.

— Может, я просто выгорел, и всё это — плод воспалённого воображения... — пробормотал Ликс, запинаясь на каждом слове.

Заметив эту минутную слабость, Хёнджин выдал короткую, колючую усмешку.

— То есть ответов у тебя ноль? Оставим только чистый страх и паранойю?

Пытаясь скрыть за прядями длинных светлых волос мечущийся взгляд, Феликс опустил голову.

— Твоя правда... — едва слышно обронил он. — Ответов нет. Но откуда такая уверенность? У нас же ни одной зацепки, Хёнджин! Доказательств — ноль. Тот случай в ванной — обычный глюк от усталости! Силуэт испарился, остальное — просто совпадения. Вдруг Лино решил нас проучить? — негромко добавил Феликс, не в силах скрыть предательскую дрожь. — Или мы просто медленно сходим с ума из-за стресса?

— Не знаю, Ликс... — Хёнджин говорил так тихо, что слова казались острее бритвы. — Я не чувствую страха, хотя всё вокруг напоминает затяжной прыжок в бездну. Это накрыло нас внезапно — ледяной волной, пробирающей до самых костей. Сердце колотится так, будто в грудной клетке заперли дикого зверя... А что, если записи в этом старом дневнике — чистая правда? Что, если наши семьи и в самом деле разгребали такое дерьмо, которое нам и в кошмарах не снилось?

Вязкая тень собственных догадок накрыла Хёнджина, заставляя замолчать и уставиться в пустоту. Заметив, как у друга задергалась жилка на виске, Феликс негромко спросил:

— Ты точно готов лезть в это болото? Обратного пути не будет.

Вскинув взгляд на Феликса, Хёнджин резко подобрался: в его глазах вспыхнул тот самый упрямый «шоколадный» блеск, знакомый миллионам фанатов, но теперь в нём читалась лишь нескрываемая решимость.

— Да, хватит. Просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не происходит, уже не выйдет. Даже если половина этих записей — бред сумасшедшего или байки для испуганных детишек... Я не собираюсь вечно оборачиваться на каждый шорох. Хватит с меня этой игры в прятки с неизвестностью. Я хочу знать, с чем мы имеем дело.

Оценив этот настрой, Феликс едва заметно усмехнулся. В конце концов, в этом они были похожи.

— Ладно, погнали. Семь бед — один ответ, — он развернулся в кресле к мерцающему монитору, по-хозяйски притянув клавиатуру поближе. Пальцы тут же забарабанили по клавишам, наполняя комнату бодрым перестуком. — Давай попробуем сопоставить факты. Если Дин и Сэм реально существовали и проворачивали все эти дела, в сети должен был остаться хоть какой-то след. Я, конечно, не эксперт по части городских легенд, но попробую выудить зацепки: архивные отчёты, происшествия без логического объяснения... Всё, что творилось неподалёку от мест из дневника. Кстати, если мы всё правильно поняли, кем твой дядя всё-таки был? Охотником?

— Судя по всему, именно так... — Хёнджин задумчиво потёр подбородок, погрузившись в воспоминания о странном родственнике. — Видимо, это было его основным хобби. Помимо того, что он считался семейным чудаком.

— Дай-ка его сюда, — Феликс протянул руку, готовый вгрызаться в текст.

Хёнджин осторожно передал потрёпанный дневник, словно это была реликвия, способная рассыпаться от любого неосторожного движения. Ликс принялся методично перелистывать страницы, параллельно закидывая запросы в поисковик. В свете одного из мониторов было видно, что дневник вёлся годами. Старые, пожелтевшие листы сменялись более свежими, с торопливым, рваным почерком — будто автор куда-то сильно спешил или его руки дрожали.

— Опа, а вот это уже интересно, — Феликс замер, вчитываясь в одну из последних страниц. — Гляди, это финал дневника. Похоже, дядя не сидел без дела.

— Что там? — Хёнджин подался вперёд, чувствуя, как пульс начинает выстукивать рваный ритм в висках.

Феликс откашлялся и зачитал вслух, стараясь сохранять спокойствие:

— «Неделю назад в районе замка Шато-де-Сингс в Париже началась серия странных нападений гризли ближе к лесной части. Я опросил полицию и экспертов по охране заповедников; характер ран действительно указывает на разъярённого медведя. Убито семь человек. Я и Рональд Штиц отправились изучить местность. Нужно закрыть этот вопрос, пока не стало поздно. И самое паршивое — все улики указывают на вендиго».

Он замолчал и в упор посмотрел на Хёнджина.

— Это последний отчёт. Датирован четырнадцатым годом. Твой дядя застрелял там, и явно не из-за французских круассанов.

— А после... — Хёнджин запнулся, чувствуя, как в груди разливается свинцовая тяжесть. — После он просто испарился.

В комнате повисла удушливая, тошнотворная тишина. За окном общежития корявые, всё ещё зелёные ветки деревьев, точно костлявые пальцы, скребли по стенам дома.

— Вендиго... — выдохнул Хёнджин, пробуя колючее слово на вкус. — Просвети меня, что это за дрянь?

Феликс задумался, потирая подбородок и пытаясь вспомнить нужные факты.

— Если вкратце... Старая байка алгонкинов о духе-людоеде. Изначально им пугали детей, выставяя его символом вечного голода и лютой зимы. Мол, не жадничай, а то превратишься в чудовище, — он перевернул страницу. — Но легенды куда мрачнее. Это проклятие, настигающее тех, кто опустился до каннибализма или запредельной алчности. Стоит человеку в лесу отведать плоть себе подобного — и пути назад нет. Он превращается в монстра: становится быстрее, сильнее, кожа дубеет, а в голове остаётся только одна мысль — жрать. И сколько бы он ни съел, сытости не наступит никогда.

— Есть способ это остановить? — Хёнджин сцепил пальцы в замок, пытаясь сосредоточиться. — Или просто всадить пулю в башку?

— Сейчас глянем, — Феликс неспешно принялся листать дневник. Повисло молчание, пока пальцы не наткнулись на легенду о чудовище. — Так, твой дядя писал, что вендиги боятся огня. Схема простая: ловишь, обливаешь бензином и устраиваешь барбекю. Ну, или можно всадить в него заряд из сигнального пистолета.

Хёнджин долго молча сверлил взглядом корешок дневника, переваривая слова, сказанные другом, а потом тихо, почти без надежды, произнёс:

— Слушай, а если дядя жив? Вендиги его не сожрал. Это было бы слишком тупо для такого профи. В этом дневнике столько жути, что становится ясно: дядя знал, как выживать в подобных переделках.

— Он мог вляпаться во что угодно... — Феликс положил дневник себе на колени и начал загибать пальцы, чеканя названия, точно патроны, загоняемые в магазин. — Банши, кровососы, вервольфы, ветапы, гули, джинны, драконы, кицунэ, кумихо, ёкаи, перевёртыши, ракшасы...

Сам поразившись собственной осведомлённости, Феликс внезапно осёкся.

— Ты-то откуда набрался всей этой чертовщины? — Хёнджин вскинул брови, глядя на него с нескрываемым подозрением.

— Честно? Понятия не имею... Просто всплыло в голове, будто всегда там было, — Феликс растерянно поскрёб затылок, стараясь прогнать внезапно нахлынувший озноб.

Холодок колючими лапами пробежал по позвоночнику. Эти твари казались Ликсу странно знакомыми — точно обрывки старых кошмаров, которые он когда-то уже видел. Хёнджин тем временем перетянул дневник на себя и снова погрузился в изучение записей. Почерк дяди местами превращался в нечитаемую кардиограмму параноика: слова тонули в набросках уродливых морд с кривыми клыками и глазами, полными голодного бешенства.

— Ладно, давай придерживаться версии с вендиги. Огонь — наш главный козырь, но как выследить эту дрянь? Это же не просто бешеный медведь, — Хёнджин ткнул пальцем в рисунок существа с костлявыми конечностями. — Он мастер маскировки, имитирует людей так, что родная мать не отличит. Как мы поймём, что перед нами не случайный турист?

— В этом и заключается его главный фокус. Он идеально копирует крик о помощи, плач ребёнка или голос того, кому доверяешь, — Феликс пристально посмотрел в глаза другу. — Представь: этот монстр утаскивает меня в чащу. Он будет звать тебя моим голосом, выкрикивать твоё имя из темноты, заманивая всё глубже в хвойный ад. А искать его стоит там, куда солнце вообще не заглядывает — в самых глухих северных лесах.

Хёнджин сглотнул, чувствуя, как внутри всё заледенело.

— Звучит жутко, — тихо добавил он, ожидая продолжения.

Перехватив дневник, Феликс указал на нужные строчки.

— Нам нужны предвестники. Смотри: если температура падает градусов на пятнадцать за пару минут без всяких причин, а твоё дыхание превращается в плотный пар — значит, он рядом. Воздух пропитывается вонью гнили и старой крови, а высоко на стволах остаются такие борозды от когтей, будто кору сдирали не когти, а ржавые лезвия мясницких тесаков.

— Звучит как план для самоубийц, — пробормотал Хёнджин, забирая дневник обратно. Он принялся сам перелистывать пожелтевшие страницы, вчитываясь в последние, самые сумбурные записи дяди.

— Погоди, ты серьёзно собрался отслеживать вендигу с нулевой подготовкой? — занервничал Ликс, накрыв ладонью страницу, которую читал друг. — Мы айдолы, Джинни, а не охотники за привидениями. У нас расписание, репетиции, а этот лес — просто бездонная дыра, из которой вряд ли получится выбраться живыми.

— Я не предлагаю устраивать на него сафари! Я хочу найти дядю! — вскинулся Хёнджин. В его глазах блеснуло то самое упрямство, которое обычно предвещало крупные неприятности.

— Нет, нет и ещё раз нет. Я на это не подписывался! — замотал головой Феликс. — Друг, ты реальность-то не теряй. Твой дядя испарился в 2015-м, а записи об этой твари датированы 2014-м. Концы с концами не сходятся!

— Это ничего не меняет! — парировал Хёнджин, нервно сминая край страницы. — Вдруг он застрял? В каком-нибудь пространственном кармане или из-за неудачного ритуала?

Шумно выдохнув, Феликс потёр переносицу, чувствуя, как начинает ныть голова. Спорить с Хёнджином, когда тот впадал в состояние одержимости, было всё равно что пытаться остановить поезд голыми руками. Его обычно рассудительный и спокойный товарищ сейчас напоминал сорвавшегося с цепи фанатика.

— Окей, — сдался Феликс. — Допустим, он жив. Допустим, вендигу — это не просто страшилка для туристов. Мы выйдем у менеджеров поездку в Париж, отыщем этот проклятый замок Шато-де-Сингс... И дальше что? У нас ни малейшего понятия, где искать логово и как отбиваться. Всё, что у нас есть, — это байки про огонь. Но чтобы поджарить эту пакость, к ней нужно подойти вплотную. У нас ни оружия, ни опыта, ни даже приличной карты местности!

Хёнджин, пропустив весь сарказм мимо ушей, поднялся с места, мёртвой хваткой вцепившись в дневник.

— Давай двигаться мелкими шагами, — предложил он; голос зазвучал подозрительно воодушевлённо. — Для начала изучим этих бестий, поймём, с чем имеем дело. Даже если всё это смахивает на сценарий дешёвого хоррора категории «Б».

— Ну, изучать их лучше издалека, — усмехнулся Ликс. — А учитывая, как близко ты любишь подходить к делу, за твою выносливость я не переживаю. Танцевальные тренировки даром не прошли, бегаешь ты быстро. Правда, если вендигу решит, что ты — его праздничный ужин, не гарантирую, что успею тебя вытащить.

— Значит, я буду отмахиваться ножами, а ты — светить фонариком. Постарайся хотя бы не целиться мне в глаза, чтобы я видел, куда бить! — Хёнджин выдавил слабую улыбку.

Феликс искренне рассмеялся, хотя внутри все равно все сжималось от нехорошего предчувствия:

— Шикарно. Я — твоя персональная лампа и группа поддержки, а ты — герой с тесаком и жаждой приключений. Только учти: если запахнет жареным, я дам дёру первым, и плевать, что ты там обо мне подумаешь.

— Ну и трус же ты, Ликс! — с доброй иронией бросил Хёнджин, наконец-то немного расслабившись.

— Ой, прикрой варежку, — отмахнулся Феликс. — Я пересмотрел столько хорроров, что твои ночные кошмары на их фоне — мультики про розовых пони! — Он коротко хохотнул, но тут же посерьёзнел: — Ладно, давай по делу. Нам нужна инфа. Придётся потрясти какой-нибудь пыльный книжный или залезть в архив городских легенд. И запастись вагоном терпения. Моё уже на исходе.

— Терпение — дефицитный товар, — кивнул Хёнджин. — Знаю я один неплохой магазинчик, но сомневаюсь, что там держат на полках что-то полезнее сборников сказок для туристов.

Постукивая пальцами по столу, Феликс на мгновение завис, а затем вдруг выдал:

— А что с тем призрачным силуэтом, прицепившимся к нам? Может, сперва разберёмся с этой нечистью?

— Ты про то «нечто»? — Хёнджин передёрнул плечами, словно вновь ощутил затылком ледяное дыхание. — Оно ведь только нам двоим портит жизнь.

— В том-то и фишка! — Феликс хищно оскалился. — Идеальный тест-драйв перед тем, как вляпаться во что-то реально стрёмное.

— Хочешь устроить охоту на «то-не-знаю-что»? — Хёнджин скептически вскинул бровь, хотя вспыхнувший интерес скрыть не удалось.

— Ты же сам рвался во всё разобраться, или уже пасуешь? — Феликс опасно сузил глаза, скрестив руки на груди. На губах заиграла знакомая дерзкая усмешка, но взгляд при этом резал не хуже бритвы. — Что, ловить вендиго в лесах круче, чем гонять полтергейста по нашей общаге? Если не рискнём, так и будем сидеть, как два идиота, гадая, когда эта хрень решит нас прихлопнуть.

Пальцы Хёнджина плотнее сжали хрупкие страницы дядиного дневника. Напряглись — не от страха, а от глухого, нарастающего раздражения.

— Решил, что я трусил? — голос стал тише, обретая остроту февральского инея. Дневник захлопнулся, хлёстко разорвав тишину. — Не равняй всех по себе, Ликс. Я просто не хочу, чтобы нас соскребали со стен только потому, что мы полезли на рожон без плана.

Феликс заметил, как черты лица друга застыли, превратившись в безупречное, пугающее изваяние. В этот миг Хёнджин казался не человеком, а прекрасным в своём равнодушии божеством — словно луна, вечно меняющая фазы, но неизменно скрывающая свою тёмную сторону от чужих глаз. Тень от чёлки легла на переносицу, подчёркивая жёсткую линию скулы. Пауза затянулась, пока напряжение не стало почти осязаемым. Наконец, «мраморная» маска дрогнула.

— Я в деле, — Хёнджин выдохнул, взгляд немного смягчился. — Но этот скользкий ублюдок... Настоящий виртуоз по части нервотрёпки. Мелькнул ночью один раз, а теперь изводит нас. Пора выкурить тварь из норы, пока мы сами не загремели в морг по собственной глупости. Но есть проблема: охотиться придётся ночью. В общаге яблоку негде упасть, мемберы вечно крутятся под боком, так что выскользнуть незамеченными — тот ещё квест. Либо мы вытаскиваем эту призрачную дрянь на свет, либо работаем тише воды, ниже травы. Но самое паршивое в другом: мы идём на дело с пустыми руками. Что это за нечисть? Почему она выбрала именно нас? И как прикажешь успокоить то, чего даже не видишь?

Довольный тем, что сумел разжечь в друге этот огонь, Феликс понимающе кивнул и заговорщицки понизил голос:

— А вот это уже правильные вопросы! Давай начнём завтра. Дневник твоего дяди — наш единственный козырь. Там наверняка есть описание подобных тварей, их слабостей или хотя бы способ изгнания. А насчёт лишних ушей не парься, у меня уже есть идея. Скажем парням, что в общаге прорвало канализацию и вонища стоит такая, что глаза режет. Пусть кантуются в отеле, пока мы будем здесь «разгребать дерьмо» и устраивать этому призраку весёлую жизнь.

Хёнджин на мгновение представил эту картину: суеющий менеджер, ворчащий Минхо и Чан, пытающийся взять ситуацию под контроль.

— Канализация? Серьёзно? — он скептически вскинул бровь. — Ты же знаешь Чана. Он самолично полезет проверять трубы, если решит, что это угрожает нашему комфорту.

— Рискнём, чего уж там, — Феликс криво ухмыльнулся, в глазах вспыхнул знакомый азарт. — Не сработает этот план — придумаем другой. Преподнесём им легенду поубедительнее, чтобы не путались под ногами, и спокойно прижмём это нечто. Главное — не давать им повода для сомнений.

Дневник отягощал левую руку, а правой Хёнджин запустил пальцы в волосы на затылке, слегка оттягивая пряди. Он бросил быстрый взгляд на дверь, проверяя, не подслушивают ли их.

— Идёт. Тогда дождёмся конца репетиции. Но учти: малейшая лажа — и мы в полёте. Тут нужна ювелирная точность, никаких косяков.

— Прорвёмся, не впервой из передрыг вылезать, — Феликс коротко рассмеялся, уже предвкушая триумф.

Хёнджин бросил взгляд на часы и чертыхнулся:

— Проклятье, заболтались. Уже 15:55. У меня в запасе всего двадцать минут, чтобы подготовить холст. Помнишь ту здоровенную махину маслом? Месяц уже над ней работаю, пора завязывать. Хочу наконец-то выкатить результат нашим STAY в прямом эфире в инсте. В общем, я испарился, работа сама себя не доделает.

— Да иди уже, — с силой потирая заспанные глаза, выдохнул Феликс. Усталость навалилась свинцовым грузом. — А я в отключку. Проснулся ни свет ни заря на каком-то автопилоте, теперь внутри сплошной недосып. Да ещё и голова из-за твоих бредней кругом.

— Меньше надо в монитор пялиться, геймер, — Хёнджин не удержался от шпильки. Ловким, почти кошачьим движением подцепил фото и спрятал между страниц дневника. Захлопнув книжку, он направился к выходу, но затормозил в дверном проёме, чтобы бросить через плечо: — Лучше бы со мной порисовал, глядишь, и глаза бы так не резало.

Состроив максимально недовольную мину, Феликс сцепил пальцы в замок и подался вперёд, имитируя готовность в шутку придушить друга за дерзость. Но в итоге лишь звонко щёлкнул языком:

— Знаешь, я всё-таки возьму у тебя пару уроков. Чисто ради того, чтобы донимать тебя тупыми вопросами, — он наигранно записклявил, пародируя кого-то не очень смышленного: — «Хёнджин-хён, а тут краска ровно легла? Ой, кажется, я карандаш сломал, а где у нас точилка? Хёнджин-хён, я тут твою дорогушную палитру случайно опрокинул...»

Замерев, Хёнджин бросил на друга взгляд, полный экзистенциального отчаяния. Плечи его поникли, руки безвольно повисли вдоль туловища.

— Ни слова больше! — бросил он и, театрально дёрнув плечом в своём стиле, скрылся в коридоре.

Когда дверь за ним захлопнулась, суета шумного общежития Stray Kids мгновенно отступила, оставив Феликса в коконе тишины и технологичного уюта. Он коротким движением отправил компьютер в спящий режим и перебрался на кровать.

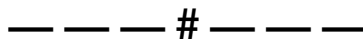
Первое, что бросалось в глаза, — это свет. Ликс не выносил резких потолочных ламп, вызывавших ассоциации с операционной. Его комната тонула в мягком медовом сиянии. Оранжевый круг на стене создавал иллюзию вечного австралийского заката, который плавно переходил в густые фиолетовые тени по углам, едва намеченные тонкой LED-лентой. Воздух здесь казался плотнее из-за еле ощутимого, дорогого и терпкого аромата сандала.

Справа от входа находилось его «святилище» — рабочая зона. Массивный стол из тёмного дерева напоминал пульт управления космическим кораблём. Два широких монитора светились в полумраке: на одном замерла сетка Discord, на другом — открытый проект в Adobe Premiere с раскадровкой нового влога. Несмотря на горы техники, здесь царил идеальный порядок. Кабели были стянуты в аккуратные жгуты, а рядом с механической клавиатурой, чьи клавиши матово поблёскивали, замерли коллекционная фигурка и стакан с остывшим латте.

Напротив этого «геймерского рая» располагалась зона абсолютного комфорта. Кровать Феликса казалась огромным мягким облаком из-за тяжёлого серого одеяла и россыпи подушек разного размера. В самом углу, у изголовья, притаились несколько плюшевых игрушек — молчаливые хранители его сна. В приглушённом свете они не казались детскими, скорее подчёркивали простую человеческую потребность в тепле после многотысячных арен.

Стены комнаты были живым дневником. Возле зеркала, на котором ровными рядами стояли флаконы средств для многоступенчатого ухода за кожей, висела целая гирлянда из полароидных снимков. На них — размытые улыбки мемберов, залитые солнцем пляжи Сиднея и случайные кадры ночного Сеула. Эти маленькие карточки служили ему якорями. Они не давали мировой звезде забыть о том мальчике, который когда-то решился на долгий полёт за своей мечтой.

Здесь не было случайных вещей. Каждый предмет — от профессиональных наушников на подставке до крошечного цветка на подоконнике — безмолвно твердил о двойственности натуры хозяина: безупречного профессионала с железной дисциплиной и нежного, мечтательного юноши, превыше всего ценившего уют и искренность. Переступая порог, ты не просто оказывался в четырёх стенах — ты попадал в объятия, сотканные из густого аромата кофе, сандала и особой, уютной магии.

Хёнджин вцепился в этот злосчастный дневник так, будто от старых страниц зависела его жизнь. Он мерил шагами коридор, пытаясь переварить события дня. В голове не укладывалось ровным счётом ничего — впрочем, здравый смысл давно «покинул чат», уступив место тревожному предчувствию. Пока остальные парни уплетали стряпню Чанбина и Лино, наслаждаясь редким выходным, у Хёнджина желудок скрутило узлом — тошнотворные мысли напрочь вытеснили аппетит. Стены родного общежития, прежде уютные, теперь казались чужими.

— Так, спокойно. Я здесь один, кругом только свои... — пробормотал он под нос, пытаясь унять дрожь в пальцах.

Стоило ему свернуть за угол, как на него чуть не налетел Минхо.

— Твою дивизию! — выкрикнул старший, чудом удержавшись на ногах и прижав ладонь к груди. — Ты чего крадёшься, как ниндзя на спецзадании? Сердце чуть в пятки не ушло!

— Да я... Просто задумался. Извини, — выдавил Хёнджин, стараясь спрятать дневник за спиной.

Изогнув бровь, Лино смерил его подозрительным взглядом.

— Ты что, всё это время в ванной медитировал?

— Нет, застрял у Феликса. Болтали о всякой ерунде, время пролетело, — соврал Хёнджин, не моргнув и глазом.

— Понятно, — протянул Лино, прищурившись. Он явно видел, что младшего штормит от каких-то мыслей, но решил не лезть в душу. По крайней мере сейчас. — Ладно, на кухне уже всё накрыто, иди поешь, пока остывшее не пришлось жевать.

— Спасибо, хён, я скоро буду, — кивнул Хёнджин, натянув дежурную улыбку.

Минхо хлопнул его по плечу и скрылся в глубине коридора. До него донеслось лишь тихое насвистывание какой-то мелодии, но ощущение тревоги никуда не делось — эта ночь обещала быть долгой.

Добравшись до своей комнаты, Хёнджин проскользнул внутрь и заперся, опасаясь новых «сюрпризов». Дневник лёг на стол почти бесшумно. Пыльная коробочка, всё ещё стоявшая на виду, раздражала — одним резким движением он спихнул её на пол, в самый дальний угол.

Я ведь не спятил? Неужели дядя просто выдумал этот безумный мир, или он знал правду, скрытую от обычных людей?

Он снова принялся мерить комнату шагами, пытаясь упорядочить хаос в мыслях.

Вендиге? Оборотни? Серьёзно?

Сомнения грызли изнутри. За окном ещё сияло летнее солнце, но оно уже предвещало час, когда тени становятся длиннее, а секреты — опаснее. *Значит, существует изнанка жизни, теневая сторона... И если всё это правда, то где предел? Существуют ли те, кто хранит нас, или мы предоставлены сами себе в этой темноте?*

Решение созрело мгновенно: нужно перерыть семейные архивы. Требовалось выяснить, какую роль в этом безумии играла семья и почему именно сейчас старые тайны постучались в дверь. Повседневная жизнь айдола дала трещину. Кем на самом деле был дядя и во что он втянул племянника, оставив этот проклятый путеводитель по чертовщине?

Пока Феликс спал, а остальные разбрелись кто куда, Хёнджин решил: пора заканчивать начатое. Он выудил из шкафа привычную одежду — поношенную чёрную футболку и джинсы, густо заляпанные краской. Запихнув в задний карман чистую ветошь для вечно испачканных пальцев, он уже направился к мольберту, но вдруг замер. Взгляд зацепился за стол, заваленный вещами дяди.

— Твою ж... — выдохнул он сквозь зубы. — Надо разобрать этот склад, пока кто-нибудь не увидел лишнего.

Вернувшись к столу, Хёнджин выдвинул ящик и принялся наводить порядок. Листки, исписанные латынью, отправились на самое дно — в этой стопке они походили на рукописи безумного монаха. Туда же полетела зажигалка. Старое кольцо на мгновение замерло в его руках, пока взгляд изучал странную гравировку. Символ определённо что-то значил, пробуждая навязчивое любопытство, но разгадка могла подождать. Он подбросил украшение на ладони и отправил его к остальным побрякушкам.

Из дневника он извлёк фотографию дяди и долго рассматривал старый снимок. На карточке Минск выглядел... обычным. Почти. Если не всматриваться в чуть более острую, чем у племянника, линию подбородка и ту самую характерную горбинку на носу. Даже крохотная родинка под левым глазом — фамильная печать, которую Хёнджин унаследовал точь-в-точь. Он помнил его плохо, лишь смутными обрывками, ведь тот вечно где-то пропадал и редко выходил на связь. Но теперь стало понятно, почему.

Хёнджин невольно коснулся своих губ. Сходство было поразительным, почти пугающим. Те же изгибы, та же форма... Но дядя на снимке не казался изнеженным наследником. Короткий, резкий шрам, рассекающий нижнюю губу и уходящий к челюсти, красноречиво говорил о том, что в свои двадцать этот человек уже знал вкус крови и цену удара. Эта отметина вдребезги разбивала образ «золотого мальчика», превращая его в того, с кем точно не стоило встречаться в тёмном переулке.

Из соседнего ящика он достал узкую катушку двустороннего скотча и тяжёлые ножницы. Подойдя к зеркалу, замер. Прямо на стекле, по краям, уже были приклеены кусочки прошлого: вот Кками смешно завалился на бок, высунув язык, а вот мама улыбается на фоне весенних деревьев, вот и сам он с перепачканными краской руками. Между снимком собаки и семейным портретом оставалось небольшое пустое пространство.

Хёнджин на мгновение отложил фото на поверхность столика, чтобы освободить руки. Теперь, удерживая катушку в одной ладони, он потянулся за кончиком ленты, подцепил его ногтем и потянул на себя. В тишине комнаты раздался характерный вязкий звук. Острые лезвия ножниц с тихим «клик» отсекли четыре аккуратных квадрата, которые он временно закрепил на краю столешницы.

Снова взяв фотографию, Хёнджин перевернул её лицом вниз. Работа была почти ювелирной: он осторожно переносил клейкие кусочки со стола, прижимая их к самым углам обратной стороны карточки. Кончиками ногтей поддел защитную плёнку на каждом из них, и один за другим белые клочки падали на пол, обнажая прозрачную, идеально цепкую основу.

Вновь повернулся к зеркалу. Секунду помедлил, выравнивая снимок так, чтобы дядя находился ровно посередине между жизнерадостным псом и семейным портретом. Плотно прижал изображение к прохладному стеклу. Кончики его пальцев ощутили, как клей схватывается с поверхностью. Когда руки опустились, фотография осталась на месте. Без видимых полосок скотча по краям она выглядела странно — будто просто замерла в воздухе или проросла сквозь само стекло.

— Пусть будет здесь, — прошептал он, и дыхание на мгновение оставило на зеркале лёгкий туманный след, который тут же растаял.

Так было правильнее. Спрятать фото в ящик стола означало признать, что дядя — это некий постыдный секрет или пугающий призрак. А здесь, среди привычных лиц и тёплых воспоминаний, тот казался просто частью семьи. Словно никуда не исчезал, не был связан с оккультными странностями, а просто... был рядом.

Хёнджин отступил на шаг, прищурившись. Со стороны никто бы не заметил ничего странного: для гостя это был лишь очередной портрет в семейной галерее. И только хозяин комнаты понимал: этот «элемент декора» — единственный способ не сойти с ума от неизвестности. Он задумчиво потёр подушечки пальцев, ощущая тонкий липкий налёт — напоминание о том, что непознанное окончательно укоренилось в личном пространстве.

Вдохновение нахлынуло внезапно, требуя немедленного воплощения. Прежде чем подойти к мольберту, Хёнджин пересёк комнату и замер у старого проигрывателя. Рука привычно скользнула по корешкам пластинок, выбрав одну — с едва потёртым краем обложки. Бережно извлечённый винил лёг на диск, следом опустилась игла. Спустя мгновение тишину нарушил характерный мягкий треск, и пространство наполнила меланхоличная мелодия. Звук пришлось убавить почти до минимума: музыка не должна была заглушать мысли, лишь служить невидимым каркасом для будущего образа.

Привычным движением он собрал короткие пряди в небрежный пучок, туго перехватив их резинкой, чтобы волосы не лезли в глаза. Щёлкнул выключатель настольной лампы, направляя поток тёплого света на подрамник. Замер на мгновение, вслушиваясь в ритм, а затем принялся за палитру. С тихим шорохом мастихин смешивал тягучие капли масла, превращая разрозненные пятна в нужный оттенок глубоких сумерек. Наконец, взяв кисть, Хёнджин приступил к работе, решив во что бы то ни стало завершить картину.

Мазки ложились густо, перекрывая прежние огрехи. Он почти не дышал, боясь спугнуть ту самую искру, что заставляла пальцы двигаться почти механически — в такт ленивому перебору контрабаса и рассыпчатым ударам по тарелкам. В голове не осталось ни лишних мыслей, ни планов на завтрашнюю репетицию. Только полотно, испачканное охрой и индиго, и едкий запах разбавителя, постепенно заполнивший его тихую обитель.

Но стоило размеренному ритму сменить тональность, как в пространство комнаты вплёлся глубокий, бархатистый голос виолончели. Звук ворвался в тишину не как гость, а как полноправный хозяин — густой, немного хриплый и тягучий, словно расплавленный мёд. Хёнджин застыл на мгновение, чувствуя, как вибрация инструмента отзывается где-то в груди. Под этот новый ритм он уже не мог просто прописывать фон — работа требовала чего-то более живого, неуловимого.

Он взял тонкую кисть с мягким ворсом и невесомо коснулся палитры, смешивая охру с каплей белил, пока не добился оттенка предрассветного тумана. Теперь его целью стал центр полотна — место, где индиговые сумерки сталкивались с невидимым источником света. Казалось, инструмент выдувает не музыку, а сам свет, который художник бережно ловил кончиком кисти. В этот момент на картине ткалось нечто стихийное: дрожащие огни фонарей превращались в золотые нити, в глубоких тенях угадывались силуэты старых мостов, а дымчатые переходы связывали холодный индиго с тёплой охрой.

Под тягучую переключку саксофона и трубы, поющих о чём-то несбывшемся, Хёнджин нанёс последний штрих — чуть заметную, почти прозрачную фигуру у края воды, чьи контуры размывались, стоило лишь на секунду отвести взгляд. Низкий, рокошующий тембр одного инструмента сплетался с надрывными, высокими нотами другого, создавая ту самую гармонию, которая рождается только из глубокой печали. Звуки постепенно затихали, сменяясь минорным перебором клавиш: музыка теперь жила собственной жизнью, вторя влажному блеску свежей краски.

Время в такие моменты становилось зыбким, напоминая густой туман за окном. Хёнджин отложил кисть и выпрямился, чувствуя, как затекла спина. Краска под ногтями успела засохнуть, превратившись в тёмную корку. Свет лампы полоснул по уставшим глазам. Он прикрыл веки, пытаясь задержаться в сумерках своего воображения, но реальность была слишком яркой и навязчивой. В углу умолкал виниловый проигрыватель: последние пассажи фортепиано окончательно истаяли, и теперь лишь игла мерно шуршала, добравшись до конца дорожки. Тишина в общежитии стала осязаемой и тягучей; её нарушал только этот механический ритм да приглушённый гул ночного Сеула.

Взгляд упал на экран смартфона, брошенного среди разбросанных тюбиков с краской. Три часа ночи. Цифры светились резким белым светом, настойчиво напоминая: всего через четыре часа их ждут фургон, стафф и бесконечная череда дел.

— Ты вообще собираешься ложиться или планируешь встретить рассвет с кистью в зубах? — раздался негромкий голос из дверного проёма.

Хёнджин вздрогнул от неожиданности, и палитра в его руке опасно качнулась. Глубоко выдохнув, пытаясь совладать с собой, он обернулся: в дверном косяке, кутаясь в безразмерное худи, стоял Феликс. В полумраке его веснушки казались россыпью тёмных звёзд на бледной коже. Не дожидаясь ответа, он переступил порог, почти бесшумно ступая босыми ногами по паркету, и, подойдя к проигрывателю, мягким движением опустил рычаг тонарма, прекращая музыку. Вид у него был заспанный и помятый, но во взгляде читалась та самая тихая забота, которую они привыкли прятать друг от друга за кулисами.

— Почти закончил, — соврал Хёнджин, вытирая пальцы о ветошь. — Просто увлёкся. Знаешь же, как это бывает.

Подойдя ближе к мольберту, Феликс замер, вглядываясь в холст так пристально, словно пытался разгадать скрытый в мазках шифр. На полотне оживал меланхоличный пейзаж: бесконечные сумерки, затянутые плотной свинцовой дымкой, зеркальная гладь воды и тонкие силуэты деревьев, застывшие в немом ожидании чего-то неизбежного. В тусклом свете лампы ещё не высохшее масло поблёскивало, создавая иллюзию живой, дрожащей влаги.

— Выглядит круто. Но если ты свалишься от истощения прямо на сцене, Чан нам обоим головы открутит. И это будет куда хуже любого проклятия, — Феликс невесело усмехнулся, потирая затёкшую шею.

Хёнджин кивнул и улыбнулся комплименту, чувствуя, как его окутывает сонное, дурманящее марево. В безумном ритме жизни айдолов, где каждый шаг выверен до миллиметра, такие ночные бдения были их личным бунтом. Единственным способом оставаться собой, когда весь мир ждёт от них безупречной картинки.

— Иди спи, Ликс. Я сейчас приберусь и тоже лягу. Обещаю.

— Ага, слышал я это уже раз сто, — Феликс похлопал его по плечу, задержав ладонь чуть дольше обычного. — Не засиживайся. Нам завтра ещё мир спасать... Ну, или хотя бы делать вид, что мы в полном порядке.

Едва дверь за другом закрылась, Хёнджин тяжело выдохнул, не в силах подняться с высокого стула. Попытка разогнуть спину отозвалась резкой пульсацией — многочасовая неподвижность на жёстком сиденье давала о себе знать. Работа над холстом выпила все силы, оставив взамен лишь липкость масляной краски на коже и едкий аромат разбавителя, въевшийся в ноздри. Он опустил взгляд: испачканные в ультрамарине и охре пальцы напоминали руки механика, полдня копавшегося в старом двигателе. Творчество умирало внутренних демонов, но в то же время предупреждало: от простого увлечения до бездонной пропасти фанатизма — всего один неосторожный мазок.

Наконец, собрав волю в кулак, он поднялся и поплёлся к окну. Нужно было впустить в комнату жизнь — от резких запахов в висках уже начала пульсировать тупая боль. Резким движением он толкнул створку. Летняя ночь достигла своего пика, став по-особенному прозрачной и тихой. В лицо ударил поток свежести. Воздух, ещё не успевший напиться дневным зноем и пылью мегаполиса, был удивительно лёгким, с тонким шлейфом остывающего асфальта и влажной листвы. Хёнджин глубоко вдохнул, позволяя прохладе заполнить лёгкие.

Взгляд невольно скользнул к небу. Там, среди редких звёзд, бледным пятном сияла луна, похожая на призрачный прожектор, заливающий крыши спящего Сеула холодным серебром. Город молчал, и в этой тишине чувствовалось что-то сакральное, предназначенное только для тех, кто не спит. Сделав ещё один вдох, Хёнджин заставил себя оторваться от созерцания ночи. Пора было закругляться. Если Чан застанет его в таком состоянии на утренней переключке, выговора о важности режима не избежать. А выслушивать лекции лидера в семь утра — удовольствие сомнительное, сравнимое разве что с попыткой настроить гитару с лопнувшими струнами.

Возвращение к мольберту вернуло и привычную рутину. Пальцы методично закручивали колпачки на тюбиках — это движение, доведённое до автоматизма, приносило странное успокоение. Каждый закрытый флакон — точка, поставленная в сегодняшнем хаосе. Хёнджин бережно собрал кисти, стараясь не задеть грязным ворсом открытые предплечья или край своей и без того выдавшей виды футболки. Инструменты требовали ухода, словно верное оружие после долгого рейда. Оставишь их грязными — и завтра они подведут в самый ответственный момент.

Сложив художественные принадлежности в потрёпанный ящик, Хёнджин окинул взглядом свою небольшую комнату. Пол, усеянный обрывками бумаги, придавал скромному помещению вид заброшенной мастерской. Усталый вздох сорвался с губ, когда пришлось опуститься на корточки; колени предательски хрустнули. Именно в этот момент в глаза бросились яркие кляксы на паркете, не замеченные ранее в творческом порыве.

— Чёрт... — прошептал он с явным раздражением.

Рука с силой сжала тряпку, пока он пытался оттереть въевшийся пигмент. Масло подавалось неохотно, лишь сильнее размазываясь по поверхности. Глубокий синий смешивался с землисто-золотистой охрой, превращаясь в грязные разводы, удаление которых требовало ощутимых усилий. Вместе с чистотой пола росло и чувство физического дискомфорта: ладони стали липкими от вязкой смеси, а спина начала затекать, но работа продолжалась — лишние улики бессонной ночи были ни к чему.

Закончив с пятнами, Хёнджин принялся собирать разбросанные наброски. В ход пошла привычная сортировка: удачные отправлялись в папку, а те, что не прошли внутреннюю цензуру, безжалостно сминались в комки. Собрав охапку бумажного хлама и грязную ветошь, он закинул всё это в мусорное ведро под рабочим столом. Пришлось с силой надавить сверху, утрамбовывая эскизы вместе с тряпкой, пока гора мусора наконец не осела на дно.

Тело требовало не просто отдыха, а глубокого очищения. Желание смыть с себя этот бесконечный день и въедливый запах стало почти невыносимым. Подхватив халат с полотенцем, он, стараясь ступать бесшумно, выскользнул в коридор общежития.

Здесь царило то самое звенящее безмолвие, характерное для трёх часов ночи. В воздухе витал слабый аромат кондиционера для белья — полная противоположность его «красочному» хаосу. Он прокрался к ванной, аккуратно минуя скрипучие участки пола и стараясь не касаться стен всё ещё грязными руками.

Заперев дверь, Хёнджин наконец позволил себе взглянуть в зеркало. Отражение не радовало: тёмные круги под глазами и яркое пятно от случайного мазка синей краски на скуле.

— Ну и видок, — буркнул он себе под нос.

Стоило стянуть чёрную резинку, как по затылку разлилось приятное тепло, а пряди послушно рассыпались в стороны. Хёнджин пригладил волосы, убирая их со лба, и открыл воду. Пар стремительно заполнил пространство, превращая ванную в подобие туманного берега. Шагнул под тугие горячие струи, он почувствовал, как они смывают не только краску, но и накопившуюся за день тревогу. Синие и охристые разводы стекали к сливу, закручиваясь в маленькие разноцветные воронки. Пришлось долго и усердно тереть ладони мочалкой, вымывая въевшийся пигмент, пока кожа не начала гореть.

Вскоре к запаху влажного кафеля примешался аромат любимого геля — терпкий бергамот с нотками сандала. Выдавлив на ладонь порцию густого шампуня, он, несмотря на смертельную усталость, заставил себя мягко массировать кожу головы. Пальцы скользили по путающимся прядям, а пена пахла дорого и успокаивающе. Следом пошёл кондиционер — без него обесцвеченные волосы к утру превратились бы в солому. Статус «вижуала» обязывал к безупречности даже в те дни, когда Хёнджин оставался просто художником, забывшим о счёте времени.

Особое внимание было уделено лицу. На нём не было ни следа грима — сегодня был редкий выходной, и это позволило коже отдохнуть от плотных слоёв сценической косметики, но за день на ней осели невидимая пыль и капли растворителя после увлечённой работы мастихином. Чтобы смыть въевшиеся пятна краски на скулах и у линии роста волос, Хёнджин тщательно взбил в ладонях мягкую пенку. Загрязнения поддавались неохотно, но ощущение «обнажённой» кожи, начавшей наконец дышать, приносило истинное удовольствие.

Выйдя из душа, он протёр рукой запотевшее зеркало. Напротив замер всё тот же айдол, но взгляд теперь казался чуть чище, а лицо порозовело от пара. Накинув халат и перебросив полотенце через плечо, Хёнджин вернулся в комнату. Влажные волосы неприятно холодили шею, но прежде чем лечь, нужно было завершить ритуал.

В баночке ждал ночной крем. Воздушный и сияющий, он напоминал невесомое облако, едва коснувшееся холста. Набрав немного средства на кончики пальцев, Хёнджин начал распределять его по лицу точными, почти профессиональными движениями: по скулам, переносице и подбородку. Мягкие подушечки вбивали состав, словно растущёвывали свет на рисунке, — кожа жадно поглощала влагу. Это была своеобразная «реставрация» — способ вернуть себе живой вид после бесконечных часов под светом софитов.

Теперь в комнате пахло свежестью раннего утра, тянувшейся из приоткрытого окна, дорогим уходом и еле уловимо — льняным маслом от мольберта. Проходя мимо неоконченной работы, Хёнджин на мгновение замер. В слабом лунном свете, просочившемся сквозь тонкий тюль, картина казалась чужой, словно её написал кто-то другой. Кожа ещё ощущала нежное мерцание и абсолютную невесомость крема, создававшего тончайшую защитную вуаль между ним и внешним миром.

Прикрыв глаза и отгоняя желание поправить ещё хоть одну деталь, он рухнул в постель. Одеяло казалось невероятно тяжёлым и уютным. Как только голова коснулась подушки, сознание начало медленно проваливаться в вязкую, тёплую черноту. Последнее, что удалось зафиксировать перед тем, как окончательно уснуть, — тихий звук собственного дыхания, которое наконец-то стало ровным. Сон пришёл мгновенно, стирая границы между реальностью и вымышленным миром полотен и семейных тайн.

Вторник *Stray Kids*

Вторник обрушился на Stray Kids внезапно. Утро закрутилось в привычном бешеном ритме: ледяная вода в лицо, обжигающий кофе на ходу и бесконечный список дел, напоминающий план по зачистке города. Впереди маячил день, забитый до отказа: зал, репетиции, отработка каждого движения до автоматизма. Еду перехватывали в коротких перерывах, почти не чувствуя вкуса — просто топливо, чтобы не свалиться на полпути.

Хёнджин вытер пот со лба, тяжело дыша. Сквозь панорамные окна танцевального зала пробивался закат, окрашивая паркет в кроваво-оранжевый. В голове всё ещё зудели ночные мысли, не давая расслабиться. Единственным просветом в этом хаосе казалась грядущая вечерняя фотосессия «Иконы стиля» — до неё оставались считанные часы. Маленький шанс на передышку, пускай и под прицелом объективов.

Феликс прислонился к стене, тихо выдохнув. Усталость легла на плечи тяжёлым грузом, но в глазах не было и тени злости. Он видел: нервы у парней натянуты как струны. Неделя выдалась той ещё прогулкой по аду, а о «личной жизни» они вспоминали, лишь глядя на старые интервью. Как только музыка стихла, ребята разошлись: кто-то рванул в душ, кто-то уже вовсю размешивал палочками густой соус в порции чжачжанмёна, предвкушая первый за день полноценный обед. Хёнджин, чувствуя, как ноют натруженные мышцы, решил не отставать

от остальных. Ему было жизненно необходимо привести себя в порядок — смыть липкий пот и наконец-то стряхнуть с себя это состояние «выжатого лимона». Пара часов свободного времени в запасе — настоящая роскошь по их меркам.

Спустя некоторое время все стянулись к выходу. У здания агентства, пофыркивая мотором, ждал верный микроавтобус — их «крепость на колесах». В воздухе дрожал гул голосов, от которого у Хёнджина постепенно начинала трещать голова. Менеджер скомандовал посадку, и они отправились на следующий этап этого квеста.

Забившись в угол у окна, Феликс вцепился в рюкзак. План на вечер был прост: сразу после съёмок незаметно ускользнуть в книжную лавку неподалёку. В голове крутился странный винегрет из мыслей: бестиарии, описания монстров... Откуда в памяти всплывали классификации, если прежде они его совершенно не интересовали? Дневник дяди Хван Минсока оказался чертовски полезной находкой, настоящей энциклопедией, но вопросов после него стало только больше.

Пока автобус лавировал в потоке машин, Чан подсел к Хёнджину. Лидер смотрел пристально — тем самым взглядом, от которого ничего не скроешь.

— Что за посылку тебе притащили? — голос Чана звучал тихо, почти вкрадчиво. — Ни обратного адреса, ни имени. Сплошная секретность.

Намеренно умолчав о том, кто именно передал коробку, Чан решил прижать друга фактами позже. От неожиданного вопроса Хёнджин едва не подпрыгнул на сиденье. Он и сам понятия не имел, кто этот таинственный курьер, но теперь стало ясно: лидер что-то разнюхал.

— Да так... — он лихорадочно соображал, пытаясь выдать правдоподобную версию. — Старые черновики песен. Сочинял когда-то, не хотел, чтобы кто-то видел этот позор раньше времени.

На щеках Хёнджина проступил предательский румянец. Чан лишь усмехнулся, качнув головой:

— Хорошая попытка, мастак... Только вот коробку притащил не курьер из службы доставки, а какой-то седоватый европеец, явно не из наших краёв. У тебя что, объявились заграничные родственнички?

Хёнджин чуть не прикусил язык. Загнан в угол.

— Послушай... Я сейчас не готов это обсуждать. Серьёзно.

Чан кивнул — нужно было сбавить обороты. В конце концов, семья — это не про допросы с пристрастием.

— Как скажешь. Но если ты во что-то вляпался — просто дай знать. Мы вытащим тебя из любой передраги.

— Всё путем, не парься, — бросил Хёнджин, хотя на душе было паршиво.

Дорога пролетела на одном дыхании. Когда машина затормозила, Джисон, всё ещё пребывавший в полудреме, недовольно проворчал:

— Неужели приехали?

— Выгружайся, соня! — бодро скомандовал Чан, подталкивая друга к двери.

Джисон рассмеялся, окончательно прогоняя остатки сна. Сонливость испарилась, уступив место предстартовому мандражу. Студия встретила их уютным полумраком и густым ароматом кофе. Ребята сразу направились в гримёрку — там вовсю кипела работа: визажисты сновали из угла в угол, подготавливая свой внушительный арсенал.

Локация выглядела так, будто её выдрали прямиком из старого роуд-муви: потрёпанная кожа ретро-кресел, хром винтажных байков и неоновые вывески, сочащиеся ядовитым светом. Настоящий ночной город, запертый в четырёх стенах павильона. Мастера кистей и расчёсок лихорадочно превращали вымотанных бродяг в иконы стиля — дерзких, эффектных и готовых к любому вызову.

Чанбин застыл перед объективом, излучая ту монолитную уверенность, которую не прошибёшь и ломом. Его типаж идеально вписался в концепт «бунтаря с добрым сердцем» — парня, который молча вытащит из беды и уйдёт, так и не дождавшись благодарности. Минхо двигался в кадре неспешно, с ленивой, почти аристократической грацией. В его размеренных движениях читалась абсолютная самодостаточность: он не подстраивался под свет, а заставлял камеру ловить свой холодный, пронзительный взгляд.

Каждое движение Сынмина было отточено до совершенства. Он держал спину по-королевски прямо, а его мягкая улыбка мгновенно разряжала обстановку в студии. Младший, Айен, ни в чём не уступал старшим, мастерски превращая следы усталости в холодный профессиональный лоск, за которым скрывался стальной характер. Градус настроения поднимал Джисон. Насквозь пропитанный кофеином, он без умолку развлекал фотографа. Без его трёпа эта смена была бы похожа на затянувшееся ожидание в приёмной.

Чан, как истинный капитан этого тонущего в дедлайнах корабля, контролировал каждый шорох. Он выглядел как человек, знающий цену каждому кадру, — одобрительный кивок стоил дороже любых гонораров. Феликс выпорхнул из кресла стилиста, каким-то чудом сохранив внутреннее сияние. Россыпь веснушек и живая, обезоруживающая мимика притягивали взгляды, невольно заставляя персонал забыть об усталости.

Хёнджина же, напротив, «накрывало». Расслабиться не удавалось: в голове набатом стучал единственный вопрос — как поскорее разузнать правду о сущности, обосновавшейся в их стенах. Тайна жгла изнутри, вынуждая искать ответы, но реализовать задуманное без безупречного плана было невозможно. Нужно было придумать, как убедительнее обмануть ребят и под благовидным предлогом выставить их из общежития. Он замер в привычном образе: рванный деним, безразмерная чёрная рубашка и тонкая цепочка с кулоном, ставшая его личным оберегом. Фотограф тщетно пытался выудить из него ту самую энергию, что обычно искрила на сцене, но в ответ получал лишь холодную маску безразличия.

В какой-то момент он всё же заставил себя отпустить контроль. Снимки тут же ожили, наполнились драйвом и непринуждённостью. Теперь от него требовали иного — спокойной силы и ледяной красоты, и он выдавал их порциями: в каждом прищуре, в едва заметном напряжении губ. Каждый щелчок затвора ощущался выстрелом в упор, проверкой на прочность: способен ли он быть не просто ярким танцором, а сдержанной и изысканной моделью, скрывающей свои тревоги за безупречным кадром?

Съёмка затянулась до глубокого вечера. Выжатые досуха, но довольные результатом, ребята вернулись в общежитие на заслуженный отдых. Феликсу так и не удалось вырваться в книжный: в 22:30 вряд ли хоть один из них был ещё открыт. Дорога домой была привычной и не заняла много времени. Неплотно перекусив за общим столом, все разошлись кто куда: в душ, почитать перед сном или посмотреть комедию в гостиной, а кто-то и вовсе сразу провалился в сон.

На балконе, где парни обычно коротали вечера, Хёнджин надолго привалился грудью к перилам, вглядываясь в панораму ночного Сеула. В зрачках дрожали отражения фонарей, а в глубине груди вновь зашевелилось вязкое предчувствие. В такие моменты начинаешь верить, что там, за границами привычного мира, в густых тенях между высотками, прячется нечто иное — не имеющее ничего общего с человеческой природой.

Три часа спустя. 01:45, глубокая ночь среды *Хёнджин и Феликс*

В общежитии наконец наступило долгожданное затишье — редкий момент, когда мемберы разбрелись по комнатам, чтобы поспать, почитать или залипнуть в YouTube. Хёнджин

и Феликс забаррикадировались в спальне, превратив её в подобие штаба. На столе гудел компьютер Ликса, заливая их лица мертвенно-бледным светом двух мониторов: на одном застыла карта города, на другом — бесконечные оцифрованные манускрипты. Их цель была проста и одновременно безумна: вычислить тварь, которая посмела поселиться в их общем доме.

Пальцы Феликса летали по клавишам, методично просеивая «мусорные» форумы и архивы, пока взгляд не зацепился за старую байку о «прилипалах» и «ВечноНеупокоенных».

— Бинго. Нарыл, — выдохнул он, не отрывая взгляда от строчек на втором мониторе. — Эта дрянь зовётся Лименом. Мелкий паразит, присоска. Один в один наш «клиент». Послушай, что пишут.

— Ну, выкладывай, — отозвался Хёнджин, внимательно наблюдая за другом.

Феликс подался вперёд, чеканя слова, словно зачитывал неизбежный приговор:

— Лимен — это не привидение в простыне. Это осадок. Гниль, остающаяся после того, как какая-нибудь отборная мразь подыхает в агонии. Не душа, а гнойный нарыв. Он застрял здесь не из-за «незаконченных дел», а просто потому, что даже Чистилище выплюнуло это дерьмо обратно. Болтается где-то посередине, питаясь страхом, отчаянием, чистой паникой. Сразу не убивает — паразиту выгодно мариновать жертву в ужасе, терпеливо смакуя, как страх разъедает рассудок. Чем сильнее ты дрожишь, тем плотнее и опаснее становится этот ублюдок. Но есть и хорошие новости: его можно выкурить, спровоцировать и прикончить.

Хёнджин слушал друга предельно внимательно. От описания повадок твари по коже пробегали мурашки, а мозг лихорадочно сопоставлял факты. Когда Феликс закончил, он молча кивнул и судорожно перелистал дневник, надеясь, что дядюшка оставил хоть какую-то внятную инструкцию.

От очередного резкого движения в воздух взметнулось облако серой едкой пыли. Палец замер на засаленной, криво начертанной строчке, но вековая труха, скопившаяся в переплётё, тут же зашкотала в носу. Он смачно чихнул в сгиб локтя, зажмурившись до звёзд перед глазами, а когда снова их открыл — увидел, как в холодном свете монитора кружатся потревоженные частицы.

— Эй, полегче, принц Версаче хренов, корону придержи, а то от твоего чиха всё величие по швам трещит, — усмехнулся Ликс, бросив на него короткий взгляд.

— Заткнись, я чуть лёгкие на пол не выплюнул! — Хёнджин тряхнул головой, избавляясь от наваждения. — Тут тоже кое-что имеется, — он ткнул в заляпанную страницу. — Этот эфирный пакостник привязывается к «носителю» и обычно является лишь тому, из кого пьёт жизнь.

Джинни резко вскинул голову, сверля Ликса взглядом:

— Ты говорил, что видел его...

— Да... — глухо отозвался Феликс, и в комнате сразу стало на пару градусов холоднее.

— Значит, Лимен выбрал тебя. Вот почему этот гад до сих пор ошивается рядом. Но какого чёрта именно ты? Чем ты ему приглянулся больше, чем Чан-хён, Хани или Чанбин? — Хёнджин нахмурился, перебирая в уме причины, по которым подобные твари вешаются на людей.

— Теперь это не имеет значения, Джинни. Давай к делу.

— Окей... Короче, в дневнике расписано, как отправить этого ублюдка прямым рейсом в ад. Вариант первый: световая ловушка и зеркало. Нужен мощный поток — прожектор, вспышка или проверенный временем стробоскоп, чтобы хреначил без остановки. Свет его не аннигилирует, но знатно дезориентирует и запрёт в «клетке». Вариант второй — старая добрая классика: найти останки, щедро засыпать солью и спалить к чертям собачьим.

— Забудь про кости. Кладбищ в округе больше, чем фанатов на стадионе. Мы до скончания веков будем их перекапывать, пытаясь угадать нужную могилу. А вот тема с зеркалом — это уже интереснее. — Ликс развернулся к другу, в глазах блеснул опасный огонёк. — Если

заманам Лимена в зазеркалье, а потом просто разнесём этот стеклянный гроб вдребезги — делу конец.

Скептически выгнув бровь, Хёнджин прикидывал, насколько велик шанс облажаться.

— Думаешь, выгорит? Тогда нам понадобится что-то увесистое, чтобы раскрошить этот «гроб» вместе с монстром внутри.

— А почему бы и нет? Попытка — не пытка, в конце концов. Я видел монтировку в багажнике у Чана, — Феликс задумчиво прикусил губу, — стащу её чуть позже. Надеюсь, он не хватится инструмента в самый неподходящий момент, иначе нам обоим несдобровать. — его ладонь тяжело опустилась на колено, словно закрепляя внезапную мысль. — Слушай! В гостиной же стоит то огромное зеркало. Давай его и возьмём?

— Шикарно. А Чану скажем, что это ремонтники, — Хёнджин ухмыльнулся. — Мол, чинили трубы и заделали по неосторожности. Типа те ещё рукожопы.

Тихо хмыкнув, Феликс устало потёр виски и откинулся на спинку компьютерного кресла. Бледный свет монитора ложился на кожу, превращая веснушки в отчётливые созвездия. А весь его вид выражал лишь одно желание: оказаться где угодно, только не здесь.

— Знаешь, если бы мне в тот день, когда я паковал чемоданы в Сиднее, сказали, чем я буду заниматься по ночам... Наверное, я бы сразу сдал билеты. Остался бы дома, мирно пёк брауни и горя не знал.

— М-м-м? Что я слышу? Неужели наш Ликс включил «режим трусишки»? — Хёнджин, сидевший на краю постели всего в паре шагов, хищно прищурился.

Он отложил дневник на покрывало и внезапно, словно в нём сработала пружина, подался вперёд. Не успел Феликс моргнуть, как сильные руки Хёнджина обхватили его под мышки и резким рывком выдернули из кресла, увлекая за собой на кровать. Ликс только охнуть успел, когда его бесцеремонно притянули в плотное, почти удушающее объятие, больше похожее на борцовский захват.

— Иди сюда, горе ты моё сиднейское! — Хёнджин по-медвежьи сжал его, зарываясь носом в светлые волосы и энергично ероша их ладонью. — Будешь ныть — затискаю до смерти, и никакие призраки не понадобятся.

От такой резкой смены «гравитации» у Феликса перехватило дыхание. В голове первым делом вспыхнул не страх перед призраками, а тревожный сигнал от собственной поясницы.

— Эй! Полегче! — пискнул он, пытаясь высвободиться из цепких рук. — Моя грыжа сейчас выйдет из чата раньше, чем мы найдём этого Лимена! Джинни, пусти, я слышу, как мои позвонки кричат о пощаде!

Рассмеявшись, Хёнджин чуть ослабил хватку, позволяя Феликсу вздохнуть, но из объятий так и не выпустил. В его глазах вспыхнула та самая жажда приключений, за которую в приличном обществе принято вызывать экзорциста.

— Ой, да не будь таким занудой! Глянь на ситуацию под правильным углом: это же колоссальная экономия на пенсионных взносах и кремах от морщин! С такой работой кризис среднего возраста нам официально не грозит — мы до него просто не доживём. Сплошные плюсы!

Зажатый в крепких объятиях, словно тряпичная кукла, Феликс даже не сопротивлялся. Он лежал, уткнувшись лицом в плечо Хёнджина, и смотрел в пространство взглядом человека, который уже смирился с тем, что его лучший друг — ходячая катастрофа, и просто ждал, когда этот приступ гиперактивной нежности закончится.

Напоследок Хёнджин сжал Феликса так сильно, что у того чуть было не хрустнули рёбра, а затем с нарочито строгим видом отпихнул его от себя.

— Ну всё, хватит с тебя нежностей! — фыркнул он, задорно сверкнув глазами. — А то совсем размякнешь и решишь, что я добрый.

Наконец вдохнув полной грудью, Феликс неловко скатился с края кровати, едва не запутавшись в собственных ногах. Ворча себе под нос — скорее по привычке, чем от реального

недовольства, — он принялся энергично одёргивать задравшуюся футболку и приглаживать светлые пряди, которые после «медвежьих объятий» друга стояли дыбом.

Следом за ним приподнялся Хёнджин, встряхнув головой, чтобы отбросить чёлку с глаз, и короткими резкими движениями разгладил складки на домашней рубашке. Приведя себя в относительный порядок, он снова сел на постель и подтянул к себе дневник, приняв максимально деловой вид.

— Так что там с этим Лименом? Как будем его выковыривать: зачитаем список грехов на латыни или просто устроим сеанс коллективного ора?

Бросив на друга косой взгляд, в котором всё же читалась благодарность, Феликс вернулся в кресло. Колёсики привычно скрипнули, когда он подкатился к монитору.

— Значит, сеанс коллективного ора... — пробормотал он, заноса пальцы над клавиатурой. Его плечи наконец-то расслабились. — Звучит как самый реалистичный план из всех, что у нас были.

Однако стоило ему качнуться в кресле, подстраиваясь под рабочий ритм, как обманчивая лёгкость испарилась. Изнуряющая, ноющая боль в пояснице, разбуженная резкими объятиями, ударила наотмашь, разливаясь по позвоночнику горячим свинцом. Феликс замер, боясь лишним движением спровоцировать прострел. Межпозвонковая грыжа была его невидимым, коварным спутником: она заставляла выверять каждый шаг на сцене и каждый наклон в студии. Сейчас, после долгих часов в одной позе, спина казалась чужой, окостеневшей, будто её стянули стальными обручами.

Ещё секунду назад лучившийся энергией Хёнджин тут же уловил перемену. Слишком знакомой была эта специфическая заминка и то, как белеют костяшки пальцев, вцепившихся в край стола. Веселье на лице погасло, сменившись глубокой тревогой. Вместо шумных расспросов — понимая, что друг сейчас уязвим, — он мягко, почти невесомо положил ладонь на его плечо. Лёгкое сжатие пальцев стало безмолвным знаком: «Я здесь, я вижу, я рядом».

Почувствовав это прикосновение, Феликс медленно, с предельной осторожностью повёл плечами, разминая затёкшие мышцы. Раздался еле уловимый хруст. Он затаил дыхание, дожидаясь, пока позвонки встанут на место, а тупая боль, мешавшая сосредоточиться, хоть немного утихнет. Хёнджин рядом облегчённо выдохнул, видя, как напряжение в шее друга начинает спадать.

Едва их взгляды встретились, как ледяное оцепенение, сковавшее спину, наконец отступило. Это было иллюзорное, почти призрачное облегчение: он кожей чувствовал, что настоящая боль лишь затаилась, готовясь впиться в позвоночник с новой силой. И всё же, глядя на встревоженное лицо старшего, Феликс ответил той самой обезоруживающей улыбкой, которой всегда прощал ему любые безумства, шумные выходки и неуместные шутки. Сейчас эта безмолвная поддержка была для него самым эффективным обезболивающим.

Игнорируя остаточную вспышку боли в пояснице, Феликс мягко толкнул его плечом — это было немое «спасибо» за то, что Хёнджин не стал акцентировать внимание на мимолётной слабости, а просто разделил с ним этот момент.

— Хороший вопрос, — Феликс снова повернулся к экрану, быстро пролистывая данные о сущности, но вскоре тяжело вздохнул и обернулся. — Ничего конкретного. А в дневнике твоего дяди есть что-то про шумовые эффекты?

Снова зашуршав бумагой, Хёнджин вчитывался в каждое слово, надеясь найти хоть какую-то зацепку. Он на мгновение замер, наткнувшись на любопытный фрагмент, но уже в следующее мгновение разочарованно выдохнул:

— По нулям.

— Ладно, — протянул Феликс, потирая подбородок. — Придерживаемся плана: берём у Джисона кольцевую лампу, наводим суету перед зеркалом и надеемся на удачу. Если эта дрянь проявится — бьём вспышкой.

— Идёт, — согласился Хёнджин. — Завтра после тренировки заскочу в магазин, возьму пару пачек соли. И надо будет освятить воду. На всякий случай.

Феликс озадаченно взглянул на друга:

— И где мы её возьмём? В ближайшей церкви?

— Нет. Сделаем сами. Я видел тут инструкцию...

С трудом отыскав нужную страницу, Хёнджин сдул с пожелтевшего края слой пыли и поморщился: разобрать мелкий, почти выцветший почерк было мучением.

— Так, «Освящение воды для чайников», — пробормотал он, ведя пальцем по строчкам. — Нужно пять восковых свечей, чистая вода и какой-нибудь серебряный предмет: ложка, кольцо, что угодно. И, разумеется, молитва на латыни. Свечи ставим пентаграммой, сосуд — в центр, серебро — в воду. Вуаля, «святой коктейль» готов.

— Шутишь? — представив этот перформанс, Феликс приуныл. — Я надеялся, всё будет как в кино: перекрестил бутылку — и готово.

— Это тебе не в приставку рубиться, Ликс, — Хёнджин отчеканил каждое слово, заставляя друга мгновенно поддаться. — В дневнике чётко сказано: этой дряни плевать на стандартные приёмы. Нам нужен любой козырь, чтобы не скопытиться и загнать Лимена в угол. Насыплем соль, замкнём периметр вокруг зеркала — получится клетка, через которую этот чёрт не высунется.

— Ладно, босс, принято, — выдавил Феликс, стараясь унять дрожь в пальцах. — А если он плевать хотел на твои круги и всё равно прорвётся? В этом старом блокноте найдётся план «Б» на случай, если всё полетит к чертям?

Хёнджин снова уткнулся в неаккуратные пометки дяди, пытаясь нащупать хоть какую-то нить.

— Тут пометка на полях: «Любой призрак боится серебра и чистого железа», но про Лимена больше ничего нет.

Обречённо прикрыв глаза, Феликс потёр переносицу.

— Остается надеяться, что эта макулатура не врёт. Иначе вместо следующего камбэка нас ждёт вечный покой.

— Других вариантов у нас всё равно нет, — Хёнджин тяжело вздохнул, закрывая дневник. — Нужно рискнуть. Если записи реальные, завтра проверим всё на собственной шкуре. А сейчас — отбой. День выдался выматывающим, нам нужны силы.

Медленно кивнув, Феликс слегка оттолкнулся ногой от пола и позволил креслу до края стоявшей рядом кровати. Он протянул руку, подхватил плюшевую игрушку и, крепко обняв её, уткнулся подбородком в мягкий ворс.

— Согласен, — глухо отозвался он. — Я выжат как лимон. Даже аппетит пропал, хотя ты знаешь, как редко это бывает. Нервы ни к чёрту.

— Я тоже места себе не нахожу, — признался Хёнджин, смахивая лезущие в глаза волосы. — Всё-таки строить из себя охотников — задача не из лёгких. Мы к такому не привыкли.

— Слушай, «командир», ты же сам объявил отбой? — Феликс слабо усмехнулся и, приподняв лапку мягкого Стича, шутливо указал ею на дверь. Несмотря на измотанный вид, в его глазах промелькнула привычная искра озорства. — Вот и иди уже, не мозоль глаза. Или мне тебя веником выпроваживать?

— Ладно, ладно, сдаюсь! — негромко рассмеялся Хёнджин, примирительно вскинув ладони. — Оставляю дневник у тебя. Поштудируй на досуге — ты у нас внимательный, вдруг выудишь из этого бреда что-то действительно стоящее.

Как только за другом закрылась дверь, Феликс, переодевшись в чёрную пижаму с серебряной цепочкой на боку, потянулся за дневником. Решив во что бы то ни стало изучить записи, он забрался под одеяло и попытался вникнуть в текст. Однако сосредоточиться не удавалось:

мягкая подушка манила, суля желанный покой. Спустя всего пару страниц буквы поплыли перед глазами, и усталость оборвала последние нити, связывавшие его с реальностью. Так, не успев закрыть дневник, он провалился в сон, похожий на лихорадочный бред: бесконечные тёмные коридоры общежития, липкий шёпот за спиной и призрачные силуэты в густом полумраке.

Феликс резко дёрнулся, пробудившись от собственного хриплого крика. Дневник тут же выскользнул из ослабевших пальцев — глухой стук о пол помог окончательно вернуться в реальность. Распахнутые глаза резануло золотистое свечение прикроватной лампы: после кошмара оно показалось ослепительнее полуденного солнца. Болезненно зажмурившись, он прижал ладонь к влажному от пота лбу.

— О, чёрт... — выдохнул он. Сердце испуганной птицей всё ещё билось о рёбра.

Стараясь унять дрожь, он нащупал на тумбочке смартфон и коротким касанием разбудил экран. Холодное сияние на мгновение мазнуло по лицу, бледным пальцам и краю одеяла. Пять утра. Ликс отложил устройство и, свесившись с кровати, подобрал упавший дневник. Книга легла на край столешницы, сама собой раскрывшись на главе об освящении воды. Всё ещё не до конца придя в себя, он осторожно коснулся подушечками пальцев замысловатых символов.

Знаки казались пугающе знакомыми — словно эхо старой песни, ускользающее в последний момент. Тревога вцепилась когтями в грудь. Даже самому себе было тошно признавать: это навязчивое чувство дежавю он уже где-то испытывал.

Кое-как придя в себя, Феликс откинул одеяло. Сел, на мгновение застыв, и сонно потёр лицо, прогоняя навязчивые образы дурных снов. Спустив ноги на прохладный пол, он нащупал тапочки и лениво поплёлся на поиски Хёнджина.

В спальне и гостиной было пусто. Зато на кухне обнаружился «профессор»: друг невозмутимо потягивал кофе, листая увесистый том по истории религий. Вид у него был подозрительно безмятежный, будто он провёл ночь в спа-салоне, а не в компании оккультных загадок.

— Решил податься в проповедники? — с напускной иронией бросил Феликс, опускаясь на стул напротив.

— Изучаю матчасть, — Хёнджин захлопнул книгу, потянувшись к чашке с остывшим кофе.

Тишина в комнате стала осязаемой, давящей, закладывавшей уши. Феликс кожей чувствовал, как напряжение заполняет пространство, напоминая липкую паутину, из которой не выбраться.

— Пять утра, а мы оба на ногах. Прямо аттракцион невиданной бодрости, — усмехнулся Ликс, пытаясь пробить стену молчания.

— В точку. Честно говоря, я глаз не сомкнул — прокручивал в голове, во что мы вляпались. Решил, раз уж сон всё равно не идёт, копнуть глубже в историю предков.

Едва заметная усмешка коснулась губ Феликса, а одна бровь поползла вверх.

— Опять бессонница?

— Я бы назвал это «Дубль два: попытка выжить без здравого смысла» ... — хмыкнул Хёнджин. — Режиссёрская версия, без вырезанных сцен. Но сейчас не до шуток. Ликс, кто-то намеренно прислал мне вещи дяди. Старые записи на латыни... Кольцо с гравировкой ордена и этот чёртов дневник, провалился он пропадом!

Тяжело вздохнув, Хёнджин на мгновение зажмурился, подавляя чувство несправедливости. Почти до боли прикусив щеку, он замер, глядя в стену, но спустя секунду продолжил:

— Чем больше я читаю, тем больше понимаю: от меня всю жизнь что-то скрывали. Мы уже поняли, что страницы забиты описаниями тварей, которых не должно существовать. Демоны, монстры... Это не сказки. Дядя знал о них, отец, наверняка, тоже. Они строили из себя обычную семью, пока за порогом творился этот ад.

— Подожди, — Феликс мгновенно подобрался, отбросив шутливый тон. Его взгляд зацепился за дрожащие пальцы друга. — Ты хочешь сказать, что посылку прислали не по ошибке? Кто-то хотел, чтобы ты нашёл записи о демонах именно сейчас?

— Именно. Это выглядит как чей-то извращённый план, — Хёнджин устало потёр лицо. — Сперва я пытался разузнать, кто такой этот Тревор Валеску, — продолжил он, задумчиво коснувшись подбородка. — Он, как и мой дядя, числился «охотником». Информации — крохи, во всех сводках значится короткое: «Погиб при исполнении».

— Погиб? — голос Феликса прозвучал непривычно низко, вибрируя в воздухе. Он медленно подался вперёд, накрыв ладонями столешницу. Это не был жест испуга — скорее, попытка нащупать опору в реальности, которая внезапно начала уходить из-под ног. — Значит, финал для таких, как они, всегда имеет один и тот же почерк? Короткая строчка в архиве и тишина? Ты понимаешь, к чему это ведёт?

Хёнджин беспомощно пожал плечами, избегая прямого взгляда.

— Да, я понимаю... Поэтому решил, что ты имеешь право знать всё. А насчёт гибели... Файл защищён паролем, который мне не по зубам. Скорее всего, там ничего хорошего. Но это лишь верхушка айсберга... — он запнулся, подбирая слова, и взглянул на Феликса, заранее прося прощения.

— Выкладывай всё, — отрезал Ликс. Его беспристрастность начала трескаться, пропуская наружу острое нетерпение. — Раз уж мы вскрыли эту могилу, не вздумай бросать лопату на полпути. Что там ещё?

— Короче... Был у меня один предок, Хван Юн Хи... — Хёнджин снова замолчал, фраза застряла в горле. — Он считался... скажем так... не совсем обычным парнем. Не в смысле чудес или экзорцизма, а в смысле...

— Хёнджин, ради всего святого, не тяни, — поторопил Феликс, и в тоне впервые прорезалась резкая, почти осязаемая властность.

Собрав волю в кулак, Хёнджин выдал всё на одном дыхании, резко и хлётко:

— Он был нашим общим предком, Феликс. Нашим. Общим.

Мир вокруг схлопнулся до размеров тесной кухни. Монотонный гул холодильника вдруг обрёл невероятную плотность, вгрызаясь в тишину и вытесняя все остальные мысли, а воздух стал густым, как кисель. Феликс замер, пальцы, сжимавшие край стола, побелели.

— Ч-чего? — этот рваный выдох едва ли был похож на голос. Ликс почувствовал, как по позвоночнику пробежала волна холода, парализуя мышцы. — Общим?.. Ты сейчас... Ты шутишь так?

Он ждал, что Хёнджин рассмеется, назовёт это дурацким розыгрышем, но тот лишь молча, с пугающей серьёзностью, вытянул из книги свежий распечатанный лист.

— Глянь сам, — он пододвинул бумагу.

Не сразу Феликс решился прикоснуться к ней. Пальцы дрожали, когда он наконец поднял распечатку. Взгляд заскользил по строчкам, именам и датам, остановившись лишь на одном: Хван Юн Хи. Линии, связывающие их фамилии, словно кандалы, сдавливали запястья.

— Он был одним из адептов ордена просвещённых «Минджок-э бит», — тихо объяснял Хёнджин, но голос звучал как приговор. — Это корейская ветвь, которая занималась защитой людей от злых духов, демонов... Скажем так, от всякой чертовщины и того, что обычный человек назвал бы дурным сном.

Медленно коснувшись бумаги в том месте, где было написано имя предка, Феликс словно пытался через лист почувствовать отголосок того времени. Возмущение, до этого кипевшее внутри, вдруг сменилось странным интересом.

— Значит, всё, что мы считали случайным, странным... все эти предчувствия... это не плод воображения, — Ликс горько усмехнулся. Улыбка вышла красивой, но пугающей. — Это

наследство. Но... как так? Почему нам не сказали ни слова?! Столько лет... Нас оставили безоружными перед тем, что теперь будет за нами охотиться.

Лицо Хёнджина окончательно превратилось в непроницаемую маску, скрывающую боль, а сам он лишь напряжённо сжал челюсти.

— Похоже, предки мечтали, чтобы «семейный бизнес» заглох именно на нас. Чтобы мы были просто обычными парнями, которые танцуют на сцене, а не сражаются с монстрами.

Феликс поднял взгляд.

— Мечтали или просто боялись, что мы не потянем? — тихо спросил он, и в голосе послышался металл. — Они пытались нас спасти или просто заперли в клетке, забыв передать ключи? Потому что теперь «бизнес» пришёл за нами сам. И он не спрашивает, готовы мы или нет.

— Понятия не имею, Ликс. Я сам только этой ночью наткнулся на этот ворох бумаг... Сюрприз так себе, согласен. — Хёнджин выдавил подобие улыбки, но в глазах читалась неприкрытая тревога.

Воспоминания — уютные детские, бабушкины истории у камина — внезапно окрасились в пугающие тона, вызвав у Феликса укол разочарования где-то под кожей. Выходит, он не просто парень с веснушками из Stray Kids, танцующий на сцене и обожающий печь брауни, а наследник древней касты. Хранитель, чья родословная пропитана тайнами, о которых прежде не доводилось задумываться. Привычная реальность, где были только сцена и музыка, рассыпалась карточным домиком, обнажив тяжёлое наследие, которое годами дремало в крови.

— Ты меня просто приложил фейсом об тейбл, Хёнджин... — Феликс спрятал лицо в ладонях, пытаясь скрыть лихорадочный блеск в глазах. Эмоции зашкаливали.

— Эй, полегче, Ликс... Мир ещё не рухнул. — Хёнджин поднялся, обогнул стол и по-свойски приземлился на край стула, тяжело опустив руку на плечо друга. — Я в таком же шоке. Мы оба ни черта не понимаем. Так что панику отставить, нам ещё камбэк вывозить.

Феликс кивнул, поджав губы, с таким видом, будто только что провалил самое важное прослушивание в жизни.

— От таких раскладов внутренности в узел завязываются...

— Меня и самого подташнивает, если честно... — признался Хёнджин, уставившись в пустоту застывшим взглядом.

— Но... Если родители не хотели, чтобы мы ввязались во всё это... почему сейчас решили, что пора? Ничего не понимаю.

— Вопрос хороший, это меня и беспокоит больше всего, — согласился Хёнджин.

— Ладно... А что там по этому Юн Хи, есть данные? — поинтересовался Ликс.

— Если честно? — Хёнджин задумчиво вздохнул. — Тёмный лес. Смог нарыть только то, что ветка Хванов заглохла несколько поколений назад. Наш общий предок, Юн Хи, был последним, кто имел прямую связь с этим орденом. После его кончины преемников, видимо, не нашлось, пока дядя Минсок не решился стать охотником. Теперь ясно, почему он редко выходил на связь. Он не хотел подвергать нас опасности, а семья скрывала правду так тщательно... Чёрт, да мы спойлеры к новому альбому прячем хуже! Зачем — одному Богу известно.

Взгляд Феликса скользил по ветвям дерева, выхватывая имена и даты, выведенные каллиграфическим почерком. Но всё чаще их сменяла пустота. Белые пятна, оставленные чьей-то властной рукой, пожелавшей стереть историю рода, зияли болезненными прорехами.

— В голове не укладывается... Мы с тобой, получается, одной крови? — прошептал он, во все глаза глядя на друга. — Это же полный вынос мозга. Танцуем в одной группе, живём в одной общаге... Чану об этом лучше не заикаться — лидер не выдержит подобного апгрейда реальности.

— В точку, — тихо отозвался Хёнджин, ободряюще сжав плечо Ликса. — Мы четверо-юродные братья, если я всё правильно понял. Из архива удалось узнать, что у Юн Хи было

два сына, старший и младший. Произошёл какой-то конфликт — эта часть записей тоже оказалась недоступна. В общем, старший, по линии Хван, остался в Корее. А младший, твоя ветка, покинул страну: уехал в Австралию и сменил фамилию на Ли по материнской линии. Род разделился, но гены не обманешь. И да, расклад максимально странный.

— Вот как... — задумался Феликс, медленно переваривая информацию и машинально потирая нижнюю губу.

Айдол, привыкший к свету софитов и вспышкам камер, внезапно оказался втянут в историю, покрытую вековой пылью. Происходящее напоминало сюрреалистичный сон. Он представил лицо Чана, узнай тот правду: смесь ужаса и шока, мгновенно поседевшая копна волос и немедленное желание созвать экстренное собрание. Чан точно начал бы гиперопекать их ещё сильнее, если такое вообще возможно. Картина вышла настолько нелепой, что Ликс едва не прыснул.

— Но зачем столько секретов? — с сомнением произнёс он, невольно поморщившись. — Что это вообще за «орден»? Звучит как название какой-то секты из документалок.

— Орден... — выдохнул Хёнджин и вернулся на место, чтобы встретиться взглядом с Феликсом. — Всё сложно. Те люди хранили древние знания, возились с артефактами. Официально — изучали историю, но, судя по всему, копали куда глубже, чем позволено простым смертным.

— Ладно... Попробую это переварить, — тихо пробормотал Феликс. — Выходит, теперь ты мне не просто мембер, а брат по крови...

Хёнджин негромко рассмеялся, и этот звук немного разрядил обстановку.

— Вроде того. Семейные узы, все дела.

— Ага, брат со специфическим бэкграундом и шкафом, полным скелетов, — подытожил Ликс.

Осознание того, как сильно изменилась реальность, накрыло с головой. Феликс представил реакцию Чанбина: поток шуток, сарказм и требование немедленно показать «магические приёмы». Мир внезапно стал объёмнее и опаснее, чем пару часов назад. Хёнджин, заметив улыбку на лице друга, подколот:

— О чём думаешь? «Вау, какой я теперь крутой и загадочный», так?

— Не совсем, — отозвался Феликс. — Просто наша жизнь сделала резкий поворот. Мы видим то, чего остальные даже не замечают. Ты хоть понимаешь это?

— О да, — кивнул Хёнджин, всё ещё не до конца веря, что это происходит наяву. — Понимаю. И, кажется, это только начало нашего личного приключения.

Эти слова заставили Феликса задуматься о будущем, которое теперь казалось одновременно захватывающим и пугающим.

— Слушай, мы сейчас — вылитые герои какого-то паршивого сериала. Только без голливудского пафоса и тачек из шестидесятых. Представь, какой цирк начнётся, когда Чанбин прочухает наш «родственный» расклад. Он же целую доску с нитками и теориями заговора соорудит, пытаясь понять, как судьба засунула нас в одну группу. Джисон полезет гуглить правду о семейных узах, а в итоге на три часа застрянет на видео с котами. А Чан... — Ликс хрипло и нервно рассмеялся. — Чан просто выдаст своё фирменное «окей, ребята, работаем» и продолжит уничтожать порцию острого рамёна.

— В яблочко. Читаешь их, как открытую книгу, — Хёнджин коротко и искренне усмехнулся, откидываясь на спинку стула и вытягивая ноги. — Ты будешь видеть их лица в каждом кошмаре, ведь они — наша семья. И скрывать правду — всё равно что воровать у самих себя.

Комнату заполнила плотная, почти физически ощутимая тишина. Хёнджин медленно подался вперёд, опираясь грудью о стол, — теперь тот служил не опорой, а преградой между ними. Не разрывая зрительного контакта, он протянул руку. Тёплые, уверенные пальцы коснулись щеки Феликса, словно проверяя, не рассыпается ли тот на части от страха

— Но знаешь, что сейчас важнее всех этих заговоров и теорий? — его голос стал тише, приобретая ту бархатную глубину, которая всегда успокаивала. — То, что мы вместе. Вот это действительно главное.

Не отнимая руки, Хёнджин подался ещё ближе, окончательно стирая холодную пустоту между ними. Преграды будто растворились: он мягко обхватил ладонью затылок друга, перегнувшись через стол настолько, что их лбы соприкоснулись. В этом жесте не было ничего, кроме безмолвного обещания разделить одну ношу на двоих.

— Мы связаны, Ликс. И что бы ни случилось за дверями этой кухни, какие бы бури ни подняли ребята, когда всё вскрыется... Я не отпущу твою руку. Мы — наш дом. А дом не разрушить парой секретов. Слышишь? Мы справимся, потому что мы — это мы.

Феликс почувствовал, как к горлу подкатил ком. В этом «мы» было столько веса и тепла, что страх перед будущим на мгновение отступил, оставляя место только для этой щемящей, родной близости. Он кивнул и плавно отстранился, позволяя Хёнджину вернуться на свой стул. Осознание этой внезапной ответственности, пришедшее к ним обоим, казалось куда более серьёзным, чем просто «братство» по контракту — это было нечто фундаментальное, способное перевернуть их мир. Хранить такие тайны — всё равно что держать в руках оголённый провод.

— А если... — Феликс запнулся, подбирая слова. — Если кто-то узнает раньше времени?

— Тогда нам крышка, — отрезал Хёнджин. — Лавировать между графиком и нашей «семейной тайной» — тот ещё аттракцион. Только представь: разгар важного расследования, мы пытаемся распутать очередное дело, и тут звонок от менеджера. А я ему: «Сорян, бро, я тут занят изгнанием демона, на тренировку заскочу попозже!»

— Звучит как план по самоликвидации, — усмехнулся Феликс, но тревога в глазах никуда не делась. — Это же форменное безумие. Камеры, папарацци, фанаты... Как совместить обычную жизнь айдолов и эту изнанку? Мы не можем просто перечеркнуть карьеру и группу. Мы годами пахали ради этого.

— Да... К тому же Чан уже что-то подозревает. Он допытывался насчёт той коробки, так что теперь нужно держать ухо востро. — Хёнджин тяжело вздохнул и потёр переносицу.

— Твою же... — Феликс досадливо поджал губы.

— Нам нужна стратегия, Ликс. — Хёнджин подобрался, его голос стал сухим и деловым. — Придётся стать чертовски осторожными. Каждый жест, каждый выход в свет — под полным контролем. Мы научимся шифроваться так, чтобы даже папарацци со стажем ничего не заподозрили. Это будет потруднее, чем выучить сложную хореографию, но мы справимся. Кстати... — он выудил из кармана потрёпанный блокнот, исписанный мелким, почти нечитаемым почерком. — Я тут набросал примерный план. Пока это только черновик, но здесь — оценка рисков и наши манёвры. Вводим кодовые слова. «Тренировка» — это экзорцизм, «запись новой песни» — ритуал очищения, «съёмки клипа» — сбор информации и расследование. Понимаешь?

Не отрывая взгляда от записей, Феликс кивнул. Перед ним развернулась целая карта с зашифрованными точками Сеула, графиками перемещения стаффа и чётким делением зон: как незаметно покинуть здание JYP или выскользнуть из общежития. План был продуман до параноидальности.

— А остальные? — голос Феликса дрогнул; он кожей чувствовал, как наваливается тяжесть этой затеи. — Что скажем Чан-хёну и ребятам, если придётся срываться среди ночи или пропадать чёрт знает где?

— Всё схвачено, — Хёнджин криво усмехнулся; в этой ухмылке подозрительно угадывались манеры старшего Винчестера. — Состряпаем легенду: секретные коллабы, дополнительные часы в зале, работа над вокалом... Да что угодно, хоть ночное вдохновение. Главное — не оставлять хвостов и не давать повода для лишних вопросов. Мы будем тише воды, ниже

травы, создавая иллюзию идеальной жизни айдолов. Это как прогулка по лезвию ножа: один неверный шаг — и вся карьера полетит в тартарары. Ах да, нам нужен транспорт... — он иронично хмыкнул. — Может, подыщем что-то с вайбом старой доброй «Импалы»?

— Хён, нам нужно что-то, что не кричит «посмотрите на нас!», — Феликс моментально представил себе ревущий масл-кар под окнами общежития и прикрыл глаза ладонью. — Нам не нужен «Шевроле Камаро», на который обернётся каждый встречный в Сеуле.

— Ладно-ладно, — Хёнджин примирительно вскинул ладони, — никаких «Камаро» или «Фордов». Что-нибудь неубиваемое и серое. «Тойота Королла» или «Хонда Сивик». Скучно, зато надёжно.

— Кого ты обманываешь? — Феликс посмотрел на друга с нескрываемым подозрением. — Ты же втихаря уже присмотрел какой-нибудь «Мустанг Босс 69» и теперь просто ждёшь момента, чтобы меня обрадовать?

— Почти угадал, — Хёнджин хлопнул ладонью по столу, не скрывая мальчишеского азарта. — «Мустанг» — да, но свежий. Чёрный GT 5.0. Минимум хрома, максимум мощи. Выглядит как обычная тачка мажора, зато внутри... Мой знакомый умелец сделает там такие тайники, что даже таможня ничего не найдёт. Устроим двойное дно для снаряжения. Там поместится весь наш будущий арсенал. Сможем путешествовать не только по Корее — если надумаем выехать из страны, на паром нас пустят спокойно.

Феликс задумчиво прикусил губу. План Хёнджина, несмотря на налёт авантюризма и страсть к эффектным машинам, выглядел пугающе реальным. Он провёл пальцами по бумаге, изучая рваный почерк друга. Внутри всё сжималось от страха, но это чувство перекрывала уверенность: они в этом безумии не одни. У них есть стратегия. Есть команда. Пусть и состоящая всего из двух человек.

— А что по снаряжению? — Феликс перешёл на шёпот. — Тачка — это полдела. Нам нужны инструменты. Причём много. Где достанем?

— Не бери в голову, — Хёнджин расслабленно откинулся на спинку стула, однако кисть руки, оставшаяся лежать на столе, выдавала его готовность продолжать обсуждение. — Со временем обростём всем необходимым: от безобидных благовоний до вещей посерьёзнее. И да, придётся раздобыть фальшивые ксивы. Без них в нашем деле — как без микрофона на концерте: порой нужно уметь прикинуться теми, кем мы не являемся.

Задумчиво забарабанив пальцами по столешнице, Хёнджин добавил:

— Одной корейской «корочки» будет мало. Если мы хотим работать чисто, нужны федеральные документы международного образца. Мы постоянно мотаемся по турам: Франция, Италия, Китай, Япония, да хоть Норвегия или Россия — везде свои нюансы и свои службы. Нам нужны удостоверения, которые заставят любого местного агента или копа отступить. Без таких ксив нам в некоторые места просто не попасть.

— Ты уверен, что мы это вывезем? — голос Феликса сорвался, а внутри поселился неприятный холодок. — Мы ведь просто... выросли в залах для практики. У нас за плечами — ноль реальной подготовки, никакой страховки и ни одного наставника, готового прикрыть задницу. Нас за одни только поддельные документы упекут так далеко, что никакое агентство не вытащит.

— Да брось, Ликс, кто нас посадит? — Хёнджин хмыкнул, хотя в глазах на секунду мелькнула тень сомнения. — Мы заряжаем патроны солью, а не свинцом. Я больше парюсь о том, чтобы нас не заперли в палате с мягкими стенами, если мы проколемся.

Пальцы Феликса нервно теребили край пижамы, то и дело касаясь прохладной серебряной цепочки на боку, пока взгляд был устремлен в окно. Там, в предрассветной дымке, город уже начинал просыпаться.

— А если нас всё-таки прижмут? Если всё пойдёт прахом?

Хёнджин отхлебнул остывший американо, поморщился от горечи и, не выпуская чашки из рук, глубоко вздохнул.

— Послушай, мы не банк грабить собрались. Наша цель — призраки, демоны и прочая нечисть из списка «необъяснимо, но факт»...

На секунду застыв с прикрытыми глазами, Феликс словно надеялся, что реальность изменится, если просто подождать. Но стоило их открыть и встретиться с безмятежным взглядом друга, как остатки надежды испарились, сменившись глухой досадой.

— Хёнджин, мы уже не в песочнице играем. Это не просто «ой, какая авантюра», это дерьмо международного масштаба, — выдохнул Феликс, и в его глазах вспыхнула чистая паника. — Ты осознаёшь, что таскать с собой фальшивые документы федералов разных стран — это не розыгрыши на шоу устраивать? Это билет в один конец, прямиком в тюрьму, откуда не возвращаются.

Феликс скрестил руки на груди, понизив голос до хриплого шёпота — совсем как Сэм, когда пытался воззвать к здравому смыслу:

— Плевать, что у тебя там: соль в дробовике или пустые гильзы. Для пограничников ты — особо опасный преступник, замышляющий нечто чудовищное. Мы сейчас не просто нарушаем закон, мы подписываем себе приговор. Этот международный скандал разнесёт ЛУР в щепки быстрее, чем демоны — святую воду. И даже если они вытряхнут все счета и продадут права на наши треки, это не поможет. Нас сотрут с лица земли, и фанаты даже не узнают, где нас искать.

Выпустив воздух через сжатые зубы, Хёнджин понимал: Феликс нервничает не просто так. «Солнечный мальчик» группы и душа компании, он обладал инстинктом самосохранения, словно осторожный кот. И именно эта предельная осторожность делала его идеальным напарником.

— Риск есть, не спорю, — признал он. Опустив взгляд в чашку, принялся наблюдать, как тёмная поверхность кофе едва заметно подрагивает. Задумчиво покрутив керамику в руках, он добавил: — Но мы сыграем красиво. Я прочесал форумы, популярные у, мягко говоря, повернутых на мистике людей. Там можно найти кое-что полезное. Оказывается, существует целый теневой рынок: от камер, снимающих в невидимом спектре, до детекторов ЭМП и прочих специфических приборов. Ценники заоблачные, но бюджет позволяет, особенно учитывая...

Речь внезапно оборвалась, будто Хёнджин споткнулся о собственные слова. Стоило ему взглянуть на потёртый корешок книги между ними, как лицо его переменялось: черты заострились, а в глазах застыло выражение человека, несущего на плечах неподъёмный груз.

— ...особенно учитывая наследство дяди, — тихо продолжил он, наконец подняв глаза. — Его дневник — это всё, что у нас осталось, Ликс. И кто знает... может, он вовсе не пропал. Может, этот дневник — его способ дать нам подсказку.

Затаив дыхание, Феликс вслушивался в слова Хёнджина. В груди неприятно кольнуло: он слишком хорошо знал, что этот «исследовательский интерес» — лишь прикрытое для одержимого желания докопаться до правды.

— Ты всё ещё веришь, что он жив? — спросил он без тени насмешки, предельно серьёзно. Ликс упёрся пальцами в край стола, приковывая внимание друга к себе. — Мы читали те каракули. Там местами откровенная клиника. Но если ты хочешь найти ответы, если ты хочешь узнать, что случилось с ним на самом деле — мы найдём.

Чашка с негромким стуком опустилась на стол, и этот звук показался оглушительным в царившей на кухне тишине. Хёнджин с шумом выдохнул и, не сводя с Феликса пристального прямого взгляда, поднял указательный палец, призывая к молчанию. В этом жесте не было угрозы — лишь непоколебимая, пробирающая до мурашек решимость.

— Если это реально, если дневник попал ко мне не просто так, а как наследие «семейного дела», я верю: он где-то там. Может, сейчас гоняет оборотней где-нибудь в Европе. Но важно другое, Ликс, — его голос, до этого сухой и рассудительный, вдруг дрогнул, обнажая самую

суть. — Всё это теряет смысл, если я не буду знать, что ты рядом. Если нас прижмёт — полиция или кто похуже — я не отступлю. Мы будем возвращаться. Может, побитые, может, в крови, но живые. Если мир хочет увидеть безумцев, пусть видит. Мы будем теми, кто выйдет из этой игры победителями.

Подавшись вперёд, Хёнджин замолчал. Его плечи опустились, а взгляд, до этого полный непреклонности, стал почти уязвимым. Протянув руку через стол, он не коснулся Феликса, но одним этим жестом приковал к себе всё его внимание.

— Я осознаю, во что мы ввязываемся, и даю слово: я не подведу. Но мне нужно знать, что ты готов прыгнуть в эту бездну вместе со мной, не оглядываясь. Ликс, посмотри на меня. Ты мне доверишься?

Феликс долго молчал, изучая лицо Хёнджина в попытке найти подвох или признаки того, что у друга поехала крыша. С горькой усмешкой он осознал: душа давно продана этому плану.

— Доверяю. Но если мы вляпаемся по полной и вылетим из агентства с позором, я первым делом отвешу тебе смачного пинка под зад за всю эту затею, — голос Феликса слегка дрогнул, выдавая запрященный глубоко внутри страх, но в следующую секунду в нём прорезалась сталь. — А если вырулим... Хёнджин, мы обязаны стать лучшими. Не просто парочкой придурков, а теми, кто реально сечёт фишку и видит то, что скрыто от глаз обывателей. У нас есть дневник, куча ресурсов и мы сами. Раз уж ввязались в этот «винчестеровский» путь, давай хотя бы не склеим ласты в пилотном эпизоде.

Чуть заметно улыбнувшись, Хёнджин кивнул, подтверждая этим жестом их негласный договор.

— В пилоте обычно умирают второстепенные персонажи, Ликс. А мы с тобой, судя по всему, главные герои, так что у нас есть как минимум сюжетная броня.

Принимая правила игры, Феликс хмыкнул и, сверившись с часами, добавил:

— Ладно, шесть тридцать. Скоро мемберы начнут выползать из своих комнат. После тренировки договорюсь с нашим техническим специалистом: пусть вбросит в общий чат инфу, что в общаге рвануло трубы и нам нужно срочно перебраться в отель. Знаю один подходящий вариант неподалёку — «Гранд Хаятт Сеул». План такой: я попробую убедить менеджера Пака оплатить счета, но если не выйдет, тебе придётся закрыть чеки анонимно. И не забудь, что технику тоже нужно будет отсыпать пачку вон за молчание и актёрскую игру.

— Дьявольски хорош! — Хёнджин довольно оскалился.

— С тебя свечи из натурального воска, серебра у нас и так навалом, — Феликс стащил с пальца массивное кольцо, задумчиво вертя его в руках. — Должно хватить. А я возьму на себя латынь и освящение воды.

— Чёрт! Эта работа, работа, работа... Деньги некогда потратить! — с напускным возмущением пробормотал Хёнджин, допивая остатки кофе.

Снова поморщившись от послевкусия, он убрал листок с генеалогическим древом в блокнот и решительно сунул его в задний карман джинсов. Когда же он прихватил со стола увесистый фолиант по истории религии, Феликс не выдержал и негромко рассмеялся. Они уже вышли из кухни в коридор, собираясь разойтись по спальням, как вдруг Ликс добавил:

— Тебе не хватает только чёрного костюма в стиле сериала «Проповедник», — хмыкнул он, игриво толкая друга плечом. — Такого, с белой вставкой на воротнике.

— Иди ты, Ликс! — расхохотался Хёнджин, уже скрываясь за дверью своей комнаты.

Среда, 8:25

Утро в общежитии выдалось тяжёлым, словно похмелье после бесконечной дороги. Парни выползали из своих комнат, как тени, ворча на недосып и изнуряющие тренировки, которые грозили вытрясти из них остатки сил.

Феликс был полностью готов к выходу. На нём был укороченный бомбер из чёрной эко-кожи: массивная серебряная фурнитура идеально сочеталась с платиновым оттенком волос. Под ним — облегающий лонгслив с вырезами на плечах, открывающий изящные ключицы, и широкие «карго» с множеством ремешков и декоративных цепочек, которые мелодично позвякивали при каждом движении.

Проходя через прихожую, он задержался у вешалки, где небрежно висела куртка Чана. Лидер, занятый телефонным разговором, стоял спиной к выходу, поглощённый обсуждением планов на день. Феликс на секунду приостановился, прислушиваясь к звукам в общежитии, а затем, якобы поправляя белокурые волосы перед зеркалом, плавно скользнул ладонью в чужой карман.

Цепочки на брюках дёрнулись, издав еле слышное, но в его ушах — почти оглушительное — металлическое дребезжание. Ликс оцепенел, затаив дыхание, молясь, чтобы Чан не обернулся. Пальцы безошибочно нащупали гладкий пластик брелока от внедорожника. Но в ту же секунду разговор Чана оборвался. Лидер резко замолчал, и воздух в помещении стал плотным, физически ощутимым.

— Подожди секунду, — голос Чана прозвучал неожиданно низко и собранно, словно он переключался на рабочий режим.

Сжимая пальцы внутри кармана, Феликс застыл на месте. В груди всё неприятно сжалось, а дыхание перехватило. Медленно развернувшись и всё ещё прижимая телефон к уху, лидер обвёл коридор пронзительным, задумчивым взглядом. На долю секунды Ликс превратился в статую, не в силах даже пошевелиться от внезапного ужаса. Секунда растянулась в вечность. Лишь прикрыв глаза и потеряв переносицу, Чан отвернулся обратно, продолжая говорить:

— Да, я слушаю. Возвращаясь к теме расписания...

Феликс выдохнул — бесшумно, почти беззвучно — и одним ловким, балетным движением завершил начатое. Ключ перекочевал в его собственный карман, надёжно скрытый складками ткани.

Стараясь унять бешеный стук в висках, он отошёл от вешалки и окинул коридор цепким взглядом: пусто, лишь из кухни доносилось приглушённое бормотание Сынмина и Чанбина. Убедившись, что путь свободен, Феликс направился в гостиную. Там он бросил рюкзак на диван и снова скользнул глазами по дверному проёму: вроде бы всё чисто.

Никого, — подумал он, чувствуя, как холодный пот предательски выступает на лбу.

Работая на грани фола, Феликс резко развернулся, перекрывая корпусом обзор. Движения доведены до автоматизма: ключ из кармана в боковое отделение рюкзака, щелчок — молния застёгнута, на всё не больше двух секунд. Продолжая делать вид, что проверяет содержимое сумки, он переключился на периферийное зрение, сканируя пространство в поиске любого шороха. Слух на пределе, а каждый волосок на загривке реагирует на малейшее движение воздуха.

Спрятав улику, он выдохнул и поправил рукава. Блокнот снова норовил выпасть — пришлось запихнуть его в сумку поглубже. Адреналиновый всплеск после кражи вскружил голову: доверившись мнимой тишине, он потерял бдительность и не услышал, как скрипнула половица. А зря. Стоило ему окончательно расслабиться, как холодные пальцы Айена, бесшумно подкравшегося, резко впились в бока, сопровождая действие пронзительным «Бу!».

Феликс не просто вздрогнул — он издал испуганный визг, от неожиданности подпрыгнув на месте, точно испуганная птица. Но Айен не остался в долгу. Увидев реакцию старшего, он — вместо того чтобы просто рассмеяться — с не меньшим энтузиазмом и нарочито высоким, пародийным тоном заорал в ответ, вскидывая руки вверх:

— А-А-А-А!

На секунду в гостиной воцарился полный хаос из их перекрестного ора. Когда до него наконец дошло, что это всего лишь Айен, Феликс резко захлопнул рот, судорожно оглядываясь по сторонам — не услышал ли кто-нибудь этот концерт.

— Ты... больной! — выдохнул Ликс, прижимая руку к груди, где всё сжалось в тугой комок. — Ты зачем так орешь в ответ?!

Айен, согнувшись пополам от хохота, вытер слезы:

— А чего ты визжишь, как сигнализация?! Я просто решил поддержать атмосферу! Ты бы видел своё лицо!

Феликс судорожно сглотнул, чувствуя, как адреналин сменяется новой волной паранойи. Пришлось натянуть дежурную улыбку, которая сейчас давалась с огромным трудом.

— Да пошёл ты, — буркнул он, пытаясь выровнять дыхание. — Я просто задумался. А ты тут со своими пранками... Чуть душу не вытряс.

Айен, всё ещё хихикая, выпрямился и внимательно прищурился, вглядываясь в лицо старшего. Его веселье сменилось подозрительной задумчивостью.

— Слушай, а чего ты так подпрыгнул? Ликс, ты какой-то на взводе. Что-то стряслось? Обычно ты так не реагируешь.

В голове Феликса заскрежетали шестеренки. Нужно было срочно придумать легенду, чтобы отвлечь внимание младшего.

— Да ничего не стряслось, Айен. Просто подъём тяжёлый был, вот нервы и сдали.

Младший смерил его долгим испытующим взглядом, явно почуяв неладное.

— Ладно, дело твоё. Но вы с Хёнджином в последнее время ведёте себя максимально странно. Словно... — он на секунду замялся, — короче, шифруетесь по углам.

Феликс, всё ещё пытаясь унять дрожь в пальцах, крепче сжал лямку рюкзака.

— С чего такие выводы?

— Да это у вас на лбу написано. Постоянно шушукаетесь вдвоём. Колись, что затеяли? Опять какой-то безумный концепт для хореографии выдумываете? — Айен наконец самодовольно улыбнулся, явно довольный собственной догадкой.

Напряжение в плечах Феликса моментально спало, стоило ему понять: друг пребывает в блаженном неведении. На этот раз легенда сложилась сама собой.

— Чёрт, ну тебя не проведешь. Прямо в точку!

— Ещё бы, — хохотнул Айен, хлопая его по плечу — теперь уже дружески. — Когда вы вдвоём что-то замышляете, жди бури на сцене. Это уже классика.

В этот момент в гостиную вошёл Лино. Не удостоив присутствующих даже взглядом, он сразу направился к консоли у стены. Сосредоточенно перерыл ящики, извлёк зарядное устройство и на миг скользнул безразличным взглядом по Феликсу и Айену, прежде чем уйти. Прищурился, едва заметно качнув головой:

— Ваша «хореография» больше похожа на то, как Хёнджин пытается объяснить коту, почему корм закончился на два дня раньше. Не позорьтесь, — бросил он, не дожидаясь ответа, и, всё так же невозмутимо, направился к выходу из комнаты.

Проводив Лино недоуменным взглядом, Феликс лишь загадочно усмехнулся, поправляя лямку рюкзака. Вернув взгляд на Айена, он подмигнул и добавил:

— Скоро сами всё увидите. Наберитесь терпения.

Закончив разговор на полуслове, Чан решительно спрятал смартфон, рывком подхватил рюкзак и быстрым шагом направился к выходу. Уже на ходу из его груди вырвался командный, но лирический тенор:

— Колёса поданы! В темпе, народ, график горит. Живее в машину!

Как только команда заполнила салон, микроавтобус дёрнулся и плавно влился в безумный утренний трафик Сеула. Город снаружи превратился в размытое марево из ярких реклам-

ных щитов и бесконечных рядов машин. Дорога до офиса ЛУР, обычно занимающая минут двадцать, растянулась из-за утреннего часа пик. В салоне было вполне комфортно, но слегка тесно: парни то и дело ёрзали, пытаясь устроиться поудобнее, кто-то монотонно листал ленту в телефоне, а кто-то просто привалился головой к стеклу, наблюдая за просыпающимся мегаполисом. Полчаса тряски пролетели в полудрёме и обрывках фраз о предстоящем графике.

Наконец знакомый силуэт здания показался впереди, величественно возвышаясь над дорогой. Машина затормозила у заднего входа — там, где бетонные стены сменялись глухими дверями для персонала. Это была их «тихая гавань», место, где не нужно было позировать для фанатов или скрывать усталость за дежурной улыбкой.

Оказавшись внутри, в прохладном полумраке технического коридора, пахнущего хлоркой и свежим кофе, Феликс обменялся коротким, значимым взглядом с Хёнджином. Тот лишь едва заметно кивнул, показывая, что «прикроет».

— Я отлучусь на пару минут, — бросил Ликс, стараясь, чтобы голос звучал буднично.

Едва переступив порог, Чан подозрительно прищурился и оглянулся через плечо, однако Феликс уже ускорился, растворяясь в лабиринтах переходов, залитых холодным светом ламп. Группа, не сбавляя шага, двинулась к лифтам — впереди ждала привычная, почти механическая рутина: переодевание в безразмерные спортивные, бесконечные придирки тренера и неизбежные промахи.

В техническом коридоре было непривычно тихо — только редкие лампы под потолком издавали электрический треск, то вспыхивая, то угасая, заливая бетонные стены рваным светом. Феликс юркнул внутрь и сразу ощутил, как пространство давит со всех сторон. Посреди коридора, склонившись над раскуроченным щитком, возился мужчина в синей робе. Услышав шаги, он даже не обернулся — видимо, ждал напарника, — просто досадливо хмыкнул, перекладывая инструменты. Феликс замер: сердце тяжело стучало в ушах. Если поймут, объяснения вроде «я просто заблудился» не пройдут. Глубоко вдохнув, он подавил дрожь, выровнял дыхание и, стараясь выглядеть так, словно имеет полное право здесь находиться, шагнул вперёд.

— Простите, — он остановился в паре метров. — Могу с вами поговорить?

Рабочий медленно разогнулся, с лязгом бросив разводной ключ на бетонный пол, и повернулся. Его лицо, изборождённое глубокими морщинами, выражало крайнюю степень раздражения. Он окинул парня тяжёлым взглядом, внимательно изучая его лицо.

— Чего надо? Трубу прорвало или проводку коротнуло? — проворчал он, вытирая замасленные руки ветошью. — Ты вообще откуда тут взялся? Тут техническая зона, посторонним вход воспрещён.

— Мне нужна одна услуга, — быстро заговорил Феликс. — У вас есть доступ к общим чатам нашего отдела, верно? К тем, где сидят менеджеры?

Рабочий хмыкнул, скептически выгнув бровь:

— Ну, допустим, есть. А тебе зачем?

— Мне нужно, чтобы вы отправили одно сообщение в общий чат отдела, — Феликс сделал шаг вперёд, стараясь не выдавать волнения, которое заставляло его инстинктивно сжимать кулаки. — Примерно к 16:30. Когда тренировка подойдёт к концу.

Мужчина остолбенел. Он медленно уставился на Феликса, словно тот предложил ему взорвать само здание, а не просто написать пару строк в мессенджере.

— Ты с ума сошёл, парень? — рабочий почти выплюнул слова, швырнув ветошь на ящик с инструментами. — Я техник, а не твой секретарь. Мало мне проблем? Если выяснится, что я врал, меня с работы выкинут с «волчьим билетом»! Вы, айдолы, живёте в своём мирке, а мне семью кормить надо. Иди отсюда, не мешай работать.

Феликс нервно выдохнул. Времени почти не оставалось. Он полез в карман куртки и достал увесистый бумажник. Дрожащими пальцами вытащил несколько купюр, которые обычно носил «на всякий случай» — для персонала или экстренных нужд.

— Двести долларов, — Ликс протянул деньги, не опуская взгляда. — Прямо сейчас. Налом. Никаких вопросов, никаких записей, просто одно сообщение. Скажете, что получили жалобу от службы или случилась авария. Кто проверит?

Мужчина застыл. Его взгляд упал на купюры, и в глазах промелькнуло явное колебание. Он перевёл взгляд с денег на лицо Феликса, оценивая серьёзность намерений. Гнев постепенно сменялся расчётливостью.

— Двести пятьдесят, — буркнул он после долгой паузы. — И я знать не знаю, кто ты такой.

С облегчением выдохнув, Феликс добавил недостающие купюры.

— Договорились. Текст простой: «В общежитии Stray Kids рванули трубы, всё залило к чертям». Без лишней драмы, просто факт. Наш менеджер — паникёр, он сразу забронирует нам отель.

— И на кой чёрт вам сдались эти приключения? — проворчал мужчина, пряча деньги в карман.

— У участника нашей группы день рождения. Хотим устроить сюрприз, который именинник запомнит на всю жизнь. Считайте это спецоперацией, — на ходу придумал Ликс.

— Дело благое, — хмыкнул мужчина, пряча ухмылку в усах. — Сделаю в лучшем виде.

— Благодарю, — Феликс поклонился, как того требовали приличия. — Вы мой спаситель.

— Всё, уходи отсюда, чтоб я тебя больше не видел! — отмахнулся рабочий, разворачиваясь к своим инструментам.

Феликс поспешно отступил, не сводя глаз с собеседника, пока не оказался в полумраке коридора. Как только тяжёлая дверь технического отсека с глухим стуком захлопнулась, удалось наконец выдохнуть. Ускорив шаг, он миновал пару пролётов; гулкое эхо отражалось от бетонных стен. Наконец запутанный лабиринт служебных помещений сменился широким, ярко освещённым холлом главного корпуса. Оглядевшись и убедившись, что путь свободен, Феликс подошёл к лифту. Короткий щелчок, пара томительных секунд — и подъёмник поплыл вверх. В тусклых зеркалах кабины мельком отразилось его собственное лицо.

Створки лифта плавно разошлись, и он вышел в коридор. Нацепив на лицо выражение абсолютной невинности — ту самую маску, с которой даже самый придирчивый судья отпустил бы его без допроса, — он направился к залу. Там парни уже вовсю разогревались, разминая суставы перед тем, как превратиться в единый отлаженный механизм. Хотя сейчас этот «механизм» больше напоминал сборище гиперактивных детей.

Проскользнув в раздевалку, Феликс первым делом сбросил на диванчик увесистый рюкзак. Достал телефон, на секунду задержал взгляд на уведомлениях, но тут же отложил гаджет, стараясь избавиться от лишнего груза. Закончив с этим, он переключился на одежду: бомбер и плотные карго отправились следом, но уже не на обивку, а в шкафчик, где аккуратно заняли своё место. Работать в таких вещах было невозможно — Феликс не терпел никаких ограничений. Быстро натянув свободную майку и лёгкие спортивные штаны, он с удовлетворением выдохнул.

С резким, почти болезненным щелчком он сорвал с запястья резинку, будто пытаясь стряхнуть вместе с ней навалившееся напряжение. Глубоко вдохнув, несколькими ловкими движениями собрал светлые пряди в тугий узел. Жажда ударила неожиданно, точно пересохло в горле. Феликс подошёл к полке, где стройными рядами, согласно корпоративному стандарту JYP, стояли брендовые бутылки. Схватив одну из них, он жадно прильнул к горлышку, чувствуя, как прохладная вода немного остужает пульсирующие виски.

Оставив недопитую бутылку на краю лавки, он решительно толкнул дверь. Нервы звенели, но отступать было поздно. Зал встретил его гулким эхом и тяжёлым запахом разогретого воздуха — тренировка обещала стать сущим адом. Чан сегодня был особенно неумолим: лидер уже ждал в центре, контролируя каждый шаг группы, с таким видом, словно от их синхронности зависела судьба вселенной.

— Хёнджин! Колени выше! Ты не ленивый кот на прогулке, ты танцор! — гремел голос лидера, пока тот, не прекращая танцевать, умудрялся исправлять ошибки остальных. — Джисон, если ты упадёшь, я заставлю тебя переделывать связку ещё десять раз!

— Крис, у меня ноги как спагетти, я сейчас разварюсь! — взвыл Джисон, картинно падая на пол.

Лино, который в это время методично «убивал» всех своим идеальным исполнением, не упустил случая пнуть Хана по ноге:

— Вставай, спагетти, или я тебя съем.

Хоть они и нервничали из-за своей маленькой аферы, Хёнджин вкалывал за двоих, не давая повода для подозрений. Пот заливал глаза, мышцы гудели, но драйв от предстоящего дела перекрывал любую усталость. Как только музыка стихла, Феликс рухнул на диван и с видом человека, который только что узнал о конце света, уставился в телефон.

— Ого, внимание, ребят! Нам только что прислали уведомление от администрации здания, — Феликс призвал всех к тишине. — Цитирую:

«СРОЧНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ: менеджеру Паку и участникам группы Stray Kids.

В связи с аварией на магистральном трубопроводе и риском затопления общежития, подача воды и электричества временно приостановлена. В данный момент ведутся аварийно-восстановительные работы. О сроках возобновления подачи ресурсов мы сообщим дополнительно. Просим следовать инструкциям по безопасности».

Текст был составлен настолько официально и сухо, что не оставлял места для сомнений: их «агент» под прикрытием отыграл роль на все сто. Феликсу оставалось лишь найти менеджера и придумать, как выкрутить ситуацию в свою пользу, не забывая о стратегии. К счастью, их штафф был не слишком строг и старался баловать ребят за успехи. В зале тут же поднялся шум. Чан вскочил первым:

— Да вы издеваетесь! У меня там ноут, зарядки, всё рабочее место! Это же мой бункер, мой личный рай!

— Остынь, Кэп, я твою зарядку ещё утром прихватил, — Минхо отозвался с тем самым невозмутимым видом, с каким обычно сообщают о надвигающемся шторме, и спокойно отхлебнул из бутылки.

Хёнджин едва заметно подмигнул Феликсу. Сработало. Теперь общага опустеет, и они смогут прижать этого «Лимена» к стенке без лишних свидетелей и камер.

— Ну приплыли, — возмущённо подал голос Сынмин. — Мало того, что воду вырубили, так ещё и свет!

— Да ладно вам, народ! Ну вырубили и вырубили, зато наконец-то выспимся, а не будем до пяти утра в мониторы пялиться. Завтра всё починят, не парьтесь! — уверенно подбодрил Чанбин.

Чан, продолжая ворчать под нос, принялся паковать рюкзак. Руки двигались на автомате: пара футболок, чистые носки и запасные наушники полетели в сумку за считанные секунды. Минхо, сохраняя олимпийское спокойствие, приоткрыл молнию стоящего рядом рюкзака и закинул следом несколько батончиков — на случай, если в отеле наступит продовольственный кризис. Чанбин, немного растерянный, тоже взялся за сборы, а Айен послушно последовал примеру старших. Сынмин устроился неподалёку от Хёнджина, наблюдая за происходящим с видом стороннего эксперта. Один только Джисон хлопал глазами, вытирая лоб салфеткой и

явно не понимая, почему все вдруг сорвались с места, будто за ними гонится стая голодных псов.

— Раз уж я увидел уведомление, я сам схожу к менеджеру и всё выясню! — Феликс вылетел из зала так быстро, что Чан, как лидер, даже не успел ничего возразить.

Ситуация выглядела слишком странно, и Чан начал следить за происходящим с растущим интересом. «Авария, отключение воды и электричества» — звучало как завязка дешёвого фильма, будто сценарий специально сочинили, чтобы ребятам нельзя было возвращаться домой. Лидер подозрительно покосился на Хёнджина, который с видом невинного ангела листал ленту соцсетей и тихо хихикал. Всё это пахло хитрой шуткой, причём довольно масштабной. Но доказательств не было — оставалось лишь верить на слово и ждать развития событий.

По коридорам компании Феликс летел, будто за ним гналась стая адских псов, хотя на деле его преследовал лишь страх провалить собственную авантюру. Он знал: если Чан начнёт задавать вопросы, легенда рассыплется, как карточный домик. Вокруг былолюдно, и его поспешность вызывала недоумённые взгляды. Один из стажёров, едва успев увернуться, возмущённо вскинул руки, провожая Феликса ошарашенным взглядом:

— Эй, помедленнее! Ты в офисе или на ипподроме?

Даже не обернувшись, Феликс лишь махнул рукой:

— Не сейчас! — бросил он на ходу и скрылся за поворотом.

Стажёр остался стоять, растерянно потирая затылок и переглядываясь с коллегой. Феликс промчался через офисный блок, чувствуя, как ладони взмокли от волнения. Ни в столовой, ни в комнате отдыха менеджера Пак не оказалось. Но наконец интуиция вывела его к запасному выходу, ведущему на закрытую парковку, скрытую в тени здания JYP.

Менеджер стоял у своего чёрного фургона, прижимая телефон к уху плечом и отчаянно пытаясь удержать листы графика, которые то и дело норовили улететь от малейшего порыва ветра. Выглядел он так, будто не спал со времён дебюта группы.

Внезапно из-за угла выскочил Феликс, окликнув его:

— Менеджер Пак! — Мужчина вздрогнул, телефон выскользнул из пальцев и полетел вниз, но он среагировал мгновенно, перехватив его в воздухе. — У нас катастрофа. Но без паники! Я всё держу под контролем. Почти.

Судорожно сжав пальцы на корпусе, Пак медленно повернул голову, и в его взгляде читалось искреннее желание немедленно исчезнуть с этой планеты.

— Ёнбок, если это снова история про украденный пудинг Лино, я клянусь: я уволюсь прямо здесь и прямо сейчас.

— Всё гораздо хуже. Вы уже читали наш общий чат? — поинтересовался Феликс, изображая вселенскую скорбь.

— Э-э... нет. Я был, мягко говоря, занят: менеджер Сухо слёг, и на эту неделю я перехватил его график вместе со всеми «мелкими нюансами» вроде вас. Так что стряслось? — устало спросил Пак, потирая переносицу.

— В чат пришло оповещение: авария на магистральном трубопроводе возле нашего общежития. Воду и электричество отключили на неопределённый срок.

Пак нахмурился, разблокировал телефон, быстро пролистал сообщения и тяжело вздохнул:

— И правда. Как же вовремя, боже мой...

— Но это не самое страшное, — выдохнул Феликс, округлив глаза.

— Так, — менеджер упёр руку в бок, ожидая кульминации драмы. — Выкладывай.

— Помните того эксцентричного креативного директора из Louis Vuitton? Ну, того француза с косичкой? — Феликс включил режим «серьёзного профессионала», понизив голос до своего фирменного бархатистого баса. — Он сейчас в «Гранд Хаятт Сеул». И у него случи-

лось... творческое озарение. Он прислал сообщение: если мы не явимся туда всей группой для «ночного брейншторма и примерки концептов» прямо сейчас, он аннулирует контракт на следующий сезон. Говорит, ему жизненно необходима наша «аура» именно в интерьерах этого отеля.

Глядя на Феликса как на инопланетянина, менеджер заметно озадачился.

— Что за бред? Какая ещё аура? Ёнбок, ты хоть понимаешь, как это звучит?

— Звучит как каприз гения, менеджер Пак, — Феликс сделал шаг ближе, доверительно перейдя на полусшёпот и имитируя манеру секретного агента. — Вы же знаете этих творческих личностей. Они живут в своём мире. Он пригрозил: если мы не приедем, он отдаст кампейн другой группе. Вы хотите объяснять это руководству JYP? Я — нет. К тому же в общежитии всё равно... Скажем так, некомфортно находиться без воды и электричества...

Пак прищурился, пытаясь отыскать в честных глазах Феликса хотя бы тень лукавства.

— И почему он не позвонил мне напрямую?

— Сказал, что вы слишком «приземлённый» и убьёте его музу своим прагматизмом, — Феликс с трудом сдержал смех, наблюдая, как на лице менеджера разворачивается битва между здравым смыслом и паническим страхом перед разгневанным кутюрье. — Он хочет видеть нас всех. В неформальной обстановке. Это шанс всей жизни! Ночь в «Хаятт» ради спокойствия компании.

Запрокинув голову к вечернему облачному небу, менеджер сокрушённо застонал.

— Эти звёзды... Один требует гору пудингов, другой — ауру в отеле. Ладно! — он махнул рукой, окончательно сдаваясь. — Поедем. Я забронирую вам два номера. Но если я узнаю, что этот француз — плод твоей фантазии, Ли Ёнбок, ты будешь месяц драить тренировочный зал зубной щёткой.

— Обижаете, менеджер Пак. Я само очарование, и вы это знаете, — Феликс лучезарно улыбнулся и, уже пятясь к выходу с парковки, поклонился.

— Через час чтобы все были на парковке JYP, где обычно собираемся! — выкрикнул вслед ему менеджер.

Феликс обернулся почти на бегу и остановился, чтобы ещё раз поклониться. Скрывшись за дверью лестничного пролёта, он прислонился к стене и перевёл дух. Сердце колотилось в ритме тяжёлого рока. Сработало! Менеджер даже не заподозрил подвоха. Теперь оставалось самое сложное: заставить остальных шестерых парней не выдать их ложь, когда те окажутся в роскошных номерах вместо того, чтобы размышлять о «воображаемой аварии на магистрали». Ликс достал телефон и быстро набрал сообщение в общий чат:

«Парни, мы едем в «Хаятт». Если кто-то спросит про французов — просто кивайте и выглядите модно. Менеджер Пак бронирует нам два крутых номера!»

Сразу после этих слов, отправленных в общий чат, Феликс на секунду замер: экран вспыхнул сообщением от Хёнджина «Пока всё идёт по плану», прежде чем погаснуть. Прочитав ответ, он глубоко вздохнул и убрал телефон в задний карман штанов, чувствуя, как адреналин начинает медленно отступать, уступая место привычной после тренировки усталости.

Внутри здания JYP царил тот особый, лихорадочный дух, который бывает только перед важными выездами. Поднявшись на нужный этаж, Феликс сразу попал в настоящую вакханалию.

Тренировочный зал и прилегающая зона отдыха напоминали место, где только что прошёлся ураган: кто-то отчаянно ползал по полу, ища закатившийся наушник, кто-то в панике перерывал сумки в поисках паспорта, а остальные, устав спорить, вяло подписывали кипу бумаг, разложенную на стойке. Этот хаос порядком утомлял, и, стараясь не привлекать к себе внимания, Феликс поспешил укрыться в раздевалке.

Там было чуть тише, и он наконец смог выдохнуть с облегчением. Контрастный душ быстро смыл липкую усталость, вернув ясность мыслям. Выйдя из кабинки к своему шкафу-

чику, он надел молочно-белую сатиновую блузу с рюшами у воротника и аккуратными манжетами. Заправленная в чёрные брюки, она создавала элегантный, слегка романтичный образ, идеально вписывающийся в легенду о «французском госте». Поправив волосы перед зеркалом, он бросил беглый взгляд на своё отражение, проверяя, не выдаёт ли его что-то в глазах, и направился обратно в общую зону.

К 17:45 суматоха достигла пика. Парни уже начали складывать вещи, но уровень хаоса всё ещё зашкаливал: кто-то пытался впихнуть в рюкзак не влезающий туда свитшот, кто-то тайком пересчитывал мелкие шоколадки.

Именно в этот момент дверь с глухим стуком распахнулась. В проёме возник менеджер. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на своих подопечных с выражением человека, который видел слишком много «пятиминутных» сборов, чтобы верить хоть одному слову. Его присутствие действовало подобно ледяному душу: шум мгновенно стих, и воздух наэлектризовался. Пак был воплощением карающего бога тайминга — ни одной лишней эмоции, лишь холодная, стальная готовность немедленно выдвигаться.

— Время вышло, — произнёс он, и этот спокойный тон оказался страшнее любого крика. — Машина уже ждёт. Если мы опоздаем хоть на минуту, можете забыть о «Хаятте» и ужинать прямо здесь, на полу в зале.

Стоявший чуть в стороне Феликс едва уловимо кивнул Хёнджину, поудобнее перехватывая сумку. Тот ответил коротким, почти неразличимым наклоном головы, подтверждая, что понял сигнал. Игра началась по-настоящему.

Под строгим взглядом менеджера всё вокруг пришло в движение, словно заведённый часовой механизм. Пространство, минуту назад тяжёлое от тишины, теперь завибрировало от множества звуков: скрипа обуви, вздохов, застёгиваемых молний. Напряжение сменилось деловитостью. Пак не терял времени: резко развернувшись, он первым зашагал к служебному выходу, даже не оглядываясь, чтобы убедиться, что остальные следуют за ним.

Солнце клонилось к закату, заливая парковку длинными вытянутыми тенями. После душного зала вечерняя прохлада показалась обманчиво свежей. Пак подошел к минивэну, припаркованному в тени, и остановился, то и дело поглядывая на часы, нетерпеливо барабанил пальцами по дверце. Наконец створки выхода распахнулись, и Хёнджин, пытаясь натянуть кепку поглубже, чтобы скрыть растрёпанные волосы, буквально вывалился наружу, чуть не сбив с ног Сынмина.

— Хён, спокойствие! — Сынмин ловко увернулся, поправляя сумку. — Мы почти успели. Ну, почти.

— «Почти» — это когда вы сидите внутри, а не стоите и выбираете, кто какой плейлист включит в машине, — отрезал менеджер, открывая дверь минивэна. — Живее! Едем в «Гранд Хаятт».

— Сон, сладкий сон! — воскликнул Хан, едва не споткнувшись о собственный рюкзак. — Я буду спать до состояния полной потери личности!

— Мечтайте, — бросил менеджер Пак. — В «Хаятте» у вас не только отдых. Сегодня ночью к вам заглянет креативный директор Louis Vuitton. У вас по расписанию «ночной брейншторм» и примерка концептов для новой коллекции.

По парковке пронёсся коллективный стон, переходящий в истерический смех.

— Ночной брейншторм? — протянул Хёнджин, драматично приложив руку ко лбу. — Мои концепты сейчас могут предложить только позу «спящий на полу артист».

— Именно, — невозмутимо кивнул Пак, подталкивая их внутрь салона. — Давайте, шевелитесь, или я заставлю вас бежать кросс до самого отеля.

Айен, уже успевший просочиться на заднее сиденье, тут же подал голос:

— Слышали? LV! Мы будем выглядеть как иконы стиля, если Чанбин-хён не прольёт на нас свой протеиновый коктейль до того, как мы доедем!

— Я не проливаю коктейли, я питаю ими свою мощь! — Чанбин возмущённо втиснулся в салон, чуть не прижав Чана к окну.

Лидер только рассмеялся, перекрикивая общий гам:

— Ребята, давайте хотя бы до отеля доедем в тишине? У меня голова сейчас взорвётся.

— Хён, тишина в нашей машине — это как единорог, — Феликс ухмыльнулся, небрежно плюхнувшись на сиденье рядом с Минхо. — Все знают, что это миф, но некоторые почему-то продолжают в него верить. — Затем повернулся к соседу и подмигнул: — Правда, Минхо-хён?

Не отрываясь от экрана телефона, Минхо дёрнул плечом, но в уголках его губ промелькнула насмешливая улыбка. Чан, тщетно пытаясь прижать ладони к вискам, устало приоткрыл один глаз и посмотрел на Феликса.

— Ликс, если ты продолжишь вгонять меня в философскую депрессию своими метафорами, я высажу тебя прямо здесь. До отеля будешь добираться на единороге.

Не дожидаясь ответа Феликса, Минхо наконец отложил смартфон и, не меняя скучающего выражения лица, лениво заметил:

— Главное, чтобы в отеле был нормальный Wi-Fi. Если из-за встречи с LV нам придётся сидеть без связи, я буду требовать компенсацию в виде неограниченного запаса лапши.

Менеджер Пак тяжело вздохнул, усаживаясь на переднее сиденье минивэна и захлопывая дверь. Машина тронулась, плавно вливаясь в вечерний поток Сеула.

На улице стоял июнь — время, когда город наполняется густым, тёплым воздухом, насыщенным ароматами цветущих деревьев и разогретого асфальта. Часы на приборной панели показывали 18:20. За окнами, залитыми мягким золотистым светом заходящего солнца, проплывали стеклянные исполины небоскрёбов, отражающие небо, и ухоженные зелёные островки парков. Внутри салона царил странное оживление, приправленное тревогой. Ребята перешёптывались, перекидываясь шутками, которые тонули в шуме города, пока минивэн разрезал плотный поток машин, направляясь в сторону роскошного отеля. Этот вечер обещал стать либо самым продуктивным, либо самым хаотичным в их карьере — впрочем, со Stray Kids случалось и то, и другое одновременно.

Двери минивэна разъехались с тихим шипением, выпуская наружу восьмерых измотанных парней. «Гранд Хаятт» встретил их ослепительным блеском панорамных окон и вышколенным швейцаром, чья улыбка держалась на лице так же безупречно, как натянутая струна гитары после трёхчасового концерта.

Они шагнули в холл, словно в другое измерение. Пространство вестибюля оглушало роскошью: высокие потолки, массивные люстры, казавшиеся миллионами застывших капель света, и прохлада, пахнувшая дорогим парфюмом и чем-то неуловимо «богатым». Вся группа двигалась единым фронтом. Их манера двигаться — слаженная, почти хореографичная, отточенная сотнями выходов на сцену и бесконечными переходами аэропортов. Чан, чей лидерский инстинкт неизменно обострялся в незнакомой обстановке, шёл чуть впереди, внимательно сканируя периметр. Хёнджин и Минхо, негласно отвечавшие за «фасад», демонстрировали ту самую расслабленную грацию хищников, которая заставляла случайных постояльцев оглядываться и замирать в попытке понять, что за свита только что появилась в лобби.

Вокруг них, как в замедленной съёмке, сновали люди в дорогих костюмах, но парни будто выпадали из общего ритма. Они казались чем-то инородным в этом стерильном блеске: широкие брюки, мешковатые худи, безразмерные бомберы и грубые ботинки. Металл был везде: от серебряных булавок на лацканах до цепей, удерживающих пояс. Кольца на пальцах казались кастетами, а серьги в ушах при каждом резком движении ловили свет, подобно лезвиям бритв. Парни носили этот образ с той же уверенностью, что и свои дерзкие, немигающие взгляды. Мраморный пол гулко отбивал их шаги, отражая каждую фигуру, напоминая тёмное, бездонное озеро.

Слегка нервничая, Чан поправил лямку рюкзака. Его взгляд, тяжёлый и подозрительный, буквально буравил затылок Феликса. Тот кожей чувствовал это жжение, но держал лицо — в конце концов, в таких делах главное — уверенность. Если выглядишь так, будто у тебя в кармане ключи от этого города, никто не посмеет задавать лишних вопросов.

Хёнджин лишь слегка прикусил губу, чтобы не выдать их маленькую аферу. Он старательно разглядывал лепнину на потолке, напоминая туриста, впервые попавшего в Версаль. Менеджер двинулся к стойке регистрации, за которой возвышался администратор — воплощение корейской вежливости и стальной выдержки.

— Добрый вечер, господа. Добро пожаловать в «Гранд Хаятт», — произнёс администратор, учтиво склонив голову.

Всё ещё пребывавший в трансе от событий дня и внезапного визита парижского гостя, Пак шагнул вперёд:

— У нас бронь на имя агентства. Два люкса. И... нас должен ждать господин... Как там его зовут? — он перевёл растерянный взгляд на Феликса, но тут же отвлёкся, ощутив вибрацию телефона. С нахмуренным видом он углубился в чтение рабочего чата, полностью переключившись на входящие сообщения.

Феликс тут же перехватил инициативу, плавно, но настойчиво оттеснив менеджера Пака в сторону. Непринуждённо облокотившись на полированную поверхность стойки, он выглядел так, будто бронировал номера здесь каждое воскресенье.

— Жан-Пьер, — негромко произнёс Феликс, демонстративно загораживая сотрудника отеля от Пака, и уверенным движением положил на стойку закрытый паспорт.

Внутри, заранее сложенная пополам, пряталась купюра крупного номинала — веский аргумент. Феликс не убирал пальцы, уверенно фиксируя документ на столешнице, словно это был просто жест вежливости. В душе всё сжалось: адреналин от удачного вранья ударил в виски, и он резко сжал дрожащую ладонь в кулак, мгновенно восстанавливая маску светской небрежности.

— Тот самый сумасбродный гений из Парижа, — продолжил он, не сводя с администратора спокойного, гипнотического взгляда. — Просил не афишировать своё пребывание. Творческое озарение, сами понимаете... Заперся в номере и велел нам прибыть для «ночного штурма». Сказал: если хоть кто-то узнает, что мы здесь, или если поползут слухи — контракту конец. Вы ведь понимаете, как важна для него приватность?

Мужчина за стойкой, привыкший к работе с VIP-персонами, с каменным лицом раскрыл документ. Купюра не ускользнула от его взгляда: он на долю секунды замер, оценив номинал, но ни единым мускулом не выдал своей заинтересованности. Искусным движением, которое со стороны могло сойти за обычную проверку, он убрал деньги под столешницу и, подняв взгляд на Феликса, лишь едва заметно кивнул, принимая правила игры.

— Ах да, — голос его зазвучал гораздо приветливее. Пальцы забегали по клавиатуре. — Господин из Франции просил передать, что он... э-э... крайне занят подготовкой.

Он поднял голову:

— Следующий, пожалуйста.

— Я, — Чан подошёл к стойке и протянул паспорт.

Не отрываясь от телефона, Пак краем уха слушал переговоры. Его железные нервы давно привыкли к выходкам Феликса. Сбросив звонок из агентства, он убрал гаджет в карман пиджака и принялся наблюдать, как портёж, закончив с лидером, переключился на остальных. Сотрудник тщательно, но быстро сверил документы участников с бронью: убедившись, что всё в порядке, он подтвердил заселение, вернул паспорта и раздал ключ-карты.

— Одиннадцатый этаж, номера 1123 и 1125. Для доступа приложите карту в лифте. Господин Жан-Пьер свяжется с вами сам.

Ребята, почувствовав, что напряжение спало, двинулись в сторону лифтов. Пак на мгновение замешкался, оглядываясь на стойку — профессиональная привычка проверять, не забыли ли чего важного, — но тут его окликнул Чан:

— Пак-хён, идёте, — лидер слегка указал подбородком в сторону открывающихся дверей лифта. — Давайте уже заселимся, день был долгим.

Менеджер коротко кивнул, догоняя ребят, и сразу вошёл в привычный рабочий режим, пересчитывая всех по головам.

— Ну и ну, — пробормотал Хан, идя следом за остальными. — Надеюсь, у этого Жан-Пьера есть хотя бы нормальная еда. На пустой желудок образы не примеряются.

— Скорее всего, заставит нас мерить шарфы из кожи единорога, — буркнул Минхо, потирая виски. — У меня от сегодняшнего дня глаз дёргается чаще, чем рекламный неон на Таймс-сквер.

Когда лифт плавно тронулся вверх, Феликс почувствовал, как адреналин сменяется привычной усталостью. Он украдкой глянул на свои ладони: пальцы, ещё минуту назад казавшиеся чужими и непослушными, наконец перестали мелко дрожать. В зеркальных панелях кабины отразился Чан. Лидер тяжело привалился к стене, прикрыв глаза, и его плечи, обычно расправленные, предательски опустились. Напряжение брало своё — даже бдительность самого ответственного человека в группе на миг притупилась. Рядом с ним Пак, заметив состояние лидера, чуть заметно коснулся его локтя, безмолвно спрашивая, всё ли в порядке. В ответ получил лишь мимолётный успокаивающий кивок.

Раздался короткий, вежливый «дзынь», и створки разъехались в стороны, выпуская их в коридор одиннадцатого этажа «Хаятта». Здесь царила иная атмосфера: тусклый свет бра тонул в густом ворсе ковролина, который мгновенно поглощал любые звуки, создавая ощущение полной изоляции от внешнего мира. Пространство было пропитано тяжёлой тишиной и запахом дорогого парфюма, смешанного с тонким ароматом свежести. Казалось, коридор бесконечно тянется в обе стороны, а двери номеров, утопленные в глубокие ниши, создавали иллюзию закрытого, почти стерильного лабиринта. Пак первым вышел в холл, оценивающе оглядел пространство на предмет лишних глаз и, нервно поправляя галстук, жестом придержал ребят.

— Так, слушайте внимательно, — менеджер понизил голос до строгого шёпота, обводя взглядом группу. — Это элитный отель, здесь тишина — залог нашего спокойствия. Никаких криков, никакой беготни. Завтра в девять утра за вами заедет минивэн, так что будьте готовы. А пока... отдыхайте. Но помните: на магистрали у общежития крупная авария, так что забудьте про «я только сгоняю за зарядкой». Там ни света, ни воды. Полный блэкаут, делать там нечего.

Чан, стоявший чуть впереди, нахмурился, скрестив руки на груди.

— Менеджер Пак, вы уверены, что всё настолько серьёзно? Мы утром уезжали — проблем не было.

— Кристофер, коммунальные службы не шлют уведомления о каждой поломке, — отрезал Пак, не терпя возражений. — Моя задача — сохранить ваши нервы и комфорт. Через час приедет менеджер Ким, он возьмёт на себя вечерний контроль и безопасность этажа. А пока — по номерам. У вас есть час свободы, используйте его с умом.

Несмотря на лёгкое замешательство, Чан кивнул. Пак нажал кнопку вызова лифта и добавил на прощание:

— Всё, я пошёл. Всем — на горшок и спать!

Когда створки закрылись с мягким звоном, напряжение в коридоре спало. Ребята начали «оживать»: кто-то выдохнул, кто-то потянулся, разминая затекшие плечи. Чонин, тяжело вздохнув, первым сполз по стене, вытягивая длинные ноги прямо на ковролин, и начал лениво пролистывать ленту в телефоне.

— Странная история, — пробормотал он, не поднимая глаз от экрана. — Обычно всё чинят быстрее.

Раздраженно потирая живот, Чанбин стоял рядом и переминался с ноги на ногу, явно пытаясь придумать план спасения от голода.

— Пак дело говорит, — отозвался он, глядя в потолок, будто ища там ответы. — Ладно, воду переживём, чай не в пустыне. Но остаться без электричества? Даже рамён не заварить. Я сейчас готов продать душу за горячий ужин, а не вот это вот всё.

Хёнджин, прислонившись плечом к дверному косяку соседнего номера, прищурился на друга.

— Ты такой интересный, конечно, — протянул он с иронией, поигрывая ключом-картой. — Воду ты где возьмёшь, если её тоже отрубили? Будешь пить со слезами радости?

Чанбин резко выпрямился, всплеснув руками.

— Ну, можно сходить в магазин и купить пару-тройку бутылок! Гениально, правда?

Сынмин, до этого внимательно изучавший висящую на стене схему эвакуации, обернулся и критически оглядел Чанбина.

— Серьёзно? Нас восемь человек, гений. Твои три литра — это зубы прополоскать по очереди, чтобы просто вспомнить, что такое влага.

Хан, уставший от бесконечных прогонов хореографии, окончательно расслабился и тяжело навалился всем весом на плечо стоящего рядом Феликса. Тот, хоть и пошатнулся на секунду, привычно подставил опору, не прерывая беседы.

— Да, Бинни, — хохотнул Джисон, — такими темпами нам не рамён нужен, а молитвы о дожде.

Феликс, тихо посмеиваясь, поправил спавшую на глаза чёлку и слегка толкнул Хана плечом в ответ, заставляя того выпрямиться.

— А нести ты их будешь на себе, как горный мул? — с иронией спросил он, глядя на приунывшего Чанбина.

— Да идите вы оба сами за покупками! — Чанбин скрестил руки на груди, изображая смертельную обиду, и демонстративно отвернулся.

Тихо хмыкнув, Минхо оторвался от абстрактной картины, которую всё это время рассматривал без всякого интереса, и перевёл взгляд на этот балаган. Чан тяжело вздохнул, потёр переносицу и выпрямился, привычно принимая на себя роль лидера, который решает даже такие бытовые «катастрофы» мирового масштаба.

— Хватит ныть, пока я вас всех в магазин не отправил, — строго произнёс он. — Хёнджин, Феликс, Чонин и Хан — занимаете номер 1123. Остальные — за мной, в 1125. Разошлись!

Картинно отсалютовав лидеру, Хёнджин, не теряя времени, направился к нужной двери. Небрежное движение карточкой — и замок отозвался коротким довольным писком, щелкнув ригелем. Толкнув створку плечом, он приглашающим жестом пропустил остальных вперёд:

— Добро пожаловать в наши королевские апартаменты, господа, — произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более беззаботно, маскируя за лёгким пафосом напряжение в плечах.

Хан, секунду назад выглядевший так, будто вот-вот свалится от усталости, вдруг оживился. Ворвавшись внутрь ураганом, он тут же плюхнулся на край ближайшей кровати, заставив матрас прогнуться под своим весом.

— О боже, — выдохнул он, раскинув руки в стороны и глядя в потолок, — кровать здесь мягче, чем все мои мечты о сне за последние полгода. Ребята, скажите, что мы останемся здесь навечно?

Переступив порог, Феликс сразу же поддался магии вида из панорамного окна. Бросив сумку у входа, он, ведомый невидимой нитью, направился к стеклянной стене. Весь Сеул лежал у его ног — бесконечное полотно из неоновых рек и золотистых точек-окон, пульсирующее в ритме ночного города.

— Ребята, вы только посмотрите, — прошептал он, прислонившись лбом к прохладной поверхности. — Отсюда город кажется совсем другим. Мы будто парим над ним.

Стянув с головы кепку и бросив её на диван, Хёнджин, услышав голос Феликса, обернулся.

— Ты сейчас выглядишь так, будто готовишься издать сборник стихов о бренности бытия, — усмехнулся он, вставая рядом и скрестив руки на груди. — Что там такого философского ты разглядел в потоке машин, Ликси?

Феликс не сразу повернул голову, продолжая вглядываться в бесконечный поток огней.

— Смотри, — он указал пальцем куда-то вниз, на оживленную развязку. — Там тысячи людей, и каждый куда-то спешит. Кто-то возвращается с работы, кто-то опаздывает на встречу, кто-то просто хочет домой. А мы здесь, над всем этим. Как будто поставили жизнь на паузу, пока все остальные продолжают бежать марафон.

Хмыкнув, Хёнджин слегка толкнул друга плечом.

— Знаешь, я бы сказал, что мы не «ставим на паузу», а скорее устроили пит-стоп. И судя по тому, что ты сейчас звучишь как глубокий мыслитель эпохи Чосон, тебе определенно стоит завести личный дневник. Либо это, либо ты сейчас начнешь цитировать Конфуция, а я к такому после этого дня не готов.

Феликс рассмеялся — легко и искренне, — и это сразу сбilo налёт серьёзности. Хёнджин принялся изучать номер, то и дело касаясь поверхностей: проверял плотность штор, проводил пальцем по прохладной полировке тумбочки, словно убеждаясь в реальности их убежища. Руки всё ещё мелко подрагивали, а в голове настойчиво крутились слова менеджера Пака: тот сейчас мчался в сторону агентства, искренне веря в их нелепую аварию. Ложь была дерзкой, почти самоубийственной.

— Ладно, философ из меня сегодня так себе, — признал Ликс, наконец отрываясь от окна и поворачиваясь к Хёнджину. — Но номер действительно классный.

— Неплохо, — резюмировал Хёнджин, кивнув скорее самому себе. — «Гранд Хаятт» умеет держать планку.

Чонин, о котором все на мгновение забыли, всюю облюбовал зону мини-бара. Приоткрыв дверцу шкафа с тусклой синей подсветкой, он выудил оттуда холодную газировку. Прислонившись бедром к мраморной столешнице, макнэ лениво оглядел ассортимент: рядом с внушительной коллекцией элитного алкоголя и дорогого шоколада на подносе лежала привлекательная упаковка снеков, тут же приковавшая взгляд.

— Итак, парни, какой «яд» выберете? — Чонин сделал глоток, прикрыл глаза от удовольствия и жестом указал на мини-холодильник. — Там есть и другие напитки. Кто-то хочет составить компанию?

Стоило только упомянуть еду, как у Хана открылось второе дыхание, и он тут же вскочил с кровати. Он быстрым шагом преодолел расстояние до барной стойки, потянувшись к заветным снекам. Но Айен, словно невзначай, качнулся в сторону, плечом перекрыв обзор, и с дразнящей улыбкой перехватил пакетик, спрятав его за спину.

— Подвинься, макнэ, ты тут перегородил всё, что только можно, — пробурчал Хан, безуспешно пытаясь обойти его. — Не будь жадиной, дай мне хотя бы рассмотреть меню!

— И не мечтай, Джисон, — хмыкнул тот, снова прикладываясь к газировке. — Кто первый встал, того и тапки.

Хан, поняв, что проиграл битву за перекус, разочарованно выдохнул и отступил.

— Мне тогда коктейль, — буркнул он, примирительно поднимая руки. — Самый забористый из безалкогольных.

Звон льда в бокале и приглушённый смех друзей постепенно вытянули Феликса из созерцания панорамы вечернего города. В отражении тёмного стекла, на фоне мерцающих огней мегаполиса, он казался отрешённым — словно искал в хаотичном ритме улиц какой-то ответ.

Наконец, Ликс обернулся к комнате, и губ коснулась мягкая, чуть усталая улыбка. Отстранившись от прохладного стекла, он неспешным шагом направился к дивану. Упав на мягкие подушки, прикрыл глаза, наслаждаясь уютом, который сейчас казался куда ценнее всего сияния снаружи.

— Спорим, не подерётесь? — весело подначил он, прищурившись на Джисона, который отчаянно пытался выклянчить кусочек лакомства.

— Этот мелкий подрезал все снеки! — Хан ткнул пальцем в сторону младшего; в голосе сквозило неприкрытое возмущение.

Довольный собой, Айен с грохотом опустил пустую банку газировки на стойку и лениво направился к угловому креслу, где притаилась его сумка. Он ловко расстегнул молнию, выудил оттуда толстый том и, устроившись поудобнее, приготовился к чтению. Но в этот момент их глаза встретились: Хан всё ещё сверлил его голодным взглядом. Макнэ лишь крепче сжал добычу, но затем рассмеялся.

— Ладно, ладно, бедолага! — с широкой улыбкой он раскрыл ладонь, протягивая пачку. — Бери!

Хёнджин, до этого молча копавшийся в смартфоне, вдруг хлопнул себя по лбу, словно его осенило. Не теряя времени, он рванул к рюкзаку и с шумом вывалил на стол коробку.

— Слушайте, а как насчёт размять извилины? Я захватил настолку. До ужина у нас полно времени, так что отмазки не катят.

С почти маниакальным азартом он принялся расставлять фишки на журнальном столике.

— Одобряю, — Джисон, уже вскрывший подарок от макнэ, тут же переключился на друга. — Эй, Айен, ты с нами?

Младший, едва успев открыть книгу, демонстративно поднял обложку выше, давая понять, что его позиция на сегодня — интеллектуальный покой.

— У меня свидание с сюжетом. Развлекайтесь без меня.

Пока в 1123-м номере кипели приготовления, в 1125-м, расположенном прямо напротив, воцарилась совсем иная атмосфера. Минхо, выжатый после многочасового прогона в зале, просто распластался на матрасе, едва не пуская слюни от усталости. Чанбин, заметив, как у того медленно закрываются глаза, бесцеремонно пихнул его в бок:

— Эй, спящая красавица, не отключайся. Мы ещё не обсудили план на вечер. И, кстати... Тот француз, Жан-Пьер, помнишь?

Сынмин, сохранявший бодрость духа вопреки здравому смыслу, указал на огромную плазму:

— Раз уж мы в люксе, грех не воспользоваться местным стримингом. Посмотрим что-нибудь?

Чан, вечный капитан этого безумного судна, одобрительно кивнул:

— Давай комедию. Надо разгрузить мозги, пока они окончательно не закипели.

Команда единогласно проголосовала «за», и вскоре стены номера наполнились звуками фильма и ленивыми комментариями. Но стоило им увлечься просмотром, как из 1123-го, пробиваясь сквозь тишину коридора, донёсся шум, напоминавший начало настоящего побоища.

Чан поморщился. *Да уж, за такие деньги могли бы сделать стены и потолок.*

Сначала это был просто возмущённый гул, но вскоре он перерос в полные драматизма крики. Феликс и Хёнджин, похоже, сцепились из-за правил игры: звонкие удары ладоней по столу перемежались яростными выкриками: «Да послушай же ты!» и «Да там написано другое!».

Джисон, судя по приглушённым звукам, метался между ними, как заправский укротитель диких зверей: он то пытался положить руку на плечо Хёнджину, то загораживал обзор Феликсу, тщетно пытаясь перекрыть эту какофонию. В какой-то момент, осознав всю неле-

пость происходящего — ведь спор разгорелся из-за несчастной карточки в «Монополии», — он не выдержал. Перехватив инициативу, Джисон вклинился в эпицентр перепалки:

— Ребят, это просто картонки и кубики! — хохотал он, уворачиваясь от локтя Хёнджина, который тот в запале резко выбросил в сторону. — Давайте просто ловить кайф, а не устраивать здесь финал чемпионата мира!

— Там чёрным по белому написано: «Игрок платит всем», а не «Игрок получает от всех»! — Феликс, в пылу праведного гнева, чуть не подпрыгивал на диване, тыча пальцем в несчастную карточку.

Хёнджин в ответ лишь картинно закатил глаза и нарочито медленно выдохнул через нос, скрестив руки на груди.

— Феликс, твоё зрение сейчас искажено желанием обанкротить меня. Читай внимательно, ты просто не хочешь отдавать свои последние купюры! — он демонстративно подцепил пальцем стопку банкнот, и те веером разлетелись по сукну стола, словно колода карт у профессионального шулера.

В соседнем кресле Чонин, безуспешно пытаясь сосредоточиться на книге, устало потёр переносицу, с трудом сдерживая улыбку. Он давно привык к тому, что любые посиделки заканчиваются интеллектуальным (или не очень) мордобоем. Когда Хёнджин уже был готов демонстративно смахнуть игровое поле на пол, а Феликс начал перечислять все грехи друга, начиная с 2018 года, Джисон внезапно подскочил, схватил с журнального столика пластиковую бутылку с водой и начал использовать её как импровизированный микрофон.

— В эфире «Экстренные новости Монополии»! — Джисон вскочил между ними, буквально протиснувшись в узкий зазор, и наставил бутылку прямо на лицо Хёнджину. — Мы наблюдаем редчайший конфликт двух титанов финансов. Скажите, господин Хёнджин, как вы прокомментируете свои обвинения в адрес оппонента?

С поднятой рукой Хёнджин застыл, а выражение его лица стремительно сменилось с агрессивного на озадаченное.

— Джисон, убери эту фигню, — пробормотал он, пытаясь отодвинуться, но Джисон был настойчив.

— Ответа нет! — Джисон тут же развернулся к Феликсу. — А теперь спросим у мистера Феликса: считаете ли вы, что ваша стратегия «отнять всё и не просить прощения» этична в текущих экономических условиях нашего номера?

Феликс, который секунду назад собирался бросить в Хёнджина подушки с дивана, моргнул. Его плечи, до этого напряжённые до предела, вдруг расслабились, и уголок губ предательски дёрнулся вверх.

— Я считаю, что это было вынужденной мерой, — ответил Феликс, стараясь сохранить серьёзный тон, хотя в глазах уже плясали смешинки. — Мой оппонент пытается играть нечестно, используя свои... э-э... длинные конечности, чтобы дотягиваться до чужих фишек.

Джисон триумфально выпрямился.

— Видите? Конструктивный диалог! — он бросил бутылку на диван и тяжело выдохнул, картинно вытирая пот со лба. — Боже, я думал, мне придётся вызывать полицию или психолога. Давайте просто договоримся: если вы не прекратите орать, я конфискую все карточки и буду единоличным владельцем этого банка до конца вечера. Всем понятно?

Фыркнув, Хёнджин откинулся на спинку дивана и провёл ладонью по лицу, стараясь скрыть улыбку. Феликс просто закатил глаза, но напряжение, которое буквально искрилось в воздухе минуту назад, испарилось, сменившись привычной лёгкостью.

— Ладно, — буркнул он, поправляя волосы. — Твой ход, Феликс. Только не вздумай снова жульничать.

Пока они доигрывали, градус веселья только нарастал: дневная усталость окончательно испарилась, уступая место привычному хаосу. Когда партия подошла к финалу, Хёнджинглянул на часы и заговорщицки подмигнул Ликсу.

— Знаете, стены на меня давят. Пойду разведую, что тут интересного в коридорах. Ликс, ты со мной?

— Куда ж я тебя одного отпущу, — отозвался тот, вскакивая с места.

— Я тоже в деле! — неожиданно подал голос Чонин, захлопывая книгу и решив сменить уединение на компанию.

Одарив макнэ взглядом, полным напускного высокомерия, достойного истинного «короля драмы», Хёнджин снисходительно усмехнулся:

— Ботаникам в разведке делать нечего. Твоя миссия на сегодня — грызть гранит науки, пока зубы не затупятся.

Скрестив руки на груди, Айен обиженно надулся:

— Это кто тут ботаник?! Признавайтесь, опять пошли шуршать по углам и снимать свои танцульки для соцсетей? Так и скажите, что у вас секреты!

— Ладно, раскусил, — нехотя буркнул Хёнджин, убирая телефон в карман. — Но это конфиденциальная инфа. Погуляй пока с Джисоном, составь парню компанию, а то он от скуки скоро со стенами начнёт разговаривать.

С трудом подавив смешок, Феликс примирительно похлопал Айена по плечу. Ему нужно было солгать настолько убедительно, чтобы у младшего не возникло и тени сомнения:

— Слушай, дело вообще не в танцах, — Ликс перешёл на заговорщицкий шёпот. — Я задумал снять для STAY секретный влог в стиле старого кино, и мне позарез нужен этот капризный художник в роли оператора. Ты же знаешь: если вы с Ханом пойдёте с нами, то всё заспойлерите в первом же прямом эфире. Дай нам пару часов, и я обещаю: в титрах укажу тебя как главного идейного вдохновителя.

— Вот так всегда, Чонин-а! — Джисон приобнял макнэ за плечи, сияя как начищенный пятак. — Нам, простым смертным, нет места среди этих гениев контента. Пойдём лучше поищем, где тут делают нормальную пищу.

— Ладно, валите уже, «гении», — Айен со смешком высвободился из хватки Хана и шутливо подтолкнул его к выходу. — Но ты так просто не отделаешься, Хёнджин. С тебя та чёрная куртка с цепями, которую ты берёг для особого случая. Считай, что этот случай настал. И если пойдёте на улицу, наденьте что-нибудь для маскировки, хотя бы очки.

Театрально схватившись за сердце, Хёнджин изобразил глубокую обиду.

— Ты грабишь меня среди бела дня, Ян Чонин! — воскликнул он, но в глазах плясали смешинки. — Ладно, забирай. Всё равно она тебе идёт больше. Но только попробуй её испачкать!

Хан и Айен со смехом покинули номер, на ходу обсуждая идеи для будущего клипа.

— А я, пожалуй, сменю только верх... — Феликс выудил из недр рюкзака худи, решив избавиться от имиджа «милого парня».

Мягкая сатиновая блуза отправилась на кровать, на мгновение обнажив спину, прежде чем это место заняла плотная оливковая ткань с жёлтой цифрой «10» на груди. Тёмные брюки Феликс решил оставить — эта часть экипировки в замене не нуждалась. Хёнджин, оценив преобразование коротким смешком, поправил воротник джинсовки. Его образ — золотисто-бронзовая рубашка, слегка расстёгнутая на груди, и тёмные брюки — стал настоящей классикой для вылазки: круто, но без лишнего пафоса.

Настроение было паршивым. На кону стояло нечто куда важнее честности, а врать Феликс никогда не умел. Им нужно было испариться быстрее, чем менеджер Ким доберётся до «Хаятта». Настоящий стелс-экшен в декорациях Сеула: оставалось лишь надеяться, что никто из стаффа не нагрывает в общежитие с внезапной проверкой, иначе легенда разлетится к чертям.

Выудив из сумки солнцезащитные очки, Хёнджин первым выскользнул из номера. Он быстрым, размашистым шагом миновал коридор, стараясь держаться в тени, и через пару минут уже растворился в городском шуме. Феликс, выждав несколько секунд, поспешил следом, поглубже натягивая козырёк чёрной бейсболки. В таком виде они больше напоминали парочку грабителей, чем кумиров миллионов, но это было только на руку.

Район оказался пафосным до тошноты. Вокруг сверкали витрины элитных бутиков, где продавали всё, кроме действительно нужных вещей. Найти здесь что-то простое было сродни подвигу. А уж где раздобыть свечи из чистого воска, а не этот декоративный парафин с блёстками, оставалось загадкой.

Для Хёнджина существовала лишь одна цель: достать необходимое и вернуться в общежитие, чтобы закончить начатое. Безопасность группы — приоритет, и если ради спокойствия парней нужно было обежать весь Сеул, он бы это сделал. Улицы дышали холодом, каждый прохожий казался потенциальным свидетелем его вылазки. Пара кварталов осталась позади; мимо пролетали вывески косметических брендов, но натурального воска не было и в помине. Надежда таяла, а чувство вины перед Айеном, который наверняка уже затаил обиду, скребло когтями под рёбрами.

Наконец в глаза бросилась вывеска: «Ручная работа. Мыло, свечи, аромамасла». Сердце пропустило удар: чистое везение. Словно судьба решила, что с него хватит. Хёнджин осторожно скользнул в магазинчик. Внутри царил уютный полумрак, пропитанный густым ароматом лаванды и мёда. За деревянным прилавком его встретила женщина с тёплым взглядом и улыбкой, которая моментально вызывала доверие.

— Добрый вечер, — тихо произнёс Хёнджин.

Он постарался выглядеть как можно более непринуждённо, хотя «не привлекать внимания» в его случае — задача заведомо провальная. Поймав любопытный взгляд покупателя, увлечённо рассматривавшего травы на соседнем стеллаже, айдол инстинктивно втянул голову в плечи. Его золотисто-бронзовая рубашка мягко переливалась в тусклом свете ламп, выглядя слишком изысканно для этого места и нелепо контрастируя с грубым денимом брюк. Поправив на переносице тёмные очки, чтобы спрятать глаза, Хёнджин чуть ссутулился, стараясь скрыть фигуру. Серебряные кольца негромко звякнули, когда он сцепил пальцы в замок за спиной. Дождавшись, пока другой посетитель расплатится и уйдёт, он наконец выпрямился и одарил хозяйку самой обезоруживающей улыбкой.

— Подскажите, есть ли у вас свечи из натурального воска?

Женщина кивнула и коротким жестом указала на полки. Чего там только не было: лимон с базиликом, роза вперемешку с сандалом, ваниль, приправленная корицей. Хёнджин долго перебирал упаковки, вчитываясь в этикетки с такой серьёзностью, словно от состава зависела чья-то жизнь.

— А есть что-нибудь без отдушек? — спросил он, вовремя вспомнив, что резкие запахи в общежитии — затея так себе. Чан точно всё поймёт и завалит его вопросами.

Склонив голову, она внимательно окинула его взглядом, после чего жестом позвала к витрине.

— Разумеется. Тогда вам стоит взглянуть на это. Только натуральный воск, никакой химии.

Ловко наклонившись за прилавок, женщина достала небольшую коробку. Внутри, в обёртке из бежевой бумаги, лежали идеальные цилиндры цвета слоновой кости. Их поверхность отливала мягким матовым блеском, выглядели свечи потрясающе.

— Сколько их тут? — уточнил он, оценивая количество.

— Двенадцать штук, — отозвалась она тихим, умиротворяющим голосом, напоминающим шорох сухой листвы в октябре. — Горят ровно, долго, свет дают тёплый. Пчелиный воск — вещь честная, голова от него не болит.

— Звучит как спасение. Давайте заберу всё, — решительно заявил Хёнджин, рассматривая лаконичную наклейку. Ни кричащего дизайна, ни дешёвых картинок — лишь строгий минимализм, подчёркивающий качество. В этом чувствовался особый стиль.

Продавец аккуратно упаковала коробку в крафтовый пакет и протянула ему. Хёнджин отсчитал купюры и выложил их на прилавок.

— Благодарю, — добавила она, принимая деньги и кивая на покупку. — Пусть они принесут вам спокойствие.

В этой лавке было невероятно уютно. Хёнджину на секунду захотелось просто прислониться к косяку и переждать здесь весь мировой хаос, вдыхая аромат трав и воска. Но его жизнь — штука суровая, а мемберы сами себя не спасут. Забрав сдачу и бережно уложив пакет в сумку, он ещё раз кивнул женщине на прощание.

Выйдя на улицу, Хёнджин вдохнул прохладный вечерний воздух. Небо окрасилось в глубокий индиго, а последние отсветы заката догорали где-то далеко за крышами зданий. Одной проблемой меньше. Теперь — путь в магазин за солью.

Пока он спешно двигался в сторону круглосуточного, где-то неподалёку, в сплетающейся сети городских улиц, разворачивалась другая история.

В этот же самый момент Ликс проскользнул мимо охраны: минув главный вход, он выбрал запасной заезд, воспользовавшись тем, что охранник ушёл в обход периметра. Вечерний июньский воздух казался тяжёлым и неподвижным; пахло нагретым за день асфальтом.

Парковка общежития, обнесённая глухим забором из светлых алюминиевых панелей, сейчас казалась самым опасным местом на свете. Феликс нашёл нужную машину — чёрный внедорожник Чана стоял в самом дальнем углу стоянки. Сердце колотилось в горле: если сработает сигнализация, поднимется шум и сбежится весь штафф.

Феликс знал: Чан всегда оставлял двери авто незапертыми, если отлучался ненадолго. Но багажник — это было рискованно. Он замер у заднего бампера, не решаясь действовать. Пальцы, сжимавшие в кармане брелок, украденный у Чана ещё утром, вспотели. В голове всплыло, как лидер проклинал глючный датчик удара: внедорожник орал от любого шороха. Ликс, чертыхаясь, достал телефон и включил фонарик, прикрыв ладонью свет.

— Спокойно, Ликс, — прошептал он сам себе, чувствуя, как мелко дрожат пальцы. — Просто одно нажатие. Ты делаешь вещи и похуже, чем этот взлом. Соберись. Это всего лишь железяка, а не мировая катастрофа. Дыши.

Он осторожно нащупал нужную кнопку.

— Господи, только бы не заорала.

Щелчок замка прозвучал в вечерней тишине как выстрел. Феликс зажмурился, ожидая, но вместо него заметил сквозь ресницы, как приветственно мигнули габариты, и рывком распахнул крышку.

В нише за обшивкой Чан обычно хранил старый баллонный ключ — массивный, тяжёлый кусок железа, — как раз то, что нужно. Нащупав инструмент, Ликс схватил его, захлопнул багажник и, пригнувшись, поспешил к служебному входу — неприметной стальной двери, утопленной в цоколе здания.

Феликс приложил электронный ключ к считывателю. Раздался тихий писк, и тяжёлая дверь с резиновым уплотнителем поддалась. Технический коридор — царство уборщиков и сервисных служб — встретил его темнотой и сыростью. Он аккуратно придержал створку, не давая металлу лязгнуть о косяк, и дождался, пока замок защёлкнется с мягким, почти немимым звуком.

Внутри повисла гнетущая тишина. Феликсу стало не по себе: страх оказаться запертым в этих стенах один на один с той чертовщиной, что привиделась накануне, давил на виски. Разум услужливо подбросил пугающую мысль: а вдруг Лимен решит напасть первым? Но времени на раздумья не осталось — на наручных часах застыло 21:20.

Взлетев по лестнице и оказавшись на нужном этаже, он швырнул ключи на тумбу, туда же отправилась бейсболка, и, почти срываясь на бег, рванул в гостиную. Уронил баллонник у дивана и метнулся к кладовой. Тени в углах казались неестественно глубокими, почти живыми, и он невольно дёрнулся, когда громоздкая куртка на вешалке на мгновение приняла форму человеческого силуэта. Внутренний голос истошно вопил: «Шевелись!», а перед глазами то и дело темнело — от нахлынувшего страха приходилось придерживаться за стены. Тихий скрип двери в безмолвном коридоре заставил его вздрогнуть. Феликс прикрыл глаза и выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Ещё пара таких сюрпризов, и я точно словлю микроинсульт прямо посреди этого мракобесия... — после секундной паузы он выдавил из себя карикатурный гнусавый голос, будто пародируя репортёра из старых фильмов: — «Молодой идиот погиб, пытаюсь вызвать какого-то монстра». Какая фееричная кончина! — закончил он, не сдержав нервного смеха, возвращаясь к обычному тону и устало потирая виски. — Смерть в окружении бытовой химии — это определённо не тот уровень трагедии, на который я рассчитывал.

С этими словами он резко выпрямился, отбросив прочь дурные мысли. Клацнул выключатель, и Феликс принялся лихорадочно перерывать полки в поисках чего-то подходящего. Выудив нужную ёмкость, он метнулся в ванную. Лино вечно помешан на сортировке, так что пустых бутылок в утиле завались — хоть какая-то польза от его бзика: будет куда разлить «святую воду».

Бережно удерживая наполненный таз двумя руками, Ликс выскочил в гостиную и поставил его строго по центру. Следом пошло зеркало — аккуратно прислонил к стене, боясь лишний раз дыхнуть, чтобы конструкция не рухнула в самый ответственный момент. Из комнаты Джисона пришлось реквизи́ровать кольцевую светодиодную лампу.

— Надеюсь, Хани не устроит истерику... — пробормотал Ликс, устанавливая технику напротив зеркала. Он выкрутил яркость на максимум, на секунду ослепнув, и тут же погасил свет. — Порядок, пашет.

На часах было 22:10. Вечер за окном окончательно сменился глубокими сумерками, когда тишину общежития нарушил шум в коридоре. Спустя мгновение в дверях гостиной появился Хёнджин. Вид у него был потрёпанный: очки сползли на кончик носа, джинсовка перекосилась — видимо, спешил так, что даже не поправил. В руках он сжимал тяжёлую сумку.

— Раздобыл свечи. И купил пару пачек соли, на всякий пожарный. Не факт, что нашему «гостю» это не по барабану, но лишним не будет, — пробормотал Хёнджин. Сбросив ношу на пол с глухим стуком, он стянул с переносицы аксессуар и небрежно бросил его на подушку дивана, а следом отправил туда же надоевшую вещь, накинув её на спинку.

Феликс перехватил гаечный ключ поудобнее, демонстрируя импровизированное оружие; во взгляде блеснула холодная ирония.

— У нас есть чистое железо. Если эта дрянь решит сократить дистанцию — познакомлю её с классикой рукопашного боя.

Точным броском Хёнджин отправил крафтовый пакет напарнику, коротко хохотнув. Тот поймал его на лету, тут же отложил в сторону ключ и, заглянув внутрь, извлёк картонную коробку. Вскрыв упаковку, он с тихим шорохом вытряхнул прямо в ладонь свечи — добротные, тяжёлые, пахнущие пчелиным воском.

— Идеально! — одобрил Феликс, опускаясь на корточки перед широкой пластмассовой ёмкостью.

С усилием Ликс вытащил из кармана брюк новенькую, массивную металлическую зажигалку. Пальцы скользнули по ребристому колесу, и крышка отозвалась фирменным, чистым звоном. Вспыхнувший кремёнь озарил его сосредоточенное лицо, пока зажигались свечи — одна за другой, аккуратно закрепляемые каплей воска. Огонёк за огоньком, точно по выверен-

ной схеме, на полу начал выстраиваться силуэт. Свечи образовали периметр, очерчивая острые углы пентаграммы.

Запах подтаявшего воска и анималистичные ноты амбры; мелкие кристаллы, рассыпанные по полу, поблескивали, словно застывшие капли янтаря. Воздух в гостиной стал вязким, пропитанным тяжёлым парфюмом, от которого кружилась голова. Закончив с разметкой, Хёнджин отложил пустую пачку, а мешавшиеся под рукой пакеты с солью небрежно сгрёб в чёрную сумку.

— Чёрт, если бы мне кто-то сказал утром, чем мы будем заниматься в общежитии, я бы покрутил пальцем у виска, — буркнул Феликс, снимая с пальца серебряное кольцо. С тихим плеском украшение ушло на дно ёмкости.

Аккуратно застегнув молнию на брендовом аксессуаре, Хёнджин подтолкнул его ногой под диван, скрывая от лишних глаз, и лишь потом обернулся к другу.

— Ликс, ты сам в это ввязался, — отозвался он спокойным тоном. — Либо доводим дело до конца, либо забываем об этой мистике и идём спать. Третьего не дано. Нам бы потом не забыть про чёртову соль, а то если кто-то найдёт, возникнут вопросы: мол, зачем нам три килограмма...

— Знаю, знаю... — Феликс поморщился, заставляя себя успокоиться. — Вряд ли кто-то заметит, сколько там килограммов. Всё, заткнись и дай мне время. Нужно настроиться.

Хёнджин затих, прислонившись к стене, и наблюдал за тем, как младший нервно оттянул ворот своего худи, перебирая пальцами цепочки. Наконец, нащупав крошечный крестик, Феликс снял его через голову и вытянул руку, сжимая холодный металл над самой кромкой воды. Это был их первый «эксперимент», и страх неудачи висел в воздухе гнетущим грузом. Но когда Ликс начал говорить, всё остальное перестало существовать. Его голос — глубокий, бархатный, с той самой завораживающей низкочастотной вибрацией — заполнил комнату, резонируя где-то в груди. Хёнджин всегда невольно замирал, слушая этот тембр. Ему, обладателю высокого и часто резкого голоса, иногда до боли хотелось обладать таким же магнетизмом, уметь одним звуком так подчинять себе пространство. Это звучало не просто серьёзно, а пугающе властно, и он, сам того не осознавая, затаил дыхание.

— **In nomine sanctae aquae et Spiritus Sancti,**

— **Lux et gratia veni ad nos,**

— **Purifica nos et sanctifica aquam hanc,**

— **Ut sit remedium et protectio,**

— **In nomine Dei et Dei Filii et Spiritus Sancti. Amen.**

Когда последние слова затихли, Феликс не обернулся, но уголок губ его чуть заметно дрогнул, словно он чувствовал пристальный взгляд на себе. Крестик качнулся на звеньях, сорвался и канул в воду. В комнате воцарилась тишина, давящая на перепонки — казалось, сама реальность замерла в ожидании знака. Хёнджин подался вперёд, ожидая чего угодно: вспышки, закипания воды или потустороннего воя. Но вода в тазу оставалась неподвижной, лишь ленивые круги медленно расходились по зеркальной глади. Феликс неловко выпрямился, чувствуя, как затекли плечи. В этот миг серебро в тазу резко потемнело, окислившись от контакта с жидкостью, но на этом всё закончилось.

— Может, я с ударением накосячил? Или вера у меня так себе, чисто для галочки? — мысли роились в голове, отдавая горечью разочарования.

— Ликс... Глянь на кольцо. Видишь эту черноту? — голос Хёнджина прозвучал неестественно глухо. Он присел на корточки, не сводя глаз с потемневшего ободка.

— Да не гони... — выдавил Феликс, наклоняясь к самой воде.

Поколебавшись, Хёнджин осторожно коснулся водной глади, едва ощущая подушечкой пальца прохладу. Прозрачная, без запаха — самая обычная вода из-под крана в общежитии. По спине пробежал неприятный холодок.

— Обычная вода не окисляет серебро, тем более за секунды. Это невозможно, — Хёнджин вглядывался в почерневший сплав, хмурясь от недоумения.

— Думаешь, какая-то аномалия? — прошептал Феликс, не отрывая взгляда от испорченного украшения.

— Ты уверен, что не напутал слова в тексте? — Хёнджин с сомнением покосился на друга.

Тот прокрутил в голове каждую строчку. Всё было чётко, как хореография к новому камбэку.

— Да точно тебе говорю! Я не совсем безнадёжен... Хотя... Стой. Кажется, я понял.

— Излагай, — оживился Хёнджин.

— Реакция пошла не на саму воду. Она стала святой, и серебро среагировало на то, что заполнило этот дом. Это реакция на... скверну, — Феликса осенило, и голос прозвучал неожиданно твёрдо.

— Значит, этот «сосед» не из дружелюбных... — Хёнджин озадаченно побарабанил пальцами по краю таза. — Только почему этот гад до сих пор не вылез и не сделал из нас отбивную?

— Да он выжидает, сто процентов. Питается нашей паникой, силы восстанавливает. Мы его спалили слишком рано, не дали развернуться. Да что уж там, я при первой встрече вообще чуть не обделался, — Феликс бросил это сквозь зубы, пытаясь спрятать дрожащие руки.

— Ладно, святая вода в наличии, соль под рукой. Свет не включаем: не дай бог охранник застукает нас за оккультными обрядами и вызовет стафф. Припрутся ведь в самый неподходящий момент. Пусть свечи догорают. Если станет совсем темно — зажжём новые.

— До полуночи осталось недолго, — хрипло проговорил Феликс, глянув на настенные часы в гостиной. — Охранник в своей конуре наверняка уже десятый сон видит. Нам никто не помешает. У нас есть пустые бутылки, которые Лино ещё не успел выставить на пункт сбора мусора. Давай разольём в них воду?

— Да, хорошая идея, — кивнул Хёнджин и, подняв одну из догорающих свечей с пола, направился в противоположную сторону.

Аккуратно освещая путь фонариком, Феликс пробрался в зону сортировки. За горой пластика — за неправильную утилизацию которого здесь карали беспощадно — нашлись три подходящие ёмкости. Попутно заглянув в подсобное помещение, он на всякий случай прихватил тряпку. Хёнджин действовал иначе: в полумраке, осторожно ступая в дрожащем свете пламени, добрался до кухни и, стараясь не стукнуть посудой, вытащил из шкафчика керамическую кружку.

Вернувшись, они приступили к работе. Хёнджин бережно зачерпывал из таза освящённую воду, стараясь не промахнуться мимо узких горлышек, пока Феликс крепко держал ёмкости, следя, чтобы ни капли не пролилось мимо. Закончив, парни быстро закрутили крышки, а кружку тщательно вымыли и вернули на место. Феликс тут же протёр пол — только этого не хватало, чтобы поскользнуться в ответственный момент. Задвинув таз под журнальный столик, Хёнджин поставил одну бутылку около кольцевой лампы, а остальные Феликс унёс в свою комнату, спрятав их и вернулся.

— Ну всё, теперь мы во всеоружии, — подытожил Хёнджин, обводя взглядом гостиную и опустившись на диван.

Феликс последовал его примеру, устраиваясь рядом. Сперва разговор клеился с трудом: друзья обменивались короткими фразами, проверяя обстановку и вслушиваясь в любой шум за стенами общежития. Время застыло, став похожим на вязкий кисель, который невозможно было ни «разрезать» на части, ни ускорить. Чтобы не сойти с ума от безмолвия, парни начали резаться в карты на шелбаны, вполголоса накидывая строчки для нового бита — просто чтобы чем-то занять мысли и выплеснуть напряжение в шёпот. Но даже творчество не спасало от лип-

кого предчувствия беды. Когда стрелки часов сошлись на полуночи, измотанные этим тягучим ожиданием, оба растянулись на диване, балансируя на грани сна.

В этой полудрёме слух обострился до предела: любой скрип половицы или подозрительный звук отдавался в сознании тревожным сигналом, заставляя Феликса то и дело вздрагивать, не позволяя провалиться в глубокий сон. И именно на грани этого чуткого оцепенения возникло ощущение резкого, ледяного прикосновения к плечу. Глаза распахнулись сами собой. Тени от свечей на потолке заплясали, а сердце в груди устроило бешеную чечётку, грозя проломить рёбра.

По лбу скатилась холодная капля пота. Феликс не понимал, что именно выдернуло его из дрёмы, но интуиция вопила во всё горло. Невидимые пальцы прочертили полосу по коже, оставив после себя жуткий холод. Тишина в гостиной стала такой пронзительной, что в ушах зазвенело. Хёнджин рядом едва слышно сопел, не подозревая, что их «гость» уже здесь.

Резко оттолкнувшись от спинки, Феликс соскользнул на самый край сиденья. В воздухе пахло озоном и чем-то чужим. Казалось, неведомое затаилось в каждой складке штор, а дальний угол комнаты, просевший и неестественно тёмный, теперь напоминал оскаленную пасть, готовую в любую секунду вцепиться в глотку.

— Хён, подъём... — выдохнул Феликс, крепко вцепившись в плечо друга. — Началось. Оно здесь.

— Что? Уже? — тихо пробормотал Хёнджин и устало потёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна. Поморщившись, он с трудом разлепил веки, но, увидев дикий взгляд младшего, мгновенно подобрался: — Который час?

Феликс глянул на часы:

— За полночь...

Отбросив подушки в сторону, Хёнджин соскочил с дивана, поправил рубашку и с хрустом размял шею:

— Начинаем. Либо мы, либо эта тварь нас прикончит.

Феликс шагнул к сумке, достал пачку соли и, впившись зубами в край полиэтилена, с остервенением дёрнул головой. Пакет упруго сопротивлялся, растягиваясь, но под острой хваткой лопнул с резким звуком, и белые кристаллы градом посыпались на пол. Он принялся вычерчивать вокруг лампы жирный, плотный круг. Это был его рубеж, его крепость. Тусклый луч, направленный строго в сторону зеркала, заиграл на крупинках соли. Тем временем Хёнджин подобрал у дивана баллонник, коротко подбросил, оценивая вес, и, удовлетворившись, перехватил стальной стержень поудобнее.

— Готов, Ликс?

— Да... наверное. Нет. В общем, не уверен, но давай закончим.

Старший занял позицию справа от зеркала, напряжённый, как сжатая пружина. Один замах — и стекло разлетится в труху.

— Чёрт... Ну давай, мразь... — Феликс постарался вложить в голос всю мощь низкого тембра. — Хватит прятаться по щелям! Я знаю, ты здесь.

Он с силой крутанул регулятор яркости на лампе.

— Выходи на свет, трусливая тварь! Хочешь моего страха?!

Голос Феликса зазвучал громче, вибрируя от адреналина, но в нём не было и тени желания отступить. Это была их территория.

Свет, запертый в неровном кольце рассыпанной соли, резал пространство, вытягивая по стенам уродливые тени. Хёнджин, до белых костяшек сжимая баллонник, замер, точно изваяние. В давящем безмолвии слышалось только сухое потрескивание фитилей и надрывный, свистящий вдох Феликса. В глубине отражающей поверхности шевельнулась мгла. Не тень, а сгусток абсолютной пустоты; бесформенная копоть на долю секунды приняла очертания человека и тут же растворилась, оставив после себя могильный озноб. Ткань реальности истончилась.

Хёнджин уже вскинул тяжёлый инструмент для удара, но резкий окрик Феликса пригвоздил его к месту:

— Тормози! Оно ещё недостаточно взбесилось, не высовывается!

— Твою мать! — Хёнджин стиснул зубы.

Оружие зависло в дюйме от поверхности, мышцы окаменели, как натянутые струны. Сердце колотилось о рёбра, точно бешеный пёс в клетке. Он сосредоточенно буравил пустоту стеклянного провала: оттуда смотрело собственное лицо — бледная, искажённая маска с лихорадочно блестящими глазами. Бездна. Вакуум. Но этот пробирающий до костей мороз ввинчивался в суставы, заставляя челюсти сводить судорогой. В нескольких шагах, чуть левее, стоял Феликс, направляя свет лампы; его пальцы на тумблере мелко подрагивали от волнения.

— Выманивай его, — прошептал Хёнджин, всем телом подавшись вперед, готовый сорваться в любую секунду.

— Надо зацепить лучом... — отозвался Феликс, едва дыша от сосредоточенности.

В кривом полотне снова мелькнул рваный силуэт. Он стал гуще, почти материальным, и это заставляло балансировать на грани нервного срыва.

— Ну же, — прошептал Феликс, голос звучал сухо, почти безжизненно. — Ты ведь голоден, правда? Хочешь выбраться?

Он резко увеличил яркость до максимума, направив поток белого излучения в центр зеркала. Сущность внутри дёрнулась, реагируя на раздражитель, подобно мотыльку, обезумевшему от огня. Феликс начал водить лампой из стороны в сторону, буквально «вытягивая» мрак, заставляя его тянуться к источнику.

— Иди ко мне, — Феликс застыл, зафиксировав лампу в одной точке, не давая ни единому блику сместиться.

Лимен клюнул. Он почти коснулся амальгамы изнутри. Стужа в комнате стала невыносимой, воздух зазвенел, как перед грозой.

— Сейчас! — выдохнул Феликс, удерживая фокус на мерцающей поверхности. — Бей!

Раздумий не было. Взрывной импульс сбросил оцепенение, накопленное за секунды ожидания. Сорвавшись с места, Хёнджин сделал широкий шаг и, перенося вес тела в атаку, начал замах, вкладывая в удар весь тот яд и страх, что копились внутри с момента появления сущности.

Пространство вокруг зеркала внезапно стало вязким, почти плотным. Рука с холодной сталью, ещё не коснувшись поверхности, наткнулась на упругую, густую преграду, требующую колоссального усилия, чтобы преодолеть это сопротивление.

Не сбавляя скорости, он стиснул зубы от напряжения и, отбросив последние сомнения, с силой продавил барьер, вложив в рывок всю оставшуюся мощь. В последний момент, чувствуя, как невидимая мембрана истончается, Хёнджин зажмурился.

С оглушительным, переходящим в ультразвуковой визг треском — будто раскалывалось само стекло реальности — баллонник пробил пелену и обрушился в центр зеркала. Его накрыла волна дикого, первобытного восторга — пьянящее чувство охотника, наконец-то вонзившего клык в горло добычи. Одновременно с этим он вскинул свободную руку, закрывая лицо локтем, и резко отпрянул назад.

Зеркало взорвалось.

Тысячи острых, как бритва, осколков брызнули во все стороны, подхваченные инерцией удара. Феликс инстинктивно вскинул руки, пряча лицо в сгибах предплечий. Стекланный град с сухим шелестом пронёсся мимо: он полоснул по рукаву Ликса, но плотная ткань худи смягчила удар, а осколки оставили жгучую царапину на предплечье Хёнджина, стоявшего совсем рядом. Лампа вспыхнула в последний раз, превращая крошево на полу в ковёр из режущих звёзд. Открыв глаза, Феликс задержал дыхание, глядя на это мерцающее стекло; на какое-то

мгновение он поймал себя на мысли, что даже в этой гибели есть жуткая, холодная красота, в которой отразилась агония запертой тьмы.

В воздухе повисла густая взвесь, смешанная с едким запахом озона и приторным смрадом гари. Огарки свечей, расставленные где-то на полу, погрузили гостиную в зыбкий мрак. Тишину нарушало только их прерывистое, тяжёлое дыхание. И вдруг из-под крупных осколков, усеявших ламинат, начала сочиться дегтярная жижа — тошнотворно-вязкая дрянь, похожая на чернильное пятно, пытающееся собраться воедино. Она растекалась, наполняясь объёмом. Сперва бесформенное месиво, но с каждой секундой оно принимало пугающе чёткие очертания. Человек? Пожалуй. Но искалеченный, деформированный, вывернутый наизнанку самой жуткой фантазией. Настоящий кошмар, ставший реальностью в их доме.

Бледная кожа обтягивала кости, выставляя напоказ сеть гнилостных синих вен. Вместо лица — гладкий, лишённый всяких черт овал. Ни глаз, ни носа — лишь глухая, мертвенная поверхность. Монстр издавал низкий, вибрирующий звук — не то скрежет ржавого металла по стеклу, не то шуршание сухих листьев в склепе. Длинные костлявые конечности, точь-в-точь ветви мёртвого дуба, медленно сканировали пространство на вкус.

— Ебанный в рот... — выдавил Феликс.

Мир вокруг него внезапно сузился до размеров одной точки. Остальное пространство — стены, мебель, даже стоящий неподалёку Хёнджин — превратилось в размытую серую акварель, потеряло границы и смысл. Всё внимание, как под прожектором, сфокусировалось на существе. Оно вдруг стало гиперреалистичным: Феликс до тошноты отчётливо видел каждую пору на серой, натянутой коже твари, видел, как дрожит в воздухе пылинка рядом с её острым, как бритва, пальцем. Звуки собственного сердца в ушах заглушили всё — это был оглушительный, пушечный гул, в такт которому вибрировали зубы.

— Тут святая вода до одного места. Хёнджин, у нас есть план «Б» или нам обоим пиздец? — просипел Феликс. Горло сжало спазмом, из-за чего слова вылетели сбивчиво, больше похожие на хрип.

Ужас сдавил лёгкие, перекрыв кислород, превращая каждый вдох в пытку раскалённым свинцом.

— Охренеть можно, в дневнике дяди про такую хрень ни слова не было! — выкрикнул Хёнджин, сжав инструмент до белых костяшек и пятясь к стене.

В ту же секунду Лимен рывком выпрямился. Оно возвышалось, как жуткая карикатура на человека, но движения казались дёргаными, рваными — словно тело наспех сшили из кусков разных трупов, и они наотрез отказывались работать сообща. Мерзкая туша медленно водила головой, прислушиваясь: звуков было слишком много, из-за чего существо сбивалось и не могло решить, кем полакомиться первым. Стоило ему качнуться в сторону Ликса, как паника ледяными когтями впилась ему в горло. Феликс попятился, вываливаясь из соляного круга. Руки дрожали так, что он едва удерживал равновесие. Урод резко сократил дистанцию, на месте лица с влажным треском разошлась плоть, обнажая зияющую дыру с частоколом кривых акулых зубов. Казалось, ещё миг — и от Феликса останутся только ошметки.

— Хёнджин! Сделай что-нибудь! — взвыл Феликс, теряя остатки самообладания. Его нога с размаху зацепилась за натянутый по полу кабель питания кольцевой лампы.

От резкого рывка тяжёлый штатив пошатнулся, жалобно звякнув металлом, но устоял, лишь качнувшись из стороны в сторону. Сам же Феликс мешком рухнул на пол, прямо на острые, как бритвы, осколки зеркала. Стекло с хрустом впилось в ладони, мгновенно окрашивая поверхность в ярко-алый цвет.

На долю секунды Хёнджин остолбенел. Внутри всё похолодело: инстинкт вопил «беги», но в голове, словно набат, билась одна мысль: мёртвое должно оставаться мёртвым. Эта простая, как выстрел, истина ударила в виски. Пересилив животный ужас, он с размаху всадил

железный прут в гниющую плоть. Оружие вошло подозрительно легко, встретив сопротивление не плоти, а вязкой массы, напоминающей сырую глину.

Пока холодный металл пронзал безликую тушу, Хёнджин остро ощутил чудовищную неправильность происходящего. Внутри шевельнулось жуткое осознание: это существо когда-то было человеком. Хёнджин гадал, были ли у него любимые песни, знало ли оно своё имя и боялось ли темноты так же, как он сейчас. Но теперь от личности не осталось ничего, кроме пустой оболочки, вынужденной скитаться в бесконечном забвении. Для него этот удар был уже не просто битвой — актом милосердия.

Звук вышел глухим — ни хруста костей, ни всплеска крови. Лишь тихое шипение. Из раны толчками повалила мутная субстанция, заливая всё вокруг зловонной гнилью. Оно на секунду замерло, а затем существо сотряс такой утробный, пробирающий до костного мозга стон, что стёкла в окнах задребезжали. Уродливое месиво, заменявшее ему лицо, перекошилось в подобии агонии, движения значительно замедлились. Феликс, едва оправившись от шока, в панике отпрянул на четвереньках, вскрикнув от того, как края осколков глубже впились в кожу, оставляя за собой кровавый след. В его глазах застыл чистый, незамутнённый ужас: парень наотрез отказывался верить в реальность этой мясорубки. Ладони нещадно саднили; он судорожно прижал окровавленные руки к груди, стараясь не фокусироваться на боли.

С силой дёрнув тяжёлый стержень на себя, Хёнджин почувствовал, что тот намертво увяз в густой пульсирующей мякоти. Снова рывок — и опять тишина. Он упёрся ногой в плечо отвратительной туши, напрягая жилы до предела, и с резким чавкающим звуком вырвал металл. Оружие со свистом рассекло воздух, а в теле монстра осталась зияющая рваная рана, из которой тут же потянулся шлейф густой черноты.

— Как, чёрт возьми, это прикончить?! — прошипел сквозь зубы Феликс, пытаясь сдержать рвущийся из груди крик.

Существо завибрировало, реагируя на голос Феликса. До Хёнджина дошло: эта хрень ориентируется на звук. Слепая, но чертовски чуткая. Он резко вскинул палец к губам, приказывая другу молчать, но момент был упущен. Ликс инстинктивно откатился в сторону, как только понял, что оно «сканирует» пространство. С грохотом младший снёс журнальный столик и, зажмурившись, вцепился ладонью в собственный рот, заталкивая обратно готовый вырваться стон. Дыхание превратилось в рваные, свистящие всхлипы.

Потеряв точный ориентир, нечто заметалось по комнате, круша всё на своём пути. Мощный удар когтистой конечности пришёлся по книжному стеллажу: тот, не выдержав напора, с оглушительным треском завалился набок, осыпая пол книгами и осколками декора.

Хёнджин подобрался — страх за друга сменился холодным, звенящим инстинктом хищника. Грохот падающего стеллажа перекрыл всё остальное: существо резко развернулось в ту сторону. Хёнджин видел его повадки — оно ловило каждый шорох. Зубы клацнули, а длинный, покрытый слизью язык лениво мазнул по обнажённым дёснам.

— Сюда, тварь! Сюда! — прорычал он, с силой ударив металлом по ламинату.

Резкий, визгливый лязг ударил по ушам, моментально приковывая к себе внимание. Когда тварь, издав утробный рык, бросилась на звук, Хёнджин швырнул баллонник в сторону. Звон отлетевшего инструмента окончательно сбил чудовище с толку: по инерции пронесаясь мимо цели, оно подставилось под удар. Хёнджин выждал миг, рванул вперёд и уверенно перехватил его, впившись пальцами в верхнюю часть туловища существа, с трудом подавляя рвотный позыв.

Ощущение было мерзким: под ладонями сминалась холодная, скользкая кожа. Внутри не чувствовалось ни костей, ни хрящей — лишь упругий мешок, наполненный вязким гелем. Отросток, напоминающий голову, извивался, как гигантская амёба, пытаясь выскользнуть из захвата. Хёнджин вложил всю силу в мышцы плеч, намертво блокируя выродка. Пальцы глубоко ушли в податливую, пористую плоть.

— Какая же ты мерзкая куча дерьма! — выплюнул Хёнджин, чувствуя, как внутри закипает злорада.

Оно извернулось, клацая челюстью в сантиметре от его запястья, но Хёнджин оказался быстрее. Сдавлив чудовище, он заставил тварь захлебнуться собственным визгом. Резким движением он рванул плоть в разные стороны, пытаясь обездвижить эту гадость. Податливая субстанция затрещала и выгнулась с тошнотворным хрустом. Из свежего разрыва хлынула липкая жижа, заливая руки зловонной слизью. Тварь завывала, как раненый зверь, обмякла и рухнула на пол. До Хёнджина внезапно дошло: существо поддерживало свою форму за счёт низкочастотной вибрации, будто держало себя в тонусе. Это был не голос — это был его внутренний каркас. И если ударить по нему мощным резонансом, который перекроет его собственный ритм, структура твари неизбежно пойдет трещинами.

Вот почему ты был такой вялый... Только бы не облажаться!

Время таяло, медлить было равносильно смерти.

— Феликс, мать твою, очнись! Не смей впадать в ступор! — рявкнул он. — Доставай телефон, ищи частоту двадцать герц! Подключайся к колонке и выкручивай звук на максимум, живо!

Трясущийся от ужаса Феликс судорожно кивнул, давясь отчаянием, но приказ сработал. Он выудил смартфон из кармана. К счастью, колонка стояла прямо на полке в гостиной — там, где они обычно гоняли треки перед репетициями. Секунда на сопряжение, пальцы лихорадочно застучали по экрану. Есть, двадцать герц. Дисплей подсвечивал его мертвенно-бледное лицо; руки ходили ходуном, грозя выронить аппарат, но он справился.

Звук, едва уловимый слухом, стал для твари настоящим адским рок-н-роллом. Пол под ногами задрожал, а воздух в комнате мгновенно загустел, как сироп. С первой же секунды уши заложило, словно при резком взлете самолета, затем накатил прилив тошнотворного головокружения. Вибрация прошивала кости, выбивая дробь на зубах и вызывая неконтролируемую панику.

Феликс, не выдержав, вскрикнул и прижал ладони к ушам, выронив смартфон, но воспроизведение частоты через колонку не прекратилось. Хёнджина тоже повело: желудок скрутило спазмом, и он, с большим трудом удерживая хватку на извивающемся монстре, инстинктивно дёрнулся, пытаясь вжать голову в плечи. Они оба боролись с нахлынувшей тошнотой и желанием рухнуть на пол, но колонка продолжала давить инфразвуковым гулом.

Существо билось и корёжилось в конвульсиях, покрываясь пузырями и исторгая из себя остатки вязкой жижи. Входя в резонанс с внешней частотой, его ткани перестали держать форму: монстр буквально начал саморазрушаться, разрываясь от собственных вибраций. Хёнджин отпрянул в сторону, ожидая, что этот гнойный нарыв вот-вот рванёт.

— Господи... — просипел он, не в силах оторвать взгляд от предсмертных мук твари.

Колонка захлёбывалась, звуковая волна буквально сшибала с ног, а монстр, издавая визг, похожий на скрежет ржавой пилы по металлу, сжался в уродливый ком. Оно деформировалось — с пугающей скоростью то раздувалось, то опадало, словно надуваемый и сдуваемый пузырь, искажаемый невидимым давлением. Оставалось только молиться, чтобы стены общедомового здания выдержали этот хаос.

Слизь, покрывавшая выродка, тягуче растекалась по ламинату, оставляя за собой жирный угольно-чёрный, смолянистый след. Зрачки Феликса расширились до предела, полностью поглотив радужку. Ему хотелось орать до потери сознания, но он лишь впился ногтями в ладони, оставляя на коже глубокие полумесяцы; ранки тут же отозвались обжигающей болью. Он стиснул челюсти с такой силой, что зубы жалобно скрипнули.

Инфразвук достиг апогея, превратившись в оглушительный гул. Гостиная отозвалась вибрацией: казалось, рой разъярённых шершней бьётся прямо в стены. Существо, давясь хри-

пом, наконец опало, превратившись в густую, безжизненную массу. Остатки туши — куски резиноподобной дряни — замерли на полу, медленно остывая и источая зловоние.

Музыкальная колонка спустя мгновение умолкла, и тишина ударила по ушам более любого грохота. Феликс замер, прислонившись к основанию дивана. Деревянная конструкция, прочная и холодная, служила единственной опорой, удерживающей его от падения в пустоту. Он так и сидел, подтянув колени к груди и пряча лицо в окровавленных ладонях. Его колотило — будто по венам пустили ледяную крошку.

Хёнджин подошёл и тяжело опустился рядом, едва не завалившись на него всем весом. Только сейчас, в этой звенящей паузе, до них дошло, по какому краю они прошли. Жизнь айдалов, блёстки, концерты — всё это показалось картонным фасадом перед лицом той опасности, что только что сдохла у них на глазах.

— Ликс, ты как? Живой? — голос Хёнджина прозвучал надтреснуто.

— Нет, чёрт возьми, я не в порядке! — Феликс вскинул голову. В его глазах плескалась чистая, неразбавленная боль, а по щекам вместе со слезами размазывалась кровь: он испачкал лицо, когда прижимал к нему ладони, разодранные осколками. — Мы вляпались по самые уши. Мы чуть не погибли в собственной гостинной... И самое паршивое — ты был прав. — Он сжал кулаки, игнорируя вспышку боли. — Весь этот мир — одна сплошная скотобойня.

Феликс задохнулся от беззвучных рыданий. Хёнджин молча сгрёб его в охапку, притягивая к себе так сильно, что тот невольно уткнулся носом в его плечо, ища спасения в этом единственном ядре реальности. Он позволил другу выплеснуть весь этот яд, всю накопившуюся истерику. Хёнджин сам чувствовал, как внутри всё выгорает: страх, горечь и осознание того, что их жизнь никогда не будет прежней. Секреты, которые их семьи так старательно хоронили, вылезли наружу, окрашивая окружающий мир в кроваво-чёрный цвет.

Наконец, когда дрожь в плечах Феликса стихла, он медленно отстранился. Хёнджин нехотя разомкнул объятия, и в повисшей тишине этот разрыв ощущался почти болезненно. Тяжело дыша и машинально смахивая слёзы со щеки, он перевёл взгляд на разгромленную гостиную.

— Я видел эту дрянь там, — прошептал Феликс. — Это была она? Та самая слизь?

— Похоже на то. Грязь, которую она оставила, — Хёнджин мрачно оглядел останки. — Кто ж знал, Ликс... Я думал, разнесём зеркало к чертям, и дело с концом. Типа семейная легенда, все дела. А тут такое дерьмо вылезло. Послушай, сиди здесь, я принесу аптечку. Надо твои руки привести в порядок, пока заражение не пошло.

Оставив друга застывшим у дивана, Хёнджин на ватных ногах направился в ванную. В горле заскребло, будто туда насыпали битого стекла — нервы требовали немедленной разрядки. Он ворвался в помещение и до упора выкрутил кран, лишь бы заглушить шум собственных мыслей. Вода хлынула на ладони, смывая липкую, тошнотворную слизь. Хёнджин лихорадочно давил на дозатор, выбивая гору мыльной пены, и тёр кожу до красноты, мечтая содрать с себя остатки этой пакости вместе с эпидермисом.

Тщательно отмыв руки, он плеснул ледяной водой в лицо, стараясь прийти в себя. В шкафчике над раковиной лежала новая аптечка. Внутри было всё необходимое: перекись, бинты, пластыри — стандартный набор для выживания в бетонных джунглях Сеула. Схватив необходимый минимум, он вернулся в гостиную. Феликс всё так же сидел на полу, безвольно обхватив колени. Вид у него был паршивый: бледный, растрёпанный, совершенно не похожий на сияющего айдола с обложки.

— А вот и я, — Хёнджин выдавил из себя подобие улыбки, пытаясь хоть как-то разрядить давящую тишину. Несмотря на то что пальцы у него мелко дрожали, он поставил аптечку на пол, потянулся к стоявшей неподалёку кольцевой лампе, пододвинул её ближе, чтобы лучше видеть повреждения, а затем опустился на колени напротив. — Давай сюда свои руки, «солнечный мальчик».

Феликс молча протянул ладони. Хёнджин перехватил его запястья, невольно сжав кожу чуть сильнее, чем нужно. Свет лампы безжалостно выхватывал кровавые разводы и острые, крошечные осколки, глубоко засевшие в коже. Хёнджин сглотнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от жалости и беспомощности. Непослушными пальцами он распечатал пинцет.

Металл казался неестественно холодным и тяжёлым. Хёнджин поднёс его к первой ране, но рука предательски дёрнулась. Он замер, выдыхая через рот, и снова прицелился. Кончики пинцета соскользнули с гладкого стекла, царапнув воспалённую кожу.

Вздрогнув всем телом, Феликс глухо вскрикнул.

— Прости, прости, — затараторил Хёнджин, чувствуя, как у самого от напряжения вспотели ладони. — Сейчас, секунду, я... я просто не привык.

Вторая попытка подцепить осколок не удалась. Кончики пинцета никак не могли зафиксировать скользкий, кровавый край. Слишком сильное давление причинило Феликсу новую порцию боли, но стекло сидело крепко, словно вросло в мясо. Младший сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки, а пальцы, свободные от хватки Хёнджина, впились в собственные бёдра.

Наконец Хёнджину удалось ухватить краешек. Он потянул. Медленно. Слишком медленно. Осколок с мерзким звуком, напоминающим хлюпанье, подался, но, упорно сопротивляясь, вцепился в плоть. Феликс зашипел сквозь зубы, а его взгляд затуманился слезами отчаяния.

— Тяни... давай же, — выдохнул он.

Хёнджин рванул. Осколок вылетел, но задел соседние ткани, из ранки мгновенно выступила густая капля крови. Оба замерли, глядя на маленькое, блестящее в свете лампы лезвие, зажатое в инструменте.

— Один есть, — голос Хёнджина звучал совсем чужим.

Впереди было ещё минимум пять таких же. Эта пытка растянулась на вечность. С каждым новым заходом нарастала злость на собственную неуклюжесть, а Феликс всё сильнее бледнел, его дыхание сбилось, став рваным и свистящим. Когда очередь дошла до глубокого зазубренного куска, засевшего у основания большого пальца, у Хёнджина сдали нервы. Он начал ковырять рану, не в силах с первого раза нащупать опору.

Феликс со свистом втянул воздух, запрокинув голову; из горла вырвался хриплый, задавленный звук, похожий на скулёр.

— Хён, пожалуйста... — прошептал он, и в этом голосе было столько боли, что у Хёнджина потемнело в глазах.

На секунду зажмурившись, Хёнджин глубоко вдохнул, перехватил пинцет поудобнее и, не давая себе времени на раздумья, резким, грубым движением выдернул остаток стекла. Феликс судорожно вздрогнул и обмяк, а по щеке скатилась одинокая слеза, которую он тут же поспешил стереть.

Дрожащими руками он схватил ватный диск, который обильно смочил в перекиси. Жидкость шипела, разъедая раны, но Феликс даже не сопротивлялся — он был опустошён. Хёнджин методично, почти механически, промакивал кожу, стараясь не смотреть, как всё сильнее краснеет в его пальцах пропитанная вата, становясь неприятно липкой. К горлу подступала тошнота, но он заставил себя сосредоточиться. Сначала аккуратно наклеил пластыри на самые глубокие порезы, а затем, решив подстраховаться, бережно обмотал ладони широким бинтом, фиксируя края и скрывая кровавые разводы.

— Готово, — прошептал Хёнджин наконец, отбрасывая окровавленные салфетки. — Жить будешь.

Короткий сухой смешок слетел с губ Феликса, тут же перейдя в приступ кашля. Его плечи подрагивали, а в глазах застыла усталость, которую не могли скрыть ни грим, ни яркий сценический свет.

— Спасибо, Хёнджин, — отозвался он, выдавливая из себя каждое слово. — У тебя талант собирать меня по кусочкам, пока всё летит к чертям.

Закатив глаза, Хёнджин игриво щёлкнул друга по носу, не скрывая усмешки.

— Завязывай с пафосом, «солнечный мальчик». Не строй из себя мученика. Роль главной драмы в этой группе официально занята мной, смиришься.

Дёрнув плечом, Феликс попытался улыбнуться в ответ, но вышло вяло, почти вымученно. Хёнджин, заметив это, молча закрепил последний виток бинта и опустил руки, обессиленно оседая на пол рядом. Адреналин, державший их в тонусе последние полчаса, начал стремительно отступать, сменяясь тупой, ноющей пустотой. В комнате повисла плотная тишина, нарушаемая тихим гудением одинокой кольцевой лампы. Феликс не шевелился, просто сидел с закрытыми глазами, постепенно выравнивая рваное дыхание.

Несколько долгих минут Хёнджин молча смотрел в одну точку. В пространстве, пропитанном запахом антисептика и крови, витал невысказанный вопрос, ставший теперь единственно важным. Феликс первым нарушил тишину. Открыв глаза — пустые, отражавшие лишь холодный свет лампы, — он посмотрел на свои забинтованные руки, словно это были руки чужого человека.

— Знаешь, — Феликс говорил хрипло, с надрывом, словно заезженная пластинка. — Я не подписывался на это. Не хочу быть... этим. Охотником.

Он повернул голову к Хёнджину; в глазах, где больше не осталось прежнего света, застыл немой укор.

— Какого чёрта именно я?

Хёнджин ответил не сразу. Устало смахнув со лба прилипшую прядь, невольно оставил там яркий след, даже не заметив этого. Он поднял глаза на друга — в них читалось то самое нескрываемое сочувствие, которое всегда было их тайным языком.

— Спроси что-нибудь полегче, Ликс. Я задаюсь тем же вопросом каждое утро, когда смотрю в зеркало.

Судорожно выдохнув, Феликс уткнулся лбом в плечо Хёнджина. Мысли о бесконечной беготне и проклятом наследии предков давили на него бетонной плитой. Перед глазами крутился замкнутый цикл: репетиции, сцена, фанаты, а потом — темнота, страх и риск оставить голову в какой-нибудь подворотне. Бег по кругу, где финишная черта постоянно отодвигается.

— Но почему именно мы? — прошептал Феликс, и в голосе прорезалось отчаяние. — Мы же обычные парни... Ну да, стали трейни, пахали как проклятые, добились славы. Но мы учились петь и танцевать, а не... На что мы вообще охотимся?

Чуть отстранившись, Хёнджин впился взглядом в глаза Феликса. Никакого нравоучительного тона или косых взглядов — только свинцовая усталость и понимание.

— Это в крови, Ликс, — Хёнджин выдавил из себя тяжёлый вздох. — Подарочек от предков, который не вернёшь в магазин. Чёртова цепь, и мы в ней — очередные звенья, хочешь ты того или нет.

— И что дальше? — голос Феликса ощутимо дрогнул. — Просто продолжать этот марафон? Гоняться за... ними... пока не сдохнем?

— Честно? Без понятия, — Джинни мягко коснулся волос друга, ощущая, как внутри вскипает инстинктивное желание прикрыть его собой. Брата, напарника — неважно. — Давай сначала разберёмся с этим «семейным делом», а там уже всё решим.

Взгляд Феликса вдруг замер на руке друга, и лицо мгновенно стало серьёзным.

— Ох, Хёнджин, твоё предплечье... — Феликс с максимально сосредоточенным лицом, прикусив кончик языка, осторожно, стараясь не причинить лишней боли, отлепил прилипшую к ране ткань. Тонкая алая полоска на бледной коже выглядела неуместно.

Хёнджин, наоборот, разглядывал собственную руку так, будто это был экспонат в музее современного искусства. В пылу недавней суматохи он даже не почувствовал, как острый осколок полоснул по телу.

— Даже не заметил, — выдал он с таким искренним удивлением, что Феликс невольно закатил глаза. — Царапина. Ерунда, пустяки.

— «Пустяки», — буркнул Феликс, поднимая с пола стоящую поблизости бутылочку с перекисью. — Ты сейчас выглядишь не лучше меня. Сиди смирно.

Как только антисептик коснулся кожи, Хёнджин вздрогнул. Жидкость противно зашипела, а в воздухе повис специфический металлический запах. Закусив губу, Феликс аккуратно приклеил пластырь с детским принтом — случайную находку из аптечки.

На пару секунд повисла тишина. Хёнджин уставился на зверька, потом на Феликса, а затем коротко фыркнул. Через мгновение их обоих сотрясало от хохота — истеричного, вымученного, но необходимого, как спасительный глоток кислорода после долгого погружения под воду.

— Ты издеваешься? — Хёнджин ткнул пальцем в ласку. — Это что, мой новый талисман удачи?

— Конечно. Подчёркивает твой суровый образ охотника, — Феликс вытер выступившие слёзы, чувствуя, как отступает напряжение, сковывавшее грудную клетку.

Улыбнувшись шире, чем следовало, Хёнджин принялся деловито собирать разбросанные бинты и пузырьки обратно в пластиковый бокс. Это простое, бытовое занятие возвращало их в реальность, где главные угрозы — не демоны и проклятия, а банальные ушибы и гнев лидера.

— Ладно, — Хёнджин захлопнул крышку аптечки с отчетливым щелчком. — С этим «семейным делом» мы разберёмся позже. Сейчас у нас есть проблема посерьёзнее.

— Какая? — Феликс шмыгнул носом, окончательно возвращаясь в текущий момент.

— Да посмотри вокруг! — Хёнджин обвёл комнату жестом, полным отчаяния. — Если Чан увидит, во что мы превратили общую гостиную, он нас самолично в асфальт закатает быстрее, чем любая нечисть.

С трудом фокусируя взгляд, Феликс медленно окинул гостиную: книжный стеллаж повален, груды литературы и обломки декора смешались с осколками зеркала. Кольцевая лампа мигала, то тускнея, то вспыхивая. Воск, прилипший к ламинату, предстояло оттирать не один час.

— На уборку уйдёт вечность, если мы вообще сможем вернуть сюда хоть какой-то порядок... — Феликс тяжело вздохнул и нервно поправил бинты, пряча дрожащие пальцы в рукавах худи.

Вспомнив кое-что, Хёнджин рванул к коробочке на полу.

— Слушай, так не пойдёт, мы же глаза ломаем в таких потёмках, — пробормотал он, выуживая несколько увесистых свечей. — Помоги мне, расставь их на журнальном столике и вот на той полке. Надо осветить хоть что-то, пока мы не начали разгребать этот завал.

Аккуратно обходя острые осколки разбитого зеркала, Феликс кивнул и принялся за дело. В кармане пальцы наткнулись на зажигалку. Он вытащил её и, не доходя до свечей, щёлкнул колёсиком. Сухой треск впился в тишину, и из горелки вырвался крошечный, беспокойно пляшущий огонёк.

Медленно двигаясь от одной свечи к другой, он осторожно подносил пламя к фитилям. Те неохотно занялись, испуская тонкие струйки дыма. Когда по комнате наконец заплясали тёплые, живые отсветы, стало немного легче дышать: мрачные тени отступили, открывая взору весь масштаб учинённого беспорядка.

Оценив освещённый фронт работ, Хёнджин на мгновение застыл, глубоко вдыхая, собираясь с мыслями, а затем решительно кивнул сам себе.

— Так-то лучше. Давай сначала поднимем шкаф, — скомандовал он, стряхивая с себя оцепенение. — А потом займись книгами: перебери их и проверь, не застряли ли осколки зеркала между страниц. Не хочу, чтобы кто-то из ребят порезался, когда вернётся.

— А что с декором? — Феликс кинул взгляд на керамическую статуэтку: небольшую, но дорогую сердцу. — Ребята заметят, что чего-то не хватает. Да и сувенир Чонина вдребезги...

На мгновение Хёнджин с силой сжал веки, лелея надежду, что реальность изменится, стоит ему снова взглянуть на мир.

— Значит, соберём по кусочкам. Клей «Момент» где-то был в ящике стола. Будем играть в реставраторов, Ликс. И молиться, чтобы никто не заметил трещин, — он вздохнул, стараясь отогнать дурные мысли, и первым делом направился к стеллажу.

Этот предмет мебели, прежде служивший гордостью их гостиной, выглядел теперь жалким: перекошенный, с вывороченными петлями и глубокими царапинами на полированном дереве, которые явно оставил когтистый монстр. Хёнджин упёрся плечом в массивный каркас, чувствуя, как мышцы отзываются ноющей болью после недавней схватки.

— На счёт три, — прохрипел Хёнджин. Его голос звучал пугающе серьёзно для ситуации, в которой обычно они просто спорили бы, чья очередь мыть посуду. — Раз, два, три.

С силой толкнув стеллаж, Хёнджин надеялся, что перекошенная рама хоть немного выровняется. Дерево встало на место с тяжёлым, глухим грохотом, хотя дверцы так и остались висеть под неприятным углом, а по корпусу пошли новые трещины. Воздух наполнился пылью, заставив обоих закашляться. Феликс, тут же оказавшийся рядом, подпихнул полку снизу, пока его друг удерживал её в вертикальном положении. Удар о стену получился резким, но конструкция, хоть и шатаясь, устояла.

— Фух, — Феликс смахнул с лица светлую прядь, оставив на лбу серый след от пыли. — Вроде стоит. И то хлеб. Хотя выглядит так, будто вот-вот снова завалится, если на неё просто дыхнуть.

Хёнджин не ответил, лишь критически оглядел результат их усилий, понимая, что полноценный ремонт потребует вызова мастера и кучи денег, которых сейчас не было. Он отправился на кухню и вернулся с щёткой и совком, которыми они обычно сметали грязь с террасы. Феликс, всё ещё бледный, как полотно, бросился к куче книг, разбросанных по полу.

— Ты их аккуратнее перебирай, — бросил Хёнджин, не поднимая головы. Он опустился на колени и принялся сгребать осколки зеркала резкими, скупыми движениями. Скрежет стекла по ламинату неприятно резал слух, напоминая, насколько всё могло закончиться печальнее. — Не хватало ещё новых порезов, нам завтра на репетицию.

Феликс кивнул. Он двигался осторожно: кончиками пальцев перебирал обложки, то и дело останавливаясь, чтобы вытряхнуть острые стеклянные крошки, застрявшие в корешках. Каждый раз раздавался тихий звон — остатки зеркала будто издевались, напоминая о суматохе, устроившей здесь погром час назад.

Комната понемногу возвращалась к жизни, избавляясь от «постапокалиптического» налёта. Воск от свечей, который они использовали для ритуала, теперь приходилось соскабливать старой банковской картой — занятие то ещё: выматывающее и нудное. Хёнджин, стоя на четвереньках, яростно тёр ламинат, стараясь не оставить ни пятнышка.

Когда глазам стало больно от тусклой лампы, они притащили из подсобки ведро и арсенал бытовой химии. У Феликса руки подрагивали, поэтому основную грязную работу Джинни взял на себя, натянув жёлтые резиновые перчатки, которые смотрелись на нём максимально комично.

— Надо избавиться от главной улики, — Хёнджин кивнул на кучу скользкой, вонючей массы, оставшейся от Лимена. — Тащи мешок и ту старую пластиковую лопатку для уборки, я попробую сгрести эту гадость с пола.

— Да, сейчас, я видел целый рулон мешков! — отозвался Феликс и быстро метнулся на кухню.

По пути он уже начал разворачивать пакеты, а вернувшись к Хёнджину, принял позу заправского помощника: расправил края мешка, держа его максимально широко, пока Хёнджин действовал лопаткой как скребком. С неприятным, влажным чваканьем густая субстанция поддавалась, переползая с ламината в недра мусорного пакета. Хлам полетел следом, глухо ударяясь о дно, ставя жирную точку в этой ночной вакханалии.

Первый этап пройден. Хёнджин бросился в ванную, набрал ведро воды и щедро плеснул туда моющего средства — эта ядерная смесь растворила бы даже старые неудачи. Затем, окунув тряпку, он отжал её и с характерным шлепком швырнул на ламинат.

— Сколько раз просил купить швабру? — проворчал он, откидывая прилипшую к лицу прядь волос. — Снова ползаю тут, как Золушка. Терпеть не могу.

— Ну кто любит натирать полы? Я вот тоже не фанат, но помогал бы, если бы не это, — Феликс продемонстрировал забинтованные ладони и усмехнулся с такой иронией, которой хватило бы на весь их альбом.

Переведя взгляд с мокрого пола на перебинтованные руки друга, Хёнджин не удержался и насмешливо фыркнул:

— Ты сейчас серьёзно? У тебя на лице написано, что ты наслаждаешься моей агонией, Ликс.

Рассмеявшись, Феликс поспешил скрыться во мраке коридора, чтобы не усугублять ситуацию, а вскоре вернулся с увесистым ящиком для инструментов. Хёнджин, не отрываясь от тряпки, бросил на него беглый взгляд. Тем временем Феликс, словно компенсируя свою бесполезность в уборке, уверенно взялся за пострадавший стеллаж: с нажимом, до хруста в суставах, подтянул отвёрткой расшатавшиеся петли, заставляя дверцу послушно встать на место и вернуть былую плавность хода. Заметив глубокие царапины на дереве, парень сосредоточенно нахмурился, выудил из бокса мебельный воск и, терпеливо разминая его пальцами, принялся слой за слоем заполнять изъяны. Движения его были отточенными и спокойными: интенсивно втирая воск, он полировал повреждённые участки мягкой тканью до тех пор, пока они не слились с общей текстурой стеллажа. Теперь створки закрывались бесшумно, а мебель выглядела как новая. Закончив с ремонтом, он подтолкнул ногой мешок к выходу из гостиной и добавил:

— Надеюсь, лимит на это дерьмо на сегодня исчерпан.

Сам же Хёнджин, не разгибая спины, продолжал яростно драить пол, хватая ртом воздух, будто участвовал в марафоне.

— Не каркай. В нашем графике строить планы — только смешить судьбу, — отозвался он, не отрываясь от работы. — Главное, чтобы остальным парням не досталось. У них свои репетиции, свои айдольские заботы. Им в этот хаос соваться противопоказано.

Отложив инструменты, Феликс кивнул:

— Тут ты прав.

В комнате всё ещё стоял приторно-тяжёлый душок гнили — въедливое напоминание о случившемся. Парни заканчивали. Полы блестели от влаги, но каждый сантиметр, каждая отдраенная полка казались осквернёнными. Хёнджин поспешно водил тряпкой по поверхностям: ноздри раздувались, а удушливая хлорка заставляла морщиться и сжимать челюсти — этот химический шлейф был почти так же отвратителен, как и то, что они пытались скрыть. Он работал резкими движениями, пока спазм не сковал желудок. Кольцевую лампу — тщательно протёртую от пыли — вернули на место, в комнату Джисона.

Лишь бы Ханни не заметил, что стало с его любимой лампой... — пронеслось в голове у Феликса.

Все моющие средства отправились в подсобку, а вместе с ними в подвальный отсек перекочевал и бокс с инструментами. Гостиная, вернув себе прежний облик, внезапно показалась

Феликсу чужой декорацией. Ледяное осознание сковало грудную клетку: они только что заглянули в самую бездну. И теперь эта бездна знает о них всё: где они спят, что едят, и даже их имена. Это чувство беспомощности перед неизвестным пугало сильнее, чем последствия их поступка, и он невольно застыл, уставившись на то, что ещё не успели убрать.

У стены осталась тяжёлая чёрная рама — пустая глазница, лишённая зеркального полотна. Хёнджин подцепил её носком ботинка, проверяя, не осталось ли на ней осколков. Затем, с усилием подхватив деревяшку, он ощутил под пальцами холодное, неприятно липкое дерево и с глухим стуком пристроил её к куче мусора, уже ожидавшего своей участи в чёрных пакетах. Теперь-то стало ясно: мир состоит не только из фанатов, камбэков и стаффа. В тених скрывается нечто похуже назойливых сасэнов.

Если существует нечисть, демоны, значит, и ангелы — не просто метафора для наших треков, верно? — Феликс задумчиво созерцал ночное небо, где среди звёзд плыли похожие на дым облака.

Старший, аккуратно расставив последние томики книг Лино на полку, тяжело выдохнул и обернулся к Феликсу. Тот стоял у окна, слегка ссутулившись, прижимая забинтованные руки к груди.

— Ликс, ты живой? — Хёнджин подошёл ближе, понизив голос до шёпота. — Всё вроде на своих местах, можно уходить.

Остекленевшим взглядом Феликс посмотрел на друга, но сохранил спокойствие; в его глазах читалась почти полная отрешённость. Он упрямо не хотел показывать свою слабость.

— Я в норме, Джинни, — тихо отозвался он.

— Врёшь, — Хёнджин сощурился, оглядывая бледное лицо друга. — Ты выглядишь так, будто сейчас в обморок грохнешься. Давай приведём тебя в порядок, и не спорь. Нужно вернуться в нормальном виде, чтобы не вызвать подозрений. Иначе в отеле поднимут тревогу, стоит нам переступить порог.

Феликс сжал губы, собираясь огрызнуться, но не успел: Хёнджин уже схватил со спинки дивана свою джинсовку.

— Двигай в ванную. Даже не вздумай сопротивляться.

— Какой же ты зануда... — буркнул Феликс, хотя сил на пререкания совсем не осталось. Он поплелся в указанном направлении, неловко огибая расставленную мебель.

Затолкав младшего в ванную, Хёнджин открыл кран. Тёплая вода ударила в раковину. Схватив с крючка полотенце, он намочил край и принялся бережно протирать лицо и шею Феликса. Тот терпеливо принимал заботу, прикрыв глаза, пока старший, насупившись от напряжения, очищал кожу от кровавых разводов и пятен, оставшихся после их «столкновения» с первой в жизни нечистью. Закончив процедуру, Хёнджин принялся за его худи, аккуратно счищая пыль, а после на секунду отступил, чтобы оценить внешний вид друга.

— Ну вот, — Хёнджин смерил Феликса взглядом и, дотянувшись до полки, выудил оттуда «дежурную» расчёску, которую всегда хранил для таких случаев. — Теперь хотя бы на человека похож. С волосами сам справишься?

— Мастер комплиментов... — Феликс иронично выдернул её из рук друга. — Справлюсь. Я не инвалид.

Приводя в божеский вид растрёпанные волосы, Феликс всмотрелся в своё отражение. То и дело приглаживая непослушные локоны, айдол старался придать себе хоть сколько-нибудь презентабельный вид, подобающий «сияющей звезде», но выходило плохо: зеркало в полумраке ванной комнаты лишь подчёркивало его усталость. Наконец, махнув рукой на результат, он отошёл в сторону, уступая место другу. Хёнджин, терпеливо ожидавший своей очереди, тут же занял освободившееся пространство и, не теряя времени, принялся за свои дела.

Выдавив на ладонь щедрую порцию мыла и взбив густую пену, он тщательно вымыл руки, избавляясь от навязчивого ощущения, будто грязь въелась в кожу. Сполоснув их, Хёнджин не

стал вытираться, а провёл влажными пальцами по лбу и вискам, отбрасывая намокшие пряди назад. Быстро одёрнув заправленную в брюки рубашку, он схватил лежавшую на бортике ванны джинсовку и рывком накинул её на плечи, скрывая под рукавом царапину.

— Ну, сойдёт, — Хёнджин отступил, проверяя, всё ли безупречно. — Готов?

— Да, пошли быстрее, — поторопил Феликс, первым направляясь к выходу.

Задержавшись на секунду, чтобы распахнуть окна в гостиной и впустить ночной воздух, Хёнджин наткнулся взглядом на очки, оставленные на диванной подушке.

— Чуть не забыл! — выпалил он и, на бегу подхватывая очки, сунул их во внутренний карман, после чего поспешил следом за другом.

В коридоре Феликс остановился у тумбочки, где оставил бейсболку ещё в девять вечера. Подхватив её, он натянул козырек до самых бровей и, скрыв лицо в тени, замер у чёрного входа рядом с грудой пакетов, нервно постукивая пальцами по бедру. Хёнджин вцепился в раму: зеркала внутри больше не было, остался лишь пустой деревянный остов.

— Постарайся не разнести это дерьмо в щепки по дороге, — шёпотом бросил Феликс, впихивая Хёнджину тяжёлый мусорный мешок. Тот едва не выронил раму, перехватывая ношу свободной рукой.

— Ты же сам сказал — «быстрее». Если грохну, виноват будешь ты, — огрызнулся Хёнджин, бросая на него сердитый взгляд.

Феликс, стиснув челюсти, чтобы сдержать стон, подхватил оставшийся мешок. Обменявшись коротким, полным тревоги взглядом, они молча выскользнули за порог общежития. До рассвета оставалось ещё прилично времени, но город казался вымершим.

Снаружи Сеул встретил их безмолвием — густым, наэлектризованным и пугающим. Холодные огни небоскрёбов безучастно наблюдали за этой нелепой человеческой суетой. Добравшись до контейнеров, парни действовали почти синхронно: Феликс аккуратно, стараясь не создавать лишнего шума, опустил пакет, но стекло внутри предательски звякнуло.

— Твою мать, — прошипел Феликс, зажмурившись от досады.

— Тише ты, — шикнул в ответ Хёнджин, прислоняя раму к стенке бака.

Однако усилия были напрасны. Ночной покой внезапно разорвал грубый окрик: дежурный охранник, услышавший посторонний шум, уже мчался в их сторону, яростно размахивая фонарём. Напряжение, висевшее в воздухе, сменилось ледяным страхом.

— Эй, кто такие?! Опять эти сумасшедшие? — рявкнул он, шаря конусом света по стономам. — Частная территория! Проваливайте, пока я копов не вызвал!

— Чёрт, — просипел Феликс, вжимая голову в плечи. — Мы влипли.

— Не дрейфь, — отрезал Хёнджин. Сердце ухнуло вниз, когда луч выхватил их обувь. Он мёртвой хваткой вцепился в рукав друга и рванул с места, ныряя в спасительную густую темноту за общежитие.

Адреналин ударил в голову похлеще двойного эспresso. Хёнджин нёсся на чистых инстинктах, соображая на бегу. Казалось, кто-то врубил ему режим супергероя. А вот Феликсу везло меньше: его любимые, изрядно потрёпанные кеды скользили по асфальту, превращая побег в фигурное катание на выживание. Выглядело это комично — пока не замаячила перспектива собрать собой все неровности бетона. Хёнджину приходилось буквально буксировать друга, как шлюпку в шторм, иначе тот бы точно растянулся на пузе на полпути.

— Хёнджин, тормози, умоляю! — задыхаясь, выдавливал Феликс, ловя ртом прохладный летний воздух. — А-а-а, чёрт, чёрт!

— Кто, блин, надевает эти «тапочки для пенсионеров» на дело?! — процедил Хёнджин, бросая на бегу ядовитый взгляд на слетающую обувь друга.

— Откуда мне было знать, что я буду носиться по дворам, будто за мной Сатана гонится?! — огрызнулся Феликс.

Впереди показался забор. Хёнджин, используя инерцию, взлетел на алюминиевую панель, вцепившись в край. Феликс, сражаясь с ноющей болью в перебинтованных ладонях и путаясь в рукавах оверсайз-худи, попытался повторить манёвр, но подошва предательски скользнула по металлу, и он сорвался, чуть не рухнув вниз.

— Хван, помоги! — Ликс отчаянно вскинул руку.

Сидя верхом на ограждении, Хёнджин перехватил запястье друга и с усилием дёрнул вверх, сквозь зубы процедив:

— Ты что, на завтрак одни булжники ел? Тяжёлый, как грехи всей моей жизни.

— Заткнись и тяни! — буркнул надувшийся Феликс, раздувая ноздри от возмущения.

Проявив чудеса акробатики, достойные каскадёра, Ликс за считанные секунды взобрался наверх — сценический опыт пригодился там, где подвела физика. Хёнджин тут же спрыгнул на другую сторону, но в то же мгновение позорно поскользнулся на мокрой траве, рискуя совершить жёсткую посадку носом в газон. Увидев этот эпичный кульбит, Феликс из последних сил сглотнул хохот, приземлился рядом на мягкие лапы и потащил друга прочь, пока их не настиг фонарный луч.

Они выскользнули с территории общаги в самый последний момент, буквально под носом у охранника. Тот заметил силуэты, но, осознав тщетность погони, лишь раздражённо выплюнул:

— Опять эти фанатки ошиваются! И ведь управы на них нет!

Проклиная радикулит, мужчина безнадёжно махнул рукой и поплёлся обратно в каморку. Жажда увидеть кумиров часто толкала фанатов на откровенное безумие — и он это прекрасно знал.

Выбравшись из периметра их элитного жилого комплекса в Ханнам-доне, где тихие улочки с идеально подстриженными деревьями соседствовали с громадами небоскрёбов и переплетениями многоуровневых эстакад, парни сменили тактику. Хёнджин нацепил солнцезащитные очки (хотя в четыре утра это выглядело нелепо), а Феликс натянул козырёк бейсболки ещё ниже, спрятав лицо в высоком воротнике худи. Даже в такой поздний час на улицах, ведущих к деловому центру города, хватало полуночников.

— Надо рвать когти к остальным, — выдохнул Хёнджин, ускоряя шаг и поминутно сверяясь с часами. — Без пятнадцати четыре. Если Чан прочухает, что нас нет в номере, он устроит нам такую прожарку, что мировое турне покажется отпуском в санатории.

— И какую лапшу мы ему навешаем? — Феликс старался не отставать, хотя дыхание уже сбивалось.

— Есть одна идея! — в голосе Хёнджина прорезался азарт. — Скажем, решили прогуляться по району, а потом зависли на всю ночь за покером. — Он тут же затараторил, словно оправдываясь перед судьёй: — Мы же не вывалим ему правду? Мол, прикончили какую-то жуткую тварь прямо в общаге, а потом два часа оттирали последствия с пола и теперь выглядим как черти!

— В покер? — Ликс издал короткий смешок. — Серьёзно? Чан не вчера родился, он почует враньё за милю. К тому же мы в картах смыслим не больше, чем в квантовой физике.

Хёнджин на ходу потёр виски. В памяти всё ещё всплывали осколки зеркала, тошнотворный запах гнили и то существо из кошмаров, которое они — вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения — прикончили. Он и сам верил в произошедшее с трудом.

— Ладно, — буркнул он, — зайдём с другого фланга. Скажем, заигрались в «Мафию» на телефонах, потеряли счёт времени, а потом было уже поздно бродить по коридорам. Решили переждать в лаундже, чтобы не будить Айена и Джисона.

Прикинув шансы на успех, Феликс неохотно кивнул.

— Допустим. Но Чан точно что-то заподозрит. У меня руки в бинтах, и выгляжу так, впрочем, сам видишь. Да и ты выглядишь так, будто дрался с бродячими котами на помойке.

Толкнув друга плечом, Хёнджин хрипло расхохотался и щёлкнул пальцами.

— В точку! Давай добавим драмы: скажем, устроили ночной заезд на электросамокатах, и ты эпично приземлился в кювет, чуть не выпилив себя из состава группы. Почти не соврём.

— Обожаю твоё чувство юмора, — фыркнул Феликс, закатывая глаза так сильно, что, казалось, ещё секунда — и он увидит собственный мозг изнутри.

На деле в их перепалке не было ни капли желчи. Стресс, вязкий и изматывающий, наконец-то начал отступать. Они брели по утреннему Сеулу, пока тусклые фонари лениво разрезали предрассветную тьму. Эта ночь перевернула всё вверх дном, оставив на языке гадкий привкус металла и заставив мысли метаться в каком-то лихорадочном ритме.

Дорога до «Гранд Хаятт» заняла минут сорок. Летняя прохлада приятно остужала разгорячённые лица. Когда они вошли в холл, их встретила привычная, почти стерильная тишина роскошного отеля. Стойка регистрации мерцала мягким золотом, а в глубине, за колоннами, еле проступали очертания лаунж-зоны.

Им повезло: в этом месте ночной сервис был возведён в культ. Даже в предрассветный час, когда остальной город замирал в ожидании первых автобусов, ресторан продолжал жить своей неспешной, скрытой от посторонних жизнью. Дежурный официант, профессионально равнодушный ко всему происходящему, лишь коротко кивнул им, заметив знакомые фигуры, и проводил в самый дальний, полутёмный угол, где их вряд ли потревожили бы случайные постояльцы.

Обосновавшись на глубоких диванах, парни решили, что лучше всего будет спрятаться за экранами телефонов и бесконечным меню круглосуточного обслуживания. Они создавали видимость того, будто их дико увлекают мобильные игры, хотя на деле лишь лениво подкалывали друг друга, ожидая заказ и позволяя себе наконец-то выдохнуть после изматывающего дня.

В пять утра, когда на столе появилась еда — принесённая с той же учтивой быстротой, что и днём, — они набросились на неё с таким азартом, будто их держали на голодном пайке со времён дебюта. Хрустящая жареная курица в остро-сладком соусе таяла во рту. Хёнджин закидывал в себя куски, почти забывая жевать, а Феликс, напротив, смаковал с особенным удовольствием, прикрывая веки от гастрономического экстаза. Стол быстро превратился в поле битвы: скомканные салфетки, пустые боксы из-под топпокки, остатки рамена и перепачканные палочки.

— Всё, я официально в пищевой коме, — выдохнул Хёнджин, откидываясь на спинку дивана и похлопывая себя по животу. — Эти прогоны в зале высасывают все силы.

Феликс лишь угукнул, сосредоточенно расправляясь с последним крылышком. Щёки порозовели, а в глазах зажегся тот самый живой блеск, которого так не хватало пару часов назад. Хёнджин пододвинул к нему контейнер с фруктами:

— Витамины после ночного марафона, будешь?

— Ты ещё спрашиваешь? — ухмыльнулся Феликс с набитым ртом и, словно довольный кот, потянулся за добавкой.

Наступила тишина. Они сидели неподвижно, наслаждаясь покоем, и наблюдали, как первые лучи рассвета бесцеремонно просачиваются сквозь полуприкрытые жалюзи, но ещё не достают до них. В холле становилось светлее, воздух медленно наполнялся густым золотистым светом.

— Знаешь, — Феликс внезапно перестал жевать и задумчиво уставился на панораму города за окном, — иногда кажется, что всё это... слишком нереально. Стадионы, фанаты, признание. Мы живём мечтой, о которой другие боятся даже подумать.

Мгновенно растеряв расслабленность, Хёнджин посерьёзnel.

— Боишься, что карета превратится в тыкву?

Феликс помедлил, подбирая слова, а затем кивнул.

— Если честно? До усрачки пугает мысль, что всё схлопнется в один миг. Один косяк, одно неверное движение — и всё летит в бездну. Боюсь, что близкие пострадают или я останусь один на пепелище. А если реально завтра конец света? Как пережить такую катастрофу?

Пододвинувшись ближе, Хёнджин тяжело опустил ладонь на плечо друга, ободряюще сжав пальцы.

— Ликс, выдыхай. Небо ещё не упало на землю. Я здесь, мы живы, твои родные в порядке, а мир продолжает вращаться, нравится ему это или нет... — он смягчил тон, добавив в голос тепла: — Я понимаю, как тебе паршиво. Но мы в одной лодке, забыл? Мы не просто строчка в контракте — мы же семья. И какой бы шторм ни поднялся, мы прорвёмся. Даже если завтра нагрянет армагеддон, мы будем прикрывать друг другу спины.

Опустив глаза, Феликс неохотно отложил недоеденный банан, явно растеряв аппетит. Хёнджин понаблюдал за ним пару секунд и вдруг улыбнулся — вспомнилось кое-что важное.

— Знаешь, Дин Винчестер говорил, что семья не заканчивается на крови... — начал старший, внимательно глядя на него.

Феликс едва заметно улыбнулся, договаривая:

— ...но она на ней и не начинается. Ты сейчас пытаешься меня растрогать или сразу прикончить? — он выдавил кривую усмешку и потёр покрасневшие глаза.

Слова, отсылающие к «Сверхъестественному», ударили под дых. Хёнджин заметил, как младший пытается сглотнуть ком в горле, и сжал его плечо — крепко, почти до боли. Этого было достаточно.

— Расслабься, помирать тебе ещё рано, — Хёнджин хрипло рассмеялся, разгоняя остатки гнетущей атмосферы. — Даю слово: ни одна тварь, ни один черноглазый ублюдок или призрак не посмеет даже дыхнуть в твою сторону, пока я копчу это небо.

В комнате повисла пауза — густая, пропитанная усталостью и чем-то безнадёжно искренним.

— Ладно, тогда и мой черёд, — Феликс выпрямился, и в голосе прорезались стальные нотки. — Пока я дышу, никакая нечисть — ни зубастые, ни прозрачные — к тебе на пушечный выстрел не подойдёт. А если какой-нибудь выродок рискнёт — я лично достану тебя из самого ада, притащу за хвост обратно в этот паршивый мир и заставлю снова учить хореографию.

— Договорились, — кивнул Хёнджин, наконец улыбнувшись по-настоящему.

— Ты вечно находишь нужные слова, Джинни, — Ликс протянул ему ладонь.

— У Айена нахватался, — Хёнджин коротко хохотнул, отвечая на рукопожатие.

Не сдержав смеха, Феликс покачал головой:

— Ну да, именно этого я и боялся. Но наш макнэ плохому не научит!

Они замолчали, позволив себе короткую передышку. Душа понемногу отходила от ночной заварухи. Наконец Хёнджин широко зевнул, едва не вывихнув челюсть.

— Ладно, закругляемся, — пробормотал он, бросив взгляд на экран телефона: было уже полшестого утра. — Пора вырубиться хоть на пару часов. Иначе Чан-хён и менеджер устроят нам персональный апокалипсис, если на репетиции мы явимся ходячими мертвецами.

— Пошли, соня, — мягко отозвался Феликс, поднимаясь с дивана. — Провожу, а то по дороге к кровати ещё в астрал улетишь. Удивительно, что Хан и Чонин до сих пор не оборвали нам телефоны. Видимо, спят без задних ног.

— И слава богу, — ухмыльнулся Хёнджин.

После лаунж-зоны коридор отеля показался бесконечным. В предрассветном сумраке вычурная лепнина и тяжёлые золоченые рамы картин выглядели излишне помпезно, почти чужеродно. Рядом с одним из полотен — абстракцией с хаотичными мазками — они невольно притормозили.

— Как думаешь, художник хотел передать боль или просто случайно пролил кофе на холст? — негромко спросил Хёнджин, разглядывая изображение.

— Зато отвлекает, — усмехнулся Феликс, хотя глаза уже слипались. — Искусство должно вызывать эмоции, а я сейчас ощущаю только желание поспать.

Хёнджин кивнул: привычка сохранять лицо айдола работала даже на автопилоте, превращая любой разговор в подобие светской беседы. У двери номера 1123 они притихли. Ключ-карта щёлкнула, и друзья скользнули внутрь, стараясь не шуметь. Плотные шторы надёжно отрезали их от уличных огней Сеула, создавая иллюзию безопасности в этот ранний час.

В полумраке номера Хёнджин заметил, что Джисон и Чонин мирно спят, а на тумбочке одиноко стоят пустые стаканы и пара коробок из-под попкорна. Видимо, младшие устроили себе киномарафон, пока хёны разгребали сверхъестественные проблемы.

Тихо скинув обувь, Феликс обессиленно рухнул в постель, свернулся калачиком и моментально провалился в сон. Тяжело вздохнув, Хёнджин отбросил джинсовку на спинку кресла и опустился на сиденье. Рюкзак друга стоял у ножки кресла, и, вспомнив, что дневник должен быть при нём, парень осторожно расстегнул замок. Пальцы нащупали знакомую обложку. Достав её вместе с ручкой и подсвечивая пожелтевшие страницы тусклым экраном телефона, он вывел первую строчку, принимаясь за хронику этой длинной ночи:

«Я из клана Хван, и это моя первая запись. Почему? Да потому что наследие — штука паршивая, и теперь оно висит на мне. Эта ночь вывернула всё наизнанку. То, что я увидел... Такое не забывается, даже если очень захочется. И если честно, я чуть не наложил в штаны от ужаса. Думаете, я такой бесстрашный мачо? Чёрта с два. Я просто айдол, который любит танцевать и рисовать картины. Кстати, я ведь чертовски талантливый художник, знали? Нет? Теперь в курсе. И я не хвастаюсь... Ладно, самую малость.

До сих пор в голове не укладывается, что Ликс — мой родственник. С одной стороны, это облегчение, ведь без него внутри зияла бы пустота. Я могу ему доверять, могу его прикрыть. Но глядя на него, я осознаю, что ташу этого «солнечного мальчика» прямиком в преисподнюю. Эгоистично? Безусловно. Но в одиночку мне этот мир не вывезти. Я много чего умею, но мой главный страх — потерять контроль.

Я не Дин Винчестер, у меня нет ни «Импалы», ни стажа убийцы нечисти, а до Лиги Справедливости мне как до Луны. Герой из меня паршивый: список моих фобий длиннее, чем очередь на фансайд. Я обычный парень, чьи боевые навыки до недавнего времени ограничивались боями подушками в общежитии. Но знаете что? Я хочу попытаться вычистить эту планету хотя бы на пару дюймов. И если есть шанс — я вцеплюсь в него зубами. Кажется, «семейный бизнес» входит в чат. И эта бойня за мир будет похлеще финала какого-нибудь кровавого триллера — без шрамов победы не видать.

Краткий ликбез для тех, кто столкнется с Лименом. Это не призрак и не душа, а настоящий гнойник. Грязь, которая осталась после смерти какой-нибудь конченной мрази. Как он пролез к нам — потом выясним. Главное — заруби на носу: паника для него как еда. Дыши ровно. Зеркало не бей. Разрушишь физический объект — выпустишь тварь наружу. Это провал.

Действуй так:

1. Создай световой барьер. Направь на зеркало максимально яркий свет (прожектор, стробоскоп, мощный фонарь). Свет его не убьет, но вырубит и притормозит. Это твой стоп-кран. Луч не смещай.

2. Заряди инфразвук. Тебе нужно 20 Гц — нижняя граница слышимости. Используй сабвуфер, колонки или приложение-генератор.

3. Казнь. Врубай на полную. Секрет не в громкости, а в частоте: на 20 Гц тыловишь резонанс самой структуры Лимена. Зеркало останется целым, потому что стекло не входит в резонанс на этой частоте, а вот аморфная сущность твари — ещё как. Вибрация разорвет его структуру на атомы прямо там, в зазеркалье. Держи свет и звук минимум 90 секунд.

Р. S. Если я склею ласты... Или если Феликса не станет... В общем, если ты это читаешь — значит, твой черед. Не дрейфь, просто будь начеку. И, ради всего святого, береги этот дневник».

Поставив точку, Хёнджин отложил ручку и захлопнул дневник, глядя на спящих друзей. На губах промелькнула едва заметная улыбка: добро пожаловать в семейное дело. Погнали.

Episode 2: Дилетанты

Пролог.

Суббота, 15 июля, Сеул

Ровно тридцать дней назад стены общежития пытались сожрать их души, а осколки зеркала — оставить без конечностей.

За этот месяц мир вокруг завертелся с утроенной силой. Череду масштабных фанмитингов в Сеуле и Японии, оглушительный рёв заполненных до отказа арен, тонны летящего конфетти, изнуряющие многочасовые интервью для зарубежных медиа и ослепляющие вспышки фотокамер на ковровых дорожках — всё это постепенно стало казаться подозрительно обыденным.

Жизнь в JYP Entertainment послушно вернулась в привычную, выверенную до секунды колею: бесконечное создание развлекательного контента, многочасовые репетиции камбэка, упорные тренировки и плотные, удушающие графики. В этой идеальной глянцевої картинке не было места мистике. Никакой чертовщины. Только безупречные улыбки для STAY.

Хёнджин с Феликсом играли в «образцовых айдолов» с таким отчаянным усердием, что даже голливудские звёзды нервно курили в сторонке. Они отработывали фан-сервис на износ, надеясь, что милые интерактивы с фанатами могут послужить щитом от ночных кошмаров. Правда, земные проблемы догнали их быстрее монстров: попытки юридического отдела агентства замаять внезапное исчезновение парней из отеля и объяснить руководству разбитое вдребезги антикварное зеркало, которое они спешно выбросили на свалку, обернулись для виновников увесистым штрафом. Сумма, поглотившая изрядную часть гонорара за прошедшие фанмитинги, заставила бухгалтерию JYP долго и недовольно цокать языками.

Да чёрт с ними, с деньгами. Капиталистические санкции агентства пугали, но куда важнее были тайны, намертво запечатанные в старинном дневнике дяди Хвана Минсока.

Воскресенье, 16 июля

С этим проклятым генеалогическим древом всё оказалось куда сложнее, чем с самой мудреной хореографией Ли Ноу. Хёнджин провёл все выходные, уставившись в потолок и перебирая в голове скудные факты. Кто такие Валеску? По каким причинам фамилии Хван и Ли переплетены проклятиями, уходящими корнями глубже, чем кто-либо в их семьях осмеливался копать? Доступ к архивам — даже закрытым цифровым базам — был намертво перекрыт неизвестными провайдерами; история словно сама не желала открывать свои тетради, подсовывая парням лишь пустые страницы да зашифрованные намёки, понятные одним только посвящённым.

Феликса до сих пор выворачивало наизнанку от фантомных болей. Ладони, изрезанные осколками в ту злополучную ночь, полностью зажили благодаря плотным повязкам и дорогой корейской регенеративной мази, но шрамы остались — тонкие бледные нити на коже. Настоящие напоминания о том, что зло не дремлет, оно просто ждёт удобного момента. Весь месяц Ликс хранил глухое молчание, параноидально контролируя каждое слово: он до безумия опасался ляпнуть лишнего в пылу дружеской беседы с мемберами или, упаси бог, случайно выдать

секрет на трансляции в Weverse. Одно неосторожное слово — и всё, их карьере и жизням кранты.

Вдобавок ко всему, Бан Чан, узнав про их самовольную ночную вылазку «на охоту» без охраны, впал в режим берсерка. Первые две недели после инцидента лидер буквально не спускал глаз с парней. Крис превратил их существование в жёсткий армейский график, где существовало только три точки: «репетиционный зал — дом — генеральная уборка».

Для Феликса это домашнее заточение стало своеобразной терапией. Монотонный, тяжёлый труд отвлекал от навязчивых мыслей о тварях, скребущихся в дверях реальности. Натирая полы и перемывая посуду, он заземлялся.

А вот Хёнджин от такой «заботы» едва не лез на стены. Свобода духа и личное пространство всегда были для него критически важны, а тут — тотальный контроль, вечные отчёты в чатах, звонки менеджеров каждые полчаса и бесконечная, ненавистная «пылесосная повинность».

К концу воскресенья всё вокруг казалось слишком безмятежным. Общежитие погрузилось в сон, а за окнами Сеул сиял миллионами мирных огней. И эта пугающая, звенящая пустота действовала на натянутые нервы Охотников сильнее, чем крики призраков. Хёнджин и Феликс знали главное правило мемуаров Минсока: если монстры затихли, значит, они готовят что-то по-настоящему паршивое.

А в их случае — и подавно.

Понедельник

По сложившейся традиции Хёнджин обосновался в комнате Феликса и, склонившись над старинной, пожелтевшей от времени рукописью, провёл пальцем по затейливому рисунку — гербу клана Валеску. Древний символ в виде волка впервые удалось обнаружить среди груды информации, которая и без того была скудной и обрывочной. Румынские охотники на вампиров были затеряны в лабиринтах истории; упоминания о них встречались исключительно в старых летописях, зашифрованных и укрытых от чужих глаз.

Изображения вампиров, выполненные в стиле средневековых гравюр, сменялись зарисовками ритуалов на румынском. Хёнджин, несмотря на все усилия, понимал от силы пару фраз. Феликс, устроившись рядом, корпел над цифровой копией генеалогического древа клана Хван. Экран монитора резал глаза ярким светом на фоне полумрака комнаты. Схема выглядела огромной, ветвистой, пестрящей связями между родами и их специализациями. Данных о Хван оказалось на порядок больше, чем о Валеску.

— Глянь-ка, — еле слышно бросил младший, ткнув пальцем в мерцающий экран. — Тут всплывает пакт с кланом Сирогане из Японии. Эти ребята съели собаку на восточной чертовщине: кицунэ, тануки, они... Целый бестиарий. Интересно, каким макарон они загоняют этих тварей в ад?

Тяжело вздохнув, Хёнджин откинулся на спинку стула, оставив в покое описание очередного обряда экзорцизма.

— Наше генеалогическое древо больше напоминает огрызок старого пазла, Ликс, — отозвался он, потирая воспаленные от бессонницы глаза. — Мы в курсе, что предки были по локоть в крови, но общая картинка не клеится. На кого ещё они открывали сезон?

— Тут есть пара зацепок, хотя за достоверность не ручаюсь — может, очередной бред поехавших фанатов фольклора, — Феликс вывел на монитор скрытое досье китайской ветви

Хванов и придвинулся ближе к экрану. — Пишут о стычках с духами, оборотнями... О, а вот это уже горячо. Слышал про шуйгуа?

Хёнджин лишь неопределенно угукнул, не открывая глаз.

— Короче, это что-то вроде славянских русалок, только куда более отбитые, — он покрутил колёсико мышки, листая файлы. — Китайские утопленники. Фишка в том, что они умеют наводить морок. Жертва до последнего думает, что видит нормального, безобидного человека, а не раздутый труп. Ну и идёт за ним в воду, пока не станет слишком поздно.

Распахнув глаза, старший уставился в одну точку перед собой, прокручивая этот финал в воображении.

— Исход всегда один, да? — задумчиво произнёс он, потирая подбородок.

— У монстров не особо богатая фантазия... — пожал плечами Ликс, вчитываясь в мелкий шрифт. — Клань зачищали не только вампирские гнёзда. Они кошмарили всю сверхъестественную фауну Евразии. — Он развернул кресло к другу, отрываясь от текста. — Похоже, Хваны наладили мощный канал связи. Эдакое подпольное сарафанное радио для охотников. Японцы брали на себя ёкаев, китайцы упаковывали местных гулей, а в восточной Европе наши филиалы патрулировали болота и леса, отлавливая всё, что славяне кликали чертовщиной. Суть одна: твари просто адаптировались под страхи местного населения, а наши предки создали глобальную сеть взаимопомощи.

Отвернувшись обратно к монитору, младший вяло крутанул колёсико мышки, листая страницу вниз.

— М-да, — Хёнджин прикусил губу, переваривая масштаб бедствия. — Список длинный, как наш график в мировом туре. Но рано или поздно нам придётся прижать родителей к стенке. Другого выхода нет.

Лицо Феликса миг изменилось: в его взгляде промелькнула тень, совсем не подходящая яркому айдолу.

— Меня от этой мысли мутит, Джинни. А если они не в теме? Или решили всё забыть как страшный сон? Я втяну их в такое дерьмо, из которого не выбирают. Слишком велик риск промахнуться.

— Знаю, но очень скоро мы должны быть готовы к семейному ужину с подобными скелетами в шкафу, — подведя черту, Хёнджин поднялся со стула. — Пойду к себе. Уже 23:15, завтра репетиция, а мы ищем чертей под кроватью.

Стоило пальцам старшего лечь на дверную ручку, как раздался глухой, надтреснутый голос. Феликс оставался неподвижен, словно врос в кресло, а взгляд, пустой и остекленевший, был намертво прикован к погасшему монитору. В чёрном глянце отражалось бледное, почти призрачное лицо.

— Джинни... Тебе никогда не казалось странным, что на сцене мы падем до кровавой пелены в глазах? Почему эта бесконечная пахота в зале кажется нам... естественной?

Медленно обернувшись, Хёнджин застыл на месте. Оперевшись плечом о косяк, он скрестил руки на груди:

— К чему ты клонишь?

— Всё это связано, Джинни. Скелеты, ужин, наша работа... Ты не задумывался, почему мы так хороши в том, что делаем? Жажда выследить, дожать, победить. Пока остальные трейни ныли об усталости, мы пахали как заведённые, — младший наконец вскинул голову, медленно разрывая зрительный контакт с пустотой; в зрачках, до этого безжизненных, теперь опасно блеснула искра осознания. — Мы — гонимые на привязи, вымуштрованные для долгой погони. Просто вместо серебряных пуль нам всучили микрофоны. Паршивая проверка на прочность, не находишь? Интересно, как быстро мы должны были сломаться по их сценарию?

Несмотря на то, что внутри всё сковало ледяным холодом, Хёнджин всё же выдавил кривую усмешку.

— Хочешь сказать, дорожки сошлись не случайно? Что мы оба оказались в ЛУР не по воле случая?

— Я уже не отмечаю этот вариант. Слишком уж много... подозрительных совпадений, — Феликс задумчиво потёр переносицу.

Хван молчал. В памяти всплывали обрывки пазла: одна семья, странная встреча в одном месте. Тяжесть этой правды чуть не придавила его к полу.

— В этом определено что-то есть, — констатировал Хёнджин. — Похоже, нам передали эстафету, завернув её в блестящую обертку шоу-бизнеса.

— В точку, — Ликс уверенно кивнул. — Семейное дело, Джинни. Только вместо старой развалюхи «Импалы» у нас частные джеты и бесконечные гастроли.

Ночной Сеул сиял за окном: мегаполис, кишачий огнями и... чем-то гораздо более древним, что притаилось в тени небоскрёбов. Хёнджин приблизился к стеклу, не отрывая взгляда от этой картины.

— Ладно, — он выпрямился, поправив рукав худи. — Раз судьба подкинула нам такой сценарий, придётся отыграть его до финальных титров. Но если завтра на репетиции я завалю связку из-за твоих баек про леших и кицунэ — экзорцизм буду проводить лично на тебе.

Ликс лениво усмехнулся, отправляя компьютер в спящий режим.

— Вали уже, «охотник». В семь утра выезд. И, Хён... — он на мгновение замялся, окинув друга критическим взглядом. — Если ночью к тебе в окно решит заглянуть какая-нибудь голодная нечисть — умоляю, береги лицо. График камбэка расписан поминутно, нам просто некогда искать тебе замену, а замазывать следы от когтей на концепт-фото — то ещё удовольствие. И не вздумай подыхать до конца контракта, неустойку за срыв мирового тура твоя семья точно не потянет.

Коротко хохотнув, Хёнджин ощутил, как леденящий мистический ужас окончательно уступает место привычному капиталистическому реализму. Древнее зло древним злом, но штрафы от агентства всё равно пугали куда сильнее.

— Принял. Спи с открытыми глазами, Ликс. Постараюсь дожить до рассвета исключительно ради рейтинга бренда.

Хёнджин выскользнул в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. В общежитии царило вязкое, обманчивое безмолвие — тот самый час, когда ночь окончательно вступает в свои права, обволакивая всё вокруг тишиной. Раньше едва уловимый гул лампочки под потолком прошёл бы мимо сознания, но теперь этот звук бил по нервам, точно набат, вынуждая каждый шаг делать с опаской. Он дошёл до своей двери, нащупал ключи и уже приготовился провернуть замок, как вдруг краем глаза уловил движение в дальнем конце коридора.

В полумраке, почти сливаясь с серыми стенами, замерла фигура. Минхо. Прислонившись плечом к стене напротив своей комнаты, он сделал глоток воды, не сводя с Хёнджина пронзительного взгляда. Затем с тихим стуком поставил стакан на стоящий рядом небольшой комод и медленно скрестил руки на груди.

— Поздновато для прогулок, — голос его прозвучал сухо, без привычных подколов.

Стараясь скрыть учащённое сердцебиение, Хёнджин на секунду впал в ступор. Однако, быстро взяв себя в руки, он тут же вернул себе невозмутимый облик уставшего айдола.

— Бессонница, — бросил он, кивнув в сторону комнаты младшего. — Заходил к Ликсу, гоняли треки. Ты чего не спишь?

Минхо медленно перевёл взгляд на стакан, потом снова на Хёнджина. В его глазах читалось что-то, что заставило волосы на загривке Хвана встать дыбом. Это не был обычный взгляд критикующего хёна. Это смотрел хищник, почуявший кровь и прикидывающий, стоит ли загонять добычу.

— Треки, значит? — протянул Минхо, растягивая гласные. Он сделал шаг вперёд, бесшумно, по-кошачьи. — Забавно. Вы с Феликсом в последнее время постоянно обсуждаете

«музыку» по ночам. И странно, что после таких сессий вы оба выглядите так, будто неделю разгружали вагоны с углём.

Хёнджин ощутил, как внутри закипает неприятная тревога.

— У нас камбэк на носу, Минхо. Ты же знаешь, какой это прессинг.

— Знаю, — кивнул Лино. — Но я также знаю, что от стресса не скупают килограммы соли. Я случайно наткнулся на твой «тайник» за диваном в коридоре, ты про него подзабыл, Хёнджин-а.

На мгновение мир вокруг Хвана сжался до одной точки. Минхо всё видел. Тот всегда замечал слишком много.

— Ну, купили соль, иногда её не хватает в десертах Феликса, — голос Хёнджина стал холодным, как лёд.

Сократив дистанцию до пары шагов, Минхо подошёл ближе и понизил голос до шёпота:

— Я не лезу в чужие дела. Пока они не начинают пересекаться с моими. У этого здания тонкие стены, а у меня чуткий сон.

Хёнджин оцепенел.

— Ты...

— Я ничего не видел, — отрезал Минхо, разворачиваясь к своей двери. — Просто хочу выспаться перед завтрашней репетицией. И совет: купите нормальное чистящее. Соль оставляет мерзкие разводы на кафеле.

Дверь комнаты Минхо закрылась с мягким, издевательским щелчком. Тяжело дыша, Хёнджин остался стоять в полумраке, пытаясь разгадать выражение лица старшего. Это было... сочувствие? Угроза? Или что-то третье, скрытое за пределами его понимания?

Войдя в свою комнату и не включая свет, Хван опустился на колени у порога. Под новеньким ковром пальцы нащупали рассыпанную дорожку соли. Проведя по ней ладонью, он почувствовал, как острые кристаллы впиваются в кожу.

— Следишь, значит, — прошептал он в темноту. — Ну что ж, Минхо. Посмотрим, кто из нас первым расколется.

Вторник

Настенные часы в репетиционном зале показывали 19:35. Группа заканчивала тренировку, отрабатывая последние аккорды «LALALALA». Музыка стихла, оставив после себя лишь тяжёлое дыхание парней и гулкую тишину JYP Entertainment. Здание жило по суровому графику, где демонам места не полагалось — только безупречная хореография и литры пота.

Хёнджин буравил взглядом собственное отражение: лицо осунулось, под глазами залегли тени — вылитый айдол на пике камбэка. Но под этой картинкой механизмы работали со сбоями. Каждый шорох — скрип подошв по покрытию, хлопок двери, приглушённое перешёптывание стаффа — отдавался в черепной коробке чёткой наводкой на цель.

Атмосфера в зале наэлектризовалась до предела. Феликс застыл в центре, отрабатывая связку, но его движения претерпели странную метаморфозу. Стали рублеными. Беспощадными. Там, где раньше скользила лишь элегантность танцора, проступила хищная, почти смертоносная эффективность. Каждый взмах его рук теперь смахивал не на отточенный танец, а на просчитанный до миллисекунды удар в яремную вену невидимого врага.

— Эй, Ликс, полегче! — крикнул Чан, вытирая лицо полотенцем. — Ты сейчас прожжёшь зеркало глазами. Откуда столько агрессии?

Выдернутый из транса, Феликс мгновенно подобрался. Бросил короткий, оценивающий взгляд на Хёнджина — тот едва заметно качнул головой, давая сигнал.

— Просто... вживаюсь в концепт, хён, — голос младшего низко загудел, вибрируя где-то в районе солнечного сплетения.

Сидевший в углу Минхо лениво потягивал изотоник, щурясь по-кошачьи. Его взгляд, острый, точно лезвие ангельского клинка, курсировал между Феликсом и Хёнджином. Он промолчал, только чуть дёрнул бровью, подмечая, как эти двое перекидываются короткими, почти телепатическими кивками.

— Вы сегодня как заведённые, — заметил Чан, подхватывая бутылку с пола. — Передоз кофеина или вдруг проснулась совесть?

— Скорее, хронический недосып, хён, — Хёнджин нацепил дежурную улыбку. Больше не в силах находиться в одном пространстве с остальными и притворяться, что всё в порядке, он понял: жизненно необходимо сбежать. — Уйду в душ, пока там не выстроилась очередь из трейни — иначе на следующий прогон меня просто не хватит.

Хёнджин подхватил сумку, включил режим «идеального вижуала» и рванул к выходу. Коридор агентства встретил его привычным дурдомом: бумкающие басы за дверями, визг стажёров, бешеный топот по паркету. Раньше этот шум успокаивал, теперь — бил по нервам, точно зубоврачебное сверло. Заскочив в раздевалку, он захлопнул дверь. Пусто. И слава богу.

Ткань неприятно липла к телу, вызывая отвращение. Он рванул воротник, сдирая пропитанный потом лонгслив — вторую, чужую кожу, от которой воротило. В зеркале отразился не айдол, а живая мишень. Белесый шрам на предплечье — грёбанный привет из той зеркальной ловушки. Кончики пальцев коснулись неровной полоски кожи, и по спине пробежал ток. Страх перед монстрами сдох.

Осталось кое-что похуже.

Звериный голод. Пульсирующий, рвущийся наружу. Омерзительно — и до боли сладко. Целый месяц Хёнджин на автомате сканировал каждого — фанатов, мемберов, стафф. Инстинктивная оценка угроз превратилась в привычку. Кто слаб? Кто первый сбежит при атаке? Кто станет мясом? На кой чёрт вообще в это ввязался? Как теперь смотреть в глаза парням? Больше не танцор? Сторожевой пёс с оскалом убийцы, готовый рвать глотки ради их выживания.

Зайдя в душ, он выкрутил кран на максимум в надежде остудить мозги. Не помогло. Слезы хлынули раньше, чем он успел наложить запрет на слабость. Осев на кафель, Хёнджин обхватил колени руками, вцепившись в себя до побелевших костяшек. Истерика накрыла с головой. Ноша раздавила бы любого, но у него не было права сломаться. Но от этих всех мыслей хотелось выть в голос.

Перед глазами всплыло лицо того, кто затащил его в этот ад. С губ слетело хриплое:

— Дядя...

Семья до сих пор множит теории: долги, «пропал без вести», побег от кредиторов. Бред. Как выйти на след тех, кто держит этот мир за горло? Есть ли хоть один безопасный выход, или всё давно ведёт в тупик? Может, просто стереть всё к чертям, вернуться к роли сладкого мальчика, который поёт о любви? Ложь. Гиблое дело. Обратной дороги нет.

Вжавшись затылком в плитку, Хёнджин пытался заземлиться. Холод стал единственным, что ещё напоминало о реальности. В голове стоял звон — отголосок рыка твари или собственных запертых внутри криков.

Не думай. Дыши. Вдох-выдох.

Желудок скрутило спазмом. Ярость, запертая внутри, выжигала всё дотла, требуя выхода — крови, действия, боли. Он вцепился пальцами в мокрое лицо, желая разорвать кожу, разнести стену, выплеснуть эту желчь.

— Твою мать, — хриплый рык потонул в шуме воды.

Челюсть свело, зубы сжались так, что вот-вот хрустнут. До одури хотелось вытравить этот кошмар из головы. Забыть лицо дяди семь лет назад. Забыть едкий, озоновый запах, который преследовал его даже в стерильных гримерках. Пальцы мелко дрожали, выдавая состояние с потрохами.

— Соберись, тряпка, — прошипел он сам себе, выплёвывая слова с ядовитым самобичеванием. — Вставай.

Резкий рывок — тело послушно дёрнулось, подчиняясь воле. Смыв с себя остатки нервного срыва, он закрутил вентиль. В тесной душевой тут же повис густой, душный пар. Хёнджин вывалился из кабинки и, пошатываясь, доковылял до раковины, вцепившись в фаянс. Лишь бы устоять. Лишь бы не рассыпаться прямо здесь.

В отражении — чужак. Глаза превратились в кровавое месиво: лопнувшие капилляры кричали о бессонных ночах. Зачерпнув в ладони ледяную воду, Хёнджин с силой плеснул ею в лицо. Раз. Два. Три. Холод обжёг, как святая вода демона. Полотенце прошлось по щекам — с такой яростью, будто он хотел сорвать с черепа эту чужую маску.

Раскусят. Точно раскусят. Чан заметит — он всегда замечает. А врать я ему не умею. Чёрт, грёбаный ад.

Замер. Взгляд в упор. «Сделай нормальное лицо, Хван». Команда прошла по нервам, как старый добрый фокус. Челюсть — зафиксировать. Плечи — вниз. Выгнуть губы в той самой небрежной улыбке. Для STAY — это «я в порядке». Для самого себя — чёртов щит с надписью: «валите лесом».

Он наблюдал за этой мутацией, ощущая тошнотворный привкус во рту. Роль села идеально. Слилась с кожей. Стала броней. А что там, внутри? Глубоко под гримом и фальшью — осталось хоть что-то живое, кроме этой выдрессированной куклы? В груди всё ещё скулила безнадёга, но снаружи... Снаружи — привычный Хёнджин. Удобный. Улыбчивый. Понятный.

Ввалившись в раздевалку, он напялил чистое худи, раздражённо откинул со лба мокрые пряди. Хотелось сдохнуть в тёмном углу, свернувшись калачиком, и выключить этот паршивый мир к чертям. Собрав волю в кулак, Хван схватил сумку, вышел в прохладный коридор. Прощмыгнул через лабиринт служебных переходов, вызвал лифт. На верхних этажах, в офисном хаосе, раствориться было проще всего — там никто не смотрит в глаза, если только ты сам не даёшь им повода.

На часах было 20:25 — классический час пик в здании JYP. В попытках закрыть дедлайны и поскорее уйти домой штафф заполнил каждый метр коридора: менеджеры носились с документацией, стилисты — с рейлами. Решив срезать путь через лаунж-зону, Хёнджин уже было ускорился, как вдруг в гуле голосов расслышал странную, брошенную вполголоса фразу: «...его нигде нет». Эти слова заставили его резко сбавить темп, а затем и вовсе остановиться. Прежде чем он успел подумать, что ослышался, из ниши у кулера раздался отчаянный вскрик.

— ...Полиция говорит: «Ждите», — голос девушки срывался на тонкий, болезненный сип. — Но Сухо никогда бы не ушёл с площадки один!

— Тише, Миён, тише, — вторая женщина огляделась по сторонам, не замечая затаившегося за углом Хёнджина. — Это уже пятый случай в этом районе за месяц. Ты же слышала, что говорят в курилках? Дети просто... испаряются. Ни камер, ни свидетелей.

— Пятый? — Миён подняла на неё заплаканные глаза. — И они молчат? Почему об этом не трубят во всех новостях?

— Потому что это Каннам, дорогая. Здесь не любят плохую статистику. Говорят, вчера в парке нашли пару игрушек одного из мальчиков... Но это мало что даёт.

По хребту Хёнджина пронеслось неприятное покалывание. Пять детей. Ни единого отпечатка, ни одной улики. Это не работа обычного психопата: такие твари всегда оставляют после себя грязь и мерзкие следы человеческих пороков. А тут пахло чем-то другим — чем-то, что не попадает в объективы камер наблюдения.

«Бред собачий. Обычный провал копов», — прорычал про себя Хван, отступая в спасительный полумрак коридора. Но разум, наплевав на здравый смысл, упрямо складывал разрозненные куски головоломки в кровавую картину, от которой в груди начинало ныть.

«Скелеты в шкафу, — в ушах гулко отозвался голос Феликса. — Семейное дело».

Страх, который он так долго душил в зародыше, наконец прорвался наружу. Хёнджин сорвался с места, превращаясь в размытое пятно в бесконечных лабиринтах агентства. Нужно найти Ликса. Сейчас же. В штаб-квартире чёртова прорва помещений — в то время как он нарезал круги в своей части здания, друг мог быть где угодно. Обыскав тренировочные залы и перепрыгивая через ступеньки, Хван метался по этажам, а сердце уже начало отбивать бешеный ритм в висках. Наконец, на втором этаже, он выдохнул, заприоткрыв дверь мужской раздевалки в северном крыле, где обычно ошивались стажеры.

Внутри, сгорбившись от нечеловеческой усталости, Феликс без сил рухнул на скамью. Он небрежно тёр голову полотенцем. Холодные капли стекали по ключицам и торсу, оставляя на коже влажные дорожки — те тут же впитывались в пояс чёрных карго, темнея на ткани мокрыми пятнами. В этой гробовой тишине — после оглушающего рёва динамиков в зале — единственным звуком было то, как младший жадно припал к бутылке с водой. Весь лоск популярного айдола смыло в канализацию вместе с хлорированной водой, обнажив изможденного парня с покрасневшими от недосыпа глазами.

Хёнджин нажал на ручку двери, и та недовольно скрипнула. В лицо ударил душный, невыносимый жар, мгновенно вызвавший приступ мигрени. Застыв на пороге, он наблюдал, как друг — абсолютно не заметив чужого присутствия — запрокинул голову, позволяя усталым векам сомкнуться.

— Завязывай хлестать ледяную воду, если не хочешь сорвать голос перед туром, — Хван лениво привалился плечом к дверному косяку, демонстративно скрестив руки на груди.

От неожиданности Феликс вздрогнул, и пластик бутылки в руке жалобно хрустнул. Обернувшись, младший смахнул влагу с губ тыльной стороной ладони и натянул дежурную, фальшивую улыбку, которая ещё не успела стать уверенной.

— Напугал до чёртиков. Откуда столько прыти в такой час? Я думал, ты уже в машине.

Не ответив сразу, Хёнджин медленно прошагал внутрь, лавируя между разбросанными сумками, и опустился на скамью прямо напротив друга. Он задумчиво провёл ладонью по волосам, откидывая пряди назад, и, глядя на Феликса, попытался прочитать что-то невысказанное. Лидерские замашки здесь не работали — старший просто дал ему передышку, чтобы тот вытряхнул из головы остатки тренировочного ада и пришёл в себя. Целую вечность они играли в эту паршивую комедию, корча из себя беззаботных айдолов, чей мир вращается исключительно вокруг хореографии и дат камбэков. Но сегодня этот гнойник вскрылся.

— Слышал болтовню в коридоре, — произнёс он тихо. — Две сотрудницы из штаффа обсуждали пропавших детей.

Феликс резко опустил бутылку. Дно с глухим стуком впечаталось в дерево, и лишь тогда он вскинул взгляд на Хёнджина. В глубине его зрачков тот прочёл упрямое отрицание — их верного спутника в спорах.

— Опять за старое? — младший издал короткий, пустой смешок и отвернулся. — Включаешь паранойю там, где всё прозаично? Хватит уже этой мистической дичи. Каннам — помойка, где у толстосумов свои тараканы, а у полиции — свои методички. Дети теряются, их прячут, их крадут ради выкупа. Обычный маньяк, Хёнджин. Люди в разы опаснее любого призрака. Отстань.

Дождавшись, пока друг выскажется, Хёнджин шумно выдохнул, чувствуя, как внутри закипает злость. Он подался вперёд, нарушая границы дозволенного:

— Ты же всё слышал, верно? Чего молчал? Думал, я не замечу, как у тебя желваки заходили?

— Допустим. Но это не наша головная боль! — отрезал Феликс.

— Маньяки так чисто не работают. Ни улик, ни свидетелей. Жертвы просто исчезают. Ты правда веришь в «некомпетентность» копов? Вспомни Пусан, пропавших студенток! Мы знаем правду. Скажи прямо: если не люди, то что? Будем отплясывать перед фанатами, пока кто-то жрёт людей у нас под носом?

— А во что мне, по-твоему, верить? — младший вскочил, швырнув мокрое полотенце на пол с такой силой, что брызги полетели в стороны. Не глядя на Хёнджина, он рванул к шкафчику, выплевывая слова сквозь зубы: — Что в центре Сеула разгуливает нечисть? У нас через месяц тур! Я пытался всё это переварить, привыкнуть к этой хреновой роли... А ты тащишь нас в пекло без единого доказательства!

— Да неужели? — Хёнджин тоже поднялся, сокращая дистанцию. Его тень накрыла друга, отрезая пути к отступлению. — Не надо корчить из себя святошу. Ты тряся не меньше моего. Затупи я тогда на секунду — ты бы уже гнил в сырой земле.

С грохотом захлопнув дверцу шкафчика, Феликс развернулся так резко, что едва не сбил Хёнджина с ног. В его глазах полыхала не просто злость — бешенство.

— Значит, я теперь козёл отпущения? — он ткнул пальцем в грудь старшего, переходя на сдавленный, ядовитый шёпот. — Торможу наш «крестовый поход»? Может, потому что я, в отличие от тебя, не горю желанием сдохнуть ради великой цели? Мы — грёбанные артисты! Наши рожи на каждом рекламном щите! Ты пришёл сюда, чтобы ткнуть меня носом в мою трусость?

Изучая перекошенное яростью лицо друга, Хёнджин умолк. Там, под слоем агрессии, проступал животный страх — и вовсе не за собственную шкуру. А за то, что их вылизанный до блеска мирок с графиками и лайтстиками вот-вот рухнет под натиском чего-то куда более голодного и древнего.

— Ты прав, — выдохнул старший, отступая и разжимая кулаки. Его голос лишился напускной резкости, сменившись усталостью. — Но если мы отвернемся — те дети уже не вернутся. Никогда. Ты это вывезешь, Ликс? Сможешь смотреть в зеркало до конца дней, зная, что просто предпочел и дальше прыгать по сцене, пока их пожирали заживо?

В раздевалке повисло напряжение, способное искрить при малейшем контакте. За стенами, в недрах агентства, бурлила привычная суета: доносились приглушённые споры, цокот каблучков и залиvistый смех стажёров, перемывающих косточки педагогам. Из соседнего крыла долетал тяжёлый бит — какой-то упоротый трейни выжимал из себя последние силы, задерживаясь допоздна, а в коридоре монотонно поскрипывала тележка уборщика. Этот фон лишь подчёркивал, как сильно они выбиваются из реальности.

Феликс сжал челюсть до боли. Отбросив руку, которой секунду назад тыкал Хёнджину в грудь, он с силой распахнул створку шкафчика.

— Умеешь ты, блять, бить под дых, — процедил он. Голос, обычно бархатный, теперь напоминал скрежет. Младший сдёрнул худи с вешалки — так резко, будто собирался задушить эту тряпку, — и хлопнул дверцей с коротким, хлёстким лязгом. — Настоящий мастер психологических пыток.

Натянув толстовку, Феликс едва не промахнулся рукавами — ткань трещала по швам. Мокрые пряди липли ко лбу, скрывая ледяной блеск взгляда. В носшибануло едкой смесью хлорки и парфюма — нелепый контраст между их «глянцевой» картинкой и тем дерьмом, в котором они увязли по самые уши.

— У тебя просто нет тормозов, Хёнджин! — Феликс сорвался на хрип. — Ты тащишь меня в эту кроличью нору, даже не удосужившись спросить, есть ли у меня хоть малейшее желание шляться по подворотням Каннама ради призрачного шанса спасти пацана, которого я и в глаза не видел!

Хёнджин молчал, и это бесило Феликса больше, чем крики.

— Ты эгоист, — почти прошептал младший, глядя ему прямо в глаза. — Одержимый, чёртов маньяк.

Перехватив инициативу, Хёнджин сделал шаг в его сторону, нарушая личное пространство. Пальцы больно впились в предплечье Феликса, сминая ткань. Младший инстинктивно попытался вырваться, но тот не отпустил.

— Думаешь, мне в кайф этот адреналиновый приход? — рявкнул он, не давая другу вставить ни слова. — Считаешь, я наслаждаюсь тем, что по ночам за нами наблюдают не только камеры менеджеров, а нечто, жаждущее нашей крови? Нет. Если мы сейчас дадим заднюю, если притворимся «обычными айдолами», то следующими в списке станут не чужие дети. Мы. Или наши парни. Ты готов рискнуть Чаном? Сынмином?

Последний аргумент ударил по самому больному. Хватка Хёнджина на секунду ослабла, и Феликс, воспользовавшись моментом, резко вырвал руку, отступая на шаг. Он тяжело дышал, разглядывая друга так, словно видел перед собой абсолютного незнакомца. В коридоре с металлическим звоном что-то повалилось на пол — кто-то из персонала задел швабру, — и этот внезапный звук заставил обоих вздрогнуть.

— Ну ты своего добьёшься, да? — прошипел Феликс, выплёвывая слова, словно яд. Тон стал опасным, вибрирующим. — Мало того, что мы едва не сдохли в прошлый раз? Хочешь повтора? Ладно. Чёрт с тобой. Вали в машину, я сейчас выйду.

— Уже не терпится, — огрызнулся Хёнджин, даже не пытаясь сгладить острые углы. — У нас есть три дня. Либо мы лезем в это болото и разбираемся, с чем имеем дело, либо ты можешь прямо сейчас настучать продюсерам, что я спятил, и продолжить плясать на сцене. Но я поеду один. И если не вернусь... просто скажи остальным, что я слинял в бессрочный отпуск. Так будет проще всего, правда? Жду внизу.

С силой толкнув массивную дверь, старший вышел, даже не обернувшись. Раскатистый стук эхом пронёсся по пустому этажу, на мгновение перекрыв ритмичные биты, доносившиеся из репетиционных залов. Каждый из них злился по-своему, никто не желал уступать. Началась грязная, кровавая работа, за которую статуэтки МАМА не вручают.

Оставшись в одиночестве, Феликс опустил на скамью. Адреналин, до этого заставлявший сердце колотиться в ритме «God's Menu», постепенно отступал, сменяясь ледяной пустотой.

Чёртовы призраки. Пропадающие в пригородах Сеула дети, о которых шептались в сети, пока фанаты спорили о камбэке. А у них нет ни единого доказательства, что эти исчезновения — не просто сухие строчки из полицейских сводок.

— Больной ублюдок, — прошипел младший себе под нос. В голосе не осталось гнева — только усталая обречённость.

С трудом заставив себя подняться, он перекинул лямку сумки через плечо и, не оглядываясь, шагнул в коридор. Натянув поглубже капюшон, двинулся дальше. Сценическая грация исчезла: каждый шаг давался тяжело, на автомате, лишь бы слиться с чернильными тенями, расползающимися по глянцевому полу. Взгляд скользил по стенам — мимо постеров с их собственными, такими чужими сейчас лицами.

Навстречу попался стажёр. Юноша вжался в стену и испуганно вытянулся в струнку, отнеся поклон. Феликс проигнорировал его, мимолетно кивнув. В голове пульсировала единственная мысль: *какие же вы слепые*. Он миновал охрану. Дежурный кивок секьюрити отозвался мерзким зудом под кожей. Для них он — айдол, «лицо нации», живая кукла, обаятельная сиять. Им невдомёк, как изнутри его сжирает этот кошмар.

Длинные переходы агентства погрузились в полумрак, где в тусклых полосках мертво-бледного неона лениво плясали пылинки. Уборщики, монотонно возящие швабрами, напоминали призраков из прошлой — той самой, нормальной — жизни.

Стрелки показывали 21:00 — июльский Сеул всё ещё изнывал от зноя, даже когда солнце давно скрылось за небоскрёбами. Выйдя на парковку, Феликс с наслаждением глотнул прохладного вечернего воздуха, который разительно отличался от спёртой духоты внутри, где даже мощные кондиционеры не всегда спасали.

Машина Хёнджина стояла в самом дальнем углу, в тени бетонных столбов. Стекло со стороны водителя было приоткрыто, и тонкая струйка сизого дыма растворялась в сгущающихся сумерках. Заметив Феликса, он нажал на кнопку — стекло плавно ушло вниз, открывая вид на его уставшее лицо.

— Ты долго, — бросил старший, даже не повернув головы. Он вальяжно откинулся на спинку кресла, стряхнул пепел в окно и снова затянулся.

Феликс распахнул дверцу и рухнул на сиденье, не дожидаясь приглашения. Резко захлопнув её, он из последних сил сдерживался, чтобы не заехать другу по затылку. В салоне тут же стало тесно от смеси табака, тяжёлого парфюма и их общего, почти осязаемого страха.

— Опять эта дрянь? — он поморщился, яростно разгоняя рукой дымную пелену. — Ты совсем страх потерял? Если эта вонь въестся в одежду, я придушу тебя быстрее, чем это сделают стилисты.

Хёнджин наконец снизошёл до того, чтобы обернуться. На губах играла фирменная ухмылка — кривая, насмешливая, заставляющая кровь Феликса закипать от ярости.

— Боже, какой ты нервный, — протянул старший, небрежно вминая окуроченный пепельницу. — Может, тебе стоит разок затянуться? Глядишь, перестанешь вздрагивать от каждого шороха.

— Дело не в нервах, а в последствиях, — отрезал Феликс, откидываясь на подголовник и устало закрывая глаза. — В отличие от тебя, у меня нет желания слить карьеру в унитаз только потому, что у тебя сдали нервы. Поехали уже... пока нас не запылили.

Чёрный BMW рванул с места, стоило Хёнджину вдавить педаль в пол, оглушая парковку яростным визгом резины. Сеул за окном превратился в неоновое месиво — рекламные щиты с их отфотошопленными лицами сливались в бесконечную светящуюся киноленту. Город продолжал жить своей глянцевой, беззаботной жизнью, не подозревая, какая чертовщина творится в его подворотнях.

— Сбавь скорость, псих! — Феликс мёртвой хваткой вцепился в ручку над дверью, когда машину швырнуло на вираже. — Нас же копы примут. Представь заголовки: «Танцор-рача Stray Kids косплеит "Форсаж" на улицах столицы». Чан из нас чучела набьёт.

— Расслабься, Ликс. Крис заперся в студии и будет полировать новый трек до рассвета, — Хёнджин резко выкрутил руль, уходя на объездную. — Мчим в «The Roadside». Это зачуханная дыра на окраине Инчхона. Там подают самую паршивую лапшу в стране, зато хозяин не сует нос не в свои дела, а сеть ловит от соседней заправки. То, что надо, чтобы зарыться в дерьмо, которое мы накопили. Чанбин как раз в качалке, Минхо строит своих котов. У нас есть пара часов, пока карета не превратилась в тыкву.

Нажав на кнопку плеера, Феликс позволил салону наполниться тягучим, прокуренным блюз-роком. Из динамиков лились те самые старые западные записи, которые они слушали тайком, чтобы не спалиться перед менеджерами. Гитара завывала, вторя рокоту мотора и немного приглушая мандраж.

— Ты реально веришь, что там что-то есть? — голос Феликса стал тише. — О пропавших детях болтают всякое: побеги, похищения... Мы даже не знаем, с чем столкнулись. Это всё равно что ловить призрака сачком для бабочек.

Бросив мимолетный взгляд на друга, Хёнджин заметил: в свете фонарей лицо Феликса напоминало застывший фарфор, но пальцы, терзавшие край толстовки, выдавали его с потрохами.

— Знаешь, я весь день думал о том костюме с перьями, который мне всучили для камбэка, — вдруг произнёс старший. — Если я склею ласты в какой-нибудь канаве, сражаясь с монстром, пусть в некрологе напишут, что я хотя бы выглядел чертовски стильно.

Феликс хмыкнул, не скрывая самодовольного вида.

— Твой нарциссизм — это уже какая-то аномалия. Ты и перед жнецом будешь чёлку поправлять?

— Обязательно. Первое правило айдола на охоте: сохраняй лицо, даже если его собираются откусить, — Хёнджин снова прибавил газу. — А если без шуток... Мы разберёмся. Либо мы охотники, либо корм. Третьего варианта нам в контракте не прописывали.

Чёрный силуэт автомобиля рассекал густую южную темень, унося парней всё дальше вглубь сонных, богом забытых пригородов. Спустя двадцать минут тормозные колодки издали сухой скрежет, когда машина замерла у обшарпанного строения. Вывеска, на которой когда-то читалось «The Roadside», теперь билась в конвульсиях, едва выплёвывая свет из пары уцелевших букв. Место выглядело настолько убитым, что ни один вмняемый сасэн не подошёл бы к нему и на милю.

— Ты издеваешься? — Феликс сильнее натянул капюшон, пряча светлые волосы, сияющие в этой глуши не хуже маяка. — Если нас тут запеленгуют, Dispatch решит, что у Stray Kids наступил финансовый кризис и мы перешли на подножный корм.

— Поубавь децибелы, Ликс, — Хёнджин заглушил двигатель и на мгновение задержал ладони на руле. Затем, развернувшись, он перегнулся назад и вслепую нащупал на заднем сиденье плотный ремень сумки с ноутбуком. Перетянув увесистый кожаный чехол через подлокотник, толкнул массивную дверь купе и выбрался на улицу. Феликс не заставил себя ждать: шумно, обречённо вздохнув, тут же вылез следом, моментально утопая подошвами дорогих брендовых кроссовок в серой дорожной пыли. Старший захлопнул дверь своего лоснящегося, идеального «бумера» и нажал на кнопку брелока. Тот отозвался коротким, породистым писком сигнализации и мигнул фарами, запирая внутри их последний оплот комфорта.

Застыв у капота, старший бегло осмотрел окрестности. Вокруг царило глухое безмолвие, нарушаемое дребезгом сорванного рекламного щита где-то в отдалении. Ветер гнал пыль по пустому шоссе, а из темноты за обочиной тянуло сыростью. Это захолустье нагоняло тоску. Оцепенение на мгновение сковало тело, пока он усилием воли не прогнал дурное предчувствие.

— Шевелись, — коротко бросил Хван.

— Не гавкай, и так иду, — отозвался Феликс, еле заметно оскалившись, но всё же прибавил шагу.

Они направились к дверям. Под подошвами хрустела бетонная крошка, а звук шагов дробился о высокие стены. Створка открылась с надрывным, режущим слух стоном несмазанных петель. Внутри их встретил микс из запахов пережаренного масла и дешёвой ванили. Зал пустовал, если не считать пары мух, бившихся о жёлтые плафоны. Парни быстро прошмыгнули вглубь, выбирая самый неприметный столик за массивной тушей сломанного автомата с колой.

Осмотрев ободранный диван из кожзама, покрытый слоем подозрительной пыли, Феликс с тихим «фу, блядь» брезгливо смахнул пальцем мелкие ошмётки грязи. Только после этого он аккуратно примостил свой зад на самый край сиденья, стараясь ни к чему не прикасаться и с искренним отвращением разглядывая местный интерьер.

— Тут стол липкий, Хён! Ебать, он буквально держит мои рукава в заложниках. На нём что, кого-то расчленили? Я сейчас подхвачу какую-то заразу и сдохну, — прошипел Ликс, морщась.

— Забей, от столбняка ещё никто мгновенно не умирал, — иронично хмыкнул Хёнджин и плюхнулся напротив с непроницаемым покерфейсом, совершенно проигнорировав вековую грязь. — Меньше чистоплюйства, Ликс, мы тут не камбэк планируем.

Со стуком он водрузил сумку на засаленную поверхность, расстегнул молнию и аккуратно выудил оттуда верный «Макбук», поставив его прямо перед собой. Быстрым движением старший откинул крышку, заставляя экран ожить: холодный, неоновый свет резко полоснул по уставшим лицам парней. Пальцы мгновенно заплясали по клавишам, пробиваясь сквозь файрволлы локального отделения полиции.

— Легко тебе сказать, я не привык к такой... супер-убогой обстановке... — тихо добавил Феликс, скользнув взглядом по выпарапанной на краю столика надписи «Ю + Ф». — Тут даже любовные записки оставляют.

— Так, выключай режим капризной дивы и врубай охотника, — не поднимая взгляда от мерцающего экрана, скомандовал Хёнджин, прерывая настрой друга. — У нас пять пропавших детей за последний месяц. Районы разные, но почерк один: замки целы, окна заперты изнутри, никаких следов борьбы. Копы в участке в полном тупике, строчат отписки про побеги, но семилетки не сбегают посреди ночи в пижамах, не оставив ни единой зацепки.

— Первое, что приходит на ум, — Штрига. Эта сука обожает детскую энергетику. Она питается их жизненной силой, пока те спят.

— Мимо, — отрезал Хёнджин, качнув головой. — Штрига оставляет тела. Дети засыпают и просто медленно угасают от «неизвестной болезни». А наши жертвы именно исчезли. Физически.

— Ладно, логично, — Феликс нахмурился, раздражённо барабанил пальцами по колену. — Тогда, может, Подменыши? Они крадут человеческих детёнышей, утаскивая их в подземное логово к мамочке, а взамен подсовывают родителям своих жутких кукушат. Тела нет, мотив сходится один в один.

Хёнджин быстро забил новый запрос в поисковик, отфильтровав местные криминальные новости и городские форумы за прошлые годы.

— Тоже думал об этом. Но при подменшах предки сразу замечают странности: ребёнок становится замкнутым, злым, начинает жрать сырое мясо килограммами. А тут ни одного заявления о неадекватном поведении мелких не было. Зато смотри сюда... — Хван ткнул пальцем в экран, открывая архив старых криминальных сводок сеульского управления. — Ровно десять лет назад в районе Каннам творилась идентичная чертовщина. Трое детей пропали в мае. Через неделю их останки нашли в заброшенных коллекторах. Полиция тогда всё списала на бродячих собак.

— Бродячие псы не умеют открывать запертые изнутри окна на вторых этажах, — мрачно заметил младший, вчитываясь в отчёт. — Погоди. Десять лет назад? Цикличность... Похищают только детей... Хён, для вендиги тут слишком мало лесов, а гули — банальные трупоеды, они не станут охотиться на живых с таким расчётом. Что это за тварь из чулана?

— А вот это вопрос на миллион, — Хёнджин прищурился, открывая отсканированную страницу старого латинского бестиария из цифрового фонда Ватиканской библиотеки. — Как нам это выяснить, учитывая, что у нас нет ни единой зацепки?

— Мальчики! — внезапный звонкий возглас заставил их обоих едва не подпрыгнуть. Хёнджин инстинктивно прикрыл экран рукой.

К ним, чуть ли не припрыгивая, подлетела официантка — женщина в ярко-розовом фартуке с начёсом, который явно помнил лучшие времена. Она замерла у стола, сложив руки у груди, и смотрела на них так, будто выиграла в лотерею.

— Господи Иисусе, вы откуда такие свалились? — просияла она, бесцеремонно разглядывая парней. — Я тут тридцать лет работаю, но таких... таких охуенных лиц в нашем захолустье отродясь не было! Вы что, из кино? Или, может, модели заблудились?

Пытаясь скрыть растерянность, Феликс выдавил вежливую улыбку, а Хёнджин поспешно зарылся носом в воротник худы.

— Глазам не верю! — она смачно хлопнула ладонью по столешнице. — В этой дыре одни дальнобойщики да пропитые местные аборигены, а тут — вы. Слишком лощёные для такой забегаловки, просто космос! Ладно, парни-красавцы, что заказывать будем? Кофе у нас ничего, но, глядя на ваши милые мордашки, я бы предложила что-то покрепче. Пивка? Холодненького! За счёт заведения, а? Таким гостям грех не налить!

— Нам бы просто два чёрных кофе, спасибо, — мягко прервал её Феликс, включая режим «очарование на максимум», чтобы поскорее от неё отделаться.

— Кофе так кофе! Но если передумаете насчёт пива — только мигните! — она деловито подмигнула им и, продолжая качать головой в недоумении, поплыла к барной стойке.

Стоило женщине отойти, как Хёнджин выдохнул, позволяя себе немного обмякнуть.

— Пронесло. Не просекла, кто мы такие, — Феликс напрягся, буравя взглядом удаляющуюся спину, и осторожно оглядел кафе, проверяя, не заглянул ли кто посторонний. — Похоже, эта дыра всё ещё в нашем распоряжении.

— Ладно, давай попробуем мыслить как Винчестеры, — Хёнджин откинулся на спинку скрипучего дивана, скрестив руки на груди. — Если бы здесь сидели Дин и Сэм, что бы они сделали первым делом?

Нервно дёрнув плечом, Феликс потянулся к перечнице и машинально завертел её в руках, пытаясь унять тревогу. Неопытность давила тяжёлым грузом: в кино всё казалось проще — щелчок пальцев, удар серебряным ножом, и тварь повержена.

— Ну, Сэм бы сейчас рылся в архивах городской библиотеки, перелопачивая пыльные подшивки газет за последние пятьдесят лет, — он вернул перечницу обратно, слегка сместив в сторону, и потёр переносицу. — А Дин? Дин бы, не раздумывая, прикинулся федералом, втёрся в доверие к главному детективу участка и напоил бы его виски в ближайшем баре, выуживая правду. У них был план, Джинни. Чёткий алгоритм: исследование, опрос свидетелей, проверка на серебро, соль и железо. А мы? Мы просто тыкаемся носом в экран, пытаюсь наугадить магию, как будто это, чёрт возьми, рецепт кимчи.

— Не ной, Ёнбок. Дин тоже не родился с дробовиком в руках, — парировал Хван. Он подался вперёд, опираясь локтями на стол, прямо рядом с открытым ноутбуком. — Проблема в том, что у нас нет никаких данных, а все эти знания по крупичкам разбросаны по дерьмовым форумам, где каждый второй пишет, что видел призрака в туалете.

Разговор прервал резкий звон фарфора, заставивший обоих вздрогнуть. Официантка вернулась к их столику и с грохотом опустила на стол две дымящиеся чашки и пару увесистых тарелок, подвинув салфетницу чуть ближе к краю, чтобы освободить место для трапезы.

— Это что? — Феликс на мгновение забыл про конспирацию, уставившись на блюда.

— Мальчики, я тут подумала: негоже таким красавцам сидеть на пустой желудок, — проворковала она, поправляя причёску. — От заведения — горячий кофе и фирменный кимчи-чигэ. Мой муж говорит: если мужчина не ест, он начинает думать всякие глупости. А я вижу — у вас в глазах прям философские раздумья! О любви небось страдаете? Или просто решили поспорить, кто из вас красивее?

Хёнджин натянул самую обаятельную улыбку, на которую был способен в данный момент, а внутри всё сжималось от нетерпения закончить этот фарс.

— Вы чертовски правы, нуна. Спорим до хрипоты, — мягко произнёс он, слегка наклонив голову в знак признательности. — Мы тут проездом, работаем над... э-э... исследованием демографии района. Спасибо за перекус, вы нас спасли.

От резкого аромата острого супа у Феликса подступила тошнота. Он сжал кулаки под столешницей и, подавляя дурноту, заставил уголки губ приподняться в подобии благодарного жеста.

— Оу, э-э... спасибо, — сглотнул он, поёжившись под внимательным взглядом женщины. — Вы невероятно добры. Редко встретишь такое гостеприимство, когда заходишь просто перекусить.

— Милочки, ну не срамите меня! — просияла официантка, кокетливо поправив фартук. Она задержалась на пару секунд, залюбовавшись точёным профилем Хёнджина. — Вы же здесь как два ангела. Не забудьте потом заглянуть на десерт: у нас лучший чизкейк во всём Сеуле!

Кивнув самой себе, она неспешно удалилась к стойке, напоследок одарив парней таким взглядом, от которого у любого другого посетителя кафе случился бы инфаркт. Хёнджин горько усмехнулся, подцепил ложкой кусок мяса и отправил в рот. Он застыл с ложкой у рта, пережёвывая, и едва заметно поморщился от чрезмерной остроты.

— Ну как? — спросил младший, наблюдавший за ним с опаской, и приподнял бровь.

— Пиздец остро, как будто перец жрал прямо с куста, — прохрипел Хёнджин. Он потянулся к салфетнице, выдернул пару штук, вытер выступившие слёзы и залпом допил кофе.

Скептически фыркнув и решив проверить, не преувеличивает ли друг, Феликс осторожно коснулся губами бульона. Его тут же передёрнуло, и он поспешно отставил тарелку, не желая продолжать эту «экзекуцию».

— Заткнись и ешь, раз притащил нас в эту забегаловку, — тихо бросил младший с едкой ухмылкой и, подавшись вперёд, добавил: — Слушай, если это дело — зеркальное отражение событий десятилетней давности, нам нужно найти выживших или тех, кто вёл то расследование. Винчестеры бы точно вышли на старика-детектива, ушедшего на пенсию с нервным срывом. А нам... нам придётся примерить эту роль. Чёрт, я ненавижу такие перспективы! Либо опросим родителей пропавших детей. Только они расскажут правду, которую полиция предпочла выкинуть в мусорную корзину. Только они знают, что на самом деле происходило в доме в ту ночь.

Старший задумчиво перевёл взгляд в окно. Идея была опасной: лезть в души людей, переживших ад, означало столкнуться с горем, гневом и, возможно, с чем-то куда более страшным, чем просто человеческая боль.

— Нужно найти их адреса, — предложил Феликс, делая глоток остывающего кофе. — В файлах есть хоть какие-то координаты?

— Давай посмотрим, — Хёнджин развернул к себе ноутбук, погружаясь в архивные сводки.

С силой ударив по тачпаду, он заставил спящий экран ожить. Глаза лихорадочно бегали по строчкам полицейских протоколов, где сухой канцелярский язык тщетно пытался скрыть ужас произошедшего. В углу экрана мелькнуло фото последнего пропавшего мальчишки — открытая улыбка, аккуратная школьная форма, — и Хван на долю секунды задержал дыхание.

— Нашёл, — глухо отозвался он. — Кан Джихун. Адрес: Каннам-гу, тихий частный сектор. Отец, Кан Минхо, и мать, Минджи, работают в логистике. Судя по всему, они сейчас в эпицентре адского пекла, если верить заметкам о «повторных допросах».

Не успел он закончить фразу, как тишину кафе прорезал резкий, надрывный звонок телефона. Хёнджин чертыхнулся, выудив гаджет из кармана. На дисплее горело короткое, но убийственное: «БАН ЧАН». От одного этого вида у него похолодело внутри.

— Алло, Чан-хён? — он натянул максимально невинный тон, подмигнув Феликсу, который тут же окаменел.

— Твою ж мать, Хёнджин! — голос Чана в динамике звучал как раскаты грома, на грани срыва, но всё ещё пугающе контролируемого. — Где вас носит? Опять свалили без ведома стаффа? Вы хоть представляете, какое дерьмо начнётся, если вас заметят папарацци? Немедленно в общагу. Живо.

— Хён, мы... — попытался вставить Хёнджин, но был мгновенно перебит.

— Никаких «мы». Ночью трасса пустая, так что ровно через пятьдесят минут ваши задницы должны быть дома. И попробуйте только сказать, что вы где-то застряли — я лично приеду и оторву вам головы. Конец связи.

Звонок оборвался короткими гудками.

— Чан в бешенстве, — поджал губы Хёнджин, переводя взгляд со смартфона на друга.

— Кажется, наш «охотничий сезон» временно закрыт на карантин, — сухо заметил Феликс, накидывая капюшон. — Чан-хён не шутит. Если мы не вернёмся сейчас, он сожрёт нас живьём.

— Значит, план меняется, — Хёнджин поднялся, бросая на стол купюры. — Мы едем в общежитие. Будем прикидываться примерными айдолами. Завтра у нас фотосессия и интервью, ты ведь помнишь — Vogue. В перерывах успеем связаться с парнем, который подделывает удостоверения. А послезавтра у нас свободный график, так что Чан не имеет права возразить. Наведаемся к семье Кан и попробуем хоть что-то разузнать о пропавшем Джихуне.

— Это верно! И что скажем? — задумался Феликс, потирая висок. — Мы студенты-антропологи? — предложил он, пытаясь скрыть нервный смешок.

— Слишком скучно. Нас просто вежливо попросят уйти. Может, лучше сказать родителям что-то такое, что не требует лицензии? — размышляя, Хёнджин закрыл крышку ноутбука и убрал его в сумку. — Что, если мы представимся частными детективами, работающими по заказу кого-то из родителей?

Феликс нахмурился.

— Частные детективы... это лучше, чем полиция. Но в Корее для этого всё равно нужна лицензия. И у нас нет офиса. Хотя, сомневаюсь, что из NIS приехали бы по такому делу.

— Да, точно... — ответил Хёнджин. — Нам нужно что-то, что заставит их поверить: мы готовы на всё и найдём их детей.

— Тогда лучше сказать, что мы из волонтерской группы, — предложил Феликс.

Признавая логику младшего, Хёнджин коротко кивнул. Сгрёб со стола ключи, и парни быстрыми, бесшумными тенями направились к выходу. Стеклопанель забегаловки захлопнулась с глухим дребезгом, оставляя позади смесь въедливых запахов.

На улице их встретила глубокая ночь. Воздух был настолько густым и влажным, что казался осязаемым, со вкусом дорожной пыли и близкой грозы. Короткий щелчок брелока — и фары BMW на мгновение резанули темноту двумя бледными лучами. Они синхронно скользнули в салон, где двери с мягким звуком надёжно изолировали их от мрачного безмолвия инчхонской окраины.

Внутри по-прежнему пахло дорогой кожей и едва уловимым шлейфом табачного дыма. Закинув на заднее сиденье сумку с ноутбуком, Хёнджин завёл мотор — низкий, вибрирующий рокот отдался в зажатых плечах. Время безжалостно утекало.

— Ликс, ты уверен, что адреса верные? — спросил Хёнджин, вцепившись в руль до побелевших костяшек и не сводя глаз с пустой дороги. — Теперь я сомневаюсь, что мы успеем найти детей до камбека.

— В любом случае придётся проверять лично, ведь другой информации нет. О, навигатор пишет, что ехать минут сорок пять, если ты выжмешь из этой крошки все соки, — глубоко вздохнул Феликс, вытаскивая телефон из кармана худи. — Так что в нашем распоряжении от силы минут сорок. Если опоздаем хоть на секунду, Чан-хён устроит нам экзорцизм без всякой святой воды.

— Успеет, — процедил Хёнджин.

Сбросив капюшон, Феликс устало потёр лицо ладонями. Хёнджин заметил перемену в младшем боковым зрением.

— Ну чего ты опять приуныл? Хватит бояться Чана! Ты взрослый и сам отвечаешь за свои поступки.

— Легко сказать, — пробормотал младший, откидываясь на спинку сиденья. Его голос, и без того низкий, сейчас звучал совсем глухо, с хриплыми нотками истощения. — Твои руки дрожат. Вижу даже в полумраке.

На мгновение отвлёкшись от дороги, Хёнджин бросил на Феликса тяжёлый, колющий взгляд.

— Это адреналин, а не страх. Чувствуешь разницу? Мы не должны выглядеть виноватыми. Как только зайдём внутрь — никаких оправданий. Мы просто «потерялись во времени». Понял?

За окном вовсю мелькали огни ночного Сеула, превращаясь в размытые неоновые полосы. Шумно выдохнув, Феликс тихо произнёс:

— Понял. Надеюсь, твой тон сработает. У меня нет сил импровизировать на ходу.

— Будь проще, — Хёнджин запустил пальцы в волосы, откидывая их назад, и на секунду прикрыл лицо ладонью. — Просто делай вид, что мы действительно устали до смерти от хореографии. Это не ложь, посмотри на нас — у нас даже сил причесаться не осталось.

Скорость они не обсуждали — оба и так кожей чувствовали, как тикают невидимые часы. Внутри машины установилось напряжённое молчание, нарушаемое лишь шелестом шин по асфальту. Мысли о пропавших детях и запертых изнутри окнах давили на сознание, смешиваясь со страхом облажаться перед группой.

Минут через двадцать автомобиль мягко затормозил на мелком гравии открытого паркинга возле их общежития. Хёнджин заглушил двигатель, и на мгновение оба замерли в тесноте кабины, прислушиваясь к биению собственных сердец. Здание встретило их тёмными, слепыми окнами.

— Готов? — спросил Феликс, не спеша покидать своё место.

— Нет, — честно ответил Хёнджин, наконец поворачиваясь к нему. В полусвете фонарей его лицо казалось маской, но в глазах читалась та же тревога, что грызла Феликса изнутри. — Но выбора нет. Выходим. И, Ликс... просто молчи. Я возьму удар на себя.

— Ещё чего, — Феликс сжал губы в тонкую линию и первым толкнул дверь. — Мы в этом вместе.

Они вышли и плечом к плечу направились к главному входу. К проходу вёл широкий марш каменных ступеней, мокрых от ночной росы и тускло поблескивающих в свете уличных фонарей. Хёнджин толкнул дверь плечом — та легко поддалась, открыв проход в освещённый холл. В прихожей пахло цитрусовым освежителем и кондиционером — до тошноты домашний, нормальный запах, который никак не вязался с тем дерьмом, в которое они добровольно лезли.

Но как только парни переступили порог гостиной, вся иллюзия уютного дома рассеялась — их уже ждал Чан. Лидер сидел на диване, подсвеченный тусклым экраном своего смартфона, листая ленту Инстаграма. Его лицо казалось высеченным из камня, а в жёстком взгляде читалось такое монументальное разочарование, от которого хотелось провалиться сквозь землю.

Чуть поодаль, опершись спиной о кухонную стойку, замер Минхо. В руке он держал стакан с остатками воды, лениво покачивая его из стороны в сторону. На губах блуждала хищная, почти неуловимая ухмылка. Он не произнёс ни слова, но его пронзительный кошачий взгляд буквально давил на нервы, сканируя каждый жест. Стук, с которым стекло коснулось мраморной столешницы, заставил Феликса внутренне вздрогнуть.

— Сорок восемь минут, — Чан поднялся с дивана, развернув экран смартфона к вошедшим. — Почти тютелька в тютельку. А теперь я жду очень, блять, креативную историю о том, почему два моих ведущих танцора посреди ночи шляются чёрт знает где без стаффа и охраны, когда у нас камбэк на носу.

— Хён, прости, — Феликс сделал шаг вперёд, инстинктивно прикрывая Хёнджина плечом. Он задействовал весь свой арсенал искренности, хотя в груди всё сжималось от предчувствия скандала. — В зале стало совсем душно, хореография не шла, да и этот постоянный

прессинг... Мы просто решили проветриться. Включили музыку в машине, доехали до окраины и обратно. Никаких глупостей, честно.

Лидер подошёл почти вплотную. Хёнджин заставил себя не отводить взгляда, хотя лопнувшие от бессонницы капилляры должны были гореть в свете ламп. Чан долго вглядывался в их лица, стараясь прочесть то, что они так тщательно скрывали.

— Проветриться — это здорово, — бросил Крис, и его рука опустилась на плечо Феликса, сдавив мышцы. — Но вы не просто парни со двора. Один снимок на телефон от случайного прохожего — и Dispatch похоронит наш камбэк ещё до релиза. Завтра в девять утра съёмка для Vogue. Если я увижу там хоть один намёк на синяки под глазами или помятый вид — пеняйте на себя. Живо спать. Обоим.

— Поняли, хён. Спасибо, — коротко поклонился Хёнджин и потянул Феликса за рукав в сторону коридора.

Проходя мимо кухни, Хёнджин на долю секунды пересёкся взглядом с Минхо. Тот проводил их долгим, многозначительным прищуром, всем своим видом говоря: «Я знаю, что вы врётё. И я вам ещё припомню». В переходе к спальным комнатам парням пришлось расстаться: каждый отправился к себе, словно отбывая наказание.

Когда шаги парней стихли, Чан прошёл на кухню к Минхо и опёрся о край столешницы.

— Не слишком жёстко я с ними?

— Нормально, — с лёгкой улыбкой ответил Минхо, споласкивая стакан в раковине.

— Ты тоже замечаешь, что они в последнее время ведут себя как-то странно? — нахмурившись, тихо спросил Чан.

Минхо закрыл кран. Струя воды прервалась, оставив после себя лишь редкие капли, разбивающиеся о дно мойки с металлическим звоном. Он медленно повернулся к лидеру, неторопливо вытирая руки серым кухонным полотенцем. С его лица мгновенно слетела вся напускная ухмылка, уступив место пугающей, сосредоточенной серьёзности.

— «Странно» — это мягко сказано, Крис, — Минхо понизил голос так, чтобы он не улетал дальше кухонного острова. — Они постоянно шушукаются по углам. Ты заметил, что теперь ходят друг за другом хвостиком? Буквально шагу ступить не могут поодиночке. Стоит одному выйти в коридор, как второй срывается следом, будто привязанный. Вечно эти секретные взгляды, приглушённый шёпот, который они обрывают, стоит кому-то из мемберов зайти в комнату. Они наглухо закрылись.

— Думаешь, наркотики? Проблемы? Или шантаж? — Крис устало потёр переносицу, уперевшись ладонями в мраморную поверхность. Давление, копившееся неделями перед камбэком, начало выматывать его окончательно. — Блять, если кто-то из стаффа или левых людей копает под них, а они боятся признаться...

— Если бы это был обычный шантаж, они бы ходили пришибленными и просили взаймы, — Минхо качнул головой, вешая полотенце на крючок. — А они... Они не пришибленные, Чан. Они как сжатые пружины. Постоянно ждут подвоха, оглядываются через плечо и готовы в любую секунду выдать смачного пинка любому, кто сделает лишний шаг или косо посмотрит. В их глазах — чистая паранойя. Они постоянно на чеку. Проверяют замки в комнатах по три раза. Сегодня Хёнджин дёрнулся от обычного стука менеджера в дверь зала — так, будто туда спецназ ломился. Они круглосуточно держатся вместе, готовые к удару в любую секунду.

Чан несколько секунд молчал, а затем оглядел коридор, проверяя, не подслушивают ли их.

— Завтра на съёмках Vogue я буду по уши занят интервью с продюсерами и концепт-директором, — Крис посмотрел Минхо прямо в глаза с немой просьбой. — Пригляди за ними. Не спускай глаз. Если они влезли в какое-то опасное дерьмо, мы должны вытащить их до того, как до них доберётся полиция.

— Я прослежу, — Минхо слегка прищурился, и в кошачьих глазах блеснул опасный, оценивающий огонек. — Мне и самому жутко интересно, в какую такую тайную организацию записались наши главные танцоры.

В ту же ночь. Личные комнаты

Мягкий щелчок дверного замка в комнате Хёнджина прозвучал как финальный аккорд затянувшегося кошмара. Он не стал включать верхний свет — тусклый торшер в углу отбрасывал на стены длинные, изломанные силуэты. Опустившись на колени перед шкафом, Хван запустил руку за ложное дно нижнего ящика и вытащил увесистый, обёрнутый в потемневшую ткань предмет.

Дневник дяди Минсока. Настоящий охотничий бестиарий, пахнущий старой кожей, сухими травами и застывшим свечным воском.

Хёнджин со стоном сел прямо на ковёр, сгорбившись, и раскрыл потрёпанные страницы. Пальцы мелко подрагивали, когда он листал корявые, спешные записи дяди. Каннам. Похищения детей. Хван сосредоточенно вчитывался в строчки, пытаясь сопоставить факты, но в какой-то момент текст перед глазами поплыл.

Вдруг пришло осознание масштаба. Десять миллионов человек. Огромный, бурлящий Сеул, который каждую ночь погружался в сон с полной уверенностью в собственной безопасности. Люди верили в полицию, в камеры видеонаблюдения, в прочные замки и элитные районы. И посреди этого колоссального человеческого муравейника сидел он — айдол, отчаянно пытавшийся понять, как убить древнее зло, о котором не знал ровным счетом ничего.

От этой мысли внутри Хёнджина что-то сдвинулось. Это было странное, почти физическое ощущение: внутри грудной клетки, прямо за рёбрами, провернулся ледяной, массивный шестерёночный механизм. Прежний мир, состоявший из графиков камбэков, примерок, позирования и бесконечной борьбы за идеальный ракурс, вдруг показался ему крошечным, игрушечным. Будто он всю жизнь прожил в стеклянном шаре с искусственным снегом, а теперь этот шар разбился, и в лицо ударил настоящий, морозный ветер.

Экран телефона на полу на секунду вспыхнул от случайного уведомления, выхватив из полумрака обои блокировки. Он скользнул взглядом по экрану и замер. С фотографии на него смотрел Кками — его преданный, вечно сонный длинношёрстный чихуахуа, запечатлённый в один из редких свободных дней дома.

Кончики губ Хвана непроизвольно дёрнулись вверх. Он улыбнулся — мягко, чуть заметно, той самой тёплой и незащитной улыбкой, которую никогда не показывал на камеру. Но выражение лица тут же померкло, отозвавшись тупой, ноющей болью где-то под ключицами. Боже, как же он соскучился. По маме, по её негромкому голосу на кухне, по уюту родного дома, где самым большим стрессом было не забыть купить корм для собаки. Он представил, как Кками сейчас, наверное, свернулся калачиком на своей лежанке, мирно посапывая и даже не подозревая, в какой ад проваливается жизнь его хозяина.

Они все там, в своём безопасном, нормальном мире. Мама наверняка думает, что её сын сейчас просто усердно репетирует, допоздна задерживаясь в зале JYP, и готовится сиять на обложках. Она понятия не имеет, что её мальчик сидит на полу в темноте, сжимая в руках проклятую тетрадь мертвеца, а из углов комнаты на него смотрит бездна.

Время безвозвратно уходило, а паника никому не помогала заряжать патроны. Он шумно, рвано выдохнул, упрямо тряхнул головой, отбрасывая назад длинные пряди волос, и решительно вернулся к делу. Пальцы вновь перелистнули страницу, и он с новой силой погрузился

в яростное изучение бестиария, выискивая зацепки и пытаясь сопоставить факты, но в голове царил сумбур. Перевертыши? Нет, они оставляют следы когтей. Призраки? Но зачем им уносить детей физически? Знаний катастрофически не хватало, и это бессилие душило.

В мемуарах дяди, на полях среди корейских записей, часто мелькали отсылки к американским хроникам и имя, выделенное Минсоком жирным карандашом: Дин Винчестер. Хёнджин горько ухмыльнулся, коснувшись пальцем старого росчерка. Из коротких заметок следовало: Дин был легендой, идеальным солдатом, щёлкавшим монстров как орехи — безжалостным и точным. Хван посмотрел на свои ухоженные руки с дизайнерскими кольцами и почувствовал укол жгучего стыда. Куда ему до Винчестера? Тот рос в спартанских условиях, засыпая с пистолетом под подушкой, а Хёнджин половину жизни провёл в танцевальных залах, беспокоясь лишь о сохранности идеального образа для выступлений.

И всё же... Он закрыл глаза, вслушиваясь в отсутствие звуков. Что-то общее у них определённо было. Тот же первобытный, глубоко запрятанный страх за близкого человека. Дин до хруста в костях оберегал младшего брата. Хёнджин сейчас чувствовал то же самое по отношению к Феликсу. Это была непреклонная, отчаянная решимость драться зубами и когтями. За маской холодного безразличия или сценической улыбки пряталась готовность в мгновение ока разорвать в клочья любую тварь, вздумавшую к ним сунуться.

В соседней комнате Феликс двигался исключительно на автопилоте, ведомый исключительно инстинктом самосохранения. Силы покинули его окончательно, оставив внутри звенящий вакуум, а в ногах — ватную слабость.

Еле переставляя ступни, он подошёл к кровати, на ходу сдирая с себя пропитанную адреналиновым потом одежду. Тяжёлое худы полетело на пол, за ним отправились джинсы. Натянув свободную, застиранную домашнюю пижаму из мягкого хлопка, Феликс с облегчением вдохнул: кожа наконец-то отозвалась на приятную прохладу. Каждая мышца ныла от перенапряжения.

Он дотянулся до компьютерного стола, нажал кнопку включения и, пока системный блок набирал обороты, завалился на кровать прямо поверх одеяла. Яркий синеватый свет монитора больно ударил по воспалённым глазам. Феликс зажмурился, пошарил рукой в поисках мышки и вслепую кликнул на иконку YouTube. Ему требовалось хоть чем-то забить голову, чтобы заглушить липкий страх перед завтрашним днём и образами пропавших детей.

Экран подсветил комнату, запустив случайный, монотонный игровой стрим. Младший уткнулся лицом в подушку, погружаясь под бесстрастный бубнёж из динамиков в забытье без сновидений.

Среда, 07:30. Кухня общежития.

Утро ворвалось в общежитие безжалостным звонком будильников и запахом крепкого кофе, который, впрочем, тут же перекрыл оглушительный рёв блендера. Чанбин, уже успевший сбегать на короткую раннюю тренировку, с энтузиазмом замешивал свой фирменный протеиновый коктейль, попутно напевая под нос какой-то агрессивный бит.

— Чанбин-хён, ради всего святого, выруби эту адскую машину, — застонал Хан, распластавшись по обеденному столу. Джисон завернулся в огромный флисовый плед, подобно гусенице в коконе, и наружу торчал только кончик его носа да растрёпанные вихры. — Мой мозг сейчас превратится в такую же жижу.

— Это не жижа, это топливо для мышц! — гордо усмехнулся Чанбин, выключая блендер и шумно отпивая из шейкера. — Тебе бы тоже не помешало, Хани. На Vogue из нас будут выжимать все соки, а ты выглядишь так, будто тебя уже отжали и забыли вывесить сушиться.

Сынмин, сидевший на соседнем стуле в идеально отглаженной футболке, отложил нож, закончив намазывать джем на тост. Не отрываясь от экрана планшета, где мелькало расписание, он произнёс с привычной убийственной точностью:

— Бесполезно, хён. Чтобы расшевелить Джисона в такую рань, нужно либо землетрясение, либо новость о том, что доставка чизкейков закрывается навсегда.

От кухонной стойки донёсся звонкий хохот Чонина. Самый младший, свежий, умытый и пахнущий мятной зубной пастой, пытался незаметно стащить у Сынмина половинку тоста.

— Айен-а, я всё вижу, — не меняя интонации, отчеканил Сынмин, даже не повернув головы. Чонин смешно сморщил нос и быстро засунул добычу в рот, довольно зажмурившись.

В этот момент в кухню вошёл Чан. Лидер уже был полностью одет для выезда, в руках он держал стопку документов, а на лице читалась привычная утренняя собранность, но лёгкая тень усталости под глазами выдавала, что после ночного разговора с Минхо он толком не спал.

— Так, балаган, сворачиваемся, — скомандовал Крис, опершись о спинку стула Джисона и слегка встряхнув парня за плечо. — Через тридцать пять минут стафф ждёт у минивэна. Менеджер сказал, что у студии уже дежурят фансайты, так что приведите лица в рабочее состояние. Где младшие?

Дверь коридора негромко скрипнула, и на кухню почти синхронно зашли Хёнджин и Феликс.

Хван проделал колоссальную работу перед зеркалом в ванной: патчи под глаза, тонна увлажняющего крема и безупречно уложенные назад длинные пряди скрывали тот факт, что ночью он едва не сошёл с ума над дядиным бестиарием. Он улыбался — мягко, расслабленно. Феликс шёл следом, утопая в безразмерном чёрном худи. Его взгляд всё ещё оставался заспанным, но он изо всех сил старался держать спину ровно.

— О, а вот и наша главная драма всплыла, — заулыбался Чанбин, завидев Хёнджина. — Хван, ты даже на кухню заходишь так, словно под тобой подиум Милана.

— Завидууй молча, хён, — беззлобно фыркнул Хёнджин, проходя к кофейному автомату. — Кто-то должен поддерживать уровень визуальной роскоши в этой группе, пока вы тут в пледах валяетесь.

— Эй! — фальшиво обиделся Хан, приподнимая голову от стола. — Мой плед — это тренд сезона! Ликс-а, скажи ему!

Феликс подошёл к столу и, прежде чем сесть, ласково взъерошил волосы Джисона.

— Тренд, Хани, абсолютный тренд, — его голос из-за утренней хрипоты и дикого недосыпа прозвучал настолько низко и глубоко, что Чонин даже прекратил жевать свой тост.

— Вау, Ликс, — Чанбин удивлённо округлил глаза. — Ты не простудился случайно?

Под кожей Хёнджина пробежал ледяной импульс. Он замер у кофемашины, на секунду сжав пальцы на кружке чуть сильнее, чем нужно. Феликс же даже не моргнул и выдал свою фирменную, сияющую «солнечную» улыбку, от которой на щеках появились очаровательные веснушчатые складки.

— Нет, хён, всё супер. Просто кондиционер в комнате слишком активно дул, горло немного пересохло. Сейчас попью тёплой воды, и всё придёт в норму.

— Ага, кондиционер, — раздался от плиты спокойный, ровный голос Минхо.

До этого момента Лино молча переворачивал идеальные яичницы-глазуньи на сковороде. Обернувшись к ребятам с лопаткой в руке, он позволил привычной, едва уловимой лукавой усмешке коснуться губ. Поставив тарелку с завтраком в центр стола, он посмотрел прямо на Хёнджина, а затем перевёл взгляд на Феликса.

— Главное, чтобы у наших сиамских близнецов кондиционеры синхронно работали. А то заболеет один — второй тут же начнёт чихать за компанию. Кушайте давайте, «визуалы». Чан-хён прав, сегодня на съёмках с нас три шкуры спустят. Постарайтесь... не растерять лицо.

Остальные мемберы восприняли реплику Минхо как обычный, дежурный подкол. Чанбин громко рассмеялся, Джисон снова потянулся к тостам, а Сынмин согласно кивнул, заметив, что Минхо сегодня непривычно щедр на заботу в виде готового завтрака. Чонин всю уплетал яйцо, весело переговариваясь с Чанбином о новой хореографии.

Для всех это был совершенно будничным семейный завтрак, полный шуток, тепла и утренней суеты. И только Хёнджин с Феликсом, сидя на противоположных краях стола, на миг пересеклись взглядами. В глазах Хвана блеснула та самая «холодная сталь», о которой он думал ночью, а Феликс еле уловимо, ободряюще подмигнул другу. Чан, сидевший во главе, перехватил этот короткий, безмолвный сигнал и обречённо вздохнул, медленно складывая бумаги в папку.

Ловушка нормальности работала идеально, но стрелки часов неумолимо приближали время отъезда.

Время 08:45

Чёрный минивэн Kia Carnival плавно затормозил у бокового входа в раскинувшуюся посреди творческого кластера фотостудию, и в тот же миг толпу прошиб единый, затаённый выдох, мгновенно переросший в слаженный хор выкриков. На улице, несмотря на ранний час и промозглую сырость, уже было не протолкнуться. Сотни фанатов и десятки профессиональных мастер-нимов с массивными дальнобойными камерами выстроились за металлическими ограждениями.

— Открываю, — коротко бросил менеджер с переднего сиденья. — Маски надели, капюшоны поправили. Идём быстро, не задерживаемся, прессе не позируем — официальный фотокол будет внутри. Чан, води ребят.

Дверь минивэна с тихим шипением отъехала в сторону, и внутрь машины тут же хлынула волна внешнего шума вместе с яростным, непрекращающимся стрекотом сотен затворов. Click-click-click-click. Вспышки начали слепить ещё до того, как первая подошва коснулась асфальта.

Первым из машины выпрыгнул Чан, привычно раскинул руки, слегка обозначая защитный барьер, и быстрым кивком скомандовал остальным выходить. Следом за ним, заспанный, но уже собранный, появился Хан и забавно помахал рукой в сторону самого громкого фансайта, отчего толпа за барьерами взорвалась восторженными криками. За ним уверенно шагал Чанбин, заслоня спиной Чонина.

Скользнув наружу, Хёнджин на ходу расправил спину и вскинул голову с той самой безупречной, ленивой грацией, которая сводила с ума миллионы. Его чёрная маска скрывала половину лица, но потемневший, глубокий взгляд выглядел невероятно драматично и дорого — идеально вписываясь в концепт Vogue. Никто в этой толпе и не подозревал, что этот парень мысленно просчитывает, сколько соли осталось в рюкзаке и как достать оружие.

Феликс шагнул следом, чуть пригнув голову. Из-за дикого ментального перегруза вспышки камер казались ему физическими ударами по воспалённому мозгу. Он инстинктивно потянулся поправить лямку своего рюкзака, но Хёнджин, шедший чуть впереди, почувствовал это. Он слегка замедлил шаг, позволяя младшему идти плечом к плечу. Они двигались единым блоком, как два щита, закрывающих друг друга.

— Хёнджин! Феликс! Посмотрите сюда! — надрывались голоса за барьерами.

И в этот самый момент прямо за их спинами раздался звук твёрдых, размеренных шагов. Минхо вышел из машины последним. Он не стал натягивать капюшон — его лицо было полностью открыто для камер, а на губах играла та самая спокойная, лёгкая «кошачья» полуулыбка. Но его глаза... Лино не смотрел на объективы, а шёл вплотную к младшим, буквально дыша им в затылок.

Стоило какому-то особо ретивому фотографу слишком сильно высунуться из-за спин охраны с длинным моноподом, как за локоть Хёнджина резко, по-военному чётко перехватил Минхо. Направляя парня левее, ближе к Феликсу, он заставил обоих одновременно вздрогнуть от этого неожиданного контакта.

— Шевелитесь, близнецы, — сквозь шум толпы негромко, но отчётливо скомандовал Минхо, почти не разжимая губ. — Не создавайте затор.

Натиск фанатов охрана студии сдерживала с трудом. Стеклопакеты здания наконец распахнулись, впуская группу внутрь. Едва парни переступили порог, как створки захлопнулись, отсекая 90% уличного рёва и погружая их в гулкую, деловую атмосферу предсъёмочной суматохи.

В холле их уже ждала команда Vogue: концепт-директора, стилисты и личный штафф JYP. Чтобы обсудить тайминг интервью, Крис сразу же отошёл в сторону с главным менеджером.

Минхо наконец отпустил локоть Хёнджина и — словно ничего не произошло — дружелюбно хлопнул его по плечу. Для любого случайного свидетеля этот жест выглядел как проявление заботы, но младший, дождавшись, пока старший отвернётся, невольно потёр саднившее место. Кожа под одеждой по-прежнему горела там, где пальцы Минхо секунду назад впились в мышцы с пугающей силой.

— Ну вот мы и на месте, — окидывая их двоих своим фирменным, нечитаемым взглядом с головы до ног, произнёс Минхо. — Лица целы, синяков нет. Чан-хён может выдохнуть. Идёмте в гримерку, «охотники» за трендами. Сегодня долгий день.

Адреналин, ещё минуту назад кипевший в крови, начал стремительно остывать, превращаясь в липкую, тягучую слабость. Феликс судорожно сглотнул, ловя взгляд Хёнджина. Тот лишь молча кивнул, поправляя воротник, прежде чем сделать первый шаг вглубь павильона.

Большая гримёрка, залитая безжалостным белым светом ламп вокруг огромных зеркал, напоминала улей. Воздух здесь был насыщенным от смеси дорогого парфюма, пудры и лака для волос. Стилисты с негромким звоном перебирали бесконечные рейлы с одеждой от кутюр, ассистенты шуршали пакетами, а визажисты работали так стремительно, будто от этого зависела их жизнь.

На длинном диване у стены расположились Чанбин и Хан. Уже наполовину загримированный Джисон увлечённо листал что-то в телефоне, периодически пихая Чанбина локтем в бок и взрываясь коротким хохотом. Чуть поодаль Сынмин спорил с координатором по поводу слишком узких брюк, а Чонин послушно сидел в кресле, пока над его укладкой трудился стилист.

Перед центральным зеркалом в соседних креслах устроились Хёнджин и Феликс.

Над Феликсом колдовала их постоянная нуня из JYP, бережно причёсывая его осветлённые пряди. А вот к Хёнджину приставили молодую ассистентку со стороны журнала — симпатичную, но явно не слишком обременённую профессиональной этикой девушку. Она то и дело прикусывала губу, поправляла воротничок блузки и бросала на Хвана столь призывные взгляды, что их можно было заметить из космоса.

— У вас просто потрясающая кожа, Хёнджин-сси, — пропела она, приторно растягивая слова и слишком медленно проводя мягкой кистью по его скуле. — Обожаю работать с такой фактурой. Вам, наверное, часто говорят, что вы похожи на ожившую картину?

Айдол даже не моргнул. Его взгляд, устремленный куда-то сквозь зеркало, оставался абсолютно ледяным и пустым. В мыслях в этот момент крутился дикий хоровод из древних заклятий из арсенала Винчестеров, адресов в Каннаме и сугубо практических вопросов: сколько нынче стоит «Глок-19» и удобно ли сносить бошки вервувльфам из базуки. Флирт девушки доносился до него как белый шум — раздражающий, но бессмысленный.

— Спасибо, — плоско, на автомате отозвался он, даже не посмотрев на неё.

Девушка, однако, не сдавалась. Расценив холодность как загадочную меланхолию, она наклонилась чуть ниже — так, что волосы почти коснулись его плеча — и зашептала, нанося тени:

— Вы сегодня такой задумчивый... Наверное, полностью ушли в концепт? Знаете, после съёмок мы с командой собираемся в закрытом баре в Итэвоне. Там будет очень приватная атмосфера. Если вы не сильно устанете, я могла бы скинуть вам локацию в Какао... Если вы поделитесь ID, конечно.

Сидевший справа Феликс внутренне скривился, мысленно протянув брезгливое *фу-у-у*. Этот пикап уровня средней школы вперемешку со смазанными стрелками на глазах друга начал его откровенно подбешивать. По-братски, но очень ощутимо.

Серьёзно? — мысленно взвыл младший, сжимая кулаки под синтетическим пеньюаром. — *Мы тут чёртову тварь ловим, Минхо насёт нас как коршун, а эта дуручка пытается развести Хвана на ID прямо во время работы?!*

Скосив глаза на друга, Ликс отчаянно телеграфировал ему взглядом: *Сделай уже что-нибудь, отшей её нормально, это выглядит максимально кринжово!*

Но тот продолжал сидеть с лицом каменного айдола. Когда ассистентка попыталась невзначай задержать пальцы на подбородке, поворачивая лицо к свету, Хван просто мягко, но непреклонно перехватил её запястье. Серебряные кольца тускло блеснули.

— Простите, — его глубокий голос прозвучал неожиданно жёстко, отсекая любые намёки на любезность. — Мне нужно сосредоточиться. И не могли бы вы поторопиться с тоном? Чанхён очень не любит, когда мы выбиваемся из тайминга.

Девушка мгновенно залилась краской, растерянно отступив на шаг и судорожно схватив спонж.

На соседнем кресле Феликс еле сдержал фырканье, прикрыв рот ладонью, будто закашлялся. Он бросил на Хёнджина красноречивый взгляд, в котором читалось: *Ну ты и сухарь, Хван. Жёстко, но эффективно.* Тот лишь слегка повёл бровью в ответ.

Из дальнего угла гримёрки, от кофейного автомата, за сценой наблюдал Минхо. Лениво помешивая американо и с кошачьим прищуром вглядываясь в происходящее, он подмечал детали. Хёнджин всегда был обходительным с персоналом, даже когда валился с ног, но сегодняшняя отстранённость младшего лишь ярче выделялась: мысли явно были заняты чем-то несоизмеримо более важным, чем карьера или съёмки.

— Так, ребята, на выход! — в гримёрку заглянул менеджер, хлопая в ладоши. — Хёнджин, Феликс, первая парная сцена. Живо в павильон!

Парни синхронно поднялись с кресел, сбрасывая защитные накидки. Маска айдалов снова была надета идеально. Они были готовы сиять под софитами, скрывая тьму, готовую вырваться наружу.

Павильон кричал от сенсорного перегруза. Вспышки огромных софтбоксов ослепляли до слёз, оставляя перед глазами плавающие фиолетовые пятна. В воздухе стоял удушливый, сладковатый запах дорогого парфюма и разогретого оборудования. Вокруг суетились десятки людей: менеджеры с рациями, визажисты, без конца припудривавшие лица айдалов.

Плечи Хёнджина оттягивал плотный дизайнерский плащ, а пальцы украшала куча массивных серебряных колец. Металл неприятно холодил кожу, напоминая о пулях и клинках из того же материала, которых у парней до сих пор не было.

— Отлично, Хёнджин! Теперь посмотри чуть правее, добавь драмы и отрешённости! — командовал фотограф, и затвор камеры щёлкал, как безумный метроном.

Изображать отрешённость Хвану не приходилось — внутри всё и так звенело от дикого диссонанса. Куда сильнее его душило нарастающее напряжение от присутствия Минхо. Тот сидел всего в пяти метрах от съёмочной зоны, скупая листая глянцевого журнал. Выглядел он абсолютно расслабленным, но младший спиной, кожей, каждым натянутым нервом чувствовал этот пристальный, сканирующий взгляд.

Казалось, Минхо улавливал их негласный сговор: в последнее время они слишком явно искали любой предлог, чтобы обособиться, чуть ли не сталкиваясь лбами в дверях гримёрки. Стоило взгляду Хёнджина на секунду переключиться на Феликса, как старший тут же приподнимал голову, фиксируя этот контакт. Это была изощрённая психологическая пытка.

Пока съёмка в центре павильона кипела, в углу всюду шла подготовка к смене концепта. Парикмахер колдовал над блондинистыми прядями Феликса, создавая совершенно иной образ. Сам парень неподвижно сидел в кресле, но смартфон держал на коленях, частично прикрывая экран от посторонних глаз широкой полкой брендового худи. Его пальцы быстро и незаметно вбивали текст в секретный чат даркнета.

В памяти всплывало, как Хёнджин раз за разом настойчиво твердил про фальшивые документы, без которых они не пройдут ни один полицейский кордон. Старший буквально бредил идеей достать серьёзные «вездеходы», чтобы беспрепятственно проникать на места преступлений, как Винчестеры в американских хрониках. Ждать и планировать дальше времени не было — таймер в голове тикал слишком громко, заставляя Ликса взять инициативу в свои руки.

Проворачивать такую сделку прямо в студии Vogue, в окружении десятков людей и под чересчур цепким взглядом Минхо — чистый, неоправданный блеф. Одно неловкое движение — и весь этот идеальный фасад рассыплется в прах. Феликс прекрасно понимал, насколько тонок этот лёд, но просто заставил себя отключить лишние эмоции, полностью уходя в рабочий процесс. Раз уж Хёнджину так нужны были эти корочки, он их получит. Причём сразу на все случаи жизни — благо международная сеть охотников, о которой они вычитали в досье, обязывала иметь прикрытие в разных частях света. Пальцы замерли, отправляя финальный заказ:

Феликс: Нужны два идеальных ID волонтеров Национального центра "Додам". Фото внутри. Плюс к этому — три комплекта документов на вымышленные имена для межведомственной работы: жетоны оперативников южнокорейской NIS, агентов американского ФБР и — для евразийской ветки — удостоверения старших оперуполномоченных ФСБ России. Микропечать, УФ-метки, чипы, проводка по базам — комар носа не подточит. Сроки — до завтрашнего утра.

Ответ от проверенного фальшивомонетчика, чьи контакты они откопали на полузаброшенном форуме охотников, прилетел через пару минут.

Контакт: За срочность и полный пакет госслужб — 12 тысяч USDT. Меньше даже мараться не стану. Заберёшь завтра в шесть утра. Станция Каннам, камера хранения 42. Код скину после транзакции.

От названной цифры у Феликса округлились глаза, и он тихо, одними губами, выругался: *Блять*. Сумма была грабительской, но выбора не оставалось. Он подтвердил перевод с анонимного криптокошелька, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от адреналина. В этот момент над его ухом раздался тихий, вкрадчивый голос:

— Что читаешь, Ликс?

От неожиданности парень чуть не выронил телефон. Экран погас за долю секунды до того, как Минхо наклонился над его плечом, якобы потянувшись за бутылкой воды на столике. Сердце Ликса ушло в пятки, но он заставил себя поднять голову и выдавить безупречную, мягкую улыбку.

— Да так, хён... Комментарии на Weverse листаю. Фанатам очень зашёл тизер.

— М-м-м, комментарии, — чуть дольше приличного задержал на нём взгляд Минхо, а затем слегка похлопал по плечу. Пальцы у него были жёсткие. — Вы с Хёнджином так трепетно воркуете по углам, что это уже похоже на тайный роман под носом у агентства. Решил присмотреть вам свадебный подарок? Надеюсь, выберешь что-то практичное, вроде парных надгробий — чтобы всё как у настоящей любящей пары, до самого конца.

— Какая трогательная забота, хён, — с невинным выражением лица отозвался Феликс. — Если дело дойдёт до надгробий, мы присмотрим просторный склеп. Не оставлять же тебя одного — кто-то должен преданно караулить нас и на том свете. Хочешь воды? Выглядишь уставшим.

Тихо усмехнувшись и оценив шпильку, Минхо так и не прикоснулся к бутылке.

— Обойдусь. Следи лучше за лицом, Ликс. В следующем сете работаем в паре, а у тебя уже взгляд стеклянный.

Развернувшись, Минхо неторопливой, обманчиво расслабленной походкой направился обратно к своему дивану, оставив после себя шлейф едкого, токсичного напряжения. Только когда старший отошёл на безопасное расстояние, Феликс позволил себе сделать глубокий, судорожный вдох. Ладони, скрытые в длинных рукавах худи, были абсолютно мокрыми от пота.

В этот момент из центра павильона раздался командный голос фотографа:

— Отлично, Хёнджин, на этом пока всё! Смена локации и костюмов, перерыв тридцать минут! Феликс, живо в кадр, начинаем твой сольный сет!

Тяжело дыша и на ходу приспуская с плеч плотную, душную ткань дизайнерского плаща, Хван сразу же направился в сторону Феликса. Как только они поравнялись, тот сделал вид, что случайно задел его плечом, и, почти не шевеля губами, быстро зашептал:

— Всё готово. Но Минхо... Блять, пасёт нас как ищейка. Буквально ходит по пятам и подкалывает, что мы не разлей вода. Он точно что-то подозревает.

Хёнджин лишь на миг напряг челюсть, давая понять, что услышал, и прошёл мимо к гримёрам на быстрый тач-ап, пока друг уверенным шагом направился под прицелы камер.

После завершения сольных фотосетов всю группу наконец собрали в малой студии, оформленной в минималистичном стиле. Парней рассадили на высоком ступенчатом подиуме перед тремя массивными камерами. Элегантная журналистка Vogue Kogea, держа в руках планшет, лучезарно улыбнулась:

— И-и-и... Мотор! Stray Kids снова с нами! Ваш новый релиз «LALALALA» уже разрывает тренды, а впереди — колоссальный мировой тур. Бан Чан-сси, как лидер, расскажи: в каком состоянии сейчас команда? Хореография выглядит абсолютно изнурающей.

Привычно подавшись вперёд, Чан перехватил инициативу с той обезоруживающей, тёплой уверенностью, которая годами выстраивала репутацию группы:

— Честно говоря, этот камбэк — совершенно новый уровень вызова для нас, — активно жестикулируя, улыбнулся Крис. В глазах горел искренний, фанатичный огонь. — Мы вложили в этот трек всю необузданную энергию, накопившуюся за время перерыва. График тура расписан на год, но ментально и физически команда в лучшей форме. Нам удаётся контролировать каждую деталь: от первого бита до финального выхода на сцену.

— О да, насчёт физической формы — это чистая правда! — весело стрельнула глазами в сторону правого фланга журналистка. — Чанбин-сси, я вижу, рукава вашего кардигана сегодня держатся из последних сил?

Весело рассмеявшись, Чанбин картинно поправил плечо, демонстрируя рельеф:

— Ах, вы как всегда подмечаете самое главное! Да, мои мышцы заряжены протеином и страстью на все сто процентов. Я готов тащить этот тур на своих плечах. Literally.

— Тащить-то ты готов, хён, но главное — не пытайся на радостях забрать мой высоко-скоростной рэп-парт, — лениво подперев щёку кулаком и задорно сощурившись, подал голос Хан. — А то от твоей физподготовки флоу станет неповоротливее, чем твоя любимая штанга. Оставь скорость профессионалам.

Фыркнув, сидевший чуть выше Хёнджин потянулся вниз, чтобы слегка ткнуть Хана пальцем в плечо:

— Хани, ты бы не про чужой флоу думал, а про свои ракурсы в кадре. Сидишь перед камерой Vogue, как на завалинке в деревне. Короче, рэпуй лучше, а визуальную роскошь оставь тем, у кого ноги от ушей.

Мгновенно подскочив на месте, Джисон картинно округлил глаза и парировал, указывая на Хёнджина:

— Слышь, Хван! А ты танцуй лучше! И позируй молча! Мой рэп — это искусство, а если я сейчас встану и выдам дэнс-брейк, тебе придётся подвинуться с позиции главного танцора!

— Мечтай больше. Со встроенным навигатором в ногах рождаются, а не становятся, — лениво парировал Хёнджин, изящным жестом поправляя спадающий с плеча дизайнерский плащ.

— Некоторые рождаются просто для того, чтобы создавать шум, — с присущей убийственной невозмутимостью бросил Сынмин. — Если Джисон попытается повторить дэнс-брейк Хёнджина, нам придётся вызывать не скорую, а бригаду плотников, чтобы починить сцену. И его гордость.

По студии покатился дружный хохот. Сидевший на нижнем ярусе Чонин весело закивал и захлопал в ладоши. Искренне наслаждаясь этой спонтанной комедией, журналистка сделала пометку в планшете и развернулась к левой стороне подиума:

— Феликс-сси! Ваш киллинг-парт в «LALALALA» просто взорвал сеть. Как удаётся сочетать образ главного «солнышка» группы с такой дикой, почти пугающей энергетикой в кадре?

До этого момента неподвижно державший спину Феликс мгновенно активировал режим безупречного айдола. Мягко улыбнувшись, он ленивым, привычным движением зачесал назад светлые пряди, а затем, на глазах у изумлённой журналистки, перешёл на свой фирменный, за пределами низкий регистр:

— Когда включаются софиты, пути назад нет. Ты просто позволяешь тёмной стороне взять верх. Главное в нашем концепте... — Феликс на секунду сделал паузу, и взгляд стал пугающе фиксированным, — это выследить ритм. Загнать в угол и не дать сбежать.

Внутри всё горело. *Выследить и загнать — только не ритм, а тварь из Каннама. Двенадцать тысяч долларов. Господи, пусть эти фальшивые жетоны NIS окажутся рабочими, иначе местная полиция упакует нас в первые пять минут.*

— Вау... У меня каждый раз мурашки от этого контраста! — восхитилась девушка, быстро обмахиваясь листом сценария. — Хёнджин-сси, а что скажете вы? Ваш сегодняшний образ — эти длинные плащи, крупные серебряные кольца, драматичный взгляд... Вы выглядите как персонаж дорогого готического фэнтези. Помогает ли такой аутфит войти в нужный образ на сцене?

— Абсолютно. Для меня визуальный стиль — своего рода броня, — глубокий голос звучал плавно, словно дорогой шёлк. — Когда на тебе столько холодного металла, чувствуешь себя неприкасаемым. Готовым к любому вызову и к самой сложной концептуальной подаче. Стиль должен убивать наповал.

В голове Хвана в эту секунду крутился совершенно другой текст: *Серебряные кольца — это красиво, но против Вендиго они бесполезны. Нам нужен нормальный клинок и грёбанный обрез. И где, чёрт возьми, прятать ружьё в машине, чтобы менеджер не наткнулся на него во время уборки?*

— *Стиль, который убивает* — потрясающая метафора! — загорелась журналистка. — Ли Ноу-сси, как главный хореограф, что вы думаете о такой самоотдаче? Командный дух сейчас на высоте?

Минхо, сидевший на верхнем ярусе подиума прямо позади Хёнджина, вальяжно опёрся локтями о колени и слегка подался вперёд. На губах заиграла привычная мягкая кошачья полуулыбка:

— Наш командный дух действительно на высоте, а самоотдача парней в этот раз просто поражает, — спокойно произнёс он, на секунду бросив взгляд на Феликса. — Хёнджин и Феликс вложили колоссальное количество сил в парные связки для «LALALALA». Знаете, на репетициях они работают настолько слаженно, что порой понимают друг друга без слов. Один короткий взгляд, мимолётный кивок — и движение подхвачено идеально. Мне, как дэнс-лидеру, очень приятно видеть такую глубокую профессиональную синергию. Я абсолютно уверен, что на сцене этот тандем покажет сто процентов из ста. Правда, Хёнджин-а?

Хёнджин просиял и согласно кивнул в объектив центральной камеры, подтверждая слова хёна.

— Эй, Лино-хён просто хочет их задобрить, чтобы вечером не ворчали на растяжке! — звонко прервал паузу Чонин, спасая ситуацию фирменным невинным смехом. — Он заставлял повторять этот дэнс-брейк лишние тридцать минут после основного прогона!

— Чистая правда, у меня до сих пор колени подкашиваются! — со смехом поддержал Чанбин, размашисто хлопнув себя по бедру. — Так что эта «синергия» выбита потом.

Весело закивав, журналистка ответила парням доброжелательной полуулыбкой. Камеры продолжили фиксировать дежурные лица Stray Kids, а Чан, уверенный, что ситуация под контролем, позволил себе расслабленную ухмылку.

И никто из них — ни лидер, ни стафф, ни миллионы будущих зрителей Vogue — не догадывался, что прямо сейчас на этом подиуме двое парней мысленно перешагнули черту, за которой глянцевый мир айдолов заканчивался раз и навсегда.

Когда объективы камер наконец погасли, парни привычно поклонились съёмочной группе, хором поблагодарив редакцию Vogue Korea и стафф за работу. Усталость тут же навалилась свинцовым грузом.

В гримёрках начался привычный хаос переодевания. Хёнджин с явным облегчением сбросил тяжёлый, сковывающий движения дизайнерский плащ и один за другим стянул с пальцев массивные серебряные кольца. Остальные мемберы тоже спешно избавлялись от концептуального глянцевого лоска: Чанбин с забавным кряхтением выпутывался из узкого, трещавшего на плечах кардигана; Хан изнывал, пока стилисты аккуратно распутывали сложный ворох авангардных цепей на шее; Чан бережно передавал костюмерам строгий кожаный жакет. Феликс, усевшись перед огромным зеркалом, послушно жмурился, пока со скул стирали лёгкий шиммер, выгодно оттенявший осветлённые пряди волос. Сынмин и Чонин, снимавшие сольный сет первыми, уже вовсю щеголяли в привычных мягких толстовках.

Наскоро удалив остатки плотного студийного грима и переодевшись в удобный повседневный оверсайз, Stray Kids спустились на подземную парковку студии. На экранах смартфонов высветилось 20:15.

У минивэна Чан, закинув рюкзак на одно плечо, устало улыбнулся и махнул парням рукой:

— Парни, я сразу в ЛУР, надо пересвести пару дорожек для би-сайдов, пока голова свежая. Буду поздно, не теряйте. Минхо, остаёшься за старшего. Проследи, чтобы эти двое, — лидер кивнул на Хёнджина и Феликса, — нормально поели перед сном. И марш по кроватям, завтра до обеда у нас перерыв.

— Окей, хён, удачи на студии, — расслабленно отозвался Минхо, запрыгивая на переднее сиденье первого минивэна. Хватка лидера наконец ослабла: Чан уехал работать, а второй

по старшинству явно сбросил режим строгого контроля, просто прикрыв глаза в полумраке салона.

До общежития они доехали в сонном молчании. Как только электронный замок на входной двери пискнул, впуская команду внутрь, усталость окончательно накрыла всех, и вокруг двух ваннных комнат началась привычная суета.

Хан прямо в толстовке доплёлся до своей комнаты и тихо притворил за собой дверь — лимит его социализации на сегодня был исчерпан. Чонин первым делом оккупировал вторую ванную, а Сынмин, чтобы не терять времени в ожидании очереди, прихватил из комнаты книгу и ушёл на балкон, ловя лицом остатки прохладного вечернего воздуха.

В коридоре возле первой ванной ситуация развивалась куда стремительнее. Чанбин, на ходу разминая затёкшую шею, направлялся к заветной двери, но Хёнджин, резко закинув кепку на комод, коршуном метнулся наперерез. Буквально за долю секунды до того, как старший дотянулся до ручки, Хван проскользнул внутрь и громко щёлкнул замком.

— Эй! Хван! Ты страх потерял?! — Чанбин от неожиданности застыл на месте, а затем яростно забарабанил кулаком в белую панель двери. — Я шёл первым! Я два часа в этом кардигане позировал, у меня дельты забились и плечи отваливаются! Мышцы прогреть надо! Открывай давай!

— Хён, умоляю, дай мне пятнадцать минут, — из-за двери глухо донёсся измученный, но непреклонный голос Хёнджина. Подводка для глаз смывалась плохо, а удушающий студийный парфюм въелся, казалось, в самую кожу. — Или я прямо здесь на коврике усну.

— Только попробуй там уснуть, Хван Хёнджин! — вскипел Чанбин, продолжая возмущаться на весь коридор. — Я эту дверь с петель сниму! Мне ещё протеин мешать, а ты там опять будешь полчаса свои патлы намыливать! Минхо-хён, скажи ему!

— Заткнись и иди мешай свой порошок, Со Чанбин, не ори на весь дом, — бросил с кухни Минхо, даже не оборачиваясь. — Кто успел, того и тапки. Иди вон к вокалистам постучись, может, пустят.

Чанбин уныло и очень грязно выругался, признавая поражение. Хмыкнув себе под нос, он поплёлся на кухню и на автомате стал громко, с особым раздражением трясти пластиковым шейкером с протеиновым коктейлем, продолжая ворчать про забитые мышцы и наглых младших.

В ванной Хёнджин наконец облегчённо выдохнул. Включив горячую воду на максимум, он долго стоял под обжигающими струями, прислонившись лбом к влажному кафелю.

Тем временем на кухне у плиты возился Минхо, а буквально через минуту к нему присоединился Феликс.

— Эй, Ликс-а, — мягко похлопал младшего по плечу старший, выводя его из мыслей. — Чан просил вас покормить. Давай по-быстрому сообразим кимчи поккумбаб? Со вчерашнего дня как раз остался рис. Хёнджин как раз выйдет из душа — позовёшь его, а то он совсем спал с лица, бледный, как поганка.

В ответ Феликс послушно кивнул. Пока младший крошил острое кимчи и сосиски, Минхо помешивал рис на огромной сковороде, тихо напевая под нос мотив LALALALA.

— Вы сегодня с Хваном отлично отработали, — негромко произнёс старший, разбивая в сковороду пару яиц. — На общем интервью прямо воздух искрил. Журналистка была в восторге.

С облегчением выдохнув, Феликс почувствовал, как отпускает узел в груди. Никаких допросов, никаких подозрений — хён просто хвалил за профессионализм.

— Спасибо, хён. Мы правда старались, — искренне улыбнулся Ликс, раскладывая ароматный, дымящийся рис по трём глубоким тарелкам.

Щёлкнул замок одной из ваннных комнат — Хёнджин наконец вышел, едва не столкнувшись с караулившим у двери Чанбином, который тут же победно шмыгнул внутрь. Сушить

волосы Хван не стал, и мокрые пряди облепили лицо. Направляясь в спальню, он выглядел выжатым как лимон. Перехватив взгляд друга в коридоре, Феликс одними губами шепнул: «Я сейчас зайду».

Понимающе кивнув, Хёнджин скрылся у себя. Выждав полминуты, Ликс бесшумно скользнул следом, аккуратно притворив за собой дверь. К этому моменту Хёнджин уже успел бессильно опуститься на край кровати. Он сидел в полумраке, тупо глядя в пол. Как только петли тихо скрипнули, взгляд мгновенно, по-звериному метнулся к проёму — обострившиеся инстинкты Охотника уже давали о себе знать.

— Хён, Минхо-хён готовит ужин, — тихо произнёс Феликс, присаживаясь рядом. — Идём на кухню. Нужно собраться и вести себя максимально естественно. Позитивно, чтобы никто ничего не заподозрил.

Тяжело вздохнув, Хёнджин заставил себя расправить плечи и слабо, но искренне улыбнулся другу, легонько пихнув в плечо:

— Да, ты прав. Нельзя киснуть. Мы же профессионалы, Ликс-а. В конце концов, если мы сейчас не покажем Минхо-хёну свой лучший аппетит, он нас сам закопает, ещё до всякой нечисти. Нам нужны силы на ночь. Идём, прорвёмся.

— Вот это правильный настрой, — подмигнул младший, и парни вместе вышли из комнаты, на ходу сбрасывая мрачное оцепенение.

Не успели они сделать и пары шагов, как из кухни на всё общежитие раздался зычный, командный голос Минхо:

— Так, ужин на столе! Кто не прибежит через три секунды, тот караулит грязную посуду, а его порцию съедает Чанбин!

Угроза остаться без еды из-за аппетита Чанбина сработала безотказно. Буквально через минуту вся группа, за исключением уехавшего Чана, уже собиралась за большим столом. Даже Хан выбрался из своей берлоги, укутанный по самые уши в мягкий флисовый плед; теперь он смешно шмыгал носом, глядя на огромную, дымящуюся сковороду посреди стола. Из ванной вовремя подоспел пахнувший мылом и свежестью Чонин, а с балкона вернулся Сынмин, на ходу аккуратно закрывая книгу и закладывая страницу пальцем. Следом влетел Чанбин с влажным полотенцем на шее.

Домашняя атмосфера мгновенно расслабила и согрела. Без камер и стаффа парни вернулись к привычному, шумному общению, стараясь подбодрить друг друга после изнурительного дня.

— Ва-а, хён, это выглядит потрясающе! — восторженно протянул Чонин, уплетая первую ложку риса. — Ты лучший повар!

— Ешь молча, макнэ, а то добавки не получишь, — пригрозил Минхо, но в его глазах плясали добрые искорки.

— О, кстати! — вдруг засиял Феликс и, азартно блеснув глазами, замахал ложкой: — Парни, вы не поверите! Я сегодня в перерыве между сольными сетами наконец-то прошёл тот безумный скрытый уровень в игре! Три недели не мог этого босса завалить, а тут прямо в гримёрке, пока мне волосы сушили, размотал его в щепки!

— Да ладно?! — Чанбин замер с набитым ртом, уставившись на Ликса. — Тот самый уровень, где ты в прошлый вторник в два часа ночи беззвучно орал в подушку от злости, потому что тебя вынесли за секунду до финиша?

— Именно! — гордо вскинул подбородок Феликс, сияя от самодовольства. — Чистая победа. Я его затащил!

— А-а, так вот почему на фотосессии у тебя был такой свирепый, сосредоточенный взгляд! — покатился со смеху Хан, вяло высовывая нос из-под пледа. — Редактор Vogue распиналась про «глубокий концептуальный магнетизм», а ты просто прокручивал в голове, как будешь мстить цифровому монстру!

— Да какой там фокус, Хани! — задорно прыснул Ликс, пихая Джисона локтем в бок. — Вы лучше у Хвана про настоящий «магнетизм» спросите! Парни, в гримёрке пришлось прикусить язык, чтобы в голос не заржать. Вокруг Хёнджина одна ассистентка из журнала так вилась, ну просто комедия!

Хёнджин, до этого мирно жующий рис, резко поперхнулся и густо покраснел, уставившись на друга округлившимися глазами.

— О-о-о, ну-ка с этого места поподробнее! — мгновенно оживился Чонин, всю уплетая рис и подаваясь вперёд всем корпусом. — Хван-хён опять разбивает сердца стаффа прямо на рабочем месте?

— Да там вообще! — отложил ложку Феликс, забавно жестикулируя. — Она эту несчастную кисточку мучила полчаса, то и дело подбегала. И ладно бы просто красила, так ещё чуть ли не вздыхала на ухо!

Закатив глаза, Ликс перешёл на тонкий, донельзя манерный и приторный голос. Затем, с самым «роковым» выражением лица, медленно поднял руку и кокетливо убрал за ухо выбившуюся светлую прядь.

— *О-о-ой, Хёнджин-сси-и...* — промурлыкал он, стрельнув глазами в сторону Чанбина, который чуть не свалился со стула. — *У вас такая... потрясающая фактурная кожа. Вы сейчас похожи на ожившую картину, написанную самим Богом, не меньше...* — Феликс прикусил губу, пытаясь сохранить этот «соблазнительный» образ, но тут же сам не выдержал и прыснул. — Слышали бы вы этот тон! Будто она не пудру на лицо наносит, а признаётся в вечной любви под луной!

Чанбин за столом хохотнул, чуть не подавившись протеиновым коктейлем, а Хан завыл в плед, дрыгая ногами от восторга.

— А Хван? Застыл, уставившись в одну точку, с совершенно каменным лицом! Клянусь, если бы в тот момент комар на нос сел, он бы даже не заметил! А потом ходил бы полдня и чесал, возмущаясь, чего это нос зудит!

По кухне пронёсся очередной дружный взрыв хохота.

— Ну Хван даёт! — сквозь смех вставил Чанбин. — А девчонка что?

— Короче, осмелела окончательно, — замахал руками Ликс, продолжая со смехом разыгрывать сцену в лицах. — Наклоняется к самому уху, шепчет что-то, виснет чуть ли не на плече... Ну чистый кринж! Я на соседнем кресле сижу, кошусь на них, глазами семафорию. И изо всех сил телеграфирую: «Хван, сделай уже что-нибудь, отшей её, это выглядит максимально неловко, спаси мои нервы!»

— Да ладно?! — от смеха Хан аж завалился боком на кухонный диванчик. — И что он сделал?

— О-о-о, Хван там такого сурового босса врубил! — Феликс выпрямил спину, расправил плечи и внезапно понизил голос до бархатного, вибрирующего баса, один в один скопировав интонации Хёнджина в моменты максимальной серьёзности:

— «Простите, — пророкотал Феликс, смерив воображаемую ассистентку ледяным взглядом. — Мне нужно сосредоточиться. И... не могли бы вы поторопиться с тоном? Чан-хён очень не любит, когда мы выбиваемся из тайминга».

Феликс резко «вышел» из образа и заржал, глядя на ошарашенное лицо Хёнджина:

— Видели бы вы её лицо! Она так быстро отскочила, будто её током ударило!

Помещение накрыло новой, сокрушительной волной громового веселья. Чанбин сочно хлопнул себя по бедру, а Чонин задорно захлопал в ладоши.

— Чан-хёном прикрылся, гений! — сквозь слёзы выдавил Хан, утирая глаза краем пледа. — Бедный Чан-хён там на студии, поди, от икоты разрывается и гадает, за какие грехи его имя в сотый раз вспоминают! Настоящий щит от подкатов уровня «Лидер Stray Kids»! Ой, не могу!

Спрятав пылающее лицо в ладонях, Хёнджин искренне рассмеялся вместе со всеми, хотя уши откровенно горели. Внутренне он прекрасно, во всех деталях помнил, о каком «концепте» на самом деле думал в то мгновение, пока ассистентка колдовала над макияжем.

— Я просто... дико устал! — Хёнджин сквозь смех стал оправдываться, отнимая ладони от лица и шутливо швыряя в Феликса скомканную бумажную салфетку. — И плащ этот дизайнерский был слишком плотным, стало ужасно душно! Я думал только о том, как бы побыстрее закончить. А она со своими разговорами... Мне просто было неловко, не знал, куда деться!

— Ага, неловко ему, — хмыкнул Минхо, неспешно помешивая лопаткой остатки риса на сковороде. — Наш «принц» снова включил режим ледяной недосыгаемости. Хоть автограф ей оставил, страж разбитых девичьих сердец?

— На стаканчике из-под кофе расписался, когда уходили, — буркнул Хёнджин, улыбаясь и наконец полностью расслабившись.

Позитивная, тёплая энергия мемберов подействовала на парней как лучшее успокоительное — узел в груди окончательно растаял, а лёгкая дрожь в пальцах Хвана прошла, уступив место железному самообладанию. Подозрений у старших не возникло.

— Некоторые из нас рождены, чтобы сиять на обложках и собирать вздохи ассистенток, а некоторые — просто ворчать на забытые мышцы, да, Чанбин-хён? — выдал Сынмин с непрофессиональным видом, аккуратно отправляя в рот последнюю ложку риса.

Пространство снова заполнил дружный хохот. Картинно схватившись за сердце, Чанбин изобразил смертельную обиду, а Минхо лишь понимающе покачал головой.

Ужин прошёл в уютной, расслабленной, но невероятно живой атмосфере под звонкий стук ложек. Когда сковорода опустела, на правах старшего из-за стола поднялся Минхо и хозяйски замахнулся полотенцем:

— Так, всё, марш по комнатам. Чан проверит, во сколько вы легли. Посуду оставьте, я сам всё закину в посудомойку. Живо, живо в кровать!

Парни, сытые и разомлевшие, побрели по спальням, на ходу обмениваясь вялыми пожеланиями спокойной ночи. Хёнджин и Феликс разошлись по своим комнатам, как и все остальные, — обычный конец долгого дня.

Четверг, 02:30

Ночь тянулась мучительно долго. Погрузиться в сон не удалось ни тому, ни другому. Пока остальной дом затих в глубоком, беспробудном забытьё, в комнате Хвана продолжал гореть лишь тусклый свет прикроватного ночника.

Дверь тихо скрипнула, и внутрь бесшумно скользнул Феликс, аккуратно притворив створку за собой. В руках он держал небольшую чёрную коробку.

— Не спишь? — шёпотом спросил Ликс.

— Какое там... — потирая виски, приподнялся на кровати Хёнджин. — Всё думаю, как мы будем проверять документы. Вдруг этот хакер всучит пустышки? Нам нужен ультрафиолет. У тебя есть?

Молча открыв коробку, Феликс достал оттуда увесистый, добротный фонарик. На корпусе матово поблескивала гравировка.

— Помнишь прошлый год, когда я был помешан на коллекционировании редкого стрит-вира и лимитированных кроссовок Supreme? — тихо пояснил он, покрутив прибор в руках. — Заказывал из Штатов профессиональный ультрафиолетовый детектор. Им перекупщики проверяют подлинность швов, водяные знаки на бирках и скрытые клейма фабрик, чтобы на

реплику не нарваться. У него мощный УФ-диод, триста шестьдесят пять нанометров. Любые скрытые метки на документах высветит только так.

Почувствовав облегчение, Хёнджин слабо усмехнулся:

— Обалдеть. Кто бы мог подумать, что твоя одержимость шмотками так вовремя спасёт нам задницу. Что с лупой?

— Взял у наших стилистов на прошлой неделе, — ответил Феликс, выуживая из кармана маленькое увеличительное стекло с подсветкой. Стафф использовал это приспособление для проверки дефектов на мелких ювелирных украшениях перед съёмками. — Микропечать разглядим.

Вместо того чтобы убрать инструменты в рюкзак, Феликс вдруг замер. Пальцы судорогой впились в края коробки, вдавливаясь в плотную бумагу, а плечи напряглись под тяжестью невидимого, давящего бремени. В тусклом свете ночника старший заметил, как на лице друга отразилась тень глухого, подступающего страха. Ликс выдохнул — прерывисто, почти неслышно — и посмотрел Хёнджину прямо в глаза:

— Хён... Если честно, меня просто наизнанку выворачивает от ужаса, — признался младший совсем тихо, и глубокий голос прозвучал неожиданно надломленно. — Двенадцать тысяч долларов. Мы отдали кучу денег какому-то анониму из даркнета. Я сам без понятия, будут ли вообще работать эти фальшивые доки! А если корейские копы или, господи, эти русские спецслужбы пробьют их по первой же базе? Это же уголовка. Скандал, тюрьма, конец группе. Конец вообще всему.

Не сбавляя напора, Феликс подался вперёд и ткнул пальцем в грудь старшего, округлив глаза:

— И помни: это ты меня во всё это втянул! Из-за тебя я каждую тень в коридоре караулю и чувствую себя сумасшедшим! Так что если этот план провалится, доки окажутся лажей и нас повяжут прямо на месте преступления — разгребать всё это дерьмо будешь лично ты, Хван Хёнджин! Я умываю руки. Так прямо копам и скажу: это всё ты, а я просто мимо проходил!

Внимательно глядя на друга, Хёнджин поймал себя на остром приступе вины — младший ведь действительно рисковал ради него всем, своей идеальной жизнью и карьерой, просто потому что поверил на слово. Мягко накрыв ладонью его подрагивающие пальцы, Хван серьёзно, без тени привычной иронии, кивнул:

— Знаю. Прекрасно знаю. И никогда этого не забуду. Спасибо, что согласился, несмотря на то, как дико всё это звучит. Обещаю: если что-то пойдёт не так, я всю вину возьму на себя. Скажу, что украл твои деньги, а тебя вынудил. Тебя никто не тронет. Но этот хакер — профи, у него железная репутация на форумах. Доки обязаны быть чистыми. Мы в любом случае сначала проверим их. Если увидим хоть малейший косяк или смазанный штамп — сразу разворачиваемся и уезжаем домой, идёт? Никакого неоправданного риска.

Несколько секунд младший всматривался в спокойное, решительное лицо Хёнджина. Напряжение в плечах постепенно спало. Шумно выдохнув и окончательно сдаваясь, Феликс наконец вложил фонарик в руку старшего:

— Ладно. Ловлю на слове, Хван. Если мы выберемся из этого живыми, ты мой должник до конца дней. Будешь мыть за меня посуду до следующего камбэка. Прячь инструменты в рюкзак, скоро выходить.

С лёгкой улыбкой Хёнджин застегнул молнию рюкзака. Парни ещё раз проверили всё необходимое, завели будильники, и Феликс ускользнул в свою комнату, стараясь остаться незамеченным. До выхода оставалось чуть больше трёх часов. О полноценном сне не могло быть и речи, поэтому каждый попытался убить томительное ожидание по-своему, чтобы не сойти с ума от подступающего мандража. Феликс, укрывшись с головой одеялом, уткнулся в телефон: запустил мобильную игру и принялся бездумно гонять уровни, стараясь максимально занять пальцы и отвлечься. Хёнджин же достал из ящика стола потрёпанную книгу. Медленно пере-

ворачивая страницы, он силой заставлял себя вчитываться в строчки, чтобы хоть как-то унять роящийся в голове мрачный хоровод из худших сценариев.

Время в предрассветной темноте пролетело незаметно. Примерно к пяти утра оба отложили свои занятия и начали тихо собираться.

Когда экран смартфона Хёнджина вспыхнул, высветив 05:15, парни уже были полностью готовы. Адреналин окончательно выжег остатки ночной усталости, обострив чувства до предела и настроив мысли на одну чёткую волну. Надев чёрные худи, низко надвинув кепки и натянув защитные маски до самых глаз, они синхронно вышли в тёмный коридор общежития. Самым сложным было миновать комнату Минхо: беглецы двигались буквально по миллиметру, замирая каждый раз, когда половицы предательски поскрипывали под ногами.

В прихожей Хёнджин ювелирно, но крепко прижал подушечку большого пальца к сканеру электронного замка. Раздался едва слышный подавленный писк, и входная дверь плавно отворилась, выпуская их из дома. Стоило им оказаться снаружи, как Феликс тут же аккуратно перехватил рюкзак у старшего, закинув его на собственное плечо, чтобы товарищу было легче и свободнее передвигаться.

Они быстро сбежали по ступеням крыльца. Прямо у выезда с территории стояла будка охраны. Пожилой охранник спал внутри, уткнувшись подбородком в грудь и мерно похрапывая. В стеклянном царстве горел слабый желтоватый свет настольной лампы, а на крошечном телевизоре, подвешенном в углу, без звука мелькало какое-то утреннее шоу. Словно две тени, парни проскользнули мимо спящего стража и мгновенно растворились в предрассветных сумерках улицы.

Утренняя прохлада Сеула резко ударила в лицо, окончательно прогоняя остатки сна. Город только начинал дышать, окутанный серой дымкой. Парни быстрым шагом направились в сторону парковки в переулке. Хван уверенно полез в карман джинсов и вытащил ключи. Металл звякнул — и Феликс тут же перехватил его за локоть, увлекая за широкое дерево.

— Стой, хён, ты серьёзно? — сдавленно прошипел Ликс, округлив глаза под козырьком кепки. — Мы реально поедem на твоей машине?

— Ну да, она стоит за углом, — удивился Хёнджин, непонимающе моргая. — А в чём проблема? Пять минут — и мы у метро.

— Хван, включи мозг! — Феликс выразительно постучал пальцем по своему лбу. — Пять утра. Пустые улицы. И тут катится твоя пафосная, приметная BMW. Да это же чёртов указатель для любого папарацци или сасэнок, дежурящих у района! Нас срисуют за секунду. Давай лучше вызовем обычное такси. Сядем назад, маски натянем — для водителя мы просто пара сонных студентов. Безопасно, тихо, никто не вспомнит.

Посмотрев на ключи в своей руке, а затем на Феликса, Хёнджин едва заметно, по-охотничьи, усмехнулся:

— Логично, Ликс-а. Для обычного айдола — план идеальный. Но не для Охотника. Подумай сам: агрегаторы такси оставляют цифровой след. Серверы Какао Такси поминутно запишут, где нас подобрали и у какой станции высадили. Стафф вычислит маршрут по щелчку пальцев. А мою «немку» в этих переулках никто не ждёт. Я знаю все тропы Каннама, где нет камер дорожного контроля. Проскочим незамеченными.

Феликс на секунду задумался, признавая правоту друга, но тут же скептически прищурился:

— Ладно, аргумент про кибербезопасность засчитан. Но есть одно «но», гений. Ты не спал всю ночь. Глаза красные, как у вампира после голодовки. Если ты отрубись за рулём и впечаташь свою драгоценную бэу в какой-нибудь отбойник, потому что тебе на асфальте померещился призрак, — я лично тебя добыю. До метро он собрался ехать, шумажер недоделанный...

— Не ворчи, дружище, адреналин держит лучше любого кофе, — тихо рассмеялся Хёнджин, подталкивая друга к машине. — И вообще, представь, как мы однажды будем загружать в багажник такси обрез, три пачки соли и мачете? Спросим у водилы, нет ли у него свободной тряпки, чтобы оттереть кровь чудовища с сиденья? Кстати, на будущее... Нам точно пора задуматься о покупке левой тачки, я же уже говорил тебе. В моей бэхе тупо мало места для такого арсенала. Да и светить её в таких делах стрёмно.

— Тут я с тобой согласен, — буркнул Феликс, поудобнее перехватывая рюкзак на плече. — Придётся искать какой-нибудь «чистый» минивэн на подставное имя. Но обещай мне сразу: никаких спорткаров! Нам нужна неприметная рабочая лошадка, а не кричащий понт на пол-Сеула.

Лукаво сощурившись под козырьком кепки, Хёнджин нажал на кнопку брелока и ради подколки выдал:

— Ну... Может, тогда старую добрую Импалу шестьдесят седьмого?

У пассажирской двери Феликс замер, уставившись на Хвана округлившимися глазами:

— НЕТ! Даже не думай! Никакого прожорливого ретро-хлама из американских сериалов, Хван Хёнджин! Мы в Южной Корее, а не в Канзасе!

Открывая водительскую дверь, Хёнджин тихо прыснул. Посмотрев на друга через крышу автомобиля, он состроил максимально невинную гримасу и картинно развёл руками:

— Да ладно тебе, чего ты так завёлся-то? Пошутить уже нельзя... Хотя-я-я... — он многозначительно протянул последнее слово, задорно вскинув брови и глядя куда-то в небо, будто уже мысленно примерял этот образ. — Чёрный глянец, идеальный хром, тяжеленный капот и рёв восьмицилиндрового движка посреди сонного Сеула... Признай, Ликс-а, это было бы просто легендарно. Стильно, как минимум.

— Отвали уже с этим! — фыркнул Ликс, раздражённо дёрнув ручку двери. — Очень стильно мы сядем в тюрьму за незаконный оборот оружия, если продолжишь бредить сериалами. Залезай давай, романтик с большой дороги, у меня пальцы от холода онемели.

Парни оперативно скользнули в салон. Оказавшись в тепле, Феликс с облегчением сбросил рюкзак на заднее сиденье и сразу же потянулся к панели мультимедиа, чтобы настроить плейлист, как и обещал.

Под мягкий рокот заведённого мотора на приборной панели загорелись неоновые цифры — 05:25. Не включая дальний свет, Хёнджин плавно тронулся с места. Машина покинула переулок и растворилась в предрассветных сумерках, унося их в сторону станции Каннам.

Раннее солнце ещё не успело прогреть прохладный утренний воздух Каннама, когда чёрный BMW плавно нырнул в тупиковый карман между высотными стеклянными коробками офисных центров. Хёнджин ювелирно втиснул машину в «слепую зону» между мусорными контейнерами и массивной рампой для разгрузки товаров. Здесь, в пятидесяти метрах от оживлённого проспекта, автомобиль полностью сливался с бетонными тенями, скрытый от посторонних глаз.

— Приехали, — старший заглушил двигатель и погасил габариты. В салоне воцарился полумрак. — Станция за углом. Камеры в подземных переходах пишут круглосуточно, так что капюшон не снимать.

Из кармана худи Феликс медленно вытащил клочок бумаги с комбинацией цифр. Пальцы, всё ещё слегка подрагивающие от напряжения, машинально смяли плотный листок, превращая его в крошечный комочек. Закрыв глаза, он сделал глубокий, медленный вдох, пытаясь унять внутреннюю дрожь и настроиться на рабочую волну.

В стерильной тишине салона желудок предательски подал голос, выдав громкий, утробный звук. Хёнджин, уже потянувшийся к ручке двери, застыл. Повернувшись, он спустил защитную маску на подбородок и издевательски ухмыльнулся:

— Вау, Ликс. Твой глубокий бас — это, конечно, визитная карточка, но этот рык сейчас потянул на крик голодного Вендиго. Выключай «сабвуфер», а то всю местную нечисть на свидание созовёшь. Нас же за сто метров слышно.

— Отвали, — раздражённо ткнул его локтем в бок Феликс, моментально вспыхнув под маской. — Мы со вчерашнего ужина маковой росинки во рту не держали! Из-за твоего постоянного давления внутри всё сводит!

— Ладно, признаю, на пустой бак много не наохотишься, — Хёнджин понимающе кивнул и моментально подобрался, вернув маску на лицо. — Значит, план прежний: про тотальный видеоконтроль ты помнишь, маску держим повыше. Действуем параллельно, чтобы не терять ни секунды. Ты вниз, к терминалам, забираешь посылку и сразу назад к машине.

— А ты? — перекинул лямку рюкзака через плечо Феликс.

— А я сбегаю в круглосуточный через дорогу. Нам нужны углеводы и литры кофеина, иначе мы сдохнем от истощения ещё до того, как доедем до семьи Кан. Встречаемся здесь же через пять-десять минут.

Парни одновременно выскользнули из машины. Натянув капюшон пониже, Феликс почти бегом направился к стеклянному наземному павильону метро, растворяясь в редком потоке утренних клерков, спешащих на ранние поезда. Параллельно этому пустынную улицу пересёк Хёнджин, толкнув дверь ярко освещённого минимаркета CU. Внутри пахло антисептиком и дешёвым заварным кофе. Сонный подросток-кассир за стойкой даже не поднял глаз, увлечённо листая ленту в телефоне. Идеально.

Двигаясь вдоль стеллажей со сноровкой заправского шпиона, Хван быстро сгрёб в охапку всё необходимое:

Две большие бутылки классической колы для мощного заряда сахара и кофеина;

Четыре треугольных кимбапа с острой свиной;

Два плотных сэндвича с тунцом в вакуумной упаковке.

Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания и не заставлять сотрудника вглядываться в скрытое маской и кепкой лицо, Хёнджин целенаправленно свернул к терминалу самообслуживания. Пальцы в обрезанных чёрных перчатках быстро пронесли штрихкоды над лазером сканера. Пик-пик-пик. Быстрый клик по экрану, прикосновение смартфона к бесконтактному модулю оплаты — и терминал выдал короткий чек. Закинув добычу в пластиковый пакет, он выскользнул на улицу, уложившись ровно в пять минут.

Тем временем в прохладный подземный переход станции «Каннам» спустился Феликс. Звук шагов гулко отражался от кафельных стен, смешиваясь с шумом первых редких поездов. Сердце колотилось где-то в районе горла. Оранжевая секция автоматических камер хранения выстроилась у северной стены, прямо за линией турникетов.

Разгладив пальцами помятую бумажку с кодом, Ликс лихорадочно пробежал глазами по номерам. Тридцать восемь, сорок, сорок один... Есть. Сорок два.

Бегло оглядевшись, младший убедился, что двое уборщиков в дальнем конце коридора монотонно возили швабрами, не обращая на гостя никакого внимания. Подойдя к электронному табло, он ввёл длинный буквенно-цифровой код из даркнета и подтвердил ввод. Раздался резкий металлический щелчок, и дверца сорок второй ячейки приоткрылась.

Внутри лежал плотный, увесистый свёрток, наглухо запаянный в чёрный вакуумный материал. Феликс молниеносно перехватил его, затолкал вглубь рюкзака и застегнул молнию.

На периферии сознания мелькнула мысль: «Двенадцать тысяч долларов только что превратились в этот кусок пластика. Хоть бы там была не пустышка».

Спустя несколько минут оба парня уже сидели в запёртом BMW. Хёнджин бросил на колени младшему треугольный кимбап и открыл колу; напиток тут же зашипел, наполняя салон сладковатым ароматом.

— Достал? — коротко спросил Хван, отпивая добрую половину бутылки.

— Да. Вскрывай, — Феликс выудил свёрток из рюкзака и протянул другу канцелярский нож, заранее прихваченный из общежития.

Упаковка податливо хрустнула под лезвием. Хёнджин аккуратно вытряхнул содержимое на приборную панель: внутри оказалась небольшая кожаная папка и несколько стопок глянцевых карточек.

— Так, вырубай свет, — скомандовал Хёнджин. — Ликс, доставай свой Supreme. Время посмотреть на работу мастера.

Феликс вытащил фонарик и включил ультрафиолетовый режим. Луч с длиной волны в 365 нанометров полоснул по первой пачке удостоверений волонтеров Национального центра «Додам».

В ту же секунду на пластике мертвенно-неоновым светом вспыхнули скрытые элементы: сложные гербы, голографические полосы и микроскопический водяной знак Министерства внутренних дел Кореи.

— Твою мать... — выдохнул Феликс, приближая к карточке лупу с подсветкой. — Смотри на микропечать по краю. Буквы чёткие, краска не плывёт. Шрифты оригинальные. Этот парень — реально гений.

Хёнджин взял в руки тяжёлые кожаные книжки-жетоны. Под обычным светом они выглядели как строгая официальная канцелярия, но стоило Феликсу направить на них УФ-луч, как внутренние вкладыши NIS (Национальной службы разведки Южной Кореи) заиграли всеми степенями защиты. Магнитные полосы и чипы были прошиты идеально.

— Имена сменил полностью, — довольно отметил Хван. — Я теперь Кан Тэ Хён, ты — Ли Мин У. Никаких пересечений с нашими настоящими данными, абсолютно «серые» анкеты.

— Идеально, — одобрил Феликс. — Меньше внимания — целее шкура.

— А вот это что за юмор? — перебирая оставшиеся комплекты, Хёнджин вдруг прыснул от смеха, несмотря на давящее напряжение. — Ликс, посмотри на имена. Наш умелец явно фанатеет по культовому корейскому фэнтези.

Придвинувшись ближе, Феликс направил лупу на американские бланки ФБР. На безупречных жетонах красовались их собственные фотографии, но вместо банальных имён взломщик вписал главных звёзд дорам, заставив парней примерить чужие личности: «Агент Ли Донук» и «Агент Кон Ю».

— Жнец и Демон? Серьёзно? — младший тихо хихикнул, не выдержав и покачав головой. — Правдоподобно, ничего не скажешь. Для американцев эти имена звучат солидно, а для знающих — тонкий стёб над нашей новой реальностью. Ладно, а что с русскими корочками ФСБ и документами NIS?

— Да сто процентов стёб, причём издевательски тонкий, — хмыкнул Хёнджин, забирая поддельные жетоны. — Радуйся, что он выбрал культовое фэнтези, а не какую-нибудь слезливую дораму про школьников. Так, смотри, тут дальше ещё интереснее...

Плотные красные книжки с тиснёными двуглавыми орлами раскрылись в руках Хёнджина. На разворотах строгим шрифтом было отпечатано: «Старший оперуполномоченный Горшенёв А. М.» и «Старший оперуполномоченный Летов В. Н.».

— Ну, у нашего мастера подделок явно специфический вкус на суровый панк-рок, — ухмыльнулся Феликс, разглядывая свою фотографию рядом с фамилией Летова. — Из айдалов JYP превратиться в легенд андеграунда — это мощно. Но самое главное: за двенадцать штук зелени документы пройдут проверку?

— За такие деньги этот гений вшил нас в государственные реестры намертво, — Хёнджин быстро спрятал волонтерские карты в карман худи, а жетоны ФБР, корочки ФСБ и удостоверения NIS аккуратно уложил в потайное отделение рюкзака. — Проводка пожизненная. Базы данных будут выдавать нас за реальных штатных сотрудников, даже если местная поли-

ция Каннама решит устроить тотальную межведомственную проверку. Корки активны, чипы бьются. Мы официальные призраки.

С аппетитом укусив кимбап, Феликс почувствовал, как паника отступает, уступая место холодному, расчётному азарту. Первое настоящее прикрытие Охотников было у них в руках.

— Ну что, «агент Ли»? — усмехнулся младший, пробуя на вкус непривычную фамилию, от которой внутри всё ещё было не по себе. — Углеводы в системе, пожизненные доки на руках. Заводи свою колыхагу. Время навестить семью Кан и узнать, что за тварь утащила их сына прямо из запертой спальни.

Хёнджин на секунду завис, переваривая обращение, а потом эмоции взяли верх. Откинувшись на спинку сиденья, он зашёлся в таком хриплом, надрывном смехе, что чуть не выронил ключи из рук.

— Сука, Ликс, хорош, блядь, прекрати! — старший уткнулся лбом в руль, плечи мелко подрагивали от хохота. — «Агент Ли»! Боже, до сих пор поверить не могу... Этот гениальный уёбок-взломщик реально выдал мне ксиву на имя Ли Донука! Пиздец. Мне теперь что, во всё чёрное вырядиться, нацепить ебучую шляпу и ходить перед людьми с таким видом, будто познал всю скорбь этого мира и пришёл по их душу?

— А чё тебе не нравится, агент Ли? — Феликс ухмыльнулся во весь рот, пихнув его локтем в плечо. — Будешь эффектно появляться из тумана, нагонять мистики.

— Да я-то ладно, хрен со мной! — Хёнджин выпрямился, утирая выступившие от смеха слёзы, и ткнул пальцем прямо в Феликса. — Но ты своё новое имя вспомнил, демон хренов? Кон Джичхоль! Твою мать, Ликс, ты у нас теперь бессмертный Ким Шин недоделанный? Я просто не могу, блядь, посмотрите на него!

— Э, попрошу проявлять уважение к корейскому божеству! — младший шутливо насутился, поправляя съехавший капюшон худы и привычным жестом откидывая чёлку назад. — У моего персонажа, на минуточку, миллиарды на счетах и роскошный отель, а ты по канону триста лет херней страдал и копейки считал, чтобы просто на аренду комнаты накопить! Так что не ной и заводи уже свою колыхагу, извозчик загробного мира.

Снова прыснув со смеху, Хёнджин наконец повернул ключ в зажигании. Мотор BMW отозвался мощным, глухим урчанием, и по салону прошла мелкая вибрация. Он аккуратно выехал с парковки, но дебильная улыбка так и не сходила с лица.

— Твою мать, просто представь, если нам придётся светить этими ксивами в Штатах, — Хёнджин покачал головой, выворачивая руль. — Протягиваю я какому-нибудь суровому американскому копу этот жетон ФБР с абсолютно каменным, пафосным ебалом. А этот здоровый шкаф, сука, возьми и окажись латентным фанатом дорам! Вылупится в бляху и такой: «О, агент Ли? А чего без шляпы, сэр?». Охуеть прикрытие, надёжное как швейцарские часы, блядь.

— Ой, да ладно тебе, копы, ладно, — Феликс фыркнул, со смешком взмахнув рукой. — Ты лучше представь, если нам реально придётся расчехлить те русские корочки ФСБ. Мы с тобой кто? Старшие оперуполномоченные Горшенёв и Летов. Это же просто комбо, нахуй! Будем допрашивать свидетелей, чисто врубив фоном «Всё идёт по плану»?

— Ага, «Гражданская Оборона» против корейской чертовщины, — Хёнджин в голос хохотнул. — Прикинь, заваливаемся к этой элитной, чопорной семье Кан, и ты им с порога своим этим адским баритоном: «Границы ключа переломлены пополам!». У них инфаркт случится раньше, чем мы тварь найдём.

— Сто процентов, — младший довольно дожевывал кимбап и смахнул крошки с одежды. — Нас из этого дома вынесут либо в дурку, либо на ковёр к Пак Джинёну за подрыв репутации компании. Ладно, шутки в сторону, Жнец. Врубай серьёзного копа, мы выезжаем на финишную прямую.

С этими словами чёрный BMW влился в утренний поток машин, залитый ослепительным, почти болезненным светом. Дорога стелилась бетонным полотном, и пока машина раз-

резала воздух, Феликс невольно озирался, ловя яркие блики на лобовом стекле, хотя глубокий капюшон оверсайз-худи надёжно скрывал лицо. Заметив это напряжение, Хёнджин плавно перестроил машину в соседний ряд, выбирая путь свободнее, и мягко нарушил тишину:

— Мандражируешь из-за того, что придётся разыграть спектакль перед родителями?

— Да нет, врать на камеру и менеджерам нас обучили филигранно, тут я справлюсь, — задумчиво прокручивая на пальце массивное серебряное кольцо, покачал головой Феликс. — Я дёргаюсь, потому что мы до сих пор без понятия, с какой именно сущностью имеем дело. Бутцеман? Баба-Яга? Кстати, я ещё подумал, что это вполне может быть Крампус. В прошлый раз в общезитии мы действовали по наитию, но теперь хочется хоть какого-то понимания.

От такой версии Хёнджин чуть не отпустил руль и коротко, сочно хохотнул, моментально разряжая атмосферу в салоне.

— Крампус? Серьёзно, Ликс? — метнув в сторону младшего быстрый, уничтожающе-ироничный взгляд, фыркнул Хван. — На дворе середина июля, в Сеуле духота запредельная, а ты ждёшь рождественского рогатого чертилу с розгами? Вычёркиваем этого упыря из списка. Если только тот не прилетел в Каннам на летние скидки в бутиках. Охотник из тебя пока так себе.

— Очень смешно, Хван, — раздражённо фыркнул Феликс, но внутренне отпустил ситуацию, оценив подкол. — Ладно, шутки в сторону. А если это джинны? Про них пишут, что они обожают руины, тёмные подвалы и заброшки, где полно нычек. Одно касание — и ты моментально проваливаешься в кому, а эта дрянь спокойно смакует твою жизненную силу, пока ты лежишь пластом.

— И где ты успел откопать такую жуткую медицинскую справку? — сворачивая на перекрёстке, озадаченно протянул Хёнджин.

— На тех самых полузаброшенных форумах. Пока ты в душе патлы намыливал, я лопатил матчасть.

— Оу, оценил масштаб подготовки, — хмыкнул Хван, но в голосе старшего уже не осталось насмешки — только серьёзное, тревожное размышление. — Значит, теперь ты у нас мозговой центр тандема. Неплохо.

Разговор прервался, когда автомобиль свернул в тихий, престижный переулок частного сектора Каннама. Здесь утренняя прохлада ощущалась сильнее, а резкие звуки просыпающегося мегаполиса увязали в аккуратно подстриженных живых изгородях. Они припарковались у обочины недалеко от небольшого, но подчёркнуто современного двухэтажного особняка из тёмного камня и стекла.

Выйдя из машины, парни синхронно поправили воротники и натянули маски. У Феликса снова свело живот — неприятное, липкое ощущение, но тот лишь крепче перехватил лямку рюкзака, заставляя себя сосредоточиться. Они миновали кованую калитку, пересекли идеальный минималистичный дворик и остановились перед массивной входной дверью. Согласно выписке из полицейского архива, здесь проживали родители пропавшего Джихуна.

Глубоко вздохнув и мысленно примеряя на себя образ хладнокровного оперативника, Хёнджин дважды коротко, уверенно нажал на кнопку видеодомфона.

За дверью повисла гулкая тишина, сменившаяся шуршанием и медленными, тяжёлыми шагами. Замок со щелчком поддался. На пороге появилась женщина; лицо её было серым от измождения, а покрасневшие, припухшие глаза выдавали бесчисленные пролитые слёзы. Казалось, хозяйка не спала последний месяц.

— Да? Что вам нужно? — её голос прозвучал тихо, надломленно и очень настороженно.

— Здравствуйте, госпожа Кан, — старший сделал шаг вперёд, услужливо наклонив голову. — Меня зовут Хва... — он запнулся, едва не ляпнув собственную фамилию из-за утреннего сумбура в голове, но искусно переиграл фразу на ходу: — Кхм, простите, горло пересохло от кондиционера... Меня зовут Кан Тэ Хён, а это мой коллега, Ли Мин У.

Стараясь не делать резких движений, Хёнджин вытащил из кармана худи ламинированную карту и протянул её вперёд.

— Мы из центра «Додам», занимаемся поиском пропавших детей. Понимаем, через какой кошмар вам приходится проходить, и хотим помочь. Если вы готовы уделить нам несколько минут...

Хван ждал, боясь даже лишний раз моргнуть. Женщина перевела взгляд на бланк, пытаясь прочесть что-то между строк, но быстро сдалась. Плечи её поникли, руки бессильно опустились, будто сбросили невидимый, но невыносимый груз.

— Волонтёры, — голос прозвучал сухо, безжизненно. — Но следователи из полиции... Они вчера снова приходили. Сказали, что зацепок нет, территория особняка защищена, а внутри дома не обнаружено следов взлома. И велели просто ждать.

Мягко подавшись вперёд, Феликс задействовал весь свой природный магнетизм. Одним небрежным движением он спустил маску на подбородок, открывая лицо. Это был рискованный жест, но сейчас, когда женщина стояла на грани нервного срыва, честность значила больше, чем осторожность.

— Полиция действует строго по регламенту, госпожа Кан, — заговорил младший своим фирменным, бархатным и невероятно убаюкивающим басом. — Однако они нередко упускают из виду специфические детали, которые не вписываются в обычные криминальные протоколы. Мы ищем то, что они называют «нестыковками». Любые странные мелочи.

Пытаясь справиться с дрожью в руках, женщина перевела взгляд на Феликса. Его глубокий, честный голос и открытый взгляд окончательно растопили её недоверие.

— Вы... Вы действительно пришли ради моего Джихуна? — она судорожно прижала ладонь к груди, и по её щеке снова покатились слеза.

— Именно так, — с предельной серьёзностью подтвердил Хёнджин, незаметно пряча фальшивое удостоверение обратно в карман. — Мы хотим восстановить картину последних дней перед его исчезновением. Нам важен любой пустяк, который полиция могла счесть бредом или проигнорировать.

Медленно отступив назад, госпожа Кан Минджи шире открыла дубовую дверь, приглашая их в прохладный просторный холл:

— Проходите... Прошу вас. Я расскажу всё, что знаю.

У порога особняка семьи Кан, пока Феликс вежливо разувался, Хёнджин уже инстинктивно переключился в режим Охотника, сканируя помещение профессиональным цепким взглядом. Несмотря на дорогой дизайнерский интерьер, комната казалась заброшенной и мёртвой. Плотные блэкаут-шторы были задвинуты наглухо, отсекая летнее солнце. Воздух в помещении стоял спёртый, тяжёлый, пропитанный застарелой пылью и странным, еле уловимым горьковатым шлейфом, напоминающим запах иссушенных лекарственных трав.

На безупречно светлых стенах в строгом порядке висели рамки с фотографиями. С кадров весело улыбался круглолицый темноволосый мальчик — десятилетний Джихун.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — выдохнула женщина. Подойдя к низкому дивану, она бессильно опустилась на него, беспрестанно сжимая в ладонях помятый носовой платок. — Я... Я уже рассказала полиции всё, что знала.

Феликс аккуратно опустился в кресло, которое чуть слышно скрипнуло под его весом. Пытаясь выглядеть как опытный волонтёр, он достал из рюкзака блокнот и раскрыл его на коленях. Обложка из чёрной кожи выглядела подозрительно новой и безупречной для парня, который якобы регулярно участвовал в полевых поисках, но госпожа Кан была слишком подавлена горем, чтобы замечать такие мелочи.

Желая во что бы то ни стало имитировать ту абсолютную, стальную уверенность, которую когда-то подсмотрел у Дина Винчестера на старых дисках, Хёнджин облокотился на спинку кресла напарника. Ему нужно было казаться авторитетным, чтобы женщина им доверилась.

— Мы понимаем, насколько вам больно и тяжело, госпожа Кан, — заговорил Хван, намеренно понизив голос. — Но чем больше деталей мы соберём прямо сейчас, тем выше шанс найти Джихуна и остальных детей. Расскажите, когда вы видели сына в последний раз? Полиция утверждает, что следов взлома в особняке нет. Но, возможно, было что-то... странное, что следователи сочли неважным? Изменения в его поведении? Он чего-то боялся? Может, рассказывал о каком-то новом вымышленном друге?

Подняв на него полные слёз глаза, женщина судорожно вздрагивала плечами.

— Он... Он всегда был золотым, очень послушным мальчиком, — выдохнула она, и слова перешли в хриплый шёпот. — Мой Джихун... Ему ведь всего десять. Всё случилось во вторник. Он вышел поиграть во внутренний двор с соседскими ребятами. Наш участок обнесён высоким забором, везде установлены камеры. Но когда дети вернулись в дом, Джихуна среди них не было. Камеры ничего не записали. Обычный серый шум на три минуты. Но вот что странно... — Кан Минджи замаялась, и она понизила тон до едва различимого бормотания. — За пару недель до этого он вдруг начал рисовать. Целыми днями сидел в комнате. Очень необычные вещи. Я списывала это на обычные детские фантазии, на компьютерные игры...

— Рисовать что именно? — Хёнджин внимательнее всмотрелся в женщину, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Круги. Очень много кругов, которые переплетались между собой какими-то ломаными линиями. И... и он постоянно рисовал рядом с ними кого-то... Я даже не знаю, как это назвать. Существо с уродливыми пропорциями.

— Вы можете показать нам эти рисунки, госпожа Кан? — Стоило Феликсу податься вперёд, как мягкость исчезла, а во взгляде проступила глубина, в которой тонули любые сантименты.

Женщина с трудом вздохнула, опираясь на подлокотник, и медленно поднялась.

— Я принесу. Они остались в его детской, в ящике стола. Подождите минуту.

Шаркающей, нетвёрдой походкой госпожа Кан направилась в сторону узкого коридора, уходящего в дальние комнаты особняка.

Едва шаги затихли, парни одновременно повернулись друг к другу. В гостиной повисла тяжёлая, вязкая тишина, давящая на виски. Ликс принялся нервно, дробно стучать пальцами по обложке своего блокнота.

Круги и переплетённые линии, — прокручивал в голове Хван. Это совершенно не походило на классические ведьминские знаки или демонические печати, которые им попадались в дневнике дяди Минсока.

Покосившись на дверной проём и убедившись, что они одни, Феликс тихо произнёс:

— Что думаешь, Джини? У меня стойкое ощущение, что мы идём по ложному следу.

— Я пока сам чертовски мало что понимаю, Ликс, — ответил Хёнджин практически беззвучно, не отрывая взгляда от углов под потолком. — Если бы это были феири или какие-нибудь другие похитители из сказок, они бы оставили маркеры. Ну знаешь, что-то нарочито красивое... Пыльцу, блёстки, жухлые цветы. А здесь? Ты чувствуешь этот горький запах трав? В домах миллионеров в Каннаме так не пахнет.

— А Крампус? — упрямо приподнял бровь Феликс.

— Блин, Ликс, хорош со своим Крампусом! На улице жара, никакого снега и рождественских колокольчиков. Забудь, — раздражённо мотнул головой старший, хотя сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

В коридоре раздался шорох. Парни моментально выпрямились и приняли невозмутимый вид. Вернувшись, госпожа Кан бережно несла небольшую стопку небрежно сложенных альбомных листов. С явным беспокойством она протянула их Феликсу.

— Вот, посмотрите. Это всё, что он успел нарисовать за последние две недели.

Аккуратно развернув первый плотный лист, Феликс принялся внимательно рассматривать рисунок, а госпожа Кан обессиленно опустилась на диван, пряча лицо в ладонях.

На бумаге виднелись сложные, но явно детские рисунки: сплошные ровные круги, внутри которых хаотично пересекались ломаные линии. Переплетаясь, они образовывали нечто похожее на объёмную запутанную паутину или концентрическое гнездо. Однако настоящий кошмар таился в углу второго наброска: жирным чёрным карандашом Джихун вывел высокое существо с неестественно длинными, изломанными конечностями и полным отсутствием черт лица. Страшный силуэт нависал над изображением особняка, готовый в любую секунду поглотить дом.

Хёнджин наклонился над плечом друга, вглядываясь в штрихи. Через мгновение парни синхронно переглянулись — в глазах обоих читался немой вопрос.

Лето. Каннам. Ребус никак не клеится, — пытался ухватиться за ускользающую логику старший. — *Слишком очевидный антураж для какого-нибудь Слендермена, или это просто отвлекающий манёвр твари?*

— И знаете, что самое странное? — Кан Минджи указала дрожащим бледным пальцем на дорожную полку из тёмного дуба. — Любимый сборник старых корейских сказок. Он всегда стоял вон там, на самом видном месте, но исчез в тот же день. Никто из нас его не брал. Полиция даже не стала вносить это в протокол. Детектив Ким просто отмахнулся, заявив, что мальчик, скорее всего, взял книгу с собой, когда... когда убежал.

Оттолкнувшись от спинки кресла, Хёнджин неторопливо подошёл к стеллажу. На опустевшей полке среди коллекционных томов не было ничего, кроме тонкого слоя серой пыли.

Книга сказок, — размышлял он, слегка пригнувшись к пустой полке. Спёртый, сладковатый и противный запах травы здесь ощущался сильнее. — *Какому существу, ворующему детей, сдалась детская книжка с картинками?*

— Мы обязательно проверим эту зацепку, госпожа Кан. Спасибо за доверие, — Хёнджин наконец отвёл взгляд от стеллажа и повернулся к Феликсу. Шагнув обратно к креслам, он решительным движением вырвал лист из нового блокнота и размашистым почерком набросал комбинацию цифр. — Вот, держите. Это мой номер. Если вспомните хоть какую-то деталь, пусть даже глупую или незначительную — звоните в любое время.

Женщина приняла клочок бумаги трясущимися руками. У Хёнджина внутри противно заныло. Они только-только начали первую настоящую охоту, но он уже всем сердцем ненавидел эту часть работы: смотреть в остекленевшие от горя глаза родителей, заранее зная, что те никогда не услышат и половины безумной правды о том, что на самом деле утатило их ребёнка.

Она напугана до дрожи, — подумал Феликс, глядя на её сгорбленные плечи.

— Госпожа Кан, — мягко начал младший. В стрессовых ситуациях его австралийский акцент едва уловимо пробивался сквозь корейскую речь, делая интонации ещё более тёплыми и открытыми. — Ваш Джихун — сильный мальчик. Мы перевернём весь город и сделаем всё, чтобы вернуть его домой.

Губы её судорожно сжались. Взгляд заметался по просторной гостиной — словно в надежде материализовать сына из пустоты. Наконец, глаза замерли на парне, влажно блеснув.

— Но... — прозвучало тихо, с надрывом. — Вы правда сможете? Полиция... Они ведь намекают, что сын просто сбежал из-за стресса в школе. Что мы плохие родители.

Заметив, что Феликс уверенно поддерживает эмоциональный контакт, Хёнджин отошёл к панорамному окну. Имитируя интерес к внутреннему двору, он оставался предельно сосредоточенным, не упуская ни одного звука. Тем временем младший, воспользовавшись паузой, отложил блокнот на кресло и, подойдя к дивану, присел на корточки, оказавшись лицом к лицу с женщиной.

— Мы не полиция, госпожа Кан. Мы подключаемся тогда, когда стандартные протоколы дают сбой, — младший подбирал слова ювелирно, балансируя на грани фола, чтобы дать

надежду, но не раскрыть пугающую изнанку их работы. — Мы знаем, каково это — когда близкие исчезают, а мир вокруг делает вид, что всё нормально. Мы найдём Джихуна. Обещаю.

— Спасибо, мальчики... — выдавила хозяйка дома, и по её щекам вновь побежали дорожки слёз, но в этот раз они принесли облегчение, вытеснив бывшее оцепенение. Кан Минджи протянула руки, словно пытаясь ухватиться за спасение: — Вы очень добрые. Пожалуйста... спасите сына.

Феликс бережно перехватил её ладони, сжимая в своих. Живое, надежное касание возвращало в реальность.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — тихо, но твёрдо ответил он. — Постарайтесь выпить воды и немного отдохнуть, — добавил Феликс, поднимаясь на ноги и разжимая пальцы. — Нам нужно, чтобы вы оставались в ресурсе к нашему возвращению.

— Я буду ждать, — прошептала она, всё ещё глядя на гостя с мольбой. — Пожалуйста, звоните, если хоть что-то прояснится. Даже среди ночи.

— Обязательно, — отозвался Хёнджин, выступая из тени дверного проёма. Голос старшего прозвучал на удивление доверительно, утратив привычную отстранённость. — Мы будем на связи, госпожа Кан. Никаких формальностей — как только появится зацепка, вы узнаете первой.

— Благодарю вас, — женщина едва заметно улыбнулась, и этот жест стоил ей невероятных усилий. — Храни вас бог.

— Скоро вернёмся, — ещё раз подтвердил Феликс. Он выпрямился окончательно, отступил от дивана, подошёл к креслу и подхватил оставленный там блокнот. Сунув его в рюкзак, привычным движением накинул лямки на плечи. Обернувшись в дверях, он увидел, как госпожа Кан вытирает глаза платком, и лишь коротко повторил: — Берегите себя.

Они вышли в прохладный холл и плотно прикрыли за собой массивную дубовую дверь. Как только кованая калитка захлопнулась за их спинами, парни быстрым шагом направились к припаркованному BMW. Улица была залита ослепительным солнцем. Мегаполис вокруг жил своей абсолютно нормальной, глянцевой жизнью: мимо проносились дорогие спорткары, звенели стаканчики с айс-американо, спешили по делам люди. Контраст с тяжёлой атмосферой гостиной, где в воздухе застыл призрачный, приторно-сладкий флёр увядающих лепестков — осязаемый и дурманящий, словно запах, который навечно въедается в память, — казался почти физически невыносимым, оставляя жуткий осадок.

— *Мы не полиция*, Ликс? Серьёзно? — Хёнджин иронично вскинул бровь, отпирая машину. — Ты сейчас был на волосок от того, чтобы раскрыть наш маленький мистический кружок. Ещё немного, и пришлось бы обещать достать парня из преисподней.

— Но я ведь не соврал, мы действительно не копы, — Феликс устало вздохнул, с досадой поправляя натёршую кожу маску и запрыгивая на пассажирское сиденье. — Она мать, Хван. Мы бы с ума сошли, если бы кто-то из наших вот так растворился в воздухе. К тому же, мы ушли не с пустыми руками. У нас есть зацепка: эти странные круги на рисунках и пропавшая книга сказок. Это лучше, чем ничего.

Усевшись за руль, старший бросил быстрый взгляд на друга, оценивая состояние. Бледные щёки Феликса слегка покраснели, и внутри отозвалось странное чувство жалости. Оба — айдолы, чьи лица принадлежат камерам и миллионам глаз, а этот аксессуар — единственная защита от любопытных взглядов. Но сейчас, в тесном полумраке салона, барьер стал казаться невыносимым. Хёнджин с раздражением стянул с себя чёрную маску и швырнул её на панель.

— Да пошло всё к чёрту. Ненавижу эти дурацкие намордники! — буркнул он.

Феликс тихо хихикнул, оценив вспыльчивость этого жеста:

— Да ты бунтарь.

— Не поясничай, Ликс! — отрезал Хван, проворачивая ключ в замке зажигания. Но, вместо того чтобы тронуться с места, обмяк, утыкаясь лбом в обод руля.

Младший тут же подобрался, вся ирония мигом слетела с лица. Обеспокоенно протянув руку, он осторожно коснулся виска друга:

— Хёнджин, ты чего? Всё нормально?

Старший вздрогнул от прикосновения, но тут же резко выпрямился и переключил передачу.

— Просто голоден как зверь, — пояснил он уже спокойнее. — Охота охотой, но если мы сейчас не закинем в себя что-то нормальное, я отброшу коньки прямо здесь.

— Согласен, желудок уже к позвоночнику прилип, — кивнул младший. — Мне бы кофе и чего-нибудь сытного.

Хёнджин сжал руль, утопил педаль газа, и немецкий седан сорвался с места, вливаясь в дорожный поток. Миновав несколько кварталов и ловко маневрируя в лабиринте улочек элитного района, он притормозил перед поворотом и кивком указал на аккуратное здание на пересечении улиц:

— Давай припаркуем нашу крошку вон у того кафе на углу.

Шины глухо хрустнули по мелкому гравию, послушно замирая у невысокого бордюра. Старший выключил зажигание, и в салоне воцарилась долгожданная, пусть и временная тишина. Всего в паре десятков метров приветливо поблёскивала панорамными окнами кофейня. Вывеска со стильным, лаконичным шрифтом обещала спасительную прохладу.

Оставалось самое нелюбимое — снова спрятать лица. Поморщившись, Хван потянулся к приборной панели за брошенной там маской. Снова надевать её было противно до тошноты, но рисковать нельзя.

Синхронно накинув капюшоны и натянув защитный аксессуар до самых глаз, напарники покинули машину. Июльский зной уже начинал нещадно плавить асфальт, однако стоило толкнуть стеклянную дверь, как навстречу вырвался благословенный ледяной поток кондиционера.

Внутри царила умиротворяющая атмосфера, сотканная из тихого жужжания профессиональной кофемашины и лёгкого джаза из скрытых динамиков. За стойкой с лучезарной, чисто корейской приветливостью возилась молодая бариста — опрятная девушка в аккуратном фартуке, протиравшая сияющий холдер.

Здесь всё дышало сдержанной роскошью: полированный мрамор стойки, дизайнерская мебель из светлого дуба и едва уловимый аромат свежеежаренной арабики. Место выглядело подчёркнуто минималистично. Немногие посетители — в основном стильно одетые местные жители — были слишком заняты своими делами и биржевыми сводками, чтобы обращать внимание на двух парней в объёмных худи. Для Охотников это было идеальное прикрытие: в таком районе пафосный «бумер» Хёнджина не привлекал ненужного внимания, а сами они легко сливались с местной золотой молодёжью.

Двигаясь на автопилоте, Феликс сразу же направился к самому дальнему столику у окна и тяжело опустился на стул. Откинув голову, младший изо всех сил пытался разыграть обычного, смертельно уставшего после ночной репетиции айдола.

Тем временем старший подошёл к стойке, выпрямив спину и пытаясь излучать полнейшую непринуждённость:

— Два латте, пожалуйста, — вежливо проговорил Хёнджин, чуть меняя интонацию, дабы голос не прозвучал слишком узнаваемо.

Девушка за стойкой понимающе кивнула и принялась за заказ. Спустя пару минут, расплатившись смартфоном, он подхватил два картонных стаканчика. Тонкие стенки нещадно обжигали пальцы, вынуждая чуть ли не бегом спешить обратно к их укрытию у окна.

С тихим «ай, блять» напитки опустились на стол, а сам Хван быстро устроился напротив друга, дуя на покрасневшие кончики пальцев. Отрезав себя от внешнего мира, он уставился через стекло на залитую солнцем улицу, где лениво проплывали редкие прохожие.

— Хорошо, что мы не поехали в наше обычное место возле агентства, — вполголоса пробормотал Хёнджин, не снимая маски полностью, а лишь сдвинув её на подбородок, чтобы сделать первый глоток. — Там вечно крутится чёртова прорва знакомых лиц. Не хватало ещё, чтобы кто-то из стаффа или менеджеров застукал нас в таком... виде. Юридический отдел JYP и так на нас косо смотрит.

Феликс понимающе кивнул. Обхватив ладонями горячий картон стаканчика, он сделал короткий глоток. Его взгляд застыл на панорамном окне, но в ярких солнечных бликах парень не замечал прохожих — все мысли были заняты тем жутким чернильным монстром из детских рисунков.

— Не верится, что мы действительно это делаем, Джинни, — почти беззвучно произнёс младший, медленно опуская стакан на деревянную поверхность стола. — По всем законам логики мы сейчас должны сидеть в душном репетиционном зале, стирать колени в кровь и до автоматизма полировать хореографию для «LALALALA». А вместо этого... вместо этого мы сидим в элитном пригороде Каннама и штудлируем мемуары мертвецов, пытаюсь вкурить, какая именно тварь крадёт корейских детей. Нас будто в текстуры другой реальности провалило.

— Ну, Чан-хён, скорее всего, уже в полной панике, — криво усмехнулся Хёнджин, сделав очередной глоток кофе. — Проверяет наши комнаты, названивает менеджерам и гадает, почему в общаге нас снова нет. Наверняка воображает, как мы окончательно свихнулись под прессингом камбэка и сбежали на край света.

— Ох, ради всего святого, даже не напоминай мне про лидера, — Феликс поморщился и на секунду прикрыл лицо ладонью, подавляя стон. — Крис просто в клочья нас порвёт, если узнает, что мы тратим драгоценное предкамбэчное время на... скажем так, совсем иные вещи.

Подавшись вперёд и опираясь локтями о столешницу, старший понизил голос до заговорщицкого шёпота:

— Лидер бы лично провёл над нами обряд экзорцизма, если бы узнал, что его ведущие танцоры по ночам пытаются выследить какую-то чертовщину. Так что давай пока оставим Чана и его стремление к «идеальной эстетике камбэка» в покое. Меньше знает — крепче спит. Джисон, Сынмин и Чонин в эти дела явно не посвящены, они слишком увязли в рутине. Но вот на счёт Минхо... тут я с тобой абсолютно согласен. Этот хён опасен.

— К слову о Лино, — Феликс, хмурясь, но с явным оттенком восхищения, выудил телефон из кармана. — Недавнее сообщение от него просто «прекрасно». Слушай: «Надеюсь, вы с Хваном не забыли, что ключевая поза в новой хореографии требует отстранённого от бренного бытия вида. Так вот, Ёнбок-а, на прогонах это получается у тебя слишком уж натурально. Потренируйся перед зеркалом».

Младший убрал гаджет обратно, стряхнув с глаз непослушную чёлку:

— Минхо-хён определённо в курсе, что нам сейчас вся эта шумиха шоу-бизнеса и прошлогодний лук от Gussі интересны не больше, чем квартальные финансовые отчеты. Видит насквозь.

— Я же говорю — настоящий провидец, — Хёнджин одобрительно кивнул, и в его голосе проскользнул тихий, гортанный смешок. — Он прямо чувствует нашу полуночную движуху каким-то звериным нутром. Ладно, хрен с ним, с Минхо, разберёмся по ходу пьесы. Слушай, а насчёт обуви для рейдов ты подумал? Я в костюмерной JYP заметил те чёрные армейские боты с брутальными шипами на подошве. Помнишь, их привозили для концепт-тизеров?

Феликс удивлённо приподнял бровь, не понимая, куда клонит старший.

— Так вот, — Хван азартно сощурился, и во взгляде вновь вспыхнула опасная искра Охотника. — Идеальный вариант для ночного патруля! Выглядят стильно и дорого — как раз в рамках концепта. К тому же подошва там настолько крепкая, что выдержит, если придётся со всей дури отпинать гуля или упыря в подворотне. Совместим приятное с полезным.

— Ну ты и садист-модельер, Хван, — фыркнул Феликс, однако на губах заиграла слабая, искренняя улыбка. — Монстры и так от одного твоего пафосного вида должны разбежаться, а ты их ещё и шипами от кутюр окучивать собрался.

— А то. Первое правило айдола на охоте — сохраняй марку, — Хёнджин вальяжно откинулся на спинку стула, подмигнув другу. — Ладно, сменим тему, пока бариста или мужик у стойки не решили, что Stray Kids окончательно свихнулись. Ты, кстати, видел свежие скетчи для наших сценических костюмов на заглавку? Те кожаные португеи, обилие ремней и тяжёлая серебряная вышивка на воротниках... Я вчера краем глаза заглянул в планшет стилистов. Думаю, это будет наш самый злой и агрессивный концепт за всю историю группы. Кажется, дизайнеры JYP что-то подозревают.

Феликс тихо усмехнулся, делая глоток уже остывающего латте. Вкус напитка и привычные, сугубо профессиональные рассуждения о камбэке повлияли на Охотников лучше любого успокоительного.

— Видел, видел! — младший задорно мотнул головой, стараясь говорить как можно тише. — Я же всегда твердил: Чани-хён идеально чувствует, какая концепция нам нужна. Хотя, если мы продолжим находить трупы каждые выходные, придётся отменять все съёмки к чёртовой матери. Представляешь, как будем выкручиваться перед продюсерами и генеральным? Синяки под глазами, стойкий запах сырой земли, а твои дизайнерские штаны будут выглядеть так, будто тебя швыряли по всей заброшке вперемешку с битым стеклом. Ты стоишь перед оператором весь в пыли, сплёвываешь выбитый зуб и заявляешь: «Это новый имидж, директор Пак, расслабьтесь!».

Хёнджин рассмеялся — звук получился немного резким, но абсолютно искренним. Он лениво развалился на стуле, вытянув длинные ноги под столом, и с удовольствием подставил лицо июльскому лучу солнца, скользящему по залу.

— О, я уже продумал идеальную отмазку, — парировал старший, лукаво сощурился. — Свалю всё на новый, особо авангардный грим для клипа. Назову это «посттравматический шик» или «эстетика выживания». Фанаты в соцсетях с ума сойдут от восторга, а стилисты ещё и премию за инновации получат. А пыль и кровь в кадре? Скажем, что это просто глубочайшее погружение в образ. Мы же артисты, Ликс. Должны быть готовы к полному вживанию, даже если ради роли придётся разбить пару чужих морд.

— Не смешно, — Феликс откинул мешающую прядь, но уголки его губ предательски дёрнулись в ответной усмешке. — Если всё продолжится в таком же темпе, рано или поздно придётся сказать Чонину, что мы увлеклись экстремальным косплеем. Он, кстати, точно будет завидовать нашим новым «аксессуарам». Ты видел, как макнэ смотрел на те холодные, блестящие звенья, которые нам прислали для стилизации Vogue? У него аж глаза загорелись.

— Чонин вечно завидует всему, что выглядит достаточно устрашающе, чтобы отпугивать навязчивых фанатов, — безмятежно отозвался Хёнджин, переводя взгляд на пустеющий стаканчик. — Дай младшему волю, он бы на фанмитинги в шипованной коже заявлялся.

Веселье в глазах Феликса миг погасло, сменившись серьёзностью. Мягко постучав пальцами по тёплому картону, он заставил друга сосредоточиться и продолжил уже тише, тщательно подбирая слова:

— Слушай, давай без шуток. Я ведь полночи просидел на закрытых форумах, изучая тех тварей, что похищают детей. Сначала набросал три основных варианта, но сейчас... Пока прокручиваю всё в голове, картинка наконец-то складывается.

Размышления оборвались на полуслове. Глаза Феликса округлились, словно хаотичные фрагменты головоломки прямо в эту секунду с сухим щелчком встали на свои места. Подавшись вперёд, он упёрся локтями в деревянную кромку стола:

— Джинни, это точно джинн. Абсолютно точно. Понимаешь, я только что сопоставил улики из особняка Кан с теми записями из сети!

Подперев подбородок ладонью, Хёнджин наконец оставил в покое стаканчик, всем видом показывая, что ловит каждое слово напарника.

— Только забудь про сказки о синих добряках из ламп, исполняющих желания, — продолжил Ликс, удерживая взгляд старшего. — Настоящие джинны — это жуткие ментальные паразиты. Они способны считывать мысли, без труда выуживая из головы человека самые сокровенные, потаённые мечты. Вот только наяву никаких чудес не будет. Вместо этого тварь уводит жертву в глубокий, непреодолимый мир иллюзий. Бедолаге кажется, будто всё, о чём он грезил, сбылось, а в это время монстр держит его в каком-нибудь тайном логове и потихоньку пьёт жизненные силы.

Выдержав короткую паузу, Феликс понизил голос до шёпота, едва шевеля губами:

— А теперь включай логику, Джинни. Помнишь, что нам рассказала госпожа Кан? Начнём с того, что запертые комнаты у других детей и «серый шум» на камерах здесь, во дворе — прямое подтверждение. Подобные мистические сущности легко обходят обычные замки и глушат электронику своей энергетикой. Далее — рисунки Джихуна. Эти круги и путанные ломаные линии — отнюдь не детские каракули. На форуме писали, что перед похищением джинн часто «обрабатывает» жертву на расстоянии, подсаживая ментальные маркеры. Мальчик подсознательно чувствовал, как его сознание пытаются скрутить в тугой узел, и пытался зарисовать эти психологические ловушки. А чудовище без лица — лишь истинный, пугающий облик твари, который невольно пробивался сквозь его сны.

— Допустим, — старший нахмурился, обдумывая услышанное. — А пропавшая книга сказок? Зачем монстру детские картинки?

— В том-то и фишка! — глаза Ликса вспыхнули недобрым огоньком. — Джинны строят галлюцинацию на основе того, что приносит жертве абсолютное счастье и покой. Для десятилетнего ребенка, запертого в особняке, где каждый квадратный метр кричит о роскоши, но тепла ни на грош, где родители — просто призраки, вечно обсуждающие акции и слияния компаний, главным побегом от реальности были эти самые сказки. Тварь «прочитала» подсознание мальчишки и выстроила иллюзорный мир прямо по страницам. Ребенок не сопротивлялся, Джинни. Он добровольно пошёл в лапы к монстру, воображая, что шагает в любимую историю, где его наконец кто-то полюбит. И книгу утянул с собой в выдуманный рай, пока физическая оболочка медленно угасала где-то в сырости.

На душе у Хёнджина потяжелело, но внутри вновь заворочался холодный, расчётливый драйв. Пазл, ещё час назад казавшийся хаотичным набором бреда, сложился в единую картину. Ситуация пугала, вызывала омерзение, но теперь у врага хотя бы появилось имя.

— Отличная работа, агент Кон, — глухо, но с искренним уважением произнёс Хван, с силой сжимая пальцы. — Винчестеры бы тобой гордились. Значит, джинн. Ладно. Допустим, получится вычислить, где это создание прячет детей — скорее всего, заброшка или подземный коллектор в радиусе Каннама, раз десять лет назад останки нашли именно там. Но главный вопрос... На форуме было написано, как убить эту суку?

Феликс с шумом выдохнул, и его лицо вновь приобрело тошнотворно-скептическое выражение.

— Написано-то написано. Обычное серебро эту тварь не берёт. Чтобы покончить с джином, нужен клинок из драгметалла, полностью омытый в свежей крови ягнёнка.

Хёнджин на секунду завис, переваривая информацию, а затем медленно опустил лицо в ладони.

— Кровь ягнёнка... — пробормотал старший со смесью истерики и обречённости. — Твою мать, Ликс. Мы в центре Сеула. Завтра у нас генеральный прогон камбэка. Где, по-твоему, достать кровь ягнёнка? Позвонить менеджеру и сказать: «Хён, тут для концепта срочно нужен литр парного бараньего сока, закажи через Coupang с доставкой к рассвету»? Нас же в дурку сдадут!

— Вот и я о том же! — Феликс сокрушённо развёл руками, чуть не смахнув салфетницу. — Расклад абсолютно хреновый. Я понятия не имею, где в Сеуле можно легально добыть литр свежей крови невинного барашка, чтобы на нас не повесили ещё и ритуальное убийство животных.

Убрав ладони от лица, Хван глубоко выдохнул, затем нахмурился, возвращаясь к делу:

— Ладно, давай копать дальше. Какие ещё подвиды водятся? На том форуме есть хоть что-то про их иерархию? Вдруг нам попался какой-то «веганский» вариант, который можно вывести из строя обычной солью?

— Мечтай больше, — скептически фыркнул младший. Чтобы устроиться поудобнее, он поджал одну ногу под себя и слегка развернулся корпусом к напарнику. — Разные ветви джиннов обладают совершенно разными дарами и пристрастиями. На форуме писали, что есть целое семейство, которое вообще плюёт на кровь: существа живут за счёт чистого, концентрированного ужаса. Эти мрази погружают человека в глубокий транс, где материализуются все худшие кошмары, и смакуют выделяемый адреналин. А самый высший чин — это Марида. Вот те ребята по-настоящему отбитые: способны временно исказить саму ткань реальности, воплощая чужие прихоти и безумные капризы, чтобы посильнее запутать добычу.

Потирая подбородок, Хёнджин внимательно следил за тем, как по панорамному стеклу лениво ползёт тень от раскидистого дерева.

— Хм... Значит, мы на верном пути. Почерк со сказками и иллюзией Джихуна идеально ложится под классического джинна-манипулятора. Что там было под номером два?

— Вариант два: Бутцеман, — Феликс отпил латте, нахмурившись от концентрации. — Но это, как я понял, чисто европейская история, а мы, чёрт возьми, в Южной Корее.

— Слушай, но джинны — родом из арабских легенд, — откинувшись на спинку кресла и оперевшись локтем о подлокотник, Хван скептически приподнял бровь. — Если один из них умудрился окопаться в элитном районе Сеула, не вижу ничего странного в том, что сюда мог прилететь и какой-нибудь немецкий упырь. Границы для монстров условны.

— Ну, в принципе, верно, — кивнув в знак согласия и поправив съезжающий с головы капюшон огромного худи, младший продолжил: — Но Бутцеман, или, по-нашему, Бугимен — специализируется исключительно на детях. Эта сука прячется в тёмных шкафах или под кроватями, выжидая, пока мелкие накосячат, чтобы наказать за плохое поведение. Чудовище либо похищает ради забавы, либо просто... ну, банально съедает. Его главная фишка — концепция наказания. А Джихун, по словам матери, был идеальным золотым ребёнком. Мотив не сходится.

— Справедливо. Третий вариант?

— Третий — Баба-Яга, — младший не удержался и тихо прыснул, пряча улыбку за ладонью. — Опять же, привет славянскому фольклору и восточной Европе. Но эта тварь — классический лесной житель. Она охотится в глухой, непроходимой чаще, среди болот и вековых дубов. А мы с тобой сейчас сидим в самом центре высокотехнологичного мегаполиса из стекла и бетона. Так что Яга в Каннаме — это как Дин Винчестер без своей Импалы. Ну а если мы имеем дело с Крампусом, то у нас два пути: либо мы провалились в альтернативную мультивселенную, либо этот рогатый чертила очень сильно перепутал рабочий график и календарь.

— Значит, методом исключения остаётся джинн, — Хёнджин задумчиво побарабанил тонкими пальцами по колену под столом. — Но что, если это нечто, чего мы вообще ещё не видели в записях? Вдруг в Каннаме орудует местный азиатский дух, о котором американские блогеры-охотники просто понятия не имеют? Мы же не знаем и сотой части всей этой чертовщины.

— В этом-то и вся загвоздка, — Феликс устало скрестил руки на груди, упираясь локтями в деревянную кромку стола. — Дневник дяди Минсока — отличная база, но записи охватывают

лишь то, с чем он сталкивался лично. А реальный мир, как мы уже поняли, куда шире, грязнее и сложнее, чем эти пожелтевшие страницы.

Сидевший напротив Хван резко выпрямился. В сонных до этого глазах вспыхнул тот самый хищный, опасно-непредсказуемый огонёк, обычно появлявшийся перед самым выходом на сцену. Он подался вперёд, чуть не опрокинув остатки кофе:

— Послушай, Ликс... А взрослая особь нечисти может провернуть фокус с подменой? Помнишь, в бестиарии упоминались перевёртыши? Они ведь мастера мимикрии, умеют идеально копировать чужой облик, красть чужие личности и заменять людей. Если бы кто-то из близкого окружения стал таким самозванцем, мы бы точно что-то заподозрили? Ну, например... если бы один из мемберов вдруг начал вести себя чересчур безупречно? Или, наоборот, жутко отстранённо и странно?

Феликс озадаченно замолчал, подперев пальцами подбородок и переваривая внезапный выпад друга.

— Теоретически... наверное, да. Мы же знаем друг друга наизусть, до каждой трещинки на губах. Думаю, подмену просекли бы в первые пять минут. К тому же, на видеокамерах у перевёртышей глаза жутко отсвечивают — такой неоновый блик на сетчатке получается. А ты кого-то конкретно подозреваешь?

Сузив глаза, Хёнджин бросил быстрый, контролирующий взгляд через плечо на бариста:

— Ну смотри. Сынмин. Заметил, что последние две недели тот просто сияет? Ни одной ошибки в сложнейшей хореографии Минхо, никаких задержек с документами для Vogue, идеальный вокал на записях... Стал какой-то... слишком отполированный, тебе не кажется? Будто его в секретной лаборатории JYP модернизировали.

— Джинни, ты идиот? — Феликс не выдержал, уронил голову на сложенные руки и беззвучно затрясся от смеха. Плечи мелко дрожали, выдавая подступивший хохот, который приходилось отчаянно подавлять, чтобы не привлекать внимания посетителей. — Сынмин есть Сынмин! Зануда-перфекционист до мозга костей, у него этот режим «идеального отличника» по умолчанию в прошивке стоит. К тому же, перевёртыши при смене облика шкуру сбрасывают — из него бы в репетиционном зале лохмотья летели по всему паркету! А он точно не выглядит как замаскированная тварь, у которой свежая, содранная кожа натирает пятки, как новые ботинки.

— Ну ладно, ладно, Сынмин отпадает, — Хёнджин задорно ухмыльнулся, подхватив весёлый настрой, и расслабил плечи. — А ведь эти твари чистого серебра до смерти бояться, помнишь? От одного прикосновения кожа буквально до костей выгорает. Слушай, а давай ради смеха проверим его шмотки? Если из его шкатулки вдруг пропали все серебряные украшения и кольца, что мы подарили на дни рождения... Клянусь, я ему прямо в гримёрке втащу!

— Серебро? Проверить шмотки? — младший наконец приподнял голову от стола, продолжая тихо посмеиваться и утирая выступившие слёзы широким рукавом худи. — Мы не можем просто так взять и бесцеремонно вломиться в соседнюю комнату в общежитии. Сынмин нас там же и закопает, а потом ещё и Чан придёт с дубиной — чисто за нарушение личных границ ребят.

— Да кто говорит про взлом? Мы не будем врываться, агент Кон, мы проведём официальный осмотр, — изящным, сценически отточенным движением поправив выбившуюся прядь, Хёнджин заговорщицки подмигнул Феликсу. — У нас же завтра по плану всё равно дела в JYP, верно? Зайти к стилистам, прихватить образцы тканей для камбэк-костюмов, глянуть, как там продвигаются декорации для шоу... Абсолютно легальная вылазка. А в процессе мы можем чисто «случайно» заглянуть в личный шкафчик коллеги в нашей гримёрке. Заодно проверим, не прячет ли наш главный вокалист под матрасом пару демонических контрактов.

— Ну ты и шутник, Жнец, — младший качнул головой, окончательно сдаваясь под натиском этой безумной идеи. Выпрямившись и спрятав ладони в глубокие карманы толстовки, Ликс

продолжил: — Ладно, давай разыграем его. Но учти: если окажется, что это просто Сынмин, который в очередной раз решил стать величайшим айдолом всех времён и народов, извиняться за шпионаж перед суровым лицом придётся лично тебе.

Самодовольно ухмыльнувшись, старший уже потянулся за ключами от машины, как вдруг в тишине кафе раздалось характерное урчание — не самое грациозное и весьма настойчивое. Феликс уставился на пустой картонный стаканчик из-под латте, а затем на старшего, он в недоумении вскинул брови.

— Погоди... — Ликс округлил глаза, и на лице отобразилось крайнее, граничащее с шоком возмущение. — Дурья башка, ты что, еду вообще не заказывал?!

— В смысле? — глупо моргнул Хёнджин.

— В прямом! Мы сюда вообще-то поесть пришли! — Феликс с грохотом ударил ладонью по столу, заставив салфетницу подпрыгнуть. — Я сижу тут сорок минут, слюной давлюсь, распинаясь про Маридов и Бутцеманов, думал, заказ готовят, вот-вот принесут! А ты только два латте приволок?!

Хёнджин на секунду отключился от реальности, осознавая масштаб своего прокола, а затем виновато пробормотал, пряча глаза:

— Ох, блядь, вылетело из головы, пока размышлял обо всей этой нечисти! Я на автомате баристе карту приложил...

— «Вылетело из головы»! Я сейчас сам как голодный джинн тебя сожру, Жнец недоделанный! Марш за нормальной едой, пока я копыта не отбросил прямо у этого окна!

Спустя десять минут их столик в элитном кафе «Каннама» перестал выглядеть минималистично. Наплевав на строгую диету, парни заставили поверхность тарелками и стаканами, выбрав популярные кофейные специалитеты. Перед Феликсом наконец-то дымился культовый инчольми-тост — горячий, щедро политый сгущенкой, с нежными тягучими тток внутри. Старший же, прикрыв от удовольствия глаза, с наслаждением расправлялся с куском шоколадного чизкейка на плотной бисквитной основе, запивая роскошный десерт второй порцией латте.

Горячая углеводная подзарядка быстро вернула способность мыслить здраво. Насытившись и почувствовав себя обычными людьми, а не измотанными гончими, Охотники оперативно убрали следы пиршества, натянули маски и направились к машине. Фальшивые документы в рюкзаке придавали уверенности: теперь любой досмотр был не страшен.

Путь до дома пролетел незаметно, и вскоре автомобиль тихо припарковался на привычном месте. В салоне воцарилось напряжённое молчание. Парни возвращались в свою реальность — «золотую клетку», где их, они в этом не сомневались, уже очень сильно зажался злой Бан Чан.

Резкий, пронзительный писк электронного замка, прозвучавший спустя несколько минут, показался оглушительным. Первым порог переступил Хёнджин, на ходу стягивая маску на подбородок. В нос ударил привычный, стерильный аромат кондиционированного пространства и цитрусового спрея.

Следом, еле переставляя ноги, ввалился Феликс. Рюкзак, набитый фальшивыми ID и излучателями ультрафиолета, глухо звякнул, когда младший аккуратно опустил ношу на комод у зеркала.

Парни надеялись проскочить незамеченными. Верили, что хаос и плотные графики приглушили бдительность лидера. На часах было ровно три часа дня — самый разгар выходного. План был прост: тихо разойтись по комнатам, сделав вид, что только что вернулись с прогулки. Однако иллюзия безопасного укрытия развалилась в ту же секунду, стоило им ступить вглубь гостиной.

На диване, подперев голову кулаком, сидел Чан. Верхний свет был приглушён — лишь мертвенно-бледный экран планшета выхватывал из полумрака неподвижные черты лица.

Рядом на журнальном столике стояла пустая кружка из-под кофе, а чуть поодаль — тарелка с остатками хлопьев.

Крис даже не шелохнулся — просто медленно поднял глаза, и от этого давящего, пробирающего до костей взгляда у Феликса внутри всё привычно сжалось.

— Три часа дня, — негромко, почти ласково произнёс лидер. Голос вибрировал от плохо скрываемого, монументального разочарования. — Я, конечно, знал, что у моих ведущих танцоров перед релизом открывается второе дыхание... Но не думал, что оно уносит вас из охраняемого периметра. Опять. Без стаффа. Что с вами происходит?

Услышав это, Феликс инстинктивно опешил, приоткрыв рот для заранее заготовленной легенды, но Хван резко, по-охотничьи чётко перехватил инициативу. Сделав шаг вперёд и заслоняя младшего плечом, он выпрямился, нагло ловя взгляд лидера.

— Ничего, хён. Мы просто прогоняли хорягу в голове и заодно съездили за продуктами, — парировал он непривычно твёрдо, без всякого трепета перед авторитетом старшего. — У нас официальный выходной. Мы вольны распоряжаться личным временем так, как считаем нужным, если это не вредит таймингам и записям.

— Свободное время у них, надо же, — раздражённо качнул головой Крис. — Значит так, «свободные художники». В наказание за этот самовол сегодня готовите ужин на всех мемберов. И только посмейте куда-нибудь смыться из общаги до вечера! Я лично проверю кухню.

— Поняли, хён. Всё сделаем, — не отводя глаз, ответил Хёнджин, хотя внутри бушевал дикий диссонанс. В представлении Чана мир состоял из безупречных битов, отточенных концептов и защиты бренда. Для него с младшим — из безликих монстров, сосущих детскую кровь в заброшенных коллекторах.

— Живо по комнатам. Чтобы до вечера я вас не видел и не слышал. Отдыхайте. Если Минхо утром пожалуется, что у кого-то из вас стеклянный взгляд на связках — я лично запру вас в студии до самого релиза. Марш.

— Спасибо, хён, — тихо буркнул Феликс, коротко поклонившись, и первым рванул по коридору, увлекая за собой друга и перехватывая рюкзак.

Оказавшись в своей комнате, Хёнджин трижды провернул замок — до гулкого, сытого щелчка. Сбросив объёмное худи прямо на пол и оставшись в одной футболке, он обессиленно рухнул на кровать, уставившись в потолок. Плотный шоколадный чизкейк и инчжольми-тост из каннамского кафе до сих пор отзывались сытостью, но мозг продолжал напряжённо вращать шестерёнки.

Джинн. Бутцеман. Марида. Фальшивые ксивы ФБР на имя Ли Донука. Весь этот безумный карнавал никак не желал укладываться в рамки нормальной жизни.

Стоило Хвану перевернуться на бок и бросить взгляд на письменный стол, как память подбросила едва уловимый, но важный фрагмент. Месяц назад бестиарий дяди пришёл в старой коробке от анонимного отправителя. Тогда он без задней мысли запихнул листки с латынью в ящик вместе с прочим хламом.

Резко вскочив, он подошёл к столу и выдвинул нижний ящик, заваленный эскизами и сломанными наушниками. Пальцы лихорадочно зарылись вглубь, пока не нащупали искомое.

Из кучи бумаг показался крошечный, потускневший от времени латунный ключ. На ушке плотной проволокой была закреплена пожелтевшая пластиковая бирка, на которой кривым, спешным почерком дяди Минсока было выведено: «Ячейка 714. Инчхон, Сондо».

— Что ж ты сразу не всплыл... — прошептал Хван, подавляя колкую дрожь, пробежавшую по спине.

Пальцы потянулись к ноутбуку, брошенному на край стола. Один клик — и в поисковую строку полетели координаты. Монитор залил лицо холодным сиянием. Адрес подтвердился: старый автоматизированный комплекс на самой окраине инчхонской промзоны. Идеальное место — уединённое, глухое, заваленное остовами ржавых контейнеров.

Схватив ключ, старший даже не стал обуваться — прямо в носках бесшумно провернул замок, выскользнул в коридор и в два шага преодолел расстояние до нужной двери. Короткий, drobный стук в древесину.

По ту сторону послышалось шуршание. Наконец створка приоткрылась. Феликс уже успел переодеться в застиранную пижаму, но, увидев гостя, замер на пороге.

— Джинни? Ты с ума сошёл? Чан же услышит... — младший резко схватил Хвана за запястье и втянул в комнату.

Хёнджин от такой неожиданности едва не потерял равновесие, плечом задев косяк, и тут же сдавленно зашипел:

— Эй, полегче! Руку мне оторвать решил?

Но Ликс уже метнул встревоженный взгляд в тёмный коридор, с тихим щелчком запер дверь и только после этого повернулся. В ответ на недоуменный вопрос Хёнджин лишь победно вскинул ладонь с латунным артефактом.

— Смотри, что нашёл в коробке с дневником Минсока, — дыхание старшего сбивалось, а глаза азартно блестели. — Тут адрес: Сондо, Инчхон. Закрытый складской терминал, ячейка семьсот четырнадцать. Там припрятано что-то важное, Ликс. То, что дядя оставил перед исчезновением. Чутьё подсказывает: внутри арсенал или годная матчасть по нечисти. Нужно ехать прямо сейчас, пока Чан считает, что мы отсыпаемся.

Лицо Феликса вмиг переменилось. Краска отлила от щёк, сменившись резким, почти болезненным испугом. Он отступил, сердито бряцая пижамными пуговицами, и устался на Хвана так, словно тот предложил прыгнуть с крыши здания ЛУР без страховки.

— Нет. Даже не думай об этом, Хван Хёнджин! — младший перешёл на яростный, свистящий шёпот, округлив глаза под светлой чёлкой. — Совсем берега попутал?! Мы только что еле отмазались от Чана! В гостиной трясло, как школьников, у меня до сих пор колени ватные! И ты предлагаешь снова влезть в машину и мчать в заброшенную промзону Инчхона?

— Ликс, включи логику, — Хёнджин попытался схватить друга за плечи, но тот раздражённо увернулся. — У нас на руках имя твари. Джинн. И абсолютно никакого оружия против него! Кровь ягнёнка и серебряный клинок, помнишь? Где мы достанем это в Сеуле? А в ячейке может лежать всё необходимое. Дядя Минсок не стал бы оставлять ключ просто так.

— Да это же явная, грёбаная ловушка! — Феликс всплеснул руками, чуть не сбив настольную лампу, и ткнул пальцем в грудь друга. — Ты хоть иногда думаешь головой, Жнец недоделанный?! Какой-то аноним присылает мемуары, подсовывает ключ от забытого богом склада... Ты понятия не имеешь, что там! Я никуда не поеду. Это самоубийство!

Младший беспокойно огляделся, зацепившись за игровые девайсы и мягкие подушки — те казались насмешкой, напоминая о спокойной жизни, которая с каждой минутой ускользала из рук. Хван в ответ на тираду лишь демонстративно прислонился к косяку, считывая панику приятеля с пугающей лёгкостью. На лице заиграла привычная, издевательская ухмылка. Пальцы подбросили латунный предмет в воздух, и тот с тихим, чистым звоном вернулся в ладонь.

— Ой, боже мой, Ликс, — протянул старший, картинно закатив глаза. — Включаешь режим пугливой насадки? Бессмертный Ким Шин, говоришь? Демон из даркнета? Да ты у нас просто трусишка, Ёнбок-а.

Феликс от возмущения даже задохнулся. Скрестив руки на груди, он понизил голос до угрожающих частот:

— Я не трус! Я просто единственный в этом дуэте, у кого серое вещество ещё не выгорело от адреналинового прихода! Ты хоть на часы смотрел, гений тактики?

— Смотрел, — Хван шагнул ближе, бесцеремонно толкнув друга плечом, и ткнул пальцем в мерцающий экран смартфона. — Сейчас ровно 15:35. Чан выдал нам наряд по кухне на вечер. Мемберы подтянутся голодными дай бог к восьми часам. У нас в запасе почти пять часов

абсолютной, благословенной свободы! До Сондо ехать минут сорок по свободной трассе, если поднажать. Давай, Ликс, вошли и вышли, приключение на три часа! Спокойно всё сделаем, заберём груз и ещё успеем сообразить твой фирменный рамен или пожарить мясо к 20:00. Никто и глазом моргнуть не успеет.

Переведя взгляд с наглого лица провокатора на латунный ключ, Феликс на секунду замешкался. Внутри разгоралась жестокая битва: прагматичный страх перед гневом Бан Чана и здравый смысл Охотника отчаянно боролись с упрямой гордостью и тем самым азартом, который старший так умело расковырял своей подколкой. К тому же аргумент про отсутствие оружия против джинна бил под дых. Идти на ментального паразита с пустыми руками и пачкой соли — безумие в чистом виде.

Взвесив всё за и против, Феликс смерил друга суровым взглядом:

— Мы едем туда, забираем содержимое ящика и сразу же мотаем обратно, — процедил младший, указывая на Хёнджина пальцем. — Без осмотра достопримечательностей Инчхона. Без заездов на чёртовы заброшки. И если мы опоздаем к ужину и Чан устроит разнос — я лично заставлю тебя перемыть всю гору посуды в этой общаге. В одиночку и до идеального блеска, Жнец.

— Идёт, агент Кон, — Хван победно оскалился и с той самой фирменно-хулиганской улыбкой добавил: — Пакуй штанишки, Ликси, пора в путь!

Сборы заняли от силы три минуты, но на взвинченных нервах время растянулось в вечность. Феликс с досадливым шипением сдёргнул пижаму, едва не оторвав пуговицы, и натянул привычные карго с угольно-серым лонгсливом. Старший уже обувался у порога, втиснув стопы в свободные кроссовки друга, которые выудил из шкафа несколько секунд назад. Он шнуровал их сосредоточенно, почти ювелирно, не издавая ни звука.

Затаив дыхание, оба стали вслушиваться в шорохи общежития. Из кухни донёсся звонкий стук посуды: Чан сполоснул кофейную кружку, выключил планшет и неспешно направился вглубь коридора. Сразу после этого глухо хлопнула дверь спальни, и в доме воцарилась густая тишина. Чанбин с Ханом уехали на дополнительную сессию звукозаписи, Сынмин с Чонином закрылись в вокальном классе JYP, а Минхо, если верить общему чату, отправился провести родителей и котов. Путь был свободен.

Схватив рюкзак, Феликс вместе с другом, словно две тени, просочился в прихожую. Хван, действуя со сноровкой заправского карманника, подцепил с комода ключи от BMW. Электронный замок на входной двери пискнул — парень успел прижать динамик пальцем, заглушив сигнал наполовину. Секунда — и прохладный вечер принял их в свои объятия.

— Если нас поймают, я буду делать вид, что вообще тебя не знаю. Надеюсь, твоего красноречия хватит, чтобы выкрутиться за двоих, — шёпотом напутствовал Феликс, натягивая капюшон до самых глаз, пока они быстро сбегали по ступеням к парковке.

— Не ной, Демон, всё под контролем, — усмехнулся Хван, крутанув на пальце брелок. Чёрный кузов «немки» тускло блеснул в полумраке деревьев.

На трассе в сторону Инчхона BMW летела, разрезая душный июльский зной. Хёнджин уверенно вёл машину, обходя редкие грузовики, но взгляд, устремлённый на бетонную ленту шоссе, оставался пугающе тяжёлым. В салоне тихо рокотал старый блюз-рок, однако даже ритмичные аккорды не могли заглушить гул мыслей.

— Понимаешь, Ликс... Это всё неспроста, — нарушил молчание старший, крепче сжимая руль. — Дневник пришёл в коробке без обратного адреса. Теперь этот ключ, который я чудом не выкинул вместе с хламом. Кто-то методично подсовывает нам хлебные крошки. Нас ведут.

Повернув голову, Феликс принялся разглядывать резкий профиль друга:

— Думаешь, дядя Минсок жив? Но в базах данных он числится пропавшим без вести уже восемь лет. Да и полиция тогда наверняка перешерстила всё, что ему принадлежало. Как они упустили этот склад?

— А действительно ли это была его собственность? — Хёнджин свернул на объездную Сондо, где пейзаж за окном стремительно сменился на унылые серые ряды промышленных ангаров. — В прошлый раз в записях упоминались Хранители или Орден Просвещённых. Помнишь? Минск писал, что Хваны и Ли веками были силовиками, гончими, а существовали ещё и те, кто обеспечивал прикрытие. Что, если склад принадлежит Ордену? И тот, кто прислал посылку, — один из них?

— Орден Просвещённых в корейской промзоне... — Феликс нервно ухмыльнулся, крутя в пальцах латунный ключ. — Звучит так себе. Но если это они, почему не выходят на связь открыто? Зачем эти шпионские игры с ячейками?

— Потому что для них мы — новички, Ликс, — отозвался Хван, сбавляя скорость, его голос прозвучал низко и едва различимо. — Нас проверяют: сможем ли мы собрать головоломку, не попавшись агентству и полиции. И если этот ангар — то, о чём думаю, там ответы на половину вопросов. Куда исчез дядя, кто держит Сеул за горло... И как нам не сдохнуть на второй, более опасной охоте.

Машина свернула на разбитую грунтовку, колёса зашуршали по мелкому гравию. Вокруг высились бесконечные ряды пустующих боксов складского терминала. Место выглядело вымершим: ободранные автоматические ворота, выцветшие номера отсеков и стена густого леса, вплотную подступившая к границе промзоны.

BMW плавно остановилась в тупиковом проезде у бокса с полустёртыми цифрами «714». Парни синхронно выбрались из салона. Жары здесь будто не существовало — от железных стен веяло сыростью и забвением.

К тяжёлой подъёмной двери первым подошёл Хёнджин. Навесной замок, некогда прочный и блестящий, теперь был покрыт бурой коркой ржавчины.

— Ликс, давай ключ, попробуем открыть, — старший протянул руку, принимая у друга латунный кусок металла, и вставил в скважину. Тот вошёл с трудом, отозвавшись противным скрежетом. Хёнджин попытался провернуть механизм, но внутри всё заклинило намертво.

— Блять... — процедил он, упираясь ладонью в скобу. — Не идёт. Ликс, помоги, тут нужно провернуть со всей силы.

— Не сломай, придурок, другого нет! — Феликс подскочил ближе, перехватывая ладонь напарника.

Оба упёрлись в рычаг, тяжело дыша и налегая всем весом. Материал жалобно звякнул, внутри замка что-то хрустнуло, и дужка с глухим стуком откинулась вниз. Сорвав преграду, Хёнджин ухватился за нижний край конструкции:

— Тяни вверх! На три-четыре!

С резким, режущим слух визгом ворота поддались, уходя под потолок, взбаламутив вековую осадочную пыль. Парни невольно закашлялись, прикрывая лица рукавами, и шагнули в полумрак.

Внутри пахло машинным маслом, бензином и застарелой сыростью. Гараж оказался просторным, но запущенным, и, осмотревшись, они двинулись вглубь бокса. Повсюду царил беспорядок: на покосившихся полках выстроились пожелтевшие документы, пустые канистры и брошенные на произвол судьбы инструменты.

Феликс подошёл к стеллажу в углу и потянул за край плотную картонную папку. В нос снова ударил запах старой бумаги. Смахнув слой серых хлопьев ладонью, младший замер. На обложке красовалось тиснение — тот самый затейливый символ, который они уже видели в мемуарах.

— Джинни, глянь-ка, — он раскрыл папку, пробегаясь глазами по выцветшим строчкам. — Архивы. Печати, подписи... Документы Ордена Просвещённых. Здесь расписаны поставки и отчёты по восточноазиатскому региону за тридцать лет. Минск оказался по уши втянут в эту систему.

Подойдя ближе, Хёнджин заглянул через плечо друга. В папке нашлась старая, выцветшая фотография. На ней молодой, улыбающийся Хван Минсок стоял в обнимку с женщиной, чьи черты лица до безумия напоминали отца Феликса. На обороте каллиграфическим почерком было выведено: «Хван и Ли. Последнее патрулирование. Пусан, 1998».

— Они работали вместе, Ликс... — пальцы Хёнджина мелко подрагивали, когда тот взял снимок. — Наши отцы, наши дяди. Это наше общее наследие. Мы с тобой связаны этим дерьмом куда сильнее, чем контрактом JYP.

Феликс молча переваривал увиденное, пока взгляд не зацепился за центр ангара, где под плотным серым брезентом угадывался крупный, угловатый силуэт.

— Слушай, Хван, — кивнул на грудку ткани младший. — А это что за хлам тут стоит?

— Сейчас узнаем.

Оставив документы, старший подошёл к капоту и ухватился за край грубой ткани. Одним энергичным движением та была сорвана и брошена на бетон. Полог с тихим шорохом опал, обнажая хищные, бескомпромиссные контуры матового чёрного кузова. Идеальный хром на радиаторной решётке, злые круглые фары, утопленные в крылья, и едва заметная надпись на борту: BOSS 429.

Это был легендарный Ford Mustang 1969 года. Настоящий американский маслкар посреди корейской промзоны.

Сердце пропустило удар. Руки безвольно опустились, челюсть приоткрылась, а в округлившихся глазах отразился неподдельный шок. Стоя у капота, Хёнджин не верил собственному зрению.

— Охуеть... — выдохнул старший, и этот сдавленный полушёпот эхом пронёсся по углам ангара. — Просто... охуеть. Ликс, скажи, что это не галлюцинация. Это же грёбаный «Босс 429»! Их всего пара сотен в мире!

Попытки поправить сползающий с плеча рюкзак не увенчались успехом. Обойдя находку по кругу, младший осторожно провёл пальцем по запylённому стеклу водительской двери.

— Ого... Вот это «хлам», — ошарашенно пробормотал Феликс, заглядывая в салон, где кожаные сиденья скрылись под слоями вековой грязи. — Красивая... Вид потрясающий, но глянь на диски — сплошная ржавчина, резина спущена в ноль. А под днищем масляное пятно. Похоже, машина простаивает здесь лет семь, если не дольше. Если картер пуст, движок мог давно прикипеть изнутри. С места не сдвинем.

Аргументы, похоже, не произвели на Хвана никакого впечатления. Резким жестом он сбросил фиксаторы, и тяжёлая створка капота с лязгом откинулась, жёстко оперевшись в ограничители. В недрах моторного отсека покоился «восьмицилиндровый зверь», покрытый слоем дорожной пыли, но не утративший былой ярости. Глаза впились в переплетение шлангов и карбюраторный узел. Изучив «начинку», старший захлопнул капот, однако зазевался: механизм едва не прищемил ему пальцы. Вскрикнув, он отдернул ладони и принялся трясти ими в воздухе, смешно кривясь от неожиданного укола боли.

— Пятно на полу — мелочи, главное, что блок не треснул! — выпалил Хёнджин, всё ещё дую на пальцы. — Движок целый, цилиндры на месте. Ликс, я восстановлю её. Переберу эту крошку до последнего винтика.

Феликс, который до этого момента опирался на верстак, скрестив руки, не сдержал ухмылки и покачал головой.

— Ты сейчас скорее пальцы переберёшь, чем этот автохлам, мастер-механик, — младший подошёл ближе, пихнув друга плечом. — Нам нужна «левая» тачка для рейдов, а не та, что развалится на первом же перекрёстке, потому что у водителя пальцы в капоте застряли.

— Нам не нужна «левая» машина! — старший отрицательно мотнул головой. — Мы будем рассекать по Сеулу на этой чёрной бестии.

Скептически выгнув бровь, Феликс не выдержал и фыркнул:

— Да что ты? А кто в прошлый раз три часа собирал стул из «Икеи» и чуть не проклял весь скандинавский дизайн! А тут у старушки подвеска сгнила, пока мы ещё пешком под стол ходили.

Застыв на месте, Хёнджин театрально прижал ладонь к груди, словно получил ранение прямо в сердце. Он смерил друга долгим, полным незаслуженной обиды взглядом, но уже через секунду губы тронула лукавая ухмылка.

— Во-первых, Ликс, шведы просто не положили в коробку инструкцию на корейском, это был заговор против моего ментального здоровья. А во-вторых, — он вальяжно облокотился на крыло, совершенно не заботясь о том, что тёмный рукав его любимого оверсайз-худи тут же измазался в пыли, — чья бы корова мычала! Кто на прошлой неделе умудрился застрять в собственной толстовке и всерьёз звал на помощь, потому что... — Хёнджин принялся демонстративно дёргать себя за тот самый локоть, где теперь красовался широчайший пыльный след, комично передразнивая чужую неуклюжесть, — «локоть застрял»? Так что технический гений здесь всё-таки я.

— Это был дизайнерский оверсайз, гений! — парировал Феликс, оскорблённо вскинув подбородок. — И ткань там была бракованная. К тому же моя жизнь от этого худи не зависела, в отличие от твоих безумных планов кататься на груди старья вообще без тормозов.

— Тормоза придумали трусы, Ликси, — старший заговорщически подмигнул и ласково провёл ладонью по капоту, смахивая пыль, как с величайшего сокровища мира.

— Ты сумасшедший, Хван, — младший покачал головой, но на лице вопреки всему расплылась задорная усмешка. — Чан ждёт нас к восьми вечера с готовым ужином, Минхо пасёт каждый шаг, а ты собираешься втихаря между камбэками капитально отремонтировать американский маслкар шестидесятых в Инчхоне? У нас и так времени в обрез!

— Мы найдём время, агент Кон! — Хван энергично отряхнул испачканные ладони, отступив на шаг от машины, и аккуратно убрал старые документы Ордена в рюкзак. — Этот «Мустанг» — наше законное прикрытие. Минсок оставил автомобиль нам. И когда эта детка зарычит — монстры Каннама сами полезут обратно в свои норы. А теперь давай шустрее обыскивать верстак. Оружие и патроны должны быть где-то здесь. Нам кровь из носу нужно успеть до ужина!

Не теряя ни секунды, парни принялись за дело. Пока Феликс внимательно перелистывал пожелтевшие страницы из папки Просвещённых, напарник уже всюю хозяйничал у верстака. Ловкие пальцы безжалостно сбрасывали на пол промасленные тряпки, пустые склянки и заклинившие тиски. Тёмный силуэт «Мустанга» за спиной словно подгонял своей мощной аурой, заставляя действовать быстрее. Внутренний таймер неумолимо отсчитывал драгоценные минуты до роковых 20:00.

— Должно же быть что-то ещё, — бормотал Хван, простукивая добротную дубовую столешницу. — Дядя не оставил бы маслкар без нормального «содержимого». На хрена Охотнику пустой гараж?

Услышав сомнения старшего и отложив архивы, Феликс подошёл ближе, присматриваясь к глухой стене за верстаком, наполовину зашторенной грязным брезентовым пологом. Он дёрнул плотную ткань. С сухим лязгом занавес упал, обнажая встроенную в бетон нишу.

Там, в серой глубине, высился оружейный сейф из тёмного сплава. По габаритам конструкция почти не уступала шкафам в их общежитии. На мощной двери тускло поблёскивал круглый штурвал механического затвора, а чуть выше красовалась кнопочная кодовая панель старого образца. Батарейка внутри каким-то чудом ещё подавала признаки жизни — маленький красный диод лениво моргал в полумраке.

— Опа... — Феликс присвистнул, потирая ладони. — А вот и наш сундук со сказками. Ну давай, Жнец, расчехляй хакерские таланты. Каков код?

При виде бронированной конструкции Хван на секунду потерял дар речи. Огонёк азарта во взгляде вмиг сменился растерянностью.

— Откуда я, блять, знаю? — старший раздражённо взъерошил влажные волосы. — Минск не написал комбинацию на бирке ключа. Шесть цифр. Миллион вариантов.

— Ну вспоминай! — Феликс ощутимо пихнул друга локтем в бок. — Ты же сам орал, что это твоё родовое гнездо! Значимые даты, дни рождения, год основания этого чёртового Ордена, дата твоего первого прослушивания в ЛУР, в конце концов!

— При чём тут ЛУР, Ликс?! — возразил Хван, но пальцы уже инстинктивно потянулись к холодным пластиковым кнопкам.

Тяжело вздохнув, старший попытался вытащить из глубин памяти всё, что было связано с дядей. Семь лет тишины. Семь лет теорий о побеге от кредиторов.

Первая попытка: дата исчезновения Минсока. Пальцы быстро отстучали цифры. Панель отозвалась коротким, пронзительным писком и дважды моргнула красным. Мимо.

Вторая попытка: собственный день рождения. Дядя всегда выделял племянника среди остальных родственников, проча тому «особое будущее». Повторный ввод — и снова отказ. Красный светодиод замигал чаще, предупреждая о блокировке.

— У нас нет времени на «угадайку», Хёнджин, — младший испуганно обернулся к воротам, будто Чан мог материализоваться прямо на пороге. — Давай, думай! Что связывало их всех?

Внимание старшего зацепилось за рюкзак, где лежала выцветшая фотография. «Последнее патрулирование. Пусан, 1998». Дата, когда отцы и дяди в последний раз вышли на охоту вместе, прежде чем Орден начал распадаться, а семьи предпочли предать тот кошмар забвению.

— Пусан... — слетело с губ.

Рука вновь потянулась к кнопочной панели, без колебаний вбивая шесть цифр с оборота снимка. Повисла короткая пауза, а затем замок отозвался победным писком и вспышкой индикатора. Внутри сейфа со скрежетом провернулись стальные ригели.

— Есть! — Феликс азартно выдохнул, тут же схватившись за штурвал.

Дверь поддалась с глухим, маслянистым шорохом, открывая доступ к содержимому. Феликс поднял телефон и направил луч фонарика в глубину — яркий свет мгновенно выхватил из темноты то, от чего у обоих захватило дух.

На бархатных ложементх ровными рядами покоился профессиональный арсенал, способный разнести половину нечисти Евразии — точь-в-точь как в сериале про Дина Винчестера.

— Мать Божья... — Феликс напрочь позабыл о своём айдольском лоске.

Младший протянул руку и аккуратно, чуть ли не с благоговением, коснулся матовой рукояти мачете, висевшего на верхней полке. Клинок был идеально сбалансирован, холодная сталь тускло бликовала, а по краю тянулись выгравированные латинские защитные символы. Рядом выстроился целый ряд охотничьих ножей и длинных клинков, выкованных из серебра высокой пробы — от одного их вида по спине пробежал озноб.

В соседней секции виднелось огнестрельное оружие, приковавшее к себе внимание Хвана. Среди прочих стволов выделялся Desert Eagle пятидесятого калибра с хромированным покрытием и затейливой гравировкой на затворе. Старший осторожно приподнял «карманную пушку» — пистолет оказался невероятно увесистым. Рядом, в резком контрасте с этим блестящим гигантом, лежал строгий, сугубо рабочий Glock 17 с парой снаряжённых магазинов.

А чуть ниже, на оружейных стойках, дожидалась своего часа серьёзная артиллерия. Медленно выудив из пазов классический тёмно-матовый Remington 870 с укороченным прикладом, Хёнджин сжал пропитанный запахом ружейного масла и пороха корпус, приятно холодивший ладони. Он передёрнул затвор — и по гаражу разнёсся хлёсткий механический лязг, способный вызвать трепет у любого ценителя.

— Сука, настоящий... — старший восторженно улыбнулся, вжимая приклад в плечо и целясь в пустой угол ангара. — Ликс, слышал? Чистый секс. А этот «Дезерт Игл»? Да такой калибр свалит слона, не то что демона!

— Положи пушку, Шумахер, она заряжена! — Феликс в панике пригнулся, но тут же отвлёкся, заметив на средней полке странный предмет в отдельном каustomном футляре.

Стоило откинуть крышку, как младший невольно ахнул. Внутри лежал культовый древний кинжал устрашающего вида — тот самый нож Руби. Рукоять, выточенная из потемневшей от времени кости, бугрилась естественными бороздами, готовая лечь в ладонь. Но главное — клинок: широкий, с хищным скошенным остриём. Режущую кромку у основания прорезали глубокие волнообразные зубцы, напоминающие клыки доисторической твари. По серому полотну стали вились вытравленные клинописные знаки, от которых веяло могильным холодом. Даже при беглом взгляде становилось ясно — этот инструмент создан не для людей, а для того, чтобы кромсать высшую нечисть.

— Хёнджин... — сглотнул Феликс, осторожно коснувшись костяного основания. — Посмотри. Откуда у дяди такая вещь?! Это же легендарный клинок, способный убивать демонов наповал без всяких ритуалов экзорцизма! Минск что, ограбил хранилище Хранителей или отнял трофей у какого-то адского ублюдка?

— Похоже, дядюшка играл в высшей лиге, — глухо отозвался старший, не сводя глаз с жутких зазубрин и вязи рун. — Теперь понятно, почему родственника так усердно ищут.

— Погоди-ка... — младший ненадолго замолк, обдумывая услышанное. — Ты реально думаешь, что Орден охотится за этим ножом? А без нас они вскрыть сейф, конечно, не могли? Ну это же бред! Хван, включи мозг. Они — могущественная организация, а не банда налётчиков. Если бы им был нужен артефакт, ангар разнесли бы в щепки ещё месяц назад. С чего вдруг им понадобились именно мы?

Слова Феликса попали в точку. Лихорадочный пыл, с которым старший секунду назад вскидывал дробовик, резко угас. Руки бессильно опустили оружие, а на лицо набежала тень тяжёлой, выматывающей усталости.

— Я не знаю, Ликс... — голос Хвана прозвучал по-настоящему растерянно. — Я уже, блядь, вообще ничего не понимаю. И понятия не имею, что и кому от нас нужно.

Феликс молча переводил взгляд с поникших плеч друга на зловещный кинжал. В ангаре воцарилась гнетущая тишина, которую лишь слегка разбавлял далёкий гул вечернего города. Сделав глубокий вдох, младший сглотнул ком в горле — в глазах панику вытеснила отчаянная решимость.

— Ладно... — осторожно прикрыв крышку кейса, младший всё же оставил ладонь на потемневшей костяной рукояти. — Слушай, Хван. А что, если нам... самим попробовать выйти на этот Орден?

Старший резко вскинул голову, посмотрев на друга с глубоким недоумением.

— Ты сейчас серьёзно? — выдохнул он сдавленно. — Мы даже не знаем, кто они такие.

— Давай просто рассуждать логически. — Младший взъерошил волосы, и в голосе прорезалось опасное напряжение: — Смотри: если дядя Минск пропал ещё в две тысячи пятнадцатом, я абсолютно уверен, что кто-то из этого чёртова Ордена точно знает, где он сейчас. Жив он или... ну ты понял. К тому же они наверняка постоянно крутятся где-то рядом. Хван, подумай! Восемь лет прошло! А вдруг один из них прямо сейчас работает в ЮР и все эти годы следит за нами?! Наш менеджер, кто-то из стаффа, охраны, да кто угодно! Что, если вся эта цепочка событий совсем не так проста, как нам кажется?

На полуслове Ликс осёкся, уставившись в пустоту. В голове внезапно сошёлся безумный пазл. Нахмурившись, он судорожно перебирал в памяти странности прошлых лет, пока наконец, с расстановкой, не произнёс:

— Всё это... Всё это как-то связано. Чёрт, нас ведут. И, похоже, уже очень давно.

От таких догадок в ангаре стало ещё холоднее. Старший оцепенел, буравя друга потрясённым взглядом. Мысль о том, что враг мог целых восемь лет находиться на расстоянии вытянутой руки — в их родном агентстве, среди привычных, улыбающихся лиц — ударила под дых сильнее, чем новость о существовании демонов.

— В JYP? — хриплым шёпотом переспросил Хёнджин, оглядываясь на вход с опаской, будто за дверью кто-то притаился. — Твою мать, Ликс... Ты хоть понимаешь, какую дичь сейчас озвучил? Нас держат под колпаком с самого подросткового возраста? Да мы с этими людьми каждый божий день проводим, нас из-под камер не выпускают!

Слова не давали покоя. Не в силах стоять на месте, Хван резко отвернулся, зашагав туда-сюда. Ствол дробовика в сжатых пальцах дрогнул. Адреналин снова ударил в кровь, но теперь это была не эйфория от оружия, а чистая, концентрированная паранойя.

— Хотя... Чёрт, — он озадаченно вскинулся, побледнев. — Помнишь, как быстро полиция закрыла дело, когда дядя пропал? А компания тогда... Менеджер Пак ведь сам вызвался «помочь» нам с вещами и квартирой. И все эти восемь лет они просто ждали? Ждали, пока мы повзрослеем?! Сука!

С силой ударив ладонью по стальному стеллажу, старший резко оборвал эмоциональный порыв — гулкий лязг разнёсся под сводами ангара. От этого грохота Феликс вздрогнул. Понимая, что друга сейчас окончательно унесёт в панику, он сделал шаг навстречу и примиряюще поднял открытые ладони.

— Хван, тихо, остынь! — Ликс крепко сжал плечо друга, заставляя сфокусировать взгляд на себе. — Тормози. Это пока только наши мысли и теории. У нас нет никаких фактов, и говорить о чём-то конкретном слишком рано. Не накручивай себя. Давай собираться, время не резиновое.

Пару мгновений Хёнджин смотрел сквозь Феликса, словно продолжая невидимый бой. Наконец он прикрыл веки, сделав глубокий, рваный вдох. В ангаре ненадолго зависла тишина, а затем старший шумно выдохнул, заставляя себя сбросить наваждение.

— Да... Да, ты прав, — Хван моргнул, окончательно приходя в себя, и голос наконец перестал дрожать. — Рано паниковать, будем решать проблемы по мере поступления. Забиваем рюкзаки по максимуму, Ликс. Пушки прячем на самое дно багажника BMW, под запаску, а доки Ордена — с собой. Нам нужно лететь в Сеул, встать к плите и делать самый невинный вид на свете, пока Чан не заподозрил, что мы привезли в общагу арсенал для небольшой войны. Шевелись! Нас ждёт великий ужин.

Бережно опустив дробовик, старший принялся быстро, но аккуратно упаковывать клинки, нож Руби, пистолеты и Remington в плотные брезентовые чехлы из сейфа. Резкий перезвон затворов и сухой шорох ткани гулким эхом разносились по пыльному ангару Сондо. Тем временем на запястье Феликса часы уже безжалостно показывали 18:37: до неминуемого возвращения голодных мемберов в общежитие оставалось чуть больше часа, а парням ещё предстояло прорваться через вечерние пробки на въезде в Сеул.

Поспешно хватая со стеллажа коробки с патронами и серебряные ножи, Феликс споро распределял их по рюкзакам. Пока он заканчивал со снаряжением, Хван уже тащил к бэхе первую партию оружия, завернутого в промасленную ветошь.

Возле открытого багажника старший действовал со сноровкой заправского контрабандиста. Одним рывком поднял панель фальшпола, обнажив нишу со сдутым запасным колесом и набором инструментов.

Внушительный Remington 870 лёг на самое дно, прямо под стальную кромку диска. Хромированный Desert Eagle пятидесятого калибра вместе со снаряженными магазинами от Глока Хёнджин ювелирно втиснул в зазоры между домкратом и ремкомплектom. Сверху всю эту конструкцию наглухо зафиксировал штатным ковровым матом. Даже если дотошный мене-

джер ЛУР решит заглянуть в багажник, он увидит там исключительно чистоту и пару пакетов со спортивной формой.

Параллельно с этим Феликс с силой захлопнул толстую дверь сейфа. Круглый штурвал механического затвора повернулся с плотным, маслянистым звуком, и электронная панель заблокировала ригели, разочарованно пискнув на прощание.

Покончив с погрузкой, старший вернулся к дремлющему посреди гаража «Мустангу». Грубый серый брезент оказался весьма ощутимым по весу, но Хван одним махом натянул полотно обратно, укрывая матовый чёрный кузов от въедливой сырости и пыли.

Ткань плавно опустилась, скрывая хищные очертания капота Boss 429. Прежде чем накрыть корму автомобиля, он на секунду помедлил. Медленно опустившись на одно колено, протянул руку и ладонью очистил от вековой грязи хромированную окантовку задних габаритов.

Во взгляде проступила та самая чистая, фанатичная привязанность к машине, которую когда-то демонстрировал Дин Винчестер своей «Импале». Хван слегка похлопал по крылу маслара и тихо, но невероятно веско произнёс в темноту ангара:

— Ты чертовски красива даже под этим ржавым саваном, детка... Дождись меня. Я переберу твоё сердце, и ты ещё зарычишь у меня на улицах Сеула. Обещаю. А пока — спи.

Стоявший у выхода с рюкзаком на плече Феликс беззвучно выдохнул, не решаясь торопить друга — момент казался слишком хрупким, чтобы портить его суетливым бубнежом.

Наконец, с натужным стоном парни вместе потянули подъёмную створку бокса «714» вниз. Конструкция с гулким ударом впечаталась в бетон, подняв облако пыли. Прodeв дужку навесного замка в проушины, старший с силой надавил на корпус, фиксируя запор. Несмотря на неисправный внутренний механизм, снаружи гараж теперь выглядел неприметным и заброшенным.

Через секунду двери BMW захлопнулись, отсекая их от мрачной инчхонской промзоны. Немецкий двигатель глухо заурчал, и машина рванула с места, оставляя позади шлейф из мелкого гравия.

На сеульской трассе их встретили первые сумеречные огни. Выжав газ, Хёнджин уверенно обходил неповоротливые фуры. В салоне звучал приглушённый блюз, но обстановка оставалась натянутой, как струна.

Не выдержав тишины, Ликс, сидевший на пассажирском сиденье, запустил ладонь в рюкзак. Аккуратно выудив оттуда кастомный кожаный футляр, он щёлкнул фиксаторами, и на колени парня лёг древний нож. Подушечка большого пальца осторожно скользнула по волнообразной режущей кромке — к ней было страшно даже прикоснуться. В свете мелькающих фонарей вытравленные на стали клинописные знаки пугающе поблёскивали.

— Джинни... — не отрывая взгляда от оружия, тихо позвал Ликс. — Ты ведь тоже об этом думал, да?

— О чём именно? — Хван бросил беглый взгляд на колени друга, а затем снова сосредоточился на разметке шоссе.

— О балансе, — младший перевернул клинок, изучая вязь странных узоров. — В дневнике дяди Минсока все эти твари — гули, оборотни, вампиры — описаны как... ну, как аномальная фауна. Биологическая дрянь, с которой можно бороться солью и железом. Но этот клинок... совсем другой уровень. Если верить американским хроникам, эта штука создана исключительно для того, чтобы отправлять демонов прямиком в ад.

По коже побежали мурашки, заставив Феликса на секунду запнуться, прежде чем продолжить:

— Ты понимаешь, что это значит? Демоны существуют, Джинни. Настоящие падшие духи, адские ублюдки, которые вселяются в людей и ломают их души. И если эта подземная

грязь реальна... Значит, по законам вселенной, где-то должен быть и рай? Ангелы? Высшие силы?

Пальцы Хёнджина впились в кожаную оплётку руля так, что побелели костяшки. На точёном лице старшего проступила жёсткая, несвойственная айдолу складка. Несколько километров в салоне царило молчание, пока старший переваривал масштаб их нового теологического тупика. Наконец он криво усмехнулся, пытаясь отгородиться от навязчивых мыслей привычным сарказмом:

— Ангелы, говоришь? Ну, очень надеюсь, что у этих пернатых ребят нет эксклюзивных контрактов с крупными агентствами вроде SM Entertainment. Иначе нам на премиях и музыкальных шоу придётся делить с ними не только эфирное время, но и ракурсы камер. Представь заголовки: «Stray Kids уступили первое место на Inkigayo хору Серафимов». Директор Пак нам такого точно не простит.

— Я серьёзно, — Феликс раздражённо толкнул друга в плечо, хотя уголки собственных губ предательски дрогнули. — Хватит сводить всё к шоу-бизнесу. Нам в руки попало настоящее оружие против библейского зла.

— А я, блять, по-твоему, шучу? — старший резко крутанул руль, уходя на внутреннее кольцо Каннама. Вся ирония мгновенно испарилась, уступив место леденящему спокойствию. — Ликс, мне самому до дурноты жутко. Одно дело — отпинать подвывающего призрака в заброшенном отеле Пусана. И совсем другое — осознать, что под глянцевого обёрткой нашего Сеула идёт масштабная война между раем и адом.

Слушая это, младший бережно уложил клинок обратно в бархатный ложемент футляра и защёлкнул замок. Оружие скрылось в недрах рюкзака, но ощущение могильного холода на ладонях всё ещё жгло кожу.

По мере приближения к черте города вокруг запытели неоновые вывески Каннама. Хёнджин сбросил скорость, поравнявшись с круглосуточным супермаркетом.

— Так, Демон, план меняется на ходу, — кивок в сторону парковки заменил длинные объяснения. — Не можем же мы просто так ввалиться в общагу. Чан велел приготовить ужин на всех. Если явимся с пустыми руками под предлогом того, что продукты «забыли» или «закажем доставку», лидер сразу почует неладное. Нам нужно железобетонное алиби. Сделаем вид, что всё это время основательно закупились продуктами.

— Логично, — Феликс похлопал себя по карманам и растерянно развёл руками. — Оу... Джинни, у нас проблема.

— Какая ещё проблема? Мы только что сейф с пушками вскрыли, что может быть хуже?

— Я забыл банковскую карту в комнате, — виновато буркнул младший. — Когда переодевался из пижамы в брюки, кошелек так и остался лежать на тумбочке.

Обречённо вздохнув от неожиданной новости, Хёнджин выкрутил руль в сторону парковочных мест.

— Окей, агент Кон, без паники. Карта при мне, так что расплачусь. Но учти: за этот прокол с тебя чистка лука и мытьё сковородок. Живо натягивай маску, пошли изображать примерных хозяек.

Спустя пару минут парни катили тележку между рядами продуктов. В торговом зале было тихо и пусто, редкие покупатели без интереса выбирали товары, что оказалось весьма кстати.

— Итак, шеф-повар, чем будем задабривать нашего вожака? — старший принялся изучать ассортимент в мясном ряду.

Придирчиво повертев в руках лоток с сочным самгёпсалем, он довольно хмыкнул:

— Смотри, Ликс, вот этот кусок идеален. Свежее мясо, правильные прожилки жира. Стилистка Vogue хвалила мою «фактурную кожу», так вот у этого мяса текстура ничуть не хуже. Предлагаю сделать блюдо в остром соусе — получится Джейук Боккеум. И огромную кастрюлю ядрёного Кимчи Джигэ в придачу. Парни оценят: это быстро и сытно.

Поперхнувшись от такой наглости, Феликс возмущённо округлил глаза, скрытые козырьком кепки:

— Ты невыносим, Хван! Даже здесь умудряешься заниматься самолюбованием. И стой-стой-стой! Какое Кимчи Джигэ?! Что за любовь к огненным специям? Ты решил отправить меня на тот свет раньше, чем до нас доберётся нечисть? Прекрасно знаешь, что я не переношу такую еду! Мой желудок после такой порции превратится в отдельную паранормальную аномалию.

— Ну началось, Ликс, — старший картинно закатил глаза и шумно выдохнул, привлекая внимание покупателей в соседнем отделе. — Снова включаешь режим нежного австралийского цветка? Мы охотники или как? Ты собрался изгонять древнее зло из Каннама, но пасуешь перед ложкой красного перца? Монстры со смеху подохнут.

— Сравнить истребление демонов с поеданием жидкого огня — верх цинизма! — Феликс упрямо скрестил руки на груди, заблокировав тележку собственным корпусом. — Я это есть не буду. Точка. Либо берём продукты для нормальной человеческой еды, либо разбираться с гневом Чана будешь в одиночку.

Хван лукаво прищурился, оценивая масштаб бунта на корабле. Спорить с голодным другом, в рюкзаке которого лежал нож, было стратегически недальновидно.

— Ладно-ладно, Демон, остынь, — примирительно вскинул руки Хван. — Компромисс. Возьмём на всю компанию ингредиенты для острого Джейук Боккеума. Чанбин и Хан после студии душу продадут за жгучее мясо. А для твоей утончённой натуры приготовим Ганджанг Джейук — свинину в соево-чесночном маринаде с кунжутным маслом. Идёт? Закупимся для обоих вариантов: и волкам, и нежным коалам.

Феликс подозрительно прищурился, но, представив вкус сочного мяса в сладковатом соусе, удовлетворённо кивнул:

— Ладно, так и быть. Но кунжутного масла возьми побольше.

Приятель принялся наполнять тележку. Пока Хван выбирал отборную грудинку, Феликс собирал овощной набор: репчатый лук, грибы энoki, чеснок и несколько упаковок плотного тофу. У бакалейного отдела старший внезапно остановился и перешёл на шёпот:

— Эй, Ликс... Помнишь, ты в кафе рассуждал о перевёртышах, способных копировать внешность и красть чужие личности?

— Ну и? К чему клонишь? — Феликс с подозрением посмотрел на друга, сжимая в руках связку свежего лука-порея.

— Вот представь, — Хван заговорщицки прищурился, — заходим мы на кухню, а там вместо злого Чана сидит самозванец в его обличии. И палится на первой же секунде, потому что вместо того, чтобы устроить нам разнос за опоздание, ласково так говорит: «Мальчики, я тут подумал... Вы так устали, к чёрту этот ужин и камбэк, идите спать, я сам всё приготовлю».

Представив эту сюрреалистичную картину, Феликс рассмеялся и слегка огрел старшего пучком лука по плечу:

— Если Чан-хён скажет что-то подобное, Хван, я даже оружие доставать не стану для проверки глаз на отсвет! Я сразу применю серебро, потому что наш лидер скорее заставит сдавать тест на хореографию посреди ночи, чем отпустит спать раньше срока. Такой добряк — стопроцентный самозванец!

— Чистая правда, — хохотнул Хёнджин, уворачиваясь от «луковой атаки». — Наш хён — самый надёжный детектор лжи во вселенной. Ладно, погнали на кассу, время уже перевалило за семь.

У терминала самообслуживания парни быстро просканировали гору продуктов. Хёнджин приложил смартфон к считывателю, аппарат послушно выплюнул длинный чек. Разложив покупки по плотным пакетам, Охотники направились обратно на парковку.

Теперь, когда уложенные в багажник пакеты со свининой надёжно маскировали смертоносный арсенал, их алиби выглядело безупречно. Вскоре тёмный силуэт машины плавно выехал на вечерние улицы Сеула, унося парней к финалу этого безумного дня.

Спустя десять минут автомобиль мягко остановился на охраняемой парковке у жилого комплекса. Двор, залитый светом высоких фонарей и обрамленный пышной зеленью, выглядел по-домашнему уютно. На приборной панели ярко высветились цифры — 19:53. Парни уложились тюленька в тюленьку.

Мотор умолк, погружая салон в покой. Старший устало потёр переносицу и резко повернулся к напарнику:

— Так, Ликс, план прежний. Пошли.

Выбравшись из машины, парни подставили лица прохладному вечернему ветру. Старший подошёл к задней части BMW и нажал на кнопку. Крышка багажника бесшумно поползла вверх, заставляя младшего невольно задержать дыхание.

— Хватай левый, поменьше, — тихо скомандовал старший, подхватывая две объёмные упаковки, внутри которых мелодично звякнули соевый соус и кунжутное масло.

Младший поправил ляжку рюкзака, сползшего на одно плечо, и свободной рукой подхватил оставшийся пакет с зеленью и тофу. Хван с сухим стуком захлопнул крышку, запирая неудобную тайну в недрах автомобиля, и оба быстрым шагом направились ко входу.

Электронный замок пискнул, впуская их в прохладу прихожей. Проследовав напрямик на кухню, они застали Хана за привычным занятием: тот, в одних шортах и растянутой футболке, увлечённо инспектировал содержимое холодильника. Джисон выискивал, чем бы пожить, но при виде вошедших округлил глаза.

— О, вернулись! — Хан моментально подлетел, бесцеремонно заглядывая в шуршащие пакеты. — Обалдеть, сколько еды! Вы что, весь супермаркет скупили? Давай сюда, помогу, а то руки отвалятся.

Джисон перехватил у старшего объёмный пакет со свининой и с грохотом водрузил его на кухонный остров.

— Хани, твоя рэперская душа спасена, — Хван натужно улыбнулся, стягивая кепку. — Мы притащили гору мяса. Так что ужин будет королевским.

Пока Джисон с энтузиазмом вытаскивал упаковки с кимчи и тофу, Феликс незаметно попятился назад. Младшему жизненно необходимо было прямо сейчас избавиться от рюкзака, пока никто из остальных не решил из любопытства проверить, что внутри.

— Я сейчас переоденусь и руки помою, — быстро пробормотал он на ходу и поспешно скрылся в глубине коридора.

Добежав до своей комнаты, Феликс бесшумно повернул ручку, скользнул внутрь и ловко забросил рюкзак на самую верхнюю полку шкафа, спрятав его за стопкой старых концертных толстовок. Выдохнув с облегчением, он развернулся и потянул дверь на себя, намереваясь вернуться на кухню. Но стоило сделать шаг в коридор, как щёлкнул замок соседней ванной.

Дверь распахнулась, и на пороге показался Минхо. Старший небрежно вытирал мокрые волосы серым полотенцем. Увидев взбодораженного младшего, который так и не успел сменить уличные штаны, тот остановился.

В полумраке коридора кошачьи глаза Минхо сузились. Внимательно изучая поспешно закрытую дверь спальни, а затем и взволнованное лицо напротив, он подмечал суетливость и мелко дрожащие пальцы. Пауза затянулась. Феликс заставил себя не отводить взгляд, хотя внутри всё похолодело. Старший лишь едва приметно, иронично ухмыльнулся, перекинул полотенце через плечо и обманчиво расслабленной походкой проследовал мимо, направляясь к цели. В этой тишине чувствовалось давление, давящее сильнее, чем любой допрос: Минхо заметил неладное, но решил придержать выводы при себе.

Когда Феликс наконец вернулся на кухню, там уже хозяйничал Чан. Лидер со строгим видом исследовал содержимое пакетов, которые Хан всюду раскладывал по столешнице. На часах было ровно восемь вечера. У раковины уже суеился Хёнджин: закатав рукава худы, он усердно намыливал руки, демонстрируя абсолютную готовность к кулинарным подвигам.

— Ну надо же, не соврали, — Чан скрестил руки на груди, и напряжённая складка на лбу немного разгладилась. — Я уж думал, вы опять где-нибудь на окраине Сеула круги нарежете и про ужин забыли. Ладно, разгружайте мясо. Чанбин скоро вернётся с вокала, он голодный как чёрт, так что не затягивайте.

— Всё сделаем, хён, расслабься, — отозвался Хёнджин, лучезарно улыбнувшись лидеру. — Мы специально взяли побольше, чтобы всем хватило. Идите отдыхайте, справимся сами.

Чан согласно кивнул, напоследок хлопнул Джисона по плечу, призывая не путаться под ногами у «поваров», и ушёл в гостиную. Импровизированное алиби сработало безупречно — Крис поверил в версию о кулинарных закупках, поскольку парни принялись за дело без лишних напоминаний.

На кухне закипела работа. Учитывая специфические вкусовые предпочтения Феликса, процесс пришлось развернуть сразу на двух конфорках. Хёнджин, вопреки обычной привычке филонить и строить из себя капризную диву, в этот раз вызвался помогать во всём, трудясь за двоих.

— Так, агент Кон, включаем многозадачность, — старший решительно придвинул к себе толстую доску из тёмного дерева и схватил большой шеф-нож. — Я беру на себя лук и чеснок. А ты маринуй свою «неженку».

Послушно кивнув, Феликс извлёк из шкафчика глубокую стеклянную чашу. Пальцы моментально обрели привычную сценическую ловкость. Быстрыми, выверенными движениями он нарезал сочную свиную грудинку тонкими ломтиками и разделил мясо на две неравные части.

Оставив меньшую порцию себе, он принялся колдовать над неострым маринадом для Ганджанг Джейук. Соевый соус, капля рисового вина, ложка сахара для карамелизации и измельчённый имбирь отправились напрямик к мясу.

— Хван, давай сюда чеснок, — скомандовал младший.

— Лови, — Хёнджин смахнул лезвием мелко рубленные зубчики прямо в пиалу друга.

Параллельно на соседней стороне стола готовилась огненная заправка для основного блюда. В ход пошли густая паста кочуджан, добрая горсть жгучего перца, кунжутное масло и щедрая порция сиропа. Свинина для остальных мемберов буквально тонула в ядрёном алом соусе.

— Твою мать... — внезапно прохрипел Хёнджин, резко отстраняясь от доски. Глаза предательски защипало, и по щекам градом покатались слёзы. Попытка вытереть лицо тыльной стороной ладони привела лишь к тому, что едкий луковый сок размазался по скуле. — Клянусь, это овощное проклятие — какое-то биологическое оружие. Кажется, сейчас прожжёт насквозь.

Феликс, старательно втиравший специи в мясо в прозрачных перчатках, не выдержал и тихонько прыснул:

— Ой, посмотрите на него! Великий Жнец Сеула, гроза нечисти, рыдает над одной луковицей! Куда делся весь пафос? На съёмках для Vogue ты выглядел куда более неприступным.

— Заткнись, Ёнбок, — беззлобно отозвался старший, прижимая к лицу чистое бумажное полотенце. — Луковый сок не щадит даже топ-вижуалов. Следи лучше за своей коальной свиной, а то передержишь.

Кухню наполнял густой, дразнящий аромат. Пока мясо доходило до кондиции, Хван умудрялся поддерживать идеальный порядок: споласкивал доски, выбрасывал овощные обрезки и протирал столешницу. В этой суете подсознательно читалось желание загладить вину

перед младшим за втянутость в опасную игру — забота, воплощённая в кристальной чистоте посуды.

На одной широкой с размеренным шкворчанием томилось острое мясо — пикантный соус аппетитно пузырился, карамелизируясь вместе с пореем и грибами энюки. На второй, поменьше, Феликс аккуратно переворачивал свои ломтики: соевая заправка источала уютный, едва уловимый аромат чеснока и кунжута.

В дверном проёме появился Минхо, уже успевший переодеться в домашнее. Скрестив руки на груди и опершись плечом о косяк, старший принялся молча наблюдать за слаженной работой двух поваров.

— Надо же, какая идиллия, — негромко протянул Лино, переводя взгляд с одной дымящейся сковороды на другую. — Два варианта ужина? Наша «драма-рача» сегодня превзошла саму себя. Надеюсь, в острое мясо соли не пожалели? А то Хёнджин в последнее время её килограммами скупает, мало ли, вдруг дефицит в организме.

По спине Хвана пробежал неприятный холодок — намёк на соль вышел весьма прозрачным, но сам парень даже не вздрогнул. Перевернув лопаткой сочный кусок свинины, он обернулся к Минхо с безупречной, спокойной улыбкой:

— Соли там ровно столько, сколько нужно, хён. Идеальный баланс. Садись за стол, через пять минут всё будет готово.

Оценив чужую выдержку, Минхо загадочно прищурился, молча развернулся и скрылся в коридоре, направляясь в сторону гостиной. Как только шаги старшего стихли, Феликс шумно, со свистом выдохнул. Весь напускной рабочий настрой мгновенно улетучился, плечи бесильно опустились, а ладони, спрятанные в кулинарные перчатки, упёрлись в край каменной столешницы.

— Блять... — младший зажмурился, от паники срываясь на слишком громкий, отчётливый шёпот: — Джинни, почему так сложно просто держать лицо?! У меня пульс так бешено колотил, я был уверен, что Минхо-хён слышит этот стук. Этот взгляд... Он точно что-то подозревает.

— Тише, — донеслось в ответ, пока Хёнджин продолжал активно помешивать лук в сковороде, даже не поворачиваясь. — Нас Джисон из гостиной услышит. Минхо всегда смотрит так, будто знает, в каком полушарии у тебя зарыты трупы. Это обычная манера старшего, не ведись.

Феликс открыл глаза, собираясь ответить, и случайно бросил взгляд на свою одежду. В утренней суматохе и инчхонском адреналине он совсем позабыл о своём внешнем виде: посреди чистой, залитой светом кухни он всё ещё стоял в тех самых плотных уличных брюках-карго. На ткани лонгслива отчётливо выделялись въевшиеся пятна от вековой пыли ангара, а на рукавах, ближе к манжетам, темнели резкие, маслянистые следы от ветоши, которой они протирали «Ремингтон».

— Дурья башка! — младший в ужасе хлопнул себя ладонью по лбу, едва не размазав остатки соевого соуса по волосам. — Я же так и не переоделся! Сказал, что сделаю это, а сам просто закинул рюкзак и выбежал. От меня же за версту гаражом прёт! Если Чанбин подойдёт вплотную, нам конец.

Сковородка в руках Хёнджина описала резкий полукруг, когда тот обернулся к другу.

— Вот теперь точно — вали быстрее! — бросил он, махнув лопаткой. — Скидывай перчатки и бегом в комнату. За твоей коальной свининой я присмотрю, не сгорит. Шевелись!

Феликс сорвал с рук защиту, швырнул её в мусорное ведро и пулей вылетел с кухни. Захлопнув дверь спальни, он прижался к ней спиной: времени на раздумья не было. Испачканный лонгслив и карго полетели в сторону — младший сбросил их одним движением, скомкал и запихнул на самое дно корзины для белья, завалив сверху парой домашних худи. Из шкафа

выудил свежие, пропитанные кондиционером вещи: мягкие джоггеры и простую свободную футболку.

Забежав в ванную, Ликс включил холодную воду. Тщательно, до красноты, отмыл ладони с мылом, а затем несколько раз плеснул на лицо, смывая дорожную гарь, луковые испарения и, главное, въедливое чувство тревоги.

На кухню вернулся уже образцовый «домашний айдол» — расслабленный, уютный и благоухающий лавандой. Хёнджин по-прежнему стоял спиной к входу, увлечённо орудуя лопаткой над сковородой. Ликс бесшумно подошёл почти вплотную, притворяясь, что проверяет готовность своей порции. Однако вместо этого он наклонился к плечу старшего и демонстративно втянул носом воздух у самого затылка, среди растрёпанных тёмных прядей.

— Нюх, нюх... — младший забавно сморщил нос и резко отпрянул, отмахиваясь ладонью. — Фе-е-е! Хван, от тебя тоже прёт!

— Что?! — Хёнджин от неожиданности чуть не выронил лопатку и круто развернулся, возмущённо округлив глаза.

— Настоящий парфюм «Индустриальная катастрофа»: нотки машинного масла, оружейной смазки и старого брезента, — весело прыснул Феликс, понизив голос до заговорщического шёпота. — И никакая острая паста кочуджан этот шлейф не перебивает. Если Чан подойдёт ближе чем на метр, нашему «продуктовому алиби» крышка.

— Эй! Во-первых, соблюдай личные границы, австралийский парфюмер! — беззлобно огрызнулся Хван, попытавшись уткнуться носом в собственный воротник. — Во-вторых, а чего ты ждал? Чтобы после погрузки дробовиков и укрывания «Мустанга» в сыром боксе я благоухал как на кампейне Yves Saint Laurent? Скажи спасибо, что вообще согласился спасать наши задницы у плиты, пока ты устраивал дефиле с переодеваниями!

Старший обречённо вздохнул, признавая поражение, и вернулся к готовке:

— Ладно, твоя правда... Дым от кочуджана едкий, но этот инчхонский ангар ничем не вытравить. Поедим, и я сразу в душ. Главное — к Минхо и Чану вплотную не притираться. У них нюх, как у ищеек.

Пока Хван говорил, Феликс щёлкнул тумблером конфорки, выключая огонь под своей сковородой — свинина в сладком соевом соусе как раз дошла до идеального золотистого оттенка. Спустя мгновение Хёнджин тоже снял с плиты свою порцию, переливающуюся огненно-красными специями, приготовленную для остальных мемберов.

— Ну всё, финишная прямая, — старший облегчённо выдохнул, смахивая остатки овощей со столешницы в мусорное ведро, и громко оповестил: — Парни, за стол! Всё готово!

В этот самый момент входная дверь с грохотом распахнулась. В прихожую, устало переругиваясь, ввалились Сынмин и Чонин, а следом — Чанбин, который буквально клевал носом после изнурительного вокала. В нос вошедшим мгновенно ударил густой, дразнящий аромат жареного мяса.

— Если мне это чудится, я прямо здесь на полу лягу и умру, — на ходу разуваясь, прохрипел Чанбин. На автопилоте он побрёл на кухню, попутно стягивая через голову толстовку. — Боже, Хёнджин, Ликс... Готов отдать вам все карманные деньги. Голодный как собака!

— О, королевский ужин подан! — пулей выскочил из комнаты Джисон, переждавший там самое пекло готовки. Он тут же оккупировал кухонный остров, выхватив из рук Феликса палочки.

Следом подтянулся Сынмин. Скептически приняв, он скользнул взглядом по сковородам:

— Так, вижу классическую острую смесь Хвана, от которой завтра привет, изжога, и... — он с любопытством заглянул в миску Феликса. — О, неострое для Ликси? Ты спас наши желудки, Ёнбок-а.

— Пожалуйста, — рассмеялся Феликс, наполняя пиалы дымящимся рисом. — Рассаживайтесь, пока еда не остыла.

Из гостиной неторопливо вышел Чан, на ходу разминая затёкшие плечи. В руках лидер держал потрёпанную книгу.

— Увлёкся чтением, вообще выпал из реальности, даже про время забыл, — улыбнулся Крис, прищурившись от яркого кухонного света. При виде накрытого стола его лицо просияло. — О, парни, вы как раз вовремя. Мастера кухни, ну вы даёте. Настоящий пир.

— А я говорил, что алиби железное, — с лёгкой ухмылкой шепнул Хван, наклонившись к самому уху Феликса, пока расставлял тарелки с мясом по центру стола.

Тем временем в торце стола, на привычном месте, уже устроился Минхо. С обманчиво расслабленным видом старший крутил в пальцах палочки для еды, цепко отслеживая общую суету. Кошачий взгляд скользнул с Чана, увлечённо пересказывающего Чонину сюжет главы, на Хёнджина, который заканчивал натирать раковину до зеркального блеска.

— Надеюсь, книга Чана была не про кулинарию, — протянул Лино, ехидно прищурившись. — А то наши шеф-повара сегодня подозрительно усердны. Обычно Хван к раковине под дулом пистолета не подойдёт, а тут — посмотрите, идеальная хозяйка. К чему бы такая забота о чистоте?

От упоминания оружия внутри пробежал ледяной импульс, но выдержка не подвела. Обернувшись к Минхо с обезоруживающей улыбкой, Хёнджин парировал:

— Просто не люблю бардак на кухне, хён. Ешь давай, а то Чанбин сейчас в одиночку всю сковородку приговорит.

— Это правда! Налеем! — веселясь, прокричал Джисон, уже уплетая самгёпсаль.

За столом воцарился привычный шум: Чанбин громко причмокивал, Чонин спорил со Сынмином из-за последнего куса тофу, а Чан заботливо подкладывал Феликсу маринованный редис.

Тихим кивком поблагодарив лидера, младший понял, что еда потеряла всякий вкус. Уткнувшись взглядом в свою тарелку, он ощутил, как посреди этого звонкого, раскатистого веселья накатывает глухая, щемящая волна уныния.

В такие минуты, когда безумный драйв погони и страха наконец отступал, оставляя лишь звенящую пустоту в груди, мысли уносили далеко к дому. К Сиднею. К маме, папе, сёстрам... К их далёким, безмятежным семейным ужинам, где всё казалось до боли простым, понятным и безопасным. В том мире не требовалось судорожно держать лицо, выдерживать допросы проницательных друзей и прятать страшные тайны в самых потаённых уголках памяти.

Привычная реальность стремительно переворачивалась, превращаясь в сюрреалистичный, опасный излом. Ещё недавно обычный парень, который любил печь брауни, смеяться на камеру и дарить окружающим объятия, на глазах становился кем-то иным. Эта необратимость вызывала дрожь в коленях.

Ликс сжал деревянные палочки, подавляя комок в горле. Однако вид жующего Джисона, спорящего Чонина и улыбающегося Чана пробудил чёткую мысль: этот шумный островок тепла — хаотичный, пропитанный ароматами жареного мяса уют общего дома — оставался единственным якорем, не дающим утонуть в океане паники. В этой повседневности, в родных голосах и обрётённой сеульской семье крылось спасение.

Чуть помедлив, Феликс поднял голову и столкнулся взглядом с Хёнджином, сидевшим напротив. Тот смотрел пристально, без капли привычного манерного пафоса — серьёзно и мягко, чутко считывая эмоциональный шторм в душе младшего. От этой безмолвной поддержки напряжение отступило, и губы Ликса тронула слабая, но искренняя улыбка. Короткий вдох — и рука потянулась за кусочком свинины, возвращаясь в родной хаос общего ужина.

Сидевший во главе стола Чан, опираясь локтями о столешницу, с теплотой и лёгкой тревогой разглядывал подопечных.

— Вы двое сегодня совсем бледные, — тихо произнёс лидер, качнув головой и переводя взгляд с Хвана на Феликса. — Сидите так, будто смену на шахте отпахали. Нам перед камбэком только истощения не хватало. Вы точно высыпаетесь? Если график не выдерживаете — скажите прямо, я попробую пересобрать расписание.

— Ага, — с лёгкой ухмылкой подхватил Минхо, отправляя в рот ломтик кимчи. — Отправили вас просто приготовить ужин, а вид у обоих такой, будто вы за этим мясом на дикого кабана с голыми руками ходили. Смотрите, а то Чан-хён вам завтра ещё и обязательный тихий час введёт.

— Ой, хён, не пугай их! — хохотнул Чанбин, уплетая острый Джейук. — Главное, что мясо получилось отпадное! Нам перед прогонами протеин жизненно необходим.

— Если наши главные танцоры проиграют войну с недосыпом, дэнс-рача превратится в «сонную рачу», — с привычной невозмутимостью заметил Сынмин, запивая рис водой. — Придётся вокалистам подменять вас в парных связках.

— О-о, я без проблем могу забраться в центр и выдать дэнс-брейк вместо Хвана! — с набитым ртом оживился Джисон, весело стрельнув глазами. — В конце концов, движения я знаю, а уж харизмы мне не занимать!

— Твой дэнс-брейк? — на секунду отвлекшись от тарелки, Хёнджин приподнял бровь, смерив Хана полусмешливым, измождённым взглядом. — Джисон-а, если ты попытаешься повторить мою связку в том прыжке, то вывернешь обе лодыжки ещё на повороте. И нам придётся переписывать концепт под «сидячий рэп».

— Слышь, Хван! — фальшиво обиделся Хан, драматично разводя руками, отчего запутался в складках собственного пледа. — Моя пластика вообще-то недооценена! Я на прошлых прогонах повторял твои движения и не упал ни разу!

— Ты не упал, потому что вовремя вцепился в Чанбин-хёна, — фыркнул Хёнджин, но тут же смягчился.

Шумная перепалка ребят на мгновение разогнала давящее напряжение, сгустившееся в кухне. В этот момент Хван с сухим стуком опустил бамбуковые палочки на край посуды, и беседа за столом на миг утихла. Под глазами виднелись тёмные отметины — бессонная ночь над бестиарием и утомительная поездка в Сондо выпили из него последние соки.

— Хён, мы правда просто дико вымотались, — хрипло произнёс Хёнджин, разбивая тишину и устало потирая переносицу. Выпрямившись, он смущённо улыбнулся Чану. — Честно приготовили ужин, накормили всю орду, но сейчас глаза сами закрываются. Если вы не против, я пойду отключаться. Мой лимит на сегодня исчерпан.

— Иди, конечно, Джинни, — смягчился Чан, понимающе кивнув. — Выспись как следует. Завтра день непростой.

С трудом поднявшись со стула, Хёнджин отсалютовал парням и скрылся за дверью коридора.

Оживлённая атмосфера ужина постепенно сходила на нет. Пар над тарелками растаял, а сытые мемберы, расслабленно переговариваясь, предвкушали отдых. Поскольку готовка стала своего рода «наказанием» за дневную самоволку, обязанность разбираться с горой посуды автоматически легла на плечи Ликса и Хвана.

Феликс глубоко выдохнул и отодвинул стул. Собирая в стопку пиалы из-под риса и тарелки с остатками соуса, он направился к раковине. Руки слегка подрагивали от накопившейся за день усталости, но привычный бытовой ритм давал хоть какую-то опору.

Стоило включить тёплую воду и намылить губку, как сзади раздались тихие шаги. На пороге кухни возник Минхо. Перекинув через плечо кухонное полотенце, он молча взял из сушилки вторую губку и встал плечом к плечу с младшим.

— Хён? Ты чего? Я сам, — удивлённо отозвался Ликс, пытаясь забрать у него глубокую сковороду. — Ты и так целый день на ногах.

— Угомонись, Ёнбок-а, — ровно произнёс Минхо, перехватывая тарелку и подставляя её под струю воды. Голос звучал непривычно мягко, без тени сарказма или упрёков. — Твой напарник выбыл из строя ещё на взлёте. Если оставить тебя одного, ты проторчишь над раковиной до четырёх утра и носом в пену клюнешь.

— Джинни правда дико вымотался... — виновато пробормотал младший.

— Вижу, — Минхо качнул головой, ловко споласкивая керамику и передавая её Феликсу для сушки. — Не знаю, что за марафоны вы устраиваете, но перед генеральными прогонами сбавляйте обороты. Пожалейте себя.

— Спасибо, хён, — тихо, но очень искренне проговорил Феликс, наблюдая за тем, как старший с привычной кошачьей грацией перемывает оставшиеся чашки.

— Свои люди, не за что, — хмыкнул Лино и слегка пихнул парня локтем в бок. — Давай сюда кружки, быстрее закончим.

Уборка продвигалась в размеренном ритме. Запах лимонного средства и привычный перезвон посуды умиротворяли, возвращая в реальность. Кончиками пальцев Феликс ощущал тонкие бледные нити шрамов на ладонях — память о разбитом зеркале. Сполоснув последнюю пиалу, Минхо выключил кран, вытер руки и легонько подтолкнул младшего, забирая у того сухую тряпку.

— Всё, основное убрали, остальное сам в машинку закину. Марш спать, Ликс.

— Спасибо, хён. Спокойной ночи, — выдохнул Феликс, переполненный благодарностью за негромкую поддержку, и поспешил выскользнуть из кухни.

В коридоре общежития царил сонный полумрак. Проходя мимо спальни Хвана, младший притормозил. Дверь оставалась приоткрытой, пропуская внутрь узкую полосу света. Феликс осторожно заглянул в комнату.

В отличие от худших опасений, тот всё-таки наскрёб остатки сил, чтобы переодеться: уличные джинсы и запylённое худи небрежным ворохом валялись на полу возле кровати. Сам Хёнджин успел натянуть свободную хлопковую пижаму и спал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Одна рука бессильно свисала с края матраса, почти касаясь ковра. Из глубины комнаты доносилось ровное, глубокое дыхание — старший спал без задних ног.

Феликс бесшумно ступил на ковёр. Опустившись на корточки, он аккуратно собрал разбросанные вещи и переложил их в корзину для белья. Затем подошёл ближе к кровати, бережно подхватил сползшее одеяло и накрыл плечи друга до самого подбородка. На секунду коснувшись ладонью рассыпанных по подушке влажных прядей, мягко провёл по ним пальцами.

Спи, Джинни, — мысленно произнёс младший. — Ты выгородил меня перед Чаном. Теперь моя очередь заниматься делами.

Тихо отступая к выходу, Феликс плотно прикрыл за собой дверь до едва слышного щелчка. Уже в своей комнате он первым делом провернул ключ на три оборота. В стерильной тишине этот лязг прозвучал как выстрел.

Сбросив привычную маску беззаботного айдола, он сразу направился к столу. В темноте тускло поблёскивали выключенные экраны, скрывающие цифровой мир, в который погружался по ночам. Обычно компьютер служил для игр и монтажа, но сейчас его вычислительные мощности и абсолютная анонимность требовались для куда более мрачных целей.

Опустившись в глубокое кресло, Феликс тут же ощутил, как резкая, изматывающая боль прострелила поясницу. Вечный «подарок» от жёстких танцевальных тренировок и постоянного стресса напомнил о себе с утроенной силой после насыщенного дня. Он судорожно выдохнул сквозь зубы и, вцепившись одной рукой в подлокотник до побелевших костяшек, другой накрыл лицо, пытаясь переждать неприятный спазм.

Поморщившись, он выдвинул верхний ящик тумбы, выудил оттуда блистер с прописанным врачом обезболивающим, привычным движением выдавил таблетку и запил её остатками

воды из стоящей на столе пластиковой бутылки. Двадцать минут — такова была цена избавления от боли. Лишнего времени на слабость или жалость к себе не оставалось.

Системный блок отозвался мягким гулом, заливая комнату неоновым свечением кулеров. Пока загружалась изолированная виртуальная система, Феликс оставался неподвижен, невидящим взглядом уставившись на бегущие строки кода на центральном мониторе.

Мысли невольно соскользнули к той пропасти, в которую превратилась привычная жизнь. К человеку, который когда-то и открыл эту бездну.

Так странно... — мелькнуло в голове, пока к горлу подступал горький, удушливый ком. — Оказывается, я знаю о собственном отце так мало. Мы годами жили под одной крышей, завтракали за одним столом, обсуждали пустяки, а я даже близко не догадывался, кто он на самом деле. Сколько ещё тайн скрывала наша семья? И стоит ли искать ответы, задавая прямые вопросы о его прошлом?

Внутри поселился глухой, липкий страх. Феликс зажмурился, резко тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение. Прошлое подождёт. Прямо сейчас на кону стояла жизнь детей, и раскисать над семейными архивами не было права.

Руки уверенно легли на клавиатуру. Задействовав зашифрованные протоколы и обходные ключи, полученные вместе с фальшивыми документами и доступом к американским архивам спецслужб, Ликс подключился к закрытым базам данных национальной полиции Кореи и объединённому реестру нераскрытых аномальных дел.

Первым делом на экранах появился сопоставительный анализ трёх потенциальных сущностей, подходящих под критерии похищения детей и мистического оцепенения.

Феликс скептически фыркнул, взглянув на первый вариант. *Баба-Яга? Серьёзно? Избушка на курьих ножках в подворотнях Каннама — абсурд даже для реальности, полной демонов и призраков. Немецкий Бутцман, злобный дух из шкафа, отсеклся следом: такие существа крали детей физически, оставляя следы борьбы или унося жертв в мешках.*

Оставался только один вариант: джинн.

Пытаясь нащупать нити и проследить историю аналогичных инцидентов, Ликс столкнулся с хаосом: данные десятилетней давности оказались крайне скудными. Полицейские отчёты грешили неточностями, были сбивчивыми, к тому же явно урезанными — половину архивов просто списали в утиль. Информации катастрофически не хватало. Вычислить точное местонахождение твари в моменте было почти невозможно: в протоколах фигурировали лишь косвенные улики вроде аномальных галлюцинаций у жертв и странного органического фермента в крови.

Изучив старые заметки, Феликс пришёл к выводу: десять лет назад дети исчезали в самых разных точках района, а значит, сущность не имела привязки к конкретной локации. Тем не менее точных координат логова в полицейских базах не значилось. Зато выведенные на экран оккультные записи из базы охотников хотя бы прояснили алгоритм действий.

— Кровь ягнёнка в центре Сеула... — тихо пробормотал Ликс с горькой усмешкой, не отрывая глаз от дисплея. — Задача становится всё увлекательнее.

К несчастью, обычные лавки торговали уже разделанными тушами, из которых сливали жизненно важную жидкость ещё на бойнях, добавляя антикоагулянты. Требовался же чистый, свежайший материал. Единственным реальным выходом оставался закрытый крипточат, через который они с Хёнджином ранее находили проверенных поставщиков.

Пальцы быстро забегали по клавишам, отправляя зашифрованный запрос в анонимную ветку:

Gon2: «Нужен 1 литр свежей бараньей крови. Без химических добавок и антикоагулянтов. Самовывоз из Каннама или Маджанга завтра до 14:00. Плачу в USDT».

Не прошло и двух минут, как прилетел ответ от Red_Hook. В этой изнанке сети странные заказы никого не удивляли.

Red_Hook: «800 USDT. Заберёшь завтра в 11:00 на заднем дворе мясного склада возле рынка Маджанг. Будет в термоконтейнере. Перевод прямо сейчас».

Феликс без колебаний подтвердил транзакцию. Заработанные на турах деньги растворились в охотничьем снаряжении без тени сожаления. Увидев зелёный маркер «Успешно» и финальный адрес, младший штатно завершил сеанс. Дисплей погас, погружая комнату во мрак.

Поясница продолжала противно, тупо ныть, но таблетка хотя бы сняла самый острый прострел. Валясь с ног, Ликс скинул одежду, натянул свободную футболку с мягкими шортами и завёл будильник. Чтобы не оставлять разум в тишине наедине с мрачными мыслями о джинне и отце, он включил фоном случайный игровой стрим, бросил смартфон экраном вниз на тумбочку и рухнул в постель.

Под монотонный, глуховатый бубнёж стримера веки налились свинцом. Мозг, измотанный ночным поиском в базах, больше не воспринимал слова. Обезболивающее наконец полностью вступило в силу, растекаясь по пояснице спасительным теплом, и сознание провалилось в беспамятство.

За окном постепенно таяли ночные тени. Сизый предрассветный туман над Сеулом уступал место первым бледным лучам солнца: они пробивались сквозь плотные жалюзи, расчерчивая ковёр золотистыми линиями. Телефон давно умолк, исчерпав плейлист и выключившись.

Минуты складывались в часы, но для Феликса время перестало существовать — тело жадно впитывало каждую секунду редкого отдыха. Из этого вязкого, похожего на анабиоз сна вырвал не будильник, а настойчивый стук в двери.

— Ликс-а? Ты спишь? — раздался сдержанный голос Чана.

Младший резко зажмурился, с трудом сфокусировав взгляд и чувствуя, как затекшие мышцы отзываются глухой болью. Нашупав телефон, проверил время — утро уже вступило в свои права. Встав с постели, он быстро провернул замок на три оборота и приоткрыл дверь. На пороге стоял лидер — уже полностью одетый, с собранной сумкой через плечо.

— Чан-хён? Что-то случилось? — прочистив не до конца проснувшийся голос, Феликс уставился на старшего.

— Слушай, извини, что разбудил, но у меня тут форс-мажор, — мягко произнёс Чан, с сочувствием глядя на мятого, лохматого согруппника. — Мне срочно нужно уехать в агентство. У руководства незапланированная встреча по поводу концепта следующего релиза, присутствие обязательное. Так что утренняя хореографическая тренировка отменяется.

Феликс хлопнул глазами, пытаясь осознать свалившуюся новость:

— Отменяется?.. А как же Минхо-хён?

— Вопрос уже закрыт, — улыбнулся Чан. — Минхо сам признал, что вам с Хёнджином необходим отдых. Он сказал: *Пусть эти двое полугруппов лучше отдохнут, чем завалят мне связку на первой же прогонке*. Так что у вас внештатный выходной до обеда. Отдыхай, Ёнбок-а.

— Ничего себе... Минхо-хён пошёл на уступки? — младший искренне изумился, округлив глаза. — Окей... Спасибо, хён. Удачно съездить.

— Давай, высыпайся, — Чан ободряюще похлопал парня по плечу и направился к выходу.

Феликс проводил лидера взглядом, не до конца веря в неожиданное везение. Незапланированное свободное утро — подарок небес. Теперь появилось идеальное окно, чтобы заскочить на рынок Маджанг за кровью, не вызывая лишних подозрений.

Потирая затекшую шею и слегка пошатываясь от сонливости, Ликс поплёлся по тихому коридору в сторону кухни, мечтая только об одном — крепком горячем кофе. На полпути он притормозил возле спальни Хвана и удивлённо прищурился: дверь вновь оказалась приоткрыта.

Стоп... — Феликс замер, потирая переносицу. — *Я же отлично помню, как ночью закрывал её на защёлку. Опять кто-то заходил?*

В душе всколыхнулась привычная волна братской опеки: желание уберечь покой друга и проконтролировать, кто крутится рядом с их тайнами и вымотанным Хваном. Чан-хён явно заглядывал проверить его состояние перед уходом, а может, и Минхо успел сунуть нос.

Осторожно приблизившись, Ликс заглянул в щёлку. Внутри царила полная тишина. Тот всё так же беспробудно дрых, уткнувшись носом в подушку и раскинув руки, явно даже не подозревая об отмене утреннего ада.

Младший отрицательно качнул головой, тихонько поправил дверную ручку и пошёл дальше. Шлёпая босыми ногами по прохладному покрытию, он переступил порог кухни и зажмурился от яркого солнечного света.

Там вовсю кипела ленивая утренняя жизнь. Точнее, жизнь в лице Чонина. Макнэ сидел за столом, по-турецки поджав одну ногу прямо на стуле. Парень был полностью поглощён смартфоном, монотонно листая ленту большим пальцем. На лицо падал синеватый отблеск. Рядом с локтем сиротливо стоял наполовину опустошённый стакан с апельсиновым соком.

Феликс, стараясь не перенапрягать уставшую после сна поясницу, на автопилоте двинулся к кофемашине. Это была незыблемая традиция. Пальцы привычно потянулись к верхней полке, выуживая большую керамическую кружку. Щелчок выключателя, утробный гул бойлера — и в чашку тонкой тёмной струйкой потёк обжигающий, крепкий американо. Сверху поднялась плотная ореховая пенка, а густой, горьковатый аромат мгновенно заполнил небольшое помещение.

— Доброе утро, макнэ, — голос Феликса после сна прозвучал настолько низко и бархатно, что младший невольно вздрогнул.

Чонин медленно отвёл телефон от лица, с драматичным ужасом глядя на стакан в своей руке:

— Воу, полегче, Ёнбок-а! От твоего тембра сок пошёл крупными волнами, как вода в «Юрском периоде» перед приходом тираннозавра. У меня аж колонки на смартфоне от резонанса зафонили!

— Это бесплатная акустика, радуйся, — коротко усмехнулся старший, осторожно забирая кружку и сдувая поднимающийся пар.

Прислонившись бёдрами к столешнице, Феликс обхватил горячую керамику обеими ладонями. Тепло приятно обожгло кончики пальцев, окончательно прогоняя дремоту. Чонин прищурил лисьи глаза и, подавшись вперёд, бесцеремонно ткнул пальцем в пышную светлую макушку друга.

— А с антенной на голове что? — хохотнул макнэ, указывая на торчащий вбок клочок волос. — Тебя ночью инопланетяне вербовали или пытался поймать спутниковые сигналы мозгом?

— Эй, руки, — Феликс с улыбкой увернулся, замахнувшись свободной ложкой, как шпагой. — Это концептуальная утренняя укладка. Высокая мода, Чонин-а. Тебе до таких трендов ещё расти и расти.

— А, «взрыв на макаронной фабрике», точно, как я мог забыть этот парижский шик, — Чонин задорно фыркнул, крутанул гаджет на полированной поверхности и откинулся на спинку стула. — Чан-хён, кстати, уехал в JYP. Так что утренняя хореография отменяется, мы официально легальные тунеядцы до обеда.

— Ага, Чан успел обрадовать перед уходом, — Феликс сделал аккуратный глоток американо. Горький напиток мгновенно опалил язык, приятной бодростью разливаясь внутри. — До сих пор не верится, что Минхо-хён добровольно отпустил нас спать.

— О-о-о, — Чонин назидательно поднял указательный палец, — Лино-хён просто выживает. Копит силы, чтобы потом устроить такой прогон, от которого уши вспотеют. Так что наслаждайся кофе, пока хён не пришёл и не отобрал кружку за то, что ты слишком громко дышишь.

От этого пассажа Ликс не удержался и тихо рассмеялся, качая головой. Простая шутка младшего и мерный шум закипающей воды быстро разрядили обстановку. С Чонином всегда было легко — его невозмутимость отлично сбивала остатки утренней хандры. Феликс уже приготовился к новому глотку, когда взгляд случайно скользнул по пустой тумбочке. Вдруг пришло осознание: телефон-то остался в спальне, экраном вниз, где устройство всё ещё подпитывалось от сети.

— Кстати, Чонин-а, — старший отставил кружку в сторону и, слегка наклонив голову, поинтересовался: — который час?

Макнэ, даже не подняв глаз, коснулся экрана смартфона:

— Девять сорок. А что?

— Сколько?! — Феликс чуть не поперхнулся, а его зрачки слегка расширились. — Блин, точно! Нужно кое-что сделать!

Быстро допив остатки кофе, он направился к мойке и с громким стуком отправил керамику в раковину. Чонин медленно убрал гаджет, подозрительно шурясь. Подавшись вперёд, макнэ проводил уходящего Феликса вьедливым взглядом:

— Куда это ты? У нас, вообще-то, официально задокументированный выходной. Опять кексы печь собрался?

— Секрет фирмы, Чонин-а! — отшутился Феликс, одарив младшего фирменной лучезарной улыбкой, а затем игриво подмигнул. — Не скучай. Если что — меня похитили инопланетяне!

Не дожидаясь очередного дотошного вопроса, Ликс развернулся на пятках и стрелой вылетел из кухни, почти бесшумно проскользнув босыми ногами по паркету.

Оказавшись в спальне, он сразу потянулся к зарядке. Экран мигнул, подтверждая заряд, и Феликс рванул к шкафу. Вместо мягких домашних шорт на бедра натянулись плотные карго со множеством карманов. Следом через голову проскользнуло объемное оверсайз-худи. Ткань окутала плечи, заставив спину на мгновение отозваться привычным ноющим спазмом, но парень лишь плотнее сжал зубы. Убедившись, что одежда сидит как надо, он сунул смартфон в карман.

Прихватив с полки кепку и плотную маску, скрывающую лицо от камер и случайных прохожих, — фея удачи устремила к комнате Хёнджина.

Дверь поддалась без скрипа. Внутри царил сонный полумрак. Хван всё так же лежал пластом, зарывшись лицом в подушку и погрузившись в глубокий сон. Феликс решительно подошёл к кровати, сбросил вещи на стул и, наклонившись к самому уху напарника, принялся бесцеремонно тормозить того за плечо:

— Эй, Джинни. Вставай. Хван, ну же, подъём, давай-давай!

В ответ раздался сдавленный, жалобный стон. Не открывая глаз, старший попытался вяло-вяло сбросить цепкую ладонь друга и натянул одеяло до самого носа, превращаясь в неприступный хлопковый кокон.

— Отвали-и-и... — донеслось из-под ткани злое, страдальческое бормотание. — Ёнбок, умоляю, отвали от меня... Я спать хочу.

— Хван, некогда дрыхнуть, поднимайся! — младший рывком стянул одеяло, игнорируя протесты. — Чан уехал, утро свободно! Нам отменили хореографию!

— Да плевать, дай поспать! — старший резко перевернулся на бок, вновь зарываясь под одеяло и накрываясь с головой. Только после этого он неохотно разлепил мутные, налитые краснотой глаза.

Растрёпанные волосы напоминали хаотичное гнездо, а на щеке отпечатался глубокий след от подушки. Вид у друга был такой, будто его выжали досуха.

— Что вообще происходит?! Я заёбся в край! — сорвался на хриплый, надрывный шёпот Хван, злобно уставившись на Феликса. — Мы вчера весь день херачили как проклятые! Ликс, тело ломит, каждая мышца пульсирует болью! Отвали, а! Дай мне два часа!

— Сделка на Маджанге в одиннадцать, — отрезал Феликс, понизив голос до холодного, едва слышного шелеста. — И не смей мне тут ныть! — добавил он с непреклонным нажимом, уперев руки в бока и глядя на Хвана сверху вниз. — Я всю ночь проторчал перед монитором, с убитой спиной копаясь в полицейских базах, вычислял этого «джинна» и договаривался с даркнет-барыгами, пока ты без задних ног дрых и слюнявил подушку! Я за двоих впахивал, так что без разговоров — поднимай свою ленивую задницу, натягивай штаны и погнали. Времени впритык!

Хёнджин выдохнул, запуская пятерни в спутанные тёмные волосы, и обречённо застонал, силясь прогнать остатки свинцового забытья.

— Всё-всё, заткнись, Ёнбок-а, встаю... — проворчал старший, наконец опуская ноги на пол и потягиваясь с громким хрустом. — Господи, за какие грехи мне достался такой напарник? Ты в гневе страшнее Лио-хёна, честное слово. Язвит он мне тут с утра пораньше...

— Потому что кто-то должен держать нас в тонусе, пока ты изображаешь спящую красавицу, — хмыкнул Феликс, бросая на колени другу заранее подготовленную тёмную кепку и маску. — Давай, у нас ровно пятнадцать минут. Оденься во что-то неприметное, а то я знаю тебя, вижуала.

Тот ответил нечто неразборчивое, но уже без прежней злобы — лишь с привычной хмурой сосредоточенностью. Поднявшись, Хван сорвал со спинки стула чистые джинсы и бросил короткое:

— Понял, понял... Иди уже, «босс». Скоро буду.

Физподготовка айдола и годы изнурительных тренировок оказались сильнее истощения: движения Хвана быстро обретали былую чёткость. Пальцы привычно откинули назад непослушные тёмные пряди, нацепил тёмные очки, скрывая заспанный взгляд, и натянул плотную маску до переносицы. Схватив со стола телефон и ключи, старший бесшумно приоткрыл дверь спальни.

В коридоре уже ждал Ликс, приложив палец к губам. В доме царило полное спокойствие. На кухне не осталось ни души — Чонин допил апельсиновый сок и ушёл вглубь дома, закрывшись в комнате перед телевизором. Никаких лишних глаз: путь к выходу из общежития свободен.

Приятеля двумя тенями скользнули в прихожую. Прыгая на одной ноге и суматошно натягивая кроссовки, оба поспешно выскочили на прохладный утренний ветерок. Путь лежал к парковке, укрытой за живой изгородью и высоким кованым забором, надёжно защищающим территорию от назойливых камер.

В утренних сумерках поблёскивал хищными фарами «баварец». Устроившись на водительском сиденье, Хван привычно нажал кнопку запуска — под капотом утробно отозвался породистый немецкий мотор. Выжав сцепление, он плавно вывел автомобиль со стоянки, направляясь в сторону просыпающихся улиц Сеула. Цель — рынок Маджанг.

Когда машина влилась в утренний поток, старший немного расслабился, уверенно перестраиваясь между рядами.

— Слушай, Ликс, — негромко произнёс он, поправляя дужку очков. — У меня тут план созрел. Нам отменили только утреннюю репетицию. Вечером Лио всё равно погонит нас на хореографию, и там, судя по всему, из нас выжмут все соки. Так вот... Сразу после вечернего прогона планирую рвануть в Инчхон.

Феликс, занятый настройкой навигатора, удивлённо повернул голову:

— В Инчхон? Зачем? Мы же только вчера оттуда приехали.

— Хочу нормально, без спешки осмотреть мустанг, — пальцы Хёнджина дробью прошли по кожаному ободу руля. — Надо заглянуть под капот, проверить двигатель, уровень жидкостей, прикинуть, какие запчасти нужно заказать. Если собираемся использовать эту «лошадку» для охоты, она должна работать как часы. Не хватало ещё заглохнуть где-нибудь в глуши.

Младший на секунду задумчиво притих, глядя в окно, а после на губах проступила тёплая, немного усталая улыбка.

— Знаешь, Джинни... Это какое-то дикое, просто сумасшедшее совпадение, — негромко произнёс Феликс. — Столько лет бредить «Мустангами»! Помнишь, как на съёмках клипов ты залипал на американскую классику и все уши прожужжал о том, что когда-нибудь купишь такую?

Короткий кивок, и под чёрной маской расплылась хищная, азартная ухмылка. Глаза за тёмными стёклами очков блеснули истинным фанатским восторгом.

— Да, Ликс, отпираться не стану, — хмыкнул старший, прибавляя газу на свободном участке трассы. — Правда, в мечтах я не планировал получить машину в наследство от дяди вместе с полным багажником серебряных клинков и арсенала. Но, чёрт возьми... Это же Boss 429 1969 года! Настоящий масл-кар, грубая мощь и сталь. Легенда. И раз уж судьба подкинула такой аппарат, сделаю всё возможное, чтобы поставить зверя на ход.

— Кто бы сомневался, — тихо рассмеялся Феликс, глядя, как на экране навигатора стремительно сокращается расстояние до мясного рынка. — Ладно, автомеханик, поднажми. Легенда подождёт до вечера, а вот кровь ягнёнка нам нужна уже через сорок минут.

Дорога до Маджанга заняла чуть больше получаса. По мере приближения к цели панорама стеклянных небоскрёбов Сеула за окнами БМВ сменилась угрюмыми серыми строениями промзоны.

Рынок встретил гулом мощных рефрижераторов, скрежетом пластиковых ящиков со льдом и едким, вёдливый запахом сырого мяса, сырости и застарелой крови. Это место жило по своим, куда более суровым правилам, бесконечно далёким от гламурного мира К-рор. Вокруг сновали хмурые мужчины в непромокаемых фартуках и высоких резиновых сапогах, а из распахнутых дверей разделочных цехов валили плотные клубы пара.

Уверенно вращая руль, Хёнджин свернул с главной улицы в лабиринт узких, зажатых между бетонными стенами переулков, ведущих к задворкам огромных мясных складов. Солнце здесь почти не показывалось, а зябкая влага пробиралась под кофту. Часы на приборной панели БМВ отсчитывали 10:55.

— Приехали, — негромко сказал Хван, заглушив мотор, но оставляя ключ в зажигании: на случай, если придётся рвануть с места за долю секунды. Старший поправил кепку, надвигая её на самые глаза. — Ищи свой склад, шпион.

Феликс сверился с экраном смартфона, где в зашифрованном приложении горела геолокация от Red_Hook.

— Вон тот, третий слева, с синей пластиковой шторкой на погрузочной рампе, — младший указал пальцем на массивные двери, обитые оцинкованным листом. — Ждём. Сигнал о прибытии я отправил.

Около трёх минут они провели в напряжённом молчании. Наконец проржавевшая дверь склада со скрежетом приоткрылась, и из полумрака на пандус шагнул коренастый мужчина в серой робе. На кистях у него были синие кольчужные перчатки, как у мясников, а нижнюю часть лица скрывала обычная медицинская маска. Незнакомец крепко сжимал в правой руке небольшой неприметный контейнер из светлого сплава. Не выказывая ни капли волнения, он подошёл к самому краю рампы и деловито просканировал взглядом затонированный салон БМВ.

— На выход, Хван. Но маску не вздумай снимать, — скомандовал Феликс, поправляя чёрный тканевый фильтр.

Парни синхронно выбрались из машины, одновременно натягивая капюшоны. Здешний промзоновый холод тут же ударил в лицо, смешиваясь с накотившим приливом адреналина. Сделав пару уверенных шагов, напарники приблизились к незнакомцу. Тот окинул прибывших цепким, равнодушным взглядом. Ему было глубоко плевать, кто эти двое в брендовом шмоте: малолетки-мажоры из Каннама или заигравшиеся в гангстеров студенты. В даркнете не задавали лишних вопросов.

— Gon2? — хриплым, прокуренным голосом спросил поставщик, в упор глядя на Феликса.

— Да, от Red_Hook, — ровно и максимально низко отозвался младший, стараясь держать голос спокойным. — Товар готов?

Вместо ответа незнакомец молча поставил контейнер на бетонный край и с негромким щелчком откинул замки. Приоткрыв крышку, он продемонстрировал содержимое: в специальном пазу среди пакетов с сухим льдом, плотно зафиксированный пластиковыми зажимами, стоял прозрачный литровый флакон. Внутри вязко переливалась тёмно-бордовая, почти чёрная жидкость.

— Свежая. Прямо с утреннего забоя, никакой заморозки и химии, как и просили, — буркнул поставщик, возвращая крышку на место. — Кровь чистая. 800 USDT на кошельке шефа я уже видел. Осторожно, контейнер сковывает пальцы стужей. Забирайте и проваливайте.

Хёнджин подался вперёд и, натянув рукав толстовки на ладонь, перехватил ледяную ручку. Поверхность ёмкости неприятно ужалила морозом, просочившимся даже сквозь ткань.

— Приятно иметь дело с профессионалами, — хмуро бросил Хван, слегка кивнув.

Поставщик промолчал, развернулся и скрылся за плотной синей шторкой. Дверь захлопнулась, отсекая шум склада.

— По коням, пока нас тут камеры не срисовали, — поторопил Феликс, дёргая ручку пассажирской двери.

Парни торопливо нырнули внутрь. Старший аккуратно примостил термобокс на заднее сиденье, завёл мотор и резко выкрутил руль, уводя машину прочь из мрачных лабиринтов рынка обратно к цивилизации.

— Ну что, половина дела сделана, — выдохнул Хван, срывая маску с лица, как только автомобиль выехал на оживлённую трассу. — Литр бараньей крови у нас в кармане. Точнее, за спиной. Ликс, у меня от этого запаха на рынке до сих пор в носу свербит. Как мы спрячем такую находку? Не потащим же прямо в общежитие, Минхо-хён в холодильнике обнаружит — нам обоим пиздец.

— Исключено, — Феликс стянул маску и устало потёр переносицу, ощущая, как обезболивающее перестаёт действовать, а поясница вновь предательски ноет.

Хван бросил взгляд в зеркало заднего вида, перестраиваясь в левый ряд:

— Ликс, оставлять это в багажнике на открытой парковке — плохая идея. В разгар лета солнце печёт нещадно. Салон раскалится за считанные минуты, и никакой сухой лёд не поможет. Кровь сварится, и к вечеру мы получим испорченный бордовый студень.

Младший на секунду задумался, покусывая губу. Спорить смысла не было: сеульское лето не прощало небрежности.

— Точно... Тогда подвал общежития, — осенило Феликса. — Под первым уровнем ведь есть техническое помещение: там постоянная сырость и прохлада. Парни туда сроду не спускались, а штафф заглядывает разве что раз в полгода проверить счётчики. Спрячем за старыми коробками с запчастями.

— Годится, — согласился Хван, прибавляя газу. — Главное — проскочить, пока никого нет в коридорах.

Спустя двадцать минут БМВ плавно затормозила на придомовой территории. Парни действовали слаженно: старший накиннул на термобокс объёмную ветровку, чтобы со стороны всё выглядело как обычная охапка одежды после тренировки, и крепко прижал ношу к боку. Феликс, натянув кепку пониже, шёл чуть впереди, выполняя роль дозора.

План едва не рухнул, когда возле входа из стеклянной будки на углу неторопливо вышел охранник — плотный мужчина предпенсионного возраста в опрятной тёмно-синей форме. Обычно персонал не лез в дела айдолов, привыкнув к их хаотичным графикам, но сейчас дежурный решил проявить некстати возникшее дружелюбие.

— О, Хёнджин-ши, Феликс-ши! — приветливо улыбнулся мужчина, поправляя фуражку. — А вы чего так рано? Чан-хён уезжал, говорил, у вас сегодня свободное утро. Решили погулять?

По спине Феликса пробежал неприятный озноб, а в голове пульсировала одна-единственная мысль:

Блять, как обычно не вовремя!

Нацепив маску безупречного, вежливого айдола, Ликс повернулся к мужчине и лучезарно улыбнулся, прикрывая собой Хвана. Тот в этот момент судорожно перехватывал поудобнее неуклюжий контейнер под курткой, стараясь, чтобы сталь не звякнула.

— Да, здравствуйте, хённим! — звонко отозвался Феликс, слегка поклонившись. — Погода просто отличная, решили дойти до ближайшего круглосуточного, свежим воздухом подышать, кофе взять... А Хёнджин вот кучу вещей из машины прихватил, которые там с прошлых съёмок валялись. Надо всё в стирку закинуть!

— А-а, дело хорошее, — понимающе закивал охранник, даже не взглянув на странную «охапку» в руках Хвана. — Отдыхайте, отдыхайте, пока время есть. А то менеджеры вас совсем загоняли в последнее время.

— Спасибо большое, хорошего дежурства! — подхватил старший сквозь маску. Парни, не сговариваясь, быстрым шагом практически ввалились внутрь дома, плотно захлопнув за собой дубовую створку.

Оказавшись в прихожей, оба синхронно выдохнули.

— Чуть не спалились, — прошептал Хёнджин, шумно переводя дыхание. Он небрежно сбросил шмотки на пуфик, но тут же перехватил контейнер за ручку через рукав толстовки. — У меня аж руки затряслись. Пошли быстрее в подвал, пока никто из своих на звук не вылез.

Стараясь не шуметь, они прокрались к неприметной серой двери в конце коридора, ведущей на технический уровень. Рядом, на обычном пластиковом крючке, поблескивала увесистая связка ключей, оставленная кем-то из персонала. Феликс на секунду застыл, изучая брелки, выцепил взглядом нужный — с биркой, на которой стёрся номер, — и, осторожно сняв его, провернул в замочной скважине.

Дверь поддалась, и напарники начали спускаться по бетонной лестнице, погружаясь в прохладу, в которой отчётливо слышался только гул вентиляции. Шаги отдавались эхом от гладких, свежеевыкрашенных стен, уводя всё глубже в полумрак. Феликс нащупал выключатель, и пространство залил яркий, стерильный свет люминесцентных ламп.

Они миновали ряды аккуратно уложенных водопроводных коммуникаций, направляясь в самый дальний угол зала. Здесь, за габаритным, ещё пахнущим новой пластмассой корпусом приточной установки, высились горы коробок из-под недавно закупленного оборудования.

— Давай сюда, — негромко бросил младший, протискиваясь в узкий проём между бетонным и пластиковым корпусом вытяжки.

Хёнджин бережно просунул контейнер вперёд. Феликс принял ношу, опустил её на промёрзший цементный пол в самую тень и придвинул вплотную короб со старыми фильтрами, полностью скрывая тайник.

— Готово. Тут точно не найдут, — выдохнул младший, отряхивая края рукавов.

Закончив дела, напарники поспешили наверх. Феликс осторожно прикрыл дверь, проворачивая ключ до еле уловимого щелчка. Стянув кепки и маски, младший выудил из объемного кармана карго телефон: 12:35.

Официальное «свободное утро», выбитое Чаном, подходило к концу. До изматывающего прогона хореографии, назначенного Минхо на пять вечера, оставалось несколько часов, а организмы, истощённые ночными приключениями и авантюрным рейдом на рынок, уже требовали подзарядки.

Стоило сделать пару шагов в сторону жилой зоны, как желудок Хёнджина отозвался требовательным урчанием, отчего младший не удержался и тихо хмыкнул.

— Да уж, охота охотой, а метаболизм айдола работает по расписанию, — заметил Ликс.

— Умираю от голода, честное слово, — страдальчески простонал Хван, на ходу обхватив себя руками. — Кажется, готов съесть быка, даже не дожидаясь кулинарной обработки. Пошли сдаваться на кухню.

Как только они завернули за угол, пространство наполнили густые, умопомрачительные ароматы. Шлейф жареной свиной грудинки, острого ферментированного кимчи и пряного бульона заставил обоих сглотнуть слюну.

На кухне кипела семейная идиллия. Чанбин, одетый в чёрную майку, демонстрирующую рельефные бицепсы, с самым серьёзным видом помешивал варево в объёмной кастрюле. Рядом, у разделочной доски, хозяйничал Минхо. С поистине хирургической точностью он шинковал гигантский пучок зелёного лука — сталь отстукивала по дереву чёткий ритм.

В ёмкости томился кимчи-чиге — ядрёный, наваристый и обжигающе острый суп, идеальное средство, чтобы вернуть к жизни любых мертвецов.

— О, явились блудные сыновья, — не оборачиваясь, бросил Чанбин, поддевая ложкой кусок сочного мяса, чтобы проверить готовность. — А мы думали, вас из комнат до вечера придётся выносить вперёд ногами.

Хван практически вплыл на кухню, привлечённый запахом еды. Обессиленно рухнув на свободный стул и уткнувшись подбородком в сложенные на столе руки, он уставился на кастрюлю голодным взглядом.

— Хёны... вы лучшие... Спасите наши души, мы умираем, — пробормотал Хван.

Минхо резко остановил нож — drobный стук смолк. Он медленно повернул голову к вошедшим, смерив Хвана и оставшегося у двери Феликса пронзительным взглядом. Затем его глаза опустились на плотные тёмные брюки, уличные толстовки и следы недавней суеты на лицах.

— Так, стоп, — старший прищурился, опёршись ладонями о край столешницы. — Вы что, уже с утра где-то бегали? У вас выходной до обеда был, полутрупы!

Феликс внутренне подобрался, сохраняя невозмутимый вид, и непринужденно прислонился к дверному косяку, пряча ладони в карманах худи.

— Да мы так... До машины Хвана дошли, вещи кое-какие забрали, по округе прогулялись, — мягко соврал младший, улыбнувшись самой безобидной из своих улыбок. — Специально аппетит нагуливали перед вашим кулинарным шедевром.

Чанбин скептически приподнял бровь, выключая плиту и накрывая кастрюлю крышкой:

— Прогулялись, значит, ну-ну. Вчера вечером за столом сидели два полутрупа, которые даже ложку поднять не могли, а сегодня с утра пораньше уже полны сил. Прямо чудодейственное исцеление. Ладно, страдалцы, тарелки расставляйте. Сейчас будем реанимировать ваши бранные туши, пока Лино-хён не передумал и не заставил вас мыть полы.

Заинтригованный Феликс подошёл ближе к кухонному острову, заглянул в кастрюлю, откуда поднимался густой, пронзительно-красный от перца кочукару пар. Аромат оказался настолько агрессивным, что заставил парня невольно отшатнуться и поморщиться.

— Острое?! Опять?! — трагично воскликнул он, переводя умоляющий взгляд с Чанбина на грозного шеф-повара. — Вы издеваетесь? Мой желудок такого не вынесет! Хён, ну пожалуйста, неужели для меня вообще ничего нет?

Минхо картинно вздохнул, закатив глаза к потолку, и с резким, сухим стуком опустил разделочный нож на доску, отчего голодный Хёнджин на стуле испуганно вздрогнул.

— Цыц, некоронованный король драмы, — проворчал Лино, хотя в глазах промелькнула привычная, тщательно скрываемая забота. Он кивнул подбородком на маленькую закрытую кастрюльку, стоявшую чуть поодаль на соседней выключенной конфорке. — Всё о тебе, австралийском неженке, помнить надо. Специально для капризного желудка — мягкий говяжий бульон со стеклянной лапшой, тофу и яйцом. И не забудь достать порцию риса из рисоварки.

Лицо младшего мгновенно просветлело. Вся напускная паника испарилась, уступая место искренней, сияющей улыбке. Поясница всё ещё противно ныла, но мысль о горячем сытном супе действовала лучше любого анальгетика.

— Хён, ты святой! Я готов молиться на твои кулинарные таланты, честное слово, — выдохнул Феликс, поспешно направляясь за глубокой пиалой.

— Ага, молись-молись. Вечером на прогоне проверим твою веру, когда будешь прыжковый элемент сдавать, — прокомментировал Минхо, уже без прежней строгости, начиная раскладывать дымящееся угощение по тарелкам.

Аккуратно разливая неострый бульон, Феликс наслаждался нежным ароматом, в то время как Хван, не признающий никаких ограничений в остроте, всюду орудовал палочками, за обе щеки уплетая огненный кимчи джиге, блаженно зажмурив глаза после каждого глотка.

— М-м-м, хён, это просто божественно, — пробормотал Хёнджин, шумно втягивая лапшу. — Ощущение, будто переродился. Спасительный нектар...

— Жуй молча, гастрономический гурман, — беззлобно толкнул его локтем в бок Чанбин, усаживаясь рядом со своей внушительной порцией. — Набирайтесь сил. Судя по тому, какие правки Чан сейчас обсуждает в агентстве, вечерняя репетиция превратится в сущий кошмар.

Атмосфера за столом моментально изменилась. Феликс отложил приборы в пиалу и переглянулся с Хёнджином. Короткий, почти неуловимый обмен взглядами вернул обоих в суровую реальность. Настоящий кошмар ожидал их вовсе не в танцевальном классе JYP. Угроза таилась под бетонным полом, в герметичном термоконтейнере, выжидая, когда сумерки сменяются темнотой и пробьёт час охоты.

После сытного обеда время помчалось со скоростью пикирующего сапсана. Парням удалось урвать всего пару часов тревожного сна, прежде чем тишину комнат нарушил настойчивый вибросигнал общего чата. Приехал стафф. Поскольку Чан отправился в агентство ещё на рассвете, забирать остальных прикатил привычный чёрный микроавтобус.

Внутри салона, вопреки уличной жаре, было по-приятному прохладно, а привычный хаос не утихал ни на минуту.

— Чанбин-хён, ну послушай, этот переход во втором куплете! — Джисон отчаянно жестикулировал прямо перед носом Со, настойчиво стараясь донести свои мысли. — Если мы добавим туда немного олдскульного свинга, трек на живых выступлениях зазвучит в два раза мощнее! Слушай: «Тэ-тэ-тэ...» Ну ложится же!

— Хани, если ты добавишь туда свинг, Чан-хён прямо на сцене упадёт в обморок от неожиданности, — хохотал Чанбин, втискивая широкие плечи на сиденье и одновременно выстукивая по колену сложный ритм. — Спроси сначала у Лино, одобрит ли его хореографический гений твои вокальные метания.

— Мой гений сейчас одобрит только удар подушкой по чьей-то говорящей голове, если эта голова не замолчит до самого агентства, — лениво, не открывая глаз, отозвался с переднего ряда Минхо, кутаясь в объёмную толстовку.

Чуть левее Сынмин и Чонин сцепились в полушутливой перепалке из-за мобильной игры, бурно обсуждая, кто у кого «увёл» редкий артефакт в рейдовой миссии, и то и дело подталкивая друг друга локтями.

Атмосфера на задних креслах контрастировала с шумом в салоне. Феликс и Хёнджин опустили капюшоны тренировочных худи до самого носа, скрываясь от внешнего мира. Со стороны казалось, что парни просто вымотались и пытаются наверстать упущенные часы сна, но под прикрытием ткани протекал негромкий, рискованный диалог.

— Как спина? — едва слышно поинтересовался Хван, не скрывая беспокойства за состояние друга.

— Терпимо. Перед выходом ту же затянул корсет и принял ещё одну таблетку, — ответил младший, осторожно смещая корпус, чтобы облегчить ноющую боль. — Меня больше волнует подвал. Точно никто не сунется?

— Никаких сомнений. Главное, чтобы сухой лёд не подвёл, хотя там, внизу, настоящий склеп. — Старший сглотнул, глядя, как за окном сменяются серые бетонные развязки Сеула.

Микроавтобус остановился у подземного VIP-входа в здание JYP Entertainment. Как только автоматическая дверь сдвинулась, салон наполнил влажный, тягучий зной.

Июль выдался беспощадным — эпоха безумного, пикового камбэка с альбомом «5-STAR». Группа только-только отгремела с «S-Class» (#), и теперь график превратился в бешеный спринт: подготовка к летним фестивалям и грядущему купольному туру не оставляла времени на отдых. Выносливость парней испытывалась на прочность.

Игнорируя духоту, участники поторопились выбраться наружу, на ходу натягивая защитные маски. Дежурившие у въезда охранники приветливо кивнули:

— Здравствуйте! Хорошей тренировки!

— Благодарим! — синхронно отозвались артисты, отвечая вежливым поклоном, и стремительно пересекли стеклянные турникеты. За спинами осталась уличная жара, сменившаяся прохладой и стерильной чистотой вестибюля.

Поднявшись на лифте, команда оказалась на этаже танцевальных студий. По пути через коридор, откуда открывался панорамный вид на город, мемберы приветствовали встречный персонал. Наконец, двустворчатая дверь главного репетиционного зала с зеркалами во всю стену беззвучно отворилась, открывая путь внутрь.

Внутри уже ждал Чан. Лидер сидел на полу, прислонившись к отражающей панели с привычным макбуком на коленях. Однако компанию ему составлял кое-кто непредвиденный.

Чуть поодаль, заложив руки за спину и строго осматривая зал, стоял директор Пак — глава департамента глобального менеджмента JYP. Визит этого руководителя обычно сулил либо крутые перемены, либо грандиозный разнос. Парни мгновенно подобрались, растеряв остатки расслабленности, и синхронно склонились в приветствии:

— Здравствуйте, директор Пак!

Мужчина средних лет в безупречно сидящем чёрном костюме обернулся, окинув прибывших оценивающим взглядом. Лицо гостя оставалось непроницаемым.

— Заходите, ребята, — голос управленца прозвучал веско, без лишних эмоций. Дождавшись, пока все пройдут в центр зала, мужчина закрыл блокнот. — Мы тут с Чаном как раз обсуждали стратегию на грядущие летние фестивали. Вы должны осознавать: 5-STAR сейчас бьёт рекорды, предзаказы сумасшедшие, интерес глобальный. Американские продюсеры и европейские промоутеры будут пристально следить за каждым вашим живым выступлением.

Выдержав паузу, чтобы подчеркнуть значимость сказанного, директор шагнул ближе к парням.

— Руководство приняло решение, что текущая версия танцевального брейка в «S-Class» для спецвыступлений недостаточно агрессивна. Нам нужен визуальный шок, абсолютный взрыв. Продюсеры требуют усложнить геометрию переходов в финальной части и ускорить

темп. Никаких поблажек на усталость. Вы должны показать максимум, на который способна индустрия. Лидер и Минхо уже в курсе новых задач. Надеюсь на вашу профессиональную гордость. Хорошей работы.

Директор Пак коротко кивнул Чану, бросил ещё один пронизывающий взгляд на притихших парней и стремительно вышел. Дверь за ним закрылась с мягким щелчком. Напряжение спало, однако на смену ему пришла давящая усталость. Чан утомлённо захлопнул ноутбук, поднялся на ноги и виновато улыбнулся:

— Ну что, сони, вы всё слышали. Извиняйте, но наши колени сегодня официально объявляются зоной боевых действий. Хён, включай пульт. Погнали.

Состроив мученическую мину, Хёнджин картинно застонал и плашмя рухнул на гимнастическое покрытие у стены, раскинув руки:

— За что?! Мы же только-только засинхронили эту часть до состояния швейцарских часов! Мои длинные ноги и так путаются в этих переходах, как леска, я опять буду как ветряная мельница крутиться!

— Меньше драмы, Хван Хёнджин! Встали в сетку, живо! — отрезал Минхо, громко хлопнув в ладоши. Старший занял позицию в авангарде, направив на зеркало ледяной, предельно собранный взгляд.

Из мощных колонок зала загрохотал яростный, ломаный и качающий бит «S-Class».

«Im up above the world so high...»

Синхронные движения тел мгновенно разогрели зал. Скрип кроссовок по ламинату сливался с прерывистым дыханием. Центральную партию с фирменной, гипнотической кошачьей грацией удерживал Хёнджин. Однако при каждом пересечении рисунка танца старший по привычке страховал напарника. Помня о проблемной пояснице младшего, он деликатно корректировал траекторию — буквально на пару сантиметров урезая размах шага. Это давало Ликсу необходимый зазор, чтобы избежать опасных движений.

В коротком перерыве между прогонами, когда каждый пытался перевести дух и жадно пил из пластиковых бутылок, Джисон решил устроить локальную революцию ради спасения сил.

— Хён! Минхо-хён! — драматично взмолился Хан, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. — Слушай, этот новый брейк — настоящее издевательство над человеческой анатомией. Директор Пак, конечно, гений, но у меня есть встречное предложение. Чисто концептуальное, в стиле хип-хоп старой школы. Давай в обновлённой части добавим «сидячий рэп»?

— Чего? — Чанбин аж поперхнулся водой.

— Ну а что! — воодушевился Хан, активно жестикулируя. — Я просто пафосно сажусь на корточки прямо в центре, кручу в руках микрофон, выдаю убойный флоу, а Хёнджин со своими длинными ногами прыгает вокруг, делает сальто, брейк-данс элементы, изображает вертолёт... И зрелищно, и колени скажут спасибо!

От такой наглости Хёнджин возмущённо округлил глаза и швырнул в Джисона мокрое полотенце:

— Эй! Совсем охренел, Хани?! То есть я должен там костыми ложиться, крутить кульбиты и потеть за двоих, пока ты будешь красиво сидеть на жопе и читать свои три строчки?! Чан-хён, уволь этого лентяя из рэп-лайна на сегодня!

— Отличная идея, Джисон-а, — коварно прищурился Минхо, зловеще улыбаясь любимому донсэну. — Только давай модернизируем концепт. Ты читаешь рэп, сидя в глубоком при-седе. Без стула. Называется «невидимый стул охотника». И держишь позицию все три минуты трека. Идёт?

У Феликса от слова «охотник» на долю секунды сбилось дыхание, но он вовремя взял себя в руки, прыснув со смеху вместе со всеми.

— Э-э... нет, пожалуй, оригинальная хореография просто гениальна, я обожаю танцевать, танцы — это моя жизнь, стиль и страсть! — тут же пошёл на попятную Джисон под оглушительный хохот Чонина и Сынмина.

Тем временем стрелки часов неумолимо приближались к девяти вечера. Зеркала в зале окончательно затуманились от испарений. Позади остались десятки изнуряющих прогонов новой версии «S-Class» и закрепление старой доброй, не менее впечатляющей «MANIAC».

Во время финального, самого напряжённого прогона, на моменте, где Феликс должен был резко уйти вниз в глубокий выпад и выдать знаменитый утробный бас: «Swerving, Im running on top of the line...», в поясницу вонзился раскалённый штырь. Острая, пронизывающая боль от грыжи на секунду ослепила, перед глазами поплыли цветные пятна. Под свободной майкой туго натянулся медицинский корсет. Стиснув зубы и сдержав вырывающийся стон, Ликс на чистом, первобытном адреналине доработал связку, не сорвав безупречную синхронность группы ни на миг.

Как только музыка наконец затихла, Чан устало хлопнул в ладоши:

— На сегодня всё, парни! Финальный вариант утверждён. Завтра закрепим переходы на утреннем сборе. Всем отдыхать.

Мемберы обессиленно повалились на пол там, где стояли. Феликс остался на ногах, аккуратно выпрямляя спину и упираясь ладонями в бёдра, чтобы немного разгрузить позвоночник. Рядом тут же оказался Хван, незаметно подставляя плечо в качестве опоры и прикрывая напарника от лишних взглядов.

— Ты как? Живой? — почти беззвучно спросил он, передавая бутылку прохладной воды.

— Корсет спас... Но надо двигаться, пока мышцы горячие, иначе заклинит, — прошептал Ликс, сделав жадный глоток. — Надо валить отсюда, пока хёны не потащили нас на поздний ужин.

Понимающе кивнув и оценив масштаб проблемы, Хёнджин повернулся к остальным и громко объявил:

— Хёны, мы с Ликсом, наверное, сразу вниз пойдём, в минивэн. У младшего опять приступ: грыжа дала о себе знать на последнем выпаде. Ему сложно стоять. Я помогу добраться до машины, проконтролирую состояние, а в общаге сразу уложу и обработаю спину мазями.

От этих слов в зале мгновенно повис тихий шок, а вся предвкушающая отдых расслабленность вмиг испарилась. Чан, сматывавший провода от ноутбука, выронил зарядное устройство. Округлив глаза от испуга, лидер в три широких шага пересёк зал и оказался перед Феликсом, осторожно придерживая того за свободное плечо.

— Что?! Опять спина? — в голосе Чана зазвенела паника и глубокая, искренняя тревога. — Ликс-а, господи... Ну почему молчал?! Почему раньше ничего не сказал, ещё во время прогона?! Мы бы остановили музыку, перестроили брейк, снизили нагрузку! Ты с ума сошёл — терпеть такую боль?!

Закончив с музыкальным пультом, Минхо сразу подошёл следом. Выражение лица казалось непривычно суровым, а во взгляде читалась смесь досады на упрямство младшего и сильного беспокойства.

— Ты головой своей думал вообще, Ли Феликс? — встревоженно, но с явной дрожью в голосе прикрикнул старший, скрестив руки на груди. — Зачем строить из себя железного человека? Если прижало — надо говорить сразу! Сильно давит? В ногу отдаёт?

— Хёны, всё... Всё нормально, правда, — хрипло пробормотал Феликс, честно стараясь выдавить слабую улыбку. Только бы парням не пришлось в голову отправить младшего в больницу и сорвать ночной выезд. — Корсет держит... Просто мышцы скрутило под конец. Джинни поможет, правда. Мне просто нужно прилечь.

— Так, без разговоров, — вмешался Чанбин, быстро перекидывая рюкзак через плечо. — Хван, аккуратно води его к лифту. У меня в комнате лежат сильные разогревающие пластыри и спортивная мазь, сразу принесу, как приедем.

— И моё обезболивающее возьми, оно мощное, — взволнованно подхватил Чонин, собирая полотенца.

— Всё, мы пошли, не давите, ему и так дышать трудно, — Хёнджин крепче ухватил Феликса за талию, направляя к выходу под обеспокоенными взглядами группы. — Ждём вас в машине.

Как только дверь репетиционного зала закрылась, отсекая лишние глаза, парни оказались в пустом, залитом холодным светом коридоре. Хван бережно поддерживал друга, пока они не вошли в зеркальную кабину, створки которой сомкнулись с тихим шелестом.

Оказавшись внутри, Феликс с облегчением прислонился спиной к поручню, шумно переводя дух. Боль никуда не делась, но адреналин от успешно разыгранного спектакля и грядущей охоты немного притупил неприятные ощущения.

— Прости, хён, что заставил их так дёргаться, — негромко произнёс младший, поправляя капюшон худи. — Но это идеальное прикрытие. Вернёмся в общагу — ребята решат, что я пластом лежу в кровати, а ты меня караулишь. Никто и не сунется проверять.

Коснувшись кнопки подземной парковки, Хван устало улыбнулся, глядя на напарника сквозь стёкла солнцезащитных очков.

— Ты сыграл как по нотам. Хотя, если честно, когда ты побледнел во втором куплете, я сам знатно пересрал, — поправляя ремень спортивной сумки, он добавил: — Но план идеальный. Подождём, когда остальные успокоятся и разойдутся по комнатам ужинать, а затем бесшумно проскользнём в подвал, заберём наш «термос» с кровью — и сразу на парковку к машине. Рванём в Инчхон.

Младший негромко рассмеялся, качая головой, пока кабина плавно опускалась вниз, к корпоративному минивэну.

— Знаешь, Джинни... Главное — не быть разоблачёнными.

— Ты же знаешь, я всегда прикрою! — тихо отозвался старший, едва заметно подмигнув.

Стальные двери лифта разошлись с мелодичным перезвоном, впуская парней в тишину и бетонную прохладу парковки JYP Entertainment. Внутри висел застоявшийся запах сухой штукатурки и нагретой резины.

Практически волоча на себе Ликса, Хёнджин вцепился в талию младшего мёртвой хваткой. Сам же австралиец изображал обычную усталость, скрывая гримасу боли, простреливающей поясницу. В этот момент соседняя кабина с лязгом выплонула остальную группу.

Чан, чья физиономия темнела от нахлынувшей вины и тревоги, в два прыжка подскочил к парням, с силой рванул рюкзак с плеча Феликса — и чуть не вывихнул руку от тяжести, врезавшись плечом в борт фургона.

— Ликс-а, да твою ж мать! — Чан ошарашенно посмотрел на сумку. — Ты что, туда кирпичи наложил? Рюкзак же весит как целая гримерка!

Феликс, тяжело дыша и крепко держась за плечо Хёнджина, виновато опустил взгляд:

— Хён, там не кирпичи... Там всё необходимое: сменная обувь для тренировки, запасная одежда, зарядка телефона, пауэрбанк на десять тысяч, жесткий диск с рабочими файлами... Я просто боялся, что если чего-то не хватит, придётся бегать искать, а времени мало.

— «Боялся, что не хватит», — передразнил младшего Чан, в голосе которого смешались злость и искреннее отчаяние. — Ты спину свою теряешь, вот что ты делаешь! Сколько раз говорено: если нужно оборудование — попроси менеджера, попроси меня! Зачем ты сам этот багаж таскаешь, как будто мы в пеший поход собрались?

— Зато теперь мы все под прицелом валидола, — строго вклинился Минхо, открывая боковую дверь фургона. Главный танцор бережно придержал Феликса за лопатки, помогая

тому забраться внутрь. — Всё, балаган окончен. Плюхайся на средний ряд, кресло откидывай. Корсетом не крути, ногами не дрыгай.

Пока старшие суетились вокруг Ликса, укладывая того с хирургической точностью, Джисон на заднем сиденье не выдержал. Забившись в самый угол, он удивленно вскинул брови и громко пробурчал на весь салон:

— Да вы чего вокруг младшего как наседки-то закружились?! Лино-хён, Чан-хён, ну реально перебор! Феликс же не хрустальный, просто спину прихватило от нагрузки! Накинулись, будто он сейчас рассыплется. Дайте человеку просто доехать и спокойно лечь!

Минхо медленно развернулся к возмутителю спокойствия и одарил того таким пронизывающим, ледяным взглядом, что Хан подсознательно вжал голову в плечи:

— Джисон-а, ещё одно слово про «наседок» — и побежишь за фургоном до самой общаги пешком. Для укрепления менисков и развития эмпатии.

— Всё-всё, молчу, я вообще невидимый... — тут же сдал назад Хан, спрятав лицо в воротнике худи.

Несмотря на ворчание, Чанбин не прекратил ревизию рюкзака:

— Ликс, ну давай я хоть поясницу промну? У меня пальцы сильные, я быстро зажим сниму!

— Не трогай, Чанбин, — твёрдо остановил Хёнджин, сидевший подле друга и придерживавший его за плечо. — Мышцы горячие, воспалённые. Если сейчас начать разминать и греть их — завтра он вообще встать не сможет. Приедем в общагу, я сам приложу хладагент, дам обезбол и проконтролирую, чтобы лежал ровно. Чан-хён, скажи ему!

— Хван прав, Бинни, — кивнул с переднего сиденья Чан. — Хёнджин, если что-то понадобится ночью — сразу звони. Понял?

Приехав к жилому комплексу, старший безупречно доиграл свою роль: аккуратно завёл «умирающего» Феликса в дом, вежливо отказался от помощи обеспокоенных Чонина и Сынина и запер дверь спальни на замок. На этом спектакль «для своих» закончился.

Феликс обессиленно прижался лбом к прохладной стенке шкафа. Дыхание вырывалось с хрипом, губы побелели. Под свободной оверсайз-футболкой рельефно проступали жёсткие контуры медицинского корсета.

— Чёрт... Джинни... — прошипел Ликс, судорожно хватаясь пальцами за край полки. — Отстёгивай... Пожалуйста, расстегни этот долбаный корсет.

— Тихо, тихо, не дёргайся! — старший мгновенно подскочил к другу.

Ещё минуту назад эти пальцы с безупречной грацией выписывали сложнейшую хореографию, а сейчас действовали с ловкостью: крепкие липучки поддались без труда. Как только фиксирующие ремни ослабли, Феликс издал сдавленный стон, жадно глотая кислород сквозь сжатые зубы — спазмированную поясницу, лишённую внешней опоры, накрыло новой вспышкой жгучей, пульсирующей боли.

— Ложись на живот. На ровную поверхность, давай, — Хван осторожно перехватил Ликса под мышки, помогая младшему добраться до кровати и опуститься на матрас.

После этого он метнулся к тумбочке, выудил из аптечки упаковку сильнодействующего обезболивающего и налил стакан воды:

— На, выпей сначала это.

Феликс жадно проглотил две таблетки, сделал пару глотков и с облегчением уткнулся лицом в подушку. По затылку и шее катились холодные капли пота.

— Уфф... Ликс, твоя спина — идеальное оправдание для наших отмазок, — тихо, но с досадой выдохнул старший, подтягивая стул ближе к кровати и доставая из сумки синий тюбик с резким ментоловым запахом. — Но, чёрт возьми! Как же не вовремя её прихватило!

Выдавив на ладонь щедрую порцию густого состава, Хёнджин растёр средство между пальцами, чтобы согреть, и осторожно приподнял майку напарника.

— Готовься, сейчас шибанёт, — предупредил Хван и мягко, но ощутимо прижал ладони к пояснице младшего.

Феликс дёрнулся от обжигающего мороза, зато буквально через пару секунд ледяная волна начала смягчать жгучую боль в позвонках. Хван действовал с ювелирной точностью: не давил на повреждённый диск, а аккуратными, длинными движениями проминал забитые мышцы, выгоняя из них усталость и отёк.

— Нам же ещё монстра коцать, Ликс... — негромко продолжал старший, сосредоточенно прожимая триггерные точки у крестца. — Как ты в таком состоянии серебром махать собираешься, а? Джинн же ждать не будет, пока у тебя ремиссия наступит.

— Не сцы, механик... — сипло, но уже с пробивающейся упрямой улыбкой отозвался младший в подушку. — Таблетки подействуют, мазь отпустит... Через пару часов буду прыгать. Главное — чтобы хёны не решили пробраться к нам с проверкой и куриным бульоном.

— Не проберутся, я сказал Чану, что ты вырубился, и сам пригляжу, — Хван вытер руки влажной салфеткой, достал из тумбочки медицинский пластырь с интенсивным прогревающим эффектом и аккуратно наклеил полоску вдоль позвоночника. — Всё. Лежи ровно тридцать минут. Я засекаю.

К 23:30 таблетки и пластырь постепенно делали своё дело — сменяя острую боль ноющей, терпимой ломотой, — за дверью комнаты окончательно затихли звуки общежития. Погас свет в коридоре, смолк телевизор в гостиной. Мемберы, вымотанные многочасовой хореографией «S-Class», разошлись по комнатам и мгновенно провалились в сон.

— Пора, — тихо произнёс старший, сверяясь с часами на телефоне.

Парни быстро сменили одежду на неприметную тёмную — худы с капюшонами и плотные джинсы. Бесшумно выскользнув из комнаты, они миновали сонную гостиную и спустились по лестнице в подвальный полумрак.

В дальнем закутке, затаившемся в тени стеллажей, стоял стальной термодоб. Быстрым движением Хван выудил из контейнера ёмкость с бараньей кровью. Пластик казался оледеневшим, а от содержимого веяло стужей — идеальная сохранность.

— Порядок, — коротко кивнул старший.

Старший подхватил контейнер, наотрез запретив младшему даже тянуться к тяжести, и через пять минут напарники уже были на паркинге. Уложив ношу в багажник и укрыв плотным пледом, Хёнджин утопил кнопку старта. Немецкий седан отозвался хищным утробным рокотом, взяв курс на промышленную окраину Инчхона.

Стремительно рассекая июльскую духоту, машина мчалась по полупустому скоростному шоссе, пока за окнами таяли редкие огни засыпающей столицы и размытые очертания пригородных холмов. В салоне приятно веяло прохладой от климат-контроля, играла ненавязчивая музыка, а пространство наполнял ментоловый аромат от свежего пластыря на спине Феликса.

Тот откинул кресло назад, удобно устроившись на пассажирском сиденье, и наблюдая за тем, как Хёнджин уверенно держит руль.

— Как спина? Сильно дёргает? — не поворачивая головы, тихо спросил старший, сверяясь с навигатором.

— Терпимо, — вздохнул Ликс, глядя на проплывающие мимо жёлтые фонари. — Мазь и таблетки реально спасли. Но, честно, Джинни... Мне перед парнями паршиво. Чан-хён выглядит так, будто лично виноват в моей грыже, а Минхо-хён чуть не испепелил Хана взглядом.

— А выпад Джисона про «наседок» был гениален, признай, — хмыкнул Хван, на секунду улыбнувшись. — Он, сам того не ведая, сбил градус паники.

— Это точно, — согласился младший, но тут же посерьёзnel. — Время поджидает. Дети могут пробыть в коме слишком долго. Джинн высасывает из них жизненную силу. Если не поторопимся, спасать будет некого.

— Успеем, — отрезал Хёнджин, и в тоне проступили жёсткие ноты. — Главное — ожить «Босса». Но если не сможем, чёрт с ним, поедem на этой машине.

— Это западня, номера пробьют... — покачал головой Феликс. — Нужно было всё-таки взять какую-нибудь колымагу.

— Палка о двух концах, чёрт, — цокнул языком Хван. — Мы вообще понимаем, где искать эту тварь?

— Я попробую сопоставить данные, пока ты будешь ковыряться в «Мустанге».

Спустя сорок минут BMW съехал с трассы в заброшенную промзону Инчхона. Вокруг высились тёмные силуэты складских ангаров и частных мастерских. Заглушив мотор у не приметных стальных ворот, старший выскользнул из салона прямо к увесистому, слегка заржавевшему замку на створках. Достав из кармана связку, он со звонким щелчком провернул ключ в скважине и снял дужку.

Ухватившись за нижние ручки, он напружинился — и с оглушительным лязгом створка пошла вверх, откатываясь по направляющим под самый потолок.

Гараж встретил их непроглядной, густой тьмой. Парни тут же достали смартфоны и включили фонарики, прорезая узкими лучами удушливый полумрак. В нос разом ударило амбре старого масла, бензиновых паров и застоявшейся пыли.

— Где тут тумблер? — освещая стены у входа, пробормотал старший.

— Направо от косяка, — подсказал Феликс, направляя луч света в нужную сторону.

Нащупав старый пластиковый выключатель, Хван щёлкнул им. Под потолком с тоскливым гудением и треском зажглись две пыльные лампы накаливания. Они давали тускловатый, желтушный свет, кое-как рассеивающий мрак в углах, но этого вполне хватало, чтобы рассмотреть помещение.

— Так, первым делом — контейнер, — кивнул старший, переводя взгляд в глубину бокса.

Там, под густым слоем паутины, одиноко стоял пузатый старый холодильник. Напарники приблизились, направляя туда лучи. Хван дёрнул ручку — уплотнитель подался с липким звуком, внутри зажглась крошечная лампочка, а компрессор сипло, но уверенно загудел.

— Работает, родимый! — обрадовался старший. — Перегружаем!

Содержимое термоконтейнера — ёмкости с бараньей кровью — аккуратно перекачовало на полки. Захлопнув дверцу, младший облегчённо выдохнул, но тут же зацепился взглядом за заваленный мусором и ржавыми деталями верстак. Недолго думая, Феликс приметил в углу старую, но целую метлу и чистую ветошь.

— Ты что задумал? — подозрительно прищурился старший, заметив, как друг тянется за инвентарём. — Тебе спину беречь надо!

— Джинни, я не вагоны разгружаю, — упрямо ответил Ликс, аккуратно выпрямляясь и параллельно сметая паутину с многолетней пылью. — Тут же работать невозможно! Пауки размером с кулак, везде стружка и ржавчина. Я просто немного приберусь и разложу инструменты, пока ты будешь возиться с мотором. Чтобы не пришлось тратить время на поиски нужного ключа.

— Ладно, сиделка, только без фанатизма, — улыбнулся Хёнджин, на ходу натягивая плотные перчатки.

Закончив перепалку, старший перешёл к делу. В самом сердце гаража стояла машина, укрытая грубой, непроницаемой от застарелого налёта брезентовой тканью. Полог от времени огрубел, напоминая плотный картон. Хван ухватился за край и с усилием стянул его на пол.

С глухим шорохом полотнище сползло вниз, и вокруг мгновенно взметнулся плотный столб серой взвеси. Закашлявшись, Хёнджин стал отмахиваться рукой, а Ликс на секунду прикрыл нос рукавом худи.

Когда серое облако наконец осело, взору предстал легендарный Ford Mustang Boss 429 1969 года. Автомобиль не сиял глянцем — кузов, погребённый под слоем слежавшейся пыли, выглядел матовым, а на капоте и крыльях застыли мутные разводы — отпечатки ушедших лет.

— Ну и грязнуля ты, «Босс»... — тихо пробормотал старший.

Подойдя ближе, он провёл подушечкой перчатки по заднему крылу, оставив чёткую чистую полосу. Под налётом грязи мельком блеснул насыщенный тёмный лак.

— Ничего, кузов — это ерунда. Главное, что под ним, — Хван нащупал рычаг в салоне и с отчётливым металлическим щелчком поднял тяжёлую крышку капота.

Включив фонарик, он посветил в недра объёмного 7.0-литрового двигателя V8. Механизм тоже скрывался под слоем нагара, под машиной виднелось старое тёмное пятно масла, а топливные шланги потрескались от времени. Но по мере того как старший изучал цилиндры и свечные колодцы, глаза расширились от удивления.

— Ликс... Глянь сюда! — поражённо выдохнул Хван. — Дядя Минск... Он не просто бросил тачку! Перед исчезновением старик полностью её законсервировал!

Феликс подошёл ближе, слегка опираясь на метлу:

— В смысле?

— В прямом! — старший чуть ли не с восхищением погладил вымазанный блок. — Он залил специальное консервационное масло прямо в цилиндры через свечные отверстия! Двигатель не заклинило, поршни не прикипели к стенкам, ржавчины внутри нет вообще! А лужа на полу — это просто потёкший копеечный сальник коробки передач, ерунда полная! Блок цел!

— Ого, — оживился Ликс, скользнув взглядом чуть дальше, на стеллаж, который только что расчистил. — Слушай, если твой дядя был настолько продуманным... Взгляни на это.

Младший указал черенком на закрытый стальной ящик с выгравированной эмблемой Ордена Просвещённых. На затворе поблёскивали колёсики латунного кодового замка.

— Что там? — спросил младший. — Минск перед исчезновением случайно не оставлял пароль к своим заначкам?

— В том-то и дело, что нет, — пробормотал Хёнджин, подходя к верстаку и снимая одну перчатку. — Ушёл по-английски, чёртов конспиратор. Загадал загадку на прощание.

— И как планируешь его открыть? — Ликс со скепсисом посмотрел на кодовый замок. — Попробуешь срезать болгаркой?

— Зачем резать, если можно подумать? — Хван прищурился, задумчиво закусив губу. — Смотри: сейф открылся стандартным пусанским шифром. Но дядя Минск всегда считал твоего старика слишком прямолинейным. Тот обожал паранойю и зеркальные комбинации.

— И ты собираешься угадать код с первой попытки? — хмыкнул Феликс, опираясь руками на черенок. — Джинни, если сработает блокировка и мы заклиним механизм — я буду бить тебя этой метлой.

— Не заклиним, — уверенно отозвался старший, присев на корточки перед ящиком. — Берём базовую комбинацию и разворачиваем задом наперед. Инверсия. Минск был помешан на этом приёме.

Пальцы Хёнджина быстро пробежались по латунным дискам, выставляя зеркальные цифры. В тишине гаража притихли даже оседающие пылинки. Вдруг — чёткий, сочный металлический щелчок. Подпружиненная крышка вскинулась сама собой.

— Да ну на фиг... — ахнул Ликс, подавшись вперёд и ошалело уставившись на открытое содержимое. — Ты реально угадал?!

— А ты сомневался? — победоносно ухмыльнулся Хван, выпрямляясь и гордо оглядывая напарника. — Я не только главный вижуал и механик, но и гений дедукции! Учись, пока я жив!

— Ладно, признаю, это было сильно, — засмеялся Феликс, заглядывая внутрь. — Ничего себе... Смотри, тут же целый клад!

Внутри ящика в идеальном порядке, упакованные в промасленную бумагу, лежали оригинальные запчасти для Boss 429, скупленные Минсоком ещё в нулевых.

— Смотри: новые свечи зажигания, комплект ремней генератора, прокладки, оригинальные топливные шланги, фильтры и даже ремкомплект для карбюратора Holley! — перечислял Хёнджин, перебирая детали.

— То есть нам не придётся ждать доставку из Штатов полгода? — уточнил Ликс.

— Вообще не придётся! — старший победоносно вытер руки ветошью.

Задвинув подальше ящик с находками, он засучил рукава чёрного худи. В тусклом желтоватом свете гаражных ламп шустрые руки быстро подобрали из набора нужные ключи и трещотку.

— Главное — заставить этого гиганта вообще согласиться поехать, — пробормотал Хёнджин, нависая над раскрытым капотом «Мустанга» и погружаясь по локти в силовой агрегат.

Деталь под ключом сухо и ритмично звякнула. С усилием сорвав потрескавшийся от времени резиновый шланг топливной магистрали, Хёнджин выкрутил первую засорившуюся свечу зажигания.

— Карбюратор почти чист, Минсок явно продувал узлы перед тем, как запечатать гараж, — заметил Хван, подсвечивая фонариком телефона нутро машины. — Сейчас сброшу все старые, высохшие патрубки и вкручу свежие свечи из запасов дяди. А вот завести сегодня не выйдет — нужен живой аккумулятор и нормальное топливо. Завтра перед возвращением сюда заскочу на заправку, возьму пару двадцатилитровых канистр 98-го бензина и новенькую батарею. Когда промоем систему и дадим искру... Ликс, ты очумеешь от того, как этот мотор гаркает.

— Поверь, я жду этого не меньше твоего, — тепло усмехнулся Феликс.

Пока старший со сноровкой опытного механика откручивал изношенные детали, младший — стараясь держать спину идеально ровно — медленно прохаживался вдоль дальнего стеллажа. Гараж дяди Минсока был набит не только запчастями: здесь хранилась история двух семей, которая в памяти осталась только обрывочными вспышками раннего детства.

Смахнув ветошью плотный налёт серой пыли с деревянной полки, Феликс заметил старую картонную коробку из-под обуви, перевязанную бечёвкой. На крышке выцветшим маркером было выведено: «Память. Не выкидывать».

Аккуратно потянув за узел, он снял крышку. Внутри оказались не схемы Ордена и не инструкции по охоте на нечисть — там покоились стопки снимков «Полароид», бережно подшитые конверты и старые кассеты.

Рассматривая фотографии, Феликс невольно округлил глаза. Кадры запечатлели совершенно иную жизнь: безмятежные пикники, шумные застолья и по-настоящему счастливые лица. Как оказалось, несмотря на то что со временем семьи Ли и Хвана постепенно отдалялись ради безопасности, близкие всё же продолжали время от времени пересекаться — и далеко не только ради уничтожения тварей.

Однако один снимок, притаившийся на самом дне коробки, заставил Феликса буквально онеметь.

На находке, датированной летом 2001 года, виднелся залитый солнечным светом берег живописного лесного озера. На заднем плане узнавались расстеленный плед, плетёная корзина и улыбающиеся родители ребят. На переднем плане, у самой кромки воды, стоял тот самый «Мустанг» — тогда ещё безупречно чистый, глубокого угольного оттенка, бликующий на солнце лакированным кузовом.

А прямо на капоте машины, опасно близко друг к другу, сидели двое карапузов — годовалые малыши в одинаковых светлых комбинезонах. У одного уже тогда проглядывал дерзкий, хитрый прищур и ворох тёмных пушистых волос, а второй расплылся в беззубой улыбке, зажмурившись от яркого лучистого света.

На обороте карточки рукой Минсока было выведено: «Знаменательный год: наследники знаков встретились на пикнике. Джинни и Ликси».

— Джинни... — едва дыша, с замиранием сердца позвал Феликс. — Брось на секунду ключ. Ты должен это увидеть.

Из-под капота, вытирая испачканный в саже лоб тыльной стороной ладони, вынырнул Хёнджин.

— Что там такое? Нашёл ещё пару свечей?

— Хуже. Я нашёл нас, — младший протянул снимок.

Взяв карточку промасленной рукой и бережно держа за край, Хван прищурился, вглядываясь в сияющий берег и двух малышей на капоте масл-кара.

— Стоп... — старший удивлённо моргнул. — Это... мы?! На капоте этого «Босса»? Возле какого-то озера?

— Мы, — улыбнулся Феликс, указывая пальцем на надпись на обороте. — Смотри, это почерк дяди. Он пишет, что наш первый год стал для семей особенным, и они привезли нас вместе на этот пикник. Получается... наши судьбы переплелись ещё тогда, когда мы только-только научились ходить. Нас пророчили друг другу в напарники с пелёнок, возили на природу, а мы-то наивно думали, что случайно пересеклись на прослушивании в JYP.

— Охренеть... — почти неслышно выдохнул Хван, с нескрываемым изумлением разглядывая крошечные версии себя и Ликса на фоне глади воды. — Значит, взрослые всё-таки устраивали встречи... Скрывали от нас потом, берегли, но всё равно сводили вместе.

Забрав карточку и аккуратно вернув её в коробку к остальным свидетельствам редких мирных дней, Феликс облокотился на стеллаж. В низком, бархатном голосе проступили светлая грусть и усталость.

— Знаешь, о чём я подумал, глядя на этот пикник? У твоего дяди и наших родителей было своё место. Вот этот пыльный, прокуренный гараж в промзоне Инчхона, куда они, очевидно, пригнали машину спустя годы. Сюда дядя Минсок мог приехать в любой момент, запереть ворота, отключиться от внешнего мира, возиться с деталями, вспоминать то озеро и просто... быть собой. Не скрываться, не думать о делах, о монстрах, о долге Ордена.

Посмотрев на Хёнджина, младший продолжил:

— А у нас с тобой такого убежища нет, Джинни. Мы либо в общаге под присмотром менеджеров и хёнов, либо на виду у миллионов в объективах камер, либо в репетиционных залах, где от нас требуют идеальной синхронности. У нас даже боль в спине — и та должна быть «по графику», чтобы не сорвать камбэк с «S-Class».

Молча выслушав друга, старший перевёл взгляд с выцветшего снимка на запylённый кузов «Мустанга» — того самого, что некогда сиял на берегу водоёма. На губах заиграла слабая улыбка:

— По-моему, сейчас этот ангар — и есть наше секретное место. И когда покончим с этой тварью и отгремим тур... мы обязательно найдём себе такой же угол. Где сможем просто погрузиться в покой и отдохнуть от всего мира. Без камер, без репетиций и без боли. Чтобы было как на том снимке у озера.

Младший тепло улыбнулся в ответ, наконец-то расслабляя плечи:

— Договорились, Джинни. А теперь иди докручивай свои свечи, «наследник знаков». А то у меня мазь перестанет действовать раньше, чем ты закончишь с патрубками.

— Уже в процессе! — усмехнулся старший, возвращаясь к капоту и задорно звякая гаечным ключом о блок цилиндров.

Следующие полтора часа пролетели в монотонном, но слаженном ритме. Хван полностью сосредоточился на работе: каждое движение отличалось точностью и уверенностью. Новые промасленные шланги один за другим вставляли на место изношенных, свежие свечи зажига-

ния послушно занимали свои гнёзда, а карбюратор Holley после аккуратной чистки ветошью сиял, как с конвейера.

Работа кипела без усталости, и вскоре руки Хёнджина — от пальцев до локтей — покрылись густым, вьёвшимся слоем чёрного мазута и моторного масла.

— Ну и ладно, в душе отмоется, — пробормотал он, вытирая тыльной стороной ладони каплю пота с носа, отчего на лице остался забавный чёрный росчерк. — Главное, что с механикой на сегодня закончено. Осталась самая малость.

Пока старший затягивал последние крепления, Феликс решил, что не может просто стоять без дела. Удерживая спину прямой, он доковылял до угла бокса, где обнаружил старый чугунный кран и помятое цинковое ведро. При повороте вентиля трубы натужно завывали, и первые несколько секунд текла ржавая, мутная вода. Но вскоре поток стал прозрачным.

Набрав полное ведро и отыскав кусок чистой микрофибры, он вернулся к «Мустангу». Аккуратными, плавными движениями младший принялся смывать слой застарелой серой грязи. Под прикосновениями мокрой тряпки матовая пелена отступала, являя миру глубокий, благородный чёрный лак. Однако уже через десять минут вода в ведре превратилась в непроглядную тёмную жижу. Пришлось снова подойти к крану, выплеснуть грязную и набрать свежую воду, чтобы не развозить грязь по поверхности.

Покончив с капотом и крыльями, Ликс сменил воду в третий раз: для салона требовалась идеальная чистота. Только закончив снаружи, он перебрался внутрь, бережно протерев от пыли кожаные сиденья и переднюю панель с круглыми винтажными циферблатами датчиков. Теперь в боксе пахло не только ментолом и мазутом, но и свежестью.

Закончив уборку, Феликс вернулся к верстаку, где всё так же стояла коробка из-под обуви. Взгляд снова упал на снимок из далёкого прошлого, где они с Джинни, совсем ещё малыши, сидели рядом.

— Знаешь что, — вполголоса сказал младший, накрывая коробку крышкой и плотно завязывая её бечёвкой. — Я заберу эти фотографии с собой. От греха подальше. В гараже сыро, да и мало ли что случится. Не хочу, чтобы память сгнила.

— Дельная мысль, — согласился старший, собирая разбросанные ключи обратно в кейс. — Спрячь пока в нашу машину.

Прижав к себе семейный архив, Феликс сразу донёс его до автомобиля, открыл пассажирскую дверь и убрал в глубокий бардачок.

Пришло время сворачиваться. Закинув кейс с инструментами в багажник, старший проверил, плотно ли закрыта дверца холодильника с бараньей кровью, и подошёл к выходу. Щелчок тумблера — и тусклый желтоватый свет погас, погружая гараж в густую ночную тьму. Парни вышли наружу, в прохладу инчхонской промзоны.

Следом Хван ухватился за нижние ручки стальной воротины, до этого момента покоившейся под самым потолком бокса. Натужно выдохнув, он с силой потянул конструкцию на себя и вниз. Раздался утробный скрежет трущихся сегментов, и створка поехала по направляющим, наглухо перекрывая дверной проём. Провед дужку замка в петли, со звучным, окончательным щелчком старший запер выход.

Спустя минуту BMW вырвалась из промзоны и взяла курс обратно на Сеул. Ночной автобан пустовал. В салоне повисло безмолвие: Феликс, измотанный физически и эмоционально, дремал, откинув спинку кресла, а старший сосредоточенно вглядывался в дорогу, стараясь не размазать мазут по кожаному рулю.

Когда автомобиль мягко остановился на парковке их жилого комплекса, на часах было почти четыре утра. Предрассветное небо окрашивалось в невнятные серые оттенки.

Электронный замок на входной двери пискнул резко и вызывающе в тишине спящего дома. Парни двигались на цыпочках, затаив дыхание: если сейчас проснётся Чан-хён или, что

ещё хуже, Минхо-хён, оправдаться за ночную прогулку в таком виде будет невозможно. К счастью, остальные мемберы спали мертвецким сном после вечерней репетиции.

Феликс кивнул старшему, скользнул в коридор и исчез в своей комнате, чтобы наконец уложить ноющую поясницу на ровную кровать. Оставшись в одиночестве, Хван смерил взглядом собственные чёрные ладони — перчатки создали только иллюзию защиты, а мазут въелся прямо в поры. Не заходя к себе, он отправился напрямик в ванную. Горячие струи душа и флакона геля для мытья усердно смывали остатки технической смазки, запах старого гаража и дикую усталость этой ночи.

Выйдя из ванной с мокрой головой и в свободной футболке, старший прокрался уже в свою спальню.

На следующее утро — то есть всего через пару часов — их ждал выматывающий прогон в JYP, а наступающей ночью — финальные штрихи и схватка за жизнь детей. Однако, как только голова коснулась подушки, «гений дедукции» мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

Этот короткий отдых прервал немилосердный звон будильника, но обещанный Чаном двухчасовой сдвиг расписания спас парней от полного истощения. В девять утра Хван кое-как разлепил глаза. Мышцы ломило от ночной работы с железом, а под ногтями, несмотря на усердную чистку щёткой, всё ещё проступали бледные, серые разводы.

Спустя пару часов в репетиционном зале JYP уже установилась привычная, но напряжённая атмосфера. Заиграли мощные первые аккорды «S-Class».

— Ликс, на перестроении во втором куплете не делай резкий выпад, — крикнул лидер, не сводя внимательного взгляда с младшего через огромное зеркало. — Береги поясницу. Чувствуешь боль — сразу стоп.

— Всё хорошо, хён, я двигаюсь плавно, на чистом контроле, — отозвался Феликс, тяжело переводя дух.

Корсет надёжно фиксировал спину, а утренняя доза обезболивающего притупила назойливые спазмы. Феликс намеренно сглаживал излишне агрессивные прыжки, но за счёт природной пластики и харизмы общая картинка танца ничуть не страдала. Группа прогнала трек трижды. Синхронизация вышла идеальной, а геометрия, требуемая директором Паком, встала как влитая.

Ближе к трём часам дня интенсивный прогон наконец завершился. Минхо выключил музыку и устало потянулся.

— Так, шпана, у меня полчаса на перекус, и ухожу в малый зал, — объявил Лино, вытирая шею полотенцем. — Надо записать танцевальный влог для канала, менеджеры уже плешь проели.

— А у меня урок вокала через тридцать минут, — подал голос Чонин, спешно собирая вещи в рюкзак. — Сынмин-хён, ты со мной до главного здания?

— Да, мне нужно заскочить к нашему стилисту по поводу костюмов на купольный тур, — кивнул Сынмин.

— Отлично, а я пойду в первый департамент, — пробасил Чанбин, натягивая кепку. — Надо утвердить финальные мастер-треки для ауттейков альбома. Чан, ты со мной?

— Да, составлю компанию, — лидер повернулся к ребятам. — А вы двое — марш в общагу. Ликс, отдыхай на жёсткой поверхности, а ты — проконтролируй, чтобы он не вздумал геройствовать и таскать неподъёмные сумки.

— Всё сделаю, хён. Будет лежать как шёлковый, обещаю, — серьёзно кивнул Хёнджин, с трудом подавляя внутреннее облегчение.

Как только дверь за лидером закрылась, Хван повернулся к Феликсу:

— Ну что, «шёлковый», шевелись. Времени в обрез.

Корпоративный минивэн быстро доставил их в общежитие. Оказавшись в комнате, младший тут же достал из ящика тумбочки блистер и запил водой ещё одну, явно лишнюю таблетку обезболивающего.

— Ты аккуратнее, — нахмурился Хёнджин, перехватив его руку. — Препараты сильные, ещё приход получишь, нам только этого сейчас не хватало!

— Да не волнуйся, я дозирую! — отмахнулся Феликс, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Действовать требовалось быстро. Старший первым делом схватил ноутбук, на который напарники ещё накануне перенесли оцифрованные карты, зашифрованные файлы Ордена и архивные зацепки дяди Минсока.

— Всё взял? — коротко спросил Феликс, нащупывая ключи от гаража в кармане джинсов.

— Да, — ответил старший, пряча гаджет в рюкзак. — Погнали.

Через сорок минут BMW уже неслась в сторону Инчхона. Сперва парни заехали на крупную АЗС, чтобы наполнить под завязку две пластиковые канистры высокооктановым топливом, а затем подогнали машину к круглосуточному магазину автозапчастей. На кассе их ждал настоящий цирк.

Продавец за стойкой долго разглядывал листок с техническими требованиями к аккумулятору, которые составил Хван, и прыснул со смеху:

— Пацаны, вы чего, старый дизельный грузовик или трактор в поле реанимировать собрались? Зачем вам такой бешеный пусковой ток? Возьмите вот этот, для стандартных сиданов, он дешевле.

Парни переглянулись. Феликс сдержанно закатил глаза, а Хёнджин, сохраняя невозмутимость, сухо процедил:

— Нам нужен именно этот «тракторный», уважаемый. И побыстрее, если можно.

Продавец, посчитав покупателей городскими сумасшедшими, спорить не стал и достал из-за прилавка внушительный аккумулятор с нужной силой тока.

— Ну и кадр, — хмыкнул Хван, когда они сообща закинули габаритный агрегат в багажник. — Зато мои личные сбережения с айдольских чеков наконец пригодились. Запрыгивай, Ликси, не напрягай спину.

— Да уж, «тракторный», — в салоне раздался негромкий смешок, пока Феликс неспешно устраивался на пассажирском сиденье. — Видел бы этот умник, какому «трактору» 69-го года нужен такой пусковой ток, у него бы мозги через уши вытекли.

И вот снова Инчхон, тот же знакомый бокс. Привычным жестом Хван распахнул широкую подъёмно-поворотную створку, впуская внутрь дневной свет.

Пока старший раскладывал новые запчасти у капота «Мустанга», напарник устроился за очищенным верстаком. Достав смартфон, младший быстро смахнул шторку настроек и активировал точку доступа. Рассчитывать на Wi-Fi в полузаброшенной промзоне не приходилось, так что пришлось делиться сетью с ноутбуком. Поймав стабильный сигнал, Феликс углубился в изучение закрытых баз данных и слитых полицейских отчётов.

Мысли младшего плавно перетекли в тревожное русло. Пальцы бессознательно потянулись к шее и скуле — туда, где до сих пор белели тонкие аккуратные полоски. Шрамы от первой кровавой стычки с зеркальной сущностью уже зажили, но при воспоминании о том, как разбитое стекло оживало на глазах, по коже пробежал лёгкий мороз.

— Джинни, проклятье, ты только глянь сюда... — прошептал Ликс, и голос сорвался от вспыхнувшей злости.

Услышав этот тон, старший тут же оторвался от капота и подошёл ближе, наклонившись к столешнице. Феликс ткнул пальцем в экран, где была открыта сканированная выдержка из протокола допроса родителей:

— Смотри! За последний месяц в Каннаме пропало пять детей. Все из богатых семей, от девяти до одиннадцати лет. И знаешь, что объединяет эти случаи перед тем, как ребята впали в кому? В каждом рапорте одно и то же: «Ребёнок за пару дней до исчезновения утверждал, что к нему во сне приходил незнакомец, от которого пахло сладким приторным жасмином. Ночной гость шептал в темноте и обещал исполнить самое заветное, секретное желание, если малыш пойдёт с ним».

Младший сжал кулаки, с трудом подавив подступивший к горлу ком:

— Сука, да это же классический почерк джинна! В фолианте Просвещённых чёрным по белому написано: джинны — паразиты реальности. Они ловят жертв на их сокровенные мечты, пускают яд через прикосновение и утаскивают сознание в бесконечную, сладкую иллюзию, где исполняется любое желание. Пока ребёнок «счастлив» в своём сне, тварь медленно выпивает жизненную силу до капли! А эти паскуды из полиции просто отмахнулись, списав всё на детские фантазии и переутомление!

Мрачно оглядев строчки на мониторе, Хёнджин крепче сжал плечо напарника:

— Обывателям проще верить в детские сказки и галлюцинации, чем в существование твари, которая кормится душами. Джинну нужна энергия, а у детей — самые яркие желания... Но где эта дрянь прячет жертв, пока выпивает их досуха?

Сделав глубокий вдох и собираясь с мыслями, Феликс открыл спутниковую карту:

— Согласно бестиарию, джинну нужно глухое место на границе охотничьих угодий. Точка, где есть и полная заброшенность, и стоячая вода. Смотри: самый южный край Каннама, практически на стыке с промзоной и лесистым холмом. Там стоит старый заброшенный бетонный завод. Предприятие закрыли в конце девяностых из-за подтопления подвалов грунтовыми водами. До элитных кварталов — рукой подать, а вокруг — ни души, сплошная мёртвая зона. Огромные пустые цеха, затопленные коллекторы...

— Идеальное логово, чтобы вогнать жертв в транс, — произнёс Хван. — Ты лучший, Ликс. Теперь мы знаем, где искать. Но какой толк от знания, если мы останемся без колёс? Смысл называть себя охотниками, если этот V8 откажется заводиться? Сначала вернём зверя к жизни.

Получив молчаливое согласие, напарники перевели взгляд на кузов масл-кара, притаившегося в полумраке гаража.

Подойдя к машине, Хёнджин закинул тяжёлый аккумулятор в подкапотное пространство, с щелчком зафиксировал прижимную пластину и намертво затянул клеммы гаечным ключом. Вставив воронку в горловину топливного бака, он неторопливо перелил сорок литров свежего 98-го бензина. Ледяной прозрачный поток с громким журчанием заполнил сухую ёмкость, растворяя запахи старой консервационной смазки.

— Ну что, Ликси... Момент истины, — выдохнул Хёнджин, с силой захлопнув капот. Железо ответило глухим, плотным эхом. Смахнув падающие на глаза волосы, он сжал челюсти от накатившего напряжения, стараясь не задеть лицо грязными перчатками. — Садись. Если рванёт, то вместе.

— Твои шутки с каждым часом всё хуже, Хван Хёнджин, — фыркнул Феликс, но в глазах уже разгорался опасный, чистый охотничий азарт. Оберегая больную спину, младший скользнул на пассажирское сиденье. Прожатая кожа жалобно заскрипела.

Опустившись за руль, Хван до белизны в суставах сжал круглый деревянный набалдашник рычага переключения передач. Толкнул рукоятку — нейтралка. Левая нога с усилием утопила упругую педаль сцепления. Пара нажатий на газ, чтобы карбюратор Holley впрыснул порцию топлива прямо в сухие диффузоры, и он вставил потёртый стальной ключ в замок зажигания.

Поворот.

Стартер взвыл хрипло и нутжно. Огромный семилитровый блок цилиндров сопротивлялся дикой компрессии. Коленвал сделал один тугой оборот... второй... Мотор раскатисто чихнул, выбросив из выхлопных труб облако сажи и бензинового пара, но заглох.

— Ну же, родной, давай. Твой хозяин оставил тебя именно для этого дня, — прошептал старший.

Три резких качка педалью акселератора, принудительно заливающих карбюратор топливом под завязку. Короткая задержка дыхания. Ключ до упора.

Стартер вгрызся в маховик, и на третьем обороте семилитровый V8 Boss 429 ожил с таким яростным, утробным, первобытным грохотом, что у парней мгновенно заложило уши. Подобный гул не имел ничего общего с тихим рыком современных машин — это был чистый, непреклонный механический хаос. Вековая пыль с потолка дождём осыпалась на лобовое стекло. Двигатель с натугой прочистил свои объёмные стальные «лёгкие», пару раз выстрелил в глушитель и выровнялся, перейдя на сочный, басовитый, берущий за душу холостой ход. Стрелка тахометра на винтажной панели дёрнулась вверх, и мощная вибрация прошла весь кузов, отдаваясь в подошвах кед и сжимая рёбра.

— Чёрт возьми... Музыка! Ликс, ты чувствуешь это?! — перекрикивая ад, заорал старший, расплываясь в безумной, торжествующей ухмылке.

— Врубай передачу, пока мы тут не угорели! — выкрикнул Феликс, крепче хватаясь за дверную ручку: его неумолимо вжимало в сиденье от одной только дрожи салона.

Выжав сопротивляющуюся педаль сцепления, Хван с характерным звонким щелчком вытолкнул рычаг КПП в положение первой передачи и резко бросил ногу.

«Мустанг» не просто тронулся — выстрелил из темноты гаража, как сорвавшийся с цепи снаряд. Как только задние покрышки коснулись разбитого асфальта заброшенного двора, старший до упора утопил газ. В предзакатном небе встрепенились птицы, перепуганные грозным рыком.

Покрышки моментально вспыхнули едким белым дымом, а масл-кар сорвался в агрессивный дрифт без каких-либо электронных систем стабилизации. Резина визжала, оставляя среди ржавых контейнеров жирные чёрные дуги. Корму занесло, но Хёнджин мастерски удержал угол, корректируя курс точными движениями рук и заставляя монструозный мотор быть на пределе. Каждая вспышка сгорающего 98-го бензина отзывалась ударом где-то в грудной клетке.

— Джинни, ты псих! Тормози! — хохотал во весь голос Ликс, пока его тело швыряло на крутых виражах.

Воздух моментально пропитался запахом жжёной резины, раскалённого масла и чистого адреналина.

— Чёрт возьми, живой! Ликс, ты слышишь этот звук?! Ревёт как демон, вырвавшийся на свободу! — ликовал старший, выкручивая руль до упора — вокруг своей оси.

Машина выписала идеальный, агрессивный круг, поднимая тучи густой пыли и мелкого гравия, которые с грохотом барабанили по днищу. Звериный рёв исполинского V8 отражался от стен заброшенных ангаров, заявляя окрестностям: старые хозяева вернулись.

— Говорю же, ты безумец! — рассмеялся Феликс. На эти пару минут мощный прилив адреналина полностью заглушил ноющую боль в пояснице, оставив только чистый кайф дикой скорости. — Но как же он валит!

Завершив эффектный полуразворот, Хёнджин сбросил газ и плавно заехал задним ходом в тёмную прохладу бокса. «Мустанг», покачиваясь на жёсткой подвеске, продолжал сыто, басовито урчать.

Поворот ключа оборвал рёв мотора. В наступившей тишине было слышно только прерывистое дыхание обоих парней да сухое пощёлкивание остывающего блока цилиндров. Смах-

нув со лба растрёпанные пряди, старший повернулся к напарнику — в глазах всё ещё плясал лихорадочный блеск.

— Ну как?

Феликс несколько секунд не отрывал взгляда от лобового стекла, пытаясь унять дрожь в пальцах, а затем с нескрываемым восторгом выдохнул:

— Это было круто! Мне чертовски нравится этот тембр.

Коротко рассмеявшись, Хёнджин сдёрнул защитные перчатки:

— Теперь мы точно готовы ко всему.

Оба парня выбрались из салона. Хлопок закрывшихся дверей окончательно сбил остатки веселья: эйфория от поездки быстро сменилась строгой сосредоточенностью — время для шуток вышло. Младший глубоко вздохнул, направляясь к стеллажу с экипировкой, чтобы вернуть себе самообладание.

— Джинни, мне до сих пор не по себе от этой части ритуала, — признался Феликс, извлекая из чехлов два боевых ножа и аккуратно выкладывая их на чистую ветошь. Лезвия из серебра 999-й пробы тускло сверкнули в скудном свете ламп.

— Мы делаем то, что должны, Ликс, — откликнулся Хван, доставая оружие из тайников.

Старший потянулся к коробке с патронами, снаряжёнными крупной морской солью, чтобы зарядить помповик, но младший резко перехватил руку напарника.

— Стой, Джинни. Отставить соль, — бросил Ликс, придавая голосу твёрдости. — Она бесполезна. Соль работает против призраков или низших демонов, но эта тварь — паразит реальности высшего порядка. Для такой сущности наша соль — просто пыль под ногами.

Нахмурившись, Хёнджин разжал пальцы, и патрон со стуком упал обратно в коробку:

— То есть дробовик бесполезен?

— Против подобной оболочки — абсолютно, — отрезал младший, задумчиво чертя кончиком пальца линию в миллиметре от острого лезвия. — Джинни... А если клинки не срабатывают? Как быть уверенными наверняка? Что, если промахнёмся или кровь не подействует? Сам знаешь главное правило: касаться джинна голыми руками нельзя ни в коем случае. Одно прикосновение с ментальным ядом — и всё. Сознание мгновенно провалится в сладкую ловушку, и мы уснём вечным сном рядом с этими детьми. Нам нужен чёртов план Б. Надёжная стратегия на случай, если сталь подведёт.

Старший молча слушал напарника, переведя цепкий взор на припаркованный в боксе масл-кар. В его позе не было расслабленности — только ожидание.

— План Б есть, — Хёнджин подхватил со стола Desert Eagle калибра .50 АЕ, загоняя заряженный магазин в рукоять с резким металлическим лязгом. — Соль сущность не заметит, но вот кинетический удар полудюймовых пуль прочувствует сполна. Если клинки не срабатывают, мы не полезем в ближний бой. Я буду держать его на расстоянии. Эти пули способны свалить с ног разъярённого медведя — они отбросят джинна назад, переломают кости и не позволят подобраться ближе. Никакого контакта с нашей кожей.

Нахмурившись, младший задумался над словами друга:

— Хорошо, держать дистанцию пулями — стратегия надёжная. Но что, если противник окажется быстрее? Что, если тварь обойдёт со спины в темноте цеха и всё-таки дотянется? Что тогда, Хён?

Пауза повисла лишь на мгновение, после чего на испачканном мазутом лице Хёнджина отразилось мрачное предвкушение, губы тронула хищная ухмылка.

— Тогда включится План С, Ликс. Назовём это «Метод Дина Винчестера». Помнишь, как мы в общаге пересматривали «Сверхъестественное»? Что сделал Дин, когда джинн поймал его и запер в идеальной, счастливой галлюцинации?

Удивленно моргнув, Феликс замер, а затем глаза понимающе округлились:

— Дин понял, что весь этот мир — фальшивка. Он нашёл логические нестыковки, швы реальности, взял нож и убил себя внутри собственного сна, чтобы заставить мозг пережить шок и проснуться.

— Именно, — Хёнджин шагнул ближе и серьёзно посмотрел на младшего. — Наш главный враг — не джинн, а собственное желание сдаться и поверить в сказку. Если эта мерзость доберётся до тебя, и ты вдруг очнешься там, где никогда не болела спина, где нет изнуряющих репетиций, нет JYP, а вокруг лишь идеальный покой — не верь ни единой секунде этого дерьма. Ищи нестыковки. Вспоминай меня, вспоминай пацанов, вспоминай этот бокс в Инчхоне. Найди в иллюзии любой острый предмет и режь себя без колебаний. Сила воли способна разорвать любой ментальный капкан. Мы заставим себя проснуться, и сволочуге не поздоровится.

Феликс глубоко вздохнул, и напряжение в плечах окончательно сменилось ледяной решимостью охотника.

— Жёстко... Но действенно. План «С» утверждён, Хён. Если тварь усыпит меня — я вырежу себе путь наружу изнутри её же иллюзии.

Сквозь проём открытых ворот вечернее небо Инчхона стремительно наливалось густым, свинцово-фиолетовым закатом. Время уже перевалило за семь вечера, а на экране мерцала хроника сеульских происшествий. Пять строчек. Пять имён. Статус у всех один: «Пропал без вести. Поиски продолжаются». Полиция прочёсывала элитные кварталы Каннама, даже не подозревая, что дети находятся под землёй, на заброшенном бетонном заводе.

Опершись на край стола, Хван устало повернулся к напарнику, внимательно всматриваясь в бледное лицо младшего:

— Теперь самый важный вопрос, Ликси. Оружие наготове, все планы расписаны. Когда выдвигаемся? Сегодня или завтра?

Старший выдержал паузу, давая Феликсу взвесить риски, и добавил более мягко:

— Давай объективно. Мы на ногах с раннего утра. После прогона в JYP у обоих мышцы горят. Твоя спина держится только на утренних колёсах, и их действие закончится через пару часов. Корсет не спасёт, если придётся уворачиваться от этой гадины. Если перенести рейд на завтрашнюю ночь — мы вернёмся в общагу, ты выступишься, я поставлю нормальную медицинскую блокаду. Завтра после вечернего графика выедем со свежей головой. Мы будем сильнее, и риск совершить ошибку снизится до минимума. Что скажешь?

Феликс вместо ответа вглядывался в фотографии улыбающихся детей, чьи родители прямо сейчас сходили с ума от неизвестности. Подушечка пальца остановилась на датах заявлений о пропаже.

— Хён... Посмотри сюда, — голос сорвался на сиплый, надтреснутый шёпот. — Первый мальчик... Похищение произошло в самом начале месяца.

Между бровями Хёнджина залегла глубокая складка — он подался корпусом вперёд, вчитываясь в цифры.

— В самом начале месяца... — повторил младший, и во взгляде вспыхнул первобытный, дикий ужас. — Джинни, прошёл почти месяц! Почти три недели ребёнок заперт в этой иллюзии! Если пацан всё ещё жив, значит, у него невероятно сильная душа... Но тварь выпивала из него силы всё это время. Ему не просто плохо. Ему совсем худо. Ему остались не дни, а считанные часы!

Феликс резко развернулся, чуть не задев стойку со стеллажом, а лицо исказилось от жгучей боли и отчаяния:

— Ты понимаешь?! У нас нет никакого «завтра»! Если мы уедем в общагу спать, этот ребёнок не доживёт до утра!

Челюсть Хвана сжалась с такой силой, что на скулах заиграли желваки. Осознание катастрофичности ситуации обрушилось лавиной, вытесняя любые мысли об отдыхе или ноющей спине.

— Ликс, ты понимаешь, чем это пахнет? — произнёс старший, фокусируясь на главном. — Тебе придётся идти в бой на полусогнутых. Чтобы хоть как-то поставить тебя на ноги, мне придётся вколоть в поясницу лошадиную дозу блокады. Эта дрянь выбьет тебя из строя на неделю. А если Чан-хён или Минхо обнаружат наш побег?

— Да пускай хоть из группы выкидывают, пусть Ли Ноу-хён прикопает прямо тут, мне наплевать! — выдохнул Феликс, и низкий, вибрирующий тембр прокатился под сводами бокса. — Знаешь почему, Джинни? Потому что это ТЫ, чёрт тебя дери, втянул меня в это дерьмо! Не какой-то там древний Орден из пыльных книжонок, а ТЫ лично!

Сделав резкий выпад, младший ткнул пальцем в грудь Хвана. В глазах полыхали ярость, преданность и безысходность:

— Ты приволок меня в этот гараж, показал тайники, раскопал дядины заначки! Ты сделал меня частью этого безумия! И раз уж втянул, я не намерен отступать. Я не дам этим детям сдохнуть в подвале, пока мы будем сладко отлёживаться в общежитии, притворяясь пай-мальчиками. Мы прикончим эту тварь сегодня. Это моё окончательное слово.

Встретившись взглядом с пылающими от праведного гнева глазами друга, Хван отбросил последние сомнения. Ошеломление на лице сменилось виноватой, но азартной ухмылкой. Кивок вышел коротким и решительным:

— Чёрт... Ты абсолютно прав, Ликси. Раз уж заварил кашу — пойду до конца. К чёрту Сеул, общежитие и одиннадцать вечера. Времени на роль хороших айдалов больше нет. Прикончим тварь прямо сегодня.

Чтобы сбросить напряжение, Хёнджин подошёл к умывальнику и крутанул вентиль. Струя ледяной воды ударила по ладоням. С наслаждением умывшись, он нащупал висевшее на крючке серое, выдавшее виды полотенце.

— Фу-у, Хван! — Феликс поморщился, наблюдая, как старший деловито вытирает лицо тканью, на которой лежал плотный слой пыли. — Ты серьёзно? Возьми хотя бы салфетки! Эта тряпка висела тут, кажется, со времён основания города!

Тот остановился, сжал в кулаке грязный лоскут и с невозмутимым видом приподнял бровь:

— Ну извини, Ваше Величество Чистоты. Мистер Жопер, — протянул Хёнджин, намеренно растягивая гласные. — В следующий раз куплю одноразовые платки с ароматом лаванды, чтобы ты не расстраивался из-за моей беспечности.

Феликс закатил глаза, но уголок губ предательски дёрнулся. Вернувшись к столу, Хван решительно захлопнул крышку ноутбука, забросил гаджет в рюкзак и перекинул ремень чехла с Desert Eagle через плечо.

— План такой, — он развернулся к углу гаража, где монотонно гудел старый холодильник. — Достаём кровь ягнёнка.

Дверца поддалась, открывая содержимое средней полки: увесистый контейнер с тёмно-бордовой, почти чёрной жидкостью, обложенной кусками сухого льда. Феликс тем временем шагнул к верстаку, высвобождая пару серебряных клинков.

— Держи ровно над ветошью, — скомандовал старший.

Едва сорвав крышку, помещение наполнил густой аромат с медным привкусом. Действуя неторопливо и предельно аккуратно, Хван начал цедить тёмную гущу прямо на лезвия. Младший сосредоточенно поворачивал ножи, следя за тем, как субстанция плотным, ровным слоем обволакивает холодную сталь.

Чтобы состав не потёк мимо, Феликс достал из арсенала ножны из плотной, пропитанной воском кожи. Их внутренняя подкладка принимала в себя ритуальную смесь, не позволяя ни

капле упасть на бетон. Один за другим клинки скользнули внутрь, и раздался влажный щелчок фиксатора.

— Готово. Держат намертво, — подтвердил младший.

Закончив приготовления, напарники перенесли снаряжение к задней части масл-кара. После того как Хёнджин открыл багажник, оружие заняло место в «Мустанге» рядом с помповым дробовиком и коробками патронов. Туда же отправился рюкзак с техникой. Крышка багажника опустилась, издав тяжёлый, уверенный звук ударившегося металла. Старший дотянулся до стеллажа и протянул другу два тактических фонаря в защитных корпусах:

— Держи. Там, на бетонном заводе, в подвалах крошечная тьма. Светим строго под ноги и по сторонам.

Феликс перехватил устройство, щёлкнул кнопкой — мощный луч белого света разорвал полумрак бокса. Кивнув, он убрал прибор в карман толстовки. Хван, в свою очередь, извлёк из кармана джинсов ключ от машины, поймав его ладонью с характерным звоном.

— Запрыгивай, выкатываемся! — бросил старший.

Оба одновременно нырнули в салон, и двери захлопнулись с солидным заводским грохотом. Хёнджин выжал сцепление и повернул ключ в замке зажигания.

7.0-литровый двигатель V8 сокрушительным, яростным рёвом взорвал тишину инчхонского бокса. «Мустанг» сыто заглохнул на холостых, вибрируя всем кузовом. Хван сжал в ладони прохладную рукоять рычага, переключил передачу, и чёрный зверь послушно выкатился из укрытия в темноту промзоны. Спустя пару метров он резко ударил по тормозам, заставляя мотор размеренно подрагивать.

— Сиди, не дёргайся, береги поясницу. Я всё закрою сам, — бросил Хван, заметив, как друг поморщился от резкой остановки.

Выскочив в прохладу инчхонской ночи, старший в пару шагов преодолел расстояние до гаража. Ухватившись за нижнюю кромку, дернул полотно вниз, с грохотом обрушивая его на бетон. Не теряя ни секунды, продел дужку замка в петли и, с силой придавив, заблокировал механизм. Вернувшись к машине, он прыгнул в кресло, намертво вцепившись в кожаный обод руля так, что побелели костяшки. На лице заиграл предвкушающий оскал:

— Ну что, Ликси... Нас ждёт Каннам. Пора на охоту.

Щелчок тумблера — и в ту же секунду пара мощных конусов ярко-жёлтого, олдскульного света прорезала густую тьму промзоны, выхватывая из мрака куски разбитого асфальта. Хван вдавил газ: задние покрышки взвизгнули, выбрасывая облако сизого дыма. Классический «Мустанг» шестьдесят девятого года, грубый и норовистый, словно хищник, почуявший добычу, сорвался с места, оставляя на дороге рваные чёрные росчерки.

Секунды превращались в минуты. Автомобиль рассекал ночной трафик, несясь к городскому монстру. Этой ночью древнему джину, пировавшему в подвалах Каннама, предстояло узнать страшную правду: Орден Просвещённых не сгинул в пыли времён. Бродячие дети, слишком долго скрывавшиеся за фальшивым блеском Сеула, вспомнили вкус крови и вернулись, чтобы завершить кровавую работу отцов.

Чёрный масл-кар мягко съехал с шоссе на гравийную обочину, скрываясь в тени разросшегося кустарника. Позиция выбрана безупречно: носом к выезду, готовность номер один. Никаких лишних манёвров — в случае провала или экстренного отхода хватит мига, чтобы прыгнуть в салон, вдавить газ в пол и вылететь на автобан.

Повернув ключ, старший заглушил двигатель. Басовитое рычание V8 сменилось тихим потрескиванием остывающего блока цилиндров.

Минуты тянулись мучительно долго. Парни не спешили покидать салон: пока внутри теплилось остаточное тепло, нужно было собраться с духом, сбросить лишний адреналин и навести порядок в мыслях — в предстоящей схватке любая ошибка могла стоить жизни.

— Ты как, ноги не затекли? — Хёнджин слегка толкнул плечом друга, разряжая напряжение. Со щелчком откинув крышку бардачка, он извлёк потёртую пластиковую коробочку. — Ого, смотри-ка, раритет... Чего тут у нас? Metallica, AC/DC... — старший прищурился, вчитываясь в выцветшие буквы. — О, да тут классика рока. Под такую музыку только монстров и гонять. А то твой зелёный пояс по тхэквондо нам очень пригодится, если придётся пробивать двери с ноги.

— Чёрный, вообще-то, — отозвался Феликс, не отрываясь от снаряжения и методично пересчитывая патроны в обойме. — И за мои вертушки не переживай. Ты лучше сам не подкачай. Если придётся делать ноги, я за тобой не побегу — у меня спина.

— Договорились, спринт за мной, вертушки за тобой, — хмыкнул Хван, с хлопком захлопнув бардачок. Наконец, когда стрелка часов миновала критическую отметку, он скомандовал: — Пора. Выходим. Тачка на низком старте.

Парни одновременно выскочили из салона. Феликс поморщился от прострелившей поясницу острой пульсации, но адский коктейль из адреналина и стальной воли мгновенно отгеснил недуг на задворки сознания. Рывком откинув крышку багажника, младший извлёк из подкладки пару выкованных из закалённой стали клинков. В лучах тактических фонарей густая кровь на лезвиях казалась просто грязью. Пальцы Феликса плотно обхватили шершавую рукоять первого оружия, а второй клинок отправился в ладонь напарника:

— Держи, Джинни. Чехлы не нужны. Если эта тварь выскочит из тьмы, на раздумья не останется даже доли секунды.

Хван без лишних слов перехватил прохладную рукоять, а правой рукой, привычным, выверенным движением, извлёк из кобуры пистолет.

— Принято. Напролом, так напролом, — отрезал Хёнджин. — Помни главное: пока сущность нас не коснулась — яда нет, морока нет, мы в реальности. Но если эта дрянь хотя бы зацепит кожу — мгновенный анабиоз. Держи дистанцию.

Феликс твёрдо кивнул. В правой руке — обнажённое серебро, в левой — мощный фонарь. Напарники уже собрались двинуться вперёд, но старший резко выставил руку, преграждая путь.

— Подожди, — бросил Хван, прищурившись. — Твоя спина. Я заметил, как ты скривился при выходе из машины. Если позвоночник подведёт там, внизу, в узком коридоре, ты станешь обузой. Ты уверен, что готов?

Феликс замер, сжимая эфес до побелевших костяшек, а когда он поднял взгляд, в глубине глаз, под холодным светом фонаря, полыхнуло что-то лихорадочное.

— Хватит, Джинни, — голос Ликса прозвучал глухо, однако в нём не было ни капли сомнений. — Я не собираюсь умирать от спазма. Адреналин делает свою работу, боль почти отступила.

— «Почти» — не то слово, которое спасает жизнь, когда имеешь дело с этой тварью, — Хёнджин сделал шаг ближе, вторгаясь в личное пространство напарника. Тон его стал вкрадчивым. — Ты точно в порядке? Если сомневаешься — скажи сейчас. Мы скорректируем план.

Глубоко вдохнув, Феликс почувствовал, как в груди разливается привычный холод дисциплины. Расправив плечи и отсекая остатки боли, он посмотрел на друга с вызовом:

— Я готов. Даже если бы позвоночник хрустел под нагрузкой, отступать не в моих правилах. Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мою анатомию. Давай уже сделаем дело.

Хёнджин пристально взгляделся в лицо друга, выискивая тень колебания, но наткнулся на пугающую непоколебимость. Кивнув, старший первым скользнул по выжженной траве и прошмыгнул через брешь в бетонном заборе заброшенного завода.

— Хорошо. Тогда не отставай.

Индустриальная зона конца 90-х встретила пришельцев мёртвым штилем. Огромные, изъеденные коррозией конструкции замерли чернильными силуэтами на фоне фиолетового ночного неба, напоминая скелеты забытых гигантов.

Спуск в подземные коллекторы располагался под руинами третьего формовочного цеха. Пролом в полу уходил вертикально вниз, открывая пасть полузатопленного бетонного тоннеля. Оттуда тянуло спёртым холодом, сыростью, мазутом и неуловимым, приторно-сладким шлейфом жасмина.

Феликс не испытывал липкого страха. В груди догорали остатки сомнений, уступая место расчётливому инстинкту охотника. Сжимая в одной руке серебряное оружие, а в другой — яркий источник света, младший первым ступил на осыпающиеся ступени.

Путь лежал через затопленный коридор гигантского коллектора. Сводчатый потолок терялся в непроглядной глубине, а под ногами с негромким всплеском хлюпала маслянистая вода. Помещение изобиловало слепыми зонами: переплетения труб, крошащаяся штукатурка, полуразрушенные ниши и кабельные каналы создавали идеальную ловушку.

Продвигаясь бесшумно, Феликс держал сталь наготове. Белый луч фонаря рассекал полумрак, методично сканируя каждый угол, пока сам охотник чутко прислушивался, улавливая малейшие аномалии.

Вдруг справа, за грудой обрушившихся глыб, раздался едва различимый шорох, похожий на шелест сухих листьев. Мгновенно среагировав, Феликс перевёл луч прямо на завал и вскинул оружие.

— Джинни, на два часа. Что-то за плитой, — прошептал младший, не допуская ни единой дрожи в голосе.

Хёнджин тут же навёл прицел на сектор, но свет фонаря высветил лишь кусок промокшей изоляции, с которого в воду срывалась капля.

— Ложная тревога. Вода и мусор. Идём дальше, — ответил старший, сохраняя голос ровным и контролируемым.

Чем глубже напарники пробирались в сеть коллекторов, тем настойчивее становился сладковатый аромат. Приторное зловоние буквально въедалось в горло, перебивая ментоловые нотки, исходившие от Феликса. Вскоре тоннель расширился, выводя их к обширному подземному резервуару.

Феликс первым остановился на пороге, вскинув руку: луч фонаря полоснул по пространству зала. Внизу царило безмолвие. Но стоило ему направить свет чуть выше, как у обоих перехватило дыхание.

Прямо посреди зала, под самым потолком, к массивным ржавым балкам были подвешены дети. Пятеро пропавших ребят из Каннама висели над затопленным полом, опутанные плотными, проросшими сквозь бетон скользкими чёрными побегами, напоминающими пульсирующие вены из копоты. Жертвы повисли беспомощными коконами, крепко связанные по рукам и ногам.

Старшие дети спали беспробудным сном. Но в самом центре, опутанный сильнее всех, находился тот самый десятилетний мальчик, похищенный первым. Голова ребёнка бессильно откинута назад, губы посинели, а грудная клетка поднималась с трудом. Жизнь стремительно утекала из маленького тела.

— Чёрт... Подвешены, как туши в мясной лавке! — содрогнулся Хёнджин.

Не теряя ни секунды, старший вернул пистолет в кобуру, подбежал к центральной опоре и запрыгнул на высокое сухое бетонное основание, подтягиваясь к нижним перекрытиям:

— Ликс, давай, помогай! Нужно срочно их срезать!

Феликс подскочил следом. Игнорируя вспышку резкой боли в пояснице, он залез на выступ рядом с напарником. Работая слаженно, они принялись перерезать лезвиями плотные жгуты. Оружие с шипением вгрызалось в органику, источая зловонный пар.

— Что это за дрянь такая?! — поморщился младший, подавляя приступ кашля от едкого испарения, когда нож глубже погрузился в податливую массу. — Воняет жжёной резиной и падалью. Живая, что ли?

Не отрываясь от работы, Хёнджин с силой дёрнул сталь вниз, рассекая очередной «канатик».

— Кто знает, Ликс, — отозвался он, и в его голосе проскользнула усталая хрипотца. — С этими тварями не угадаешь.

Первого ребёнка Хёнджин принял на руки и спустил на сухой бетонный выступ. Второго мальчика освободил Феликс: пара быстрых движений — и путы на ногах распались, после чего ребёнок отправился в руки к хёну.

Они перешли к третьему — тому самому, чья жизнь висела на волоске. Хван подхватил мальчика под плечи, а Феликс начал аккуратно рассекать сильно сдавившие торс и руки отростки.

В момент, когда лезвие почти перерезало последний жгут, тишину затопленного тоннеля нарушил звук.

Всплеск. Тяжёлый. Размеренный.

Хлюпанье воды сменилось отчётливыми, неторопливыми человеческими шагами, эхом отдающимися от бетонных сводов.

— Замри, Джинни, — едва слышно прошептал Феликс, медленно поворачивая голову в сторону погруженной в полумрак арки.

Из беспросветного мрака коридора, ступая прямо по воде, к ним приближался мужчина. С виду — обычный человек: высокий, подтянутый, с бледным, хирургически правильным лицом и тёмными волосами. Простая одежда позволяла с первого взгляда принять незнакомца за заблудившегося бездомного или городского сталкера.

Феликс, сжимая в одной руке фонарь, а в другой окровавленный клинок, нахмурился, не до конца понимая, кого именно выхватил луч света.

— Эй! Ты кто такой?! — властно окликнул младший, прикрывая собой лежащего мальчика. — Что ты здесь забыл? Ни шагу дальше!

Однако пришелец даже не моргнул, продолжая скользить по воде. Чужеродная, хищная грация, не свойственная людям, проступала в каждом его движении. Рецепторы Хёнджина, едва не отказав от приторного запаха жасмина, исходившего от фигуры, мгновенно просигнализировали об опасности.

— Ликс, назад! — рявкнул Хёнджин, выхватывая оружие из оперативной кобуры. — Это не человек...

Мужчина замер в десяти шагах. Но стоило ему переключить внимание на срезанные жгуты и освобождённых детей, как облик поплыл, искажаясь яростным оскалом. Скрываться больше не было смысла.

В тот же миг радужки вспыхнули ядовитым, глубоким тёмно-синим сиянием, а под кожей — на шее, подбородке, кистях рук и в вырезе рубашки — проявилась и загорелась густая вязь древних символов.

Вскинув верный «десерт игл», Хван без колебаний открыл огонь на поражение:

— ПЛАН Б! УМРИ, ТВАРЬ!

ГРОХОТ! ГРОХОТ! ГРОХОТ!

Оглушительные выстрелы калибра .50 АЕ сокрушительным эхом ударили по сводам подземного резервуара. Дульные вспышки озаряли сумрачное пространство ярким пламенем, пока свинцовые снаряды вырывали из груди и плеч Джинна куски серого мяса, выплёскивая на сырой бетон фонтаны густой, почти чёрной маслянистой ихоры.

Но монстр будто не замечал увечий. Человеческая маска окончательно сорвалась, явив миру искажённую оскаленную морду. Взыв от бешенства, Джинн намертво зафиксировал сияющие тёмно-синие глаза на старшем. Всякое значение для него утратили и Феликс, и спасённые

дети. Игнорируя развороченную плоть, тварь сорвалась в безумный зигзагообразный рывок сквозь брызги воды, намереваясь разорвать глотку стрелку.

— Джинни, берегись! — крикнул Феликс.

Забыв про ноющую поясницу, младший совершил молниеносный выпад наперерез, сжимая серебряный нож в попытке парировать атаку и вонзить лезвие в бок. Даже не повернув головы, монстр на полном ходу с дикой, нечеловеческой силой оттолкнул парня наотмашь предплечьем. Удар пришёлся прямо в грудь. С глухим, отвратительным хрустом из лёгких вышибло весь воздух. Мощнейший импульс швырнул Феликса назад, словно тряпичную куклу. Спиной тот на полной скорости влетел в бетонную опору — дикая вспышка слепящей боли в затылке погасила сознание, и тело обмякло на грязном каменном полу. Оружие выскочило из ослабевших пальцев.

Феликс потерял сознание.

В магазине Desert Eagle оставался последний патрон. Хёнджин нажал на спуск — вместо выстрела раздался сухой щелчок затвора, и оружие безнадёжно заклинило. Осознав, что времени на исправление осечки нет, он отбросил пистолет и выставил вперёд левую руку с серебряным оружием.

Сжав зубы, Хван вложил всю ярость в резкий выпад — прямо в центр синих татуировок на груди Джинна.

Рассекающий свист.

Лезвие стремилось к цели, но реакция твари оказалась безупречной. Монстр отклонил корпус, и серебро распоролло пустоту. В ту же долю секунды длинные, бритвенно-острые когти впились в подбородок и нижнюю челюсть охотника, с силой вздёргнув голову вверх.

— Гх-а-а!.. — вырвалось из горла старшего.

Крючья мгновенно вонзились в плоть, орошая пол горячей алой жидкостью.

Смотри на меня... — пронеслось в голове Хвана...

Ядовито-синие глаза заполнили всё поле зрения. По венам к мозгу чёрной молнией устремился ментальный токсин.

Грохот капель, всплески воды и сырые стены коллектора моментально исчезли. Зрачки Хёнджина остекленели. Рука с серебряным ножом бессильно разжалась, и клинок упал на бетон. Он обмяк в когтистых лапах Джинна, а сознание со страшной скоростью камнем рухнуло в Бездну.

ЩЁЛК!

Звук хлопка кинохлопушки эхом отозвался в черепе. Реальность моргнула, сменяясь быстрым, резким панорамным наездом камер.

Сцена 1. Репетиционный зал JYP (2015 год)

В центре ослепительно-белого, душного зала застыл пятнадцатилетний Хёнджин. На нём помятая тренировочная футболка, сердце колотится в рёбра. Напротив, за длинным чёрным столом, сидят силуэты судей прослушивания.

Подросток выкладывается на все сто, отдаёт танцу всю душу, выполняя сложнейшую связку. Тяжело дыша, он принимает финальную позу, ожидая вердикта. Именно здесь началась история его пути трейни.

Главный судья медленно склоняется к микрофону. Голос из колонок неприятно режет слух неестественной сухостью:

— Это всё? — раздаётся вопрос, пропитанный пренебрежением. — Ноги длинные, а толку ноль. Движения деревянные. Вокала нет. Ты — пустой фантик, Хван Хёнджин. Ничего, кроме симпатичной мордашки, которую через год все забудут. Вон из агентства.

Тон судьи внезапно искажается, срываясь на отвратительный смешок. Мужчина захочется в хохоте, и этот звук подхватывают остальные силуэты за столом, превращая зал в камеру

пыткок. Хёнджин пытается возразить, обещая работать сутками, умоляя дать шанс, но горло сковывает спазм. Атмосфера сгущается, становясь вязкой, словно смола.

ВСПЫШКА.

Пространство прорезает резкий, стальной щелчок — будто кто-то с силой переключил слайд на старом кинопроекторе.

В следующее мгновение Хёнджин уже стоит на гигантской сцене стадиона. Вокруг взрываются пиротехнические фонтаны, под подошвами вибрирует помост. Время настоящего — эра 5-STAR. Центральный пяточок залит ярким лучом прожектора, наступает очередь сольной партии в S-Class.

Участники Stray Kids двигаются в идеальном ритме: Чан подаёт сигнал, Феликс ободряюще улыбается, ожидая вступления. Хёнджин делает шаг вперёд, вдыхает полной грудью, открывает рот, чтобы выдать яростный рэп...

И тут — вакуум.

Из горла не вылетает ни звука. Вместо слов наружу вырывается болезненный, клокочущий хрип. Связки рассыпались в труху. В панике он пытается извлечь хоть одну ноту, но горланье отказывается подчиняться, стянутая спазмом.

Взгляд падает на руки — пальцы не слушаются. Музыка искажается, превращаясь в давящий, невыносимый шум. Ноги подкашиваются, парень падает на колени прямо в центре сцены. Минхо и Чанбин смотрят с разочарованием и медленно отступают, оставляя товарища в одиночестве.

Резкий монтажный переход. Алый фильтр. Камера взмывает под самый купол стадиона и разворачивается на трибуны.

Сцена 3. Океан ненависти.

Огромный стадион заполнен десятками тысяч людей. Но вместо привычного океана сияющих лайтстиков Хёнджин видит лишь бескрайнюю, давящую пустоту, наливающуюся кроваво-красным светом.

Тысячи фанатов молчат. В их взглядах — неприкрытое омерзение. Взлетают плакаты: «Бездарность», «Уходи из Stray Kids», «Ты разрушил всё».

Трибуны начинают скандировать его имя — не с поддержкой, а с дикой, всепоглощающей яростью. Толпа требует изгнания. Сверху на сцену летят гнилые цветы и битое стекло.

Хёнджин сворачивается на ледяном полу, закрывая уши руками. Самый глубокий страх — оказаться обузой, лишиться голоса, танца, любви участников группы и уважения людей, ради которых живёт артист, — разрывает сознание.

Джинн подарил ему идеальный, невыносимый кошмар.

Реальность оказалась не менее жестокой: в сыром подzemелье коллектора монстр брезгливо разжал когти. Бледное тело, с остекленевшим взглядом и багровыми отметинами на подбородке, бессильно рухнуло на мокрый бетон. От удара Хван откатился на пару метров, прикинув к грязной луже — далеко от Феликса, который лежал у опоры, не подавая признаков жизни.

Охотники повержены: один погружён в беспамятство, второй — деморализован. Существо неторопливо направилось к подвешенным детям, зная наверняка: никто больше не в состоянии преградить путь.

А внутри сознания Хёнджина кошмар продолжался, набирая обороты. Камера, парящая над стадионом, полным ненависти, резко пикирует вниз, вливаясь в зрачок парня. Гул беснующейся толпы мгновенно обрывается, сменяясь безжизненной тишиной.

Сцена 4. Урок вокала.

Вместо арены — душный кабинет вокального класса в старом здании JYP. Стены обиты звукоизоляционными панелями, которые в лучах белого света покрываются сеточкой мелкой плесени. У стены ютится синтезатор.

Напротив, на высоком стуле, сидит Ли Феликс.

Перед Хваном — не тот привычный приятель. Этот Ликс одет в безупречный белый костюм. Лицо кажется точёной мраморной маской, лишённой эмоций. Глаза — два бездонных омуты, поглощающие любой свет.

Вокруг, в тени у стен, застыли другие трейни и преподаватели. Их лица размыты, словно замазаны расфокусом, но Хёнджин чувствует исходящее от них липкое, неприкрытое злорадство.

— Давай, Хёнджин. Ещё раз. С третьей октавы, — голос Феликса звучит пугающе низко, вибрируя, будто скрежет железа по стеклу. В его интонациях нет даже намёка на поддержку.

Судорожно хватая ртом разреженный, спёртый кислород, Хёнджин пытается прийти в себя. Ужас, пережитый на стадионе, до сих пор сдавливает горло. Попытка вытянуть высокую ноту заканчивается жалким, срывающимся на фальцет хрипом — отвратительный, надтреснутый звук неприятно бьёт по перепонкам. В полумраке класса слышится дружное, приглушённое хихиканье. Преподаватель лишь разочарованно цокает языком.

Поднявшись со стула и сделав шаг вперёд, Феликс нависает над застывшим парнем. От него веет резким, непривычным ароматом, далёким от обычного парфюма. Наклонившись к самому уху Хёнджина, младший начинает говорить, и его речь — хриплая, искажённая, доносящаяся словно сквозь помехи сломанного радио — мгновенно заполняет всё пространство.

— Слушай внимательно, Хван Хёнджин, — чеканит Ликс, и каждое слово причиняет почти физическую муку. — Посмотри на себя. Ты — бездарность. Пустое место. Ты попал сюда только из-за смазливой внешности, но даже она скоро померкнет.

Фанаты в кошмарах кричали о ненависти, но сейчас Феликс выворачивает душу наизнанку.

— Тебе не дано петь, — продолжает тот, кривя губы в язвительной гримасе. — Никогда не достичь моего тембра, контроля и глубины. Ты — обуза для группы. Якорем, увлекающим нас на дно. Чан жалеет тебя, Минхо презирает, а я... Я просто констатирую факт. Ты никчём.

В классе стало невыносимо зябко. Тени вдоль стен начали смеяться громче, их рты растянулись в неестественно широких ухмылках.

— Сдайся, Хёнджин. Уходи. Ты проиграл, — пальцы младшего, словно капканы, впиваются в плечо старшего.

Вжимая голову в плечи, Хван чувствует, как его захлёстывает дикое отчаяние. Слова Феликса — лучшего друга, названного брата — режут хуже лезвия. В голове пульсирует единственная мысль: «Если даже он так считает, значит, это правда». Поднимая взгляд, Хёнджин уже готов прошептать: «Я сдаюсь». Но перед его глазами — лишь пустые, бездонные омуты и торжествующая, ледяная усмешка.

И вдруг... Что-то внутри надламывается. Словно шестерёнка в огромном механизме кошмара внезапно пошла в обратную сторону.

У тебя никогда не будет такого голоса, как у меня... — эта фраза эхом отскакивает от стенок черепа.

Часто моргая, старший пытается сфокусироваться, а уверенность моментально сменяется полнейшим замешательством.

Подожди... — мелькает в мыслях. — *Мой голос? При чём тут это?*

Сквозь густую, мутную пелену дурмана начинает пробиваться реальность. Грязная, весо-мая, настоящая.

Мы... не на уроке вокала. Этот этап пройден. Мы куда-то ехали, — озарение вспыхивает, словно сигнальная ракета во мраке.

Пытаясь отстраниться от студёного, почти мертвенного прикосновения двойника, старший опускает взгляд на собственные руки, сцепленные в замок на коленях.

И тут натывается на деталь.

В этом безупречно белом классе, на фоне ослепительного костюма и белоснежных перчаток «Феликса», собственные ладони выглядят чужеродным пятном. Они грязные.

Хёнджин подносит руки к лицу, игнорируя шипение копии, и вглядывается в ногти.

Мазут...

Под каждым — чёрная, впитавшаяся в кожу. Острый запах старой смазки от V8 прорывается сквозь жасминовую вонь с такой силой, что лёгкие сдавливает спазмом.

Мы не в 2015-м. Не в JYP.

Вспышка памяти. Оглушительный рёв мотора в Инчхоне. Улыбающийся, измотанный Ликс с ветошью. Настоящий. Тот, кто вчера вечером, корчась от острой муки в пояснице, упрямо мыл Мустанг, чтобы приятелю было удобнее работать. Тот, кто, несмотря на ужас, твёрдо сказал: «Мы бьём тварь сегодня». Тот, кто бросился наперерез монстру, чтобы защитить.

Мы ехали в Каннам. Мы приехали... Тварь. Подземелье. Дети!

Медленно подняв голову, Хёнджин отступил от высокого стула и посмотрел прямо в глаза двойнику.

— Ты не настоящий, — чеканя каждое слово, выдохнул он.

На секунду в классе повисла звенящая, натянутая до предела пауза. Двойник оцепенел. Лицо исказилось искренним, животным изумлением. Младший отшатнулся, ошарашенно переводя взгляд с Хёнджина на преподавателя в углу.

— Ты... ты с дуба рухнул?! — громко, с возмущением и лёгкой хрипотцой воскликнул Феликс. Голос звучал настолько живо, узнаваемо и естественно, что земля ушла из-под ног. — Ты что плетёшь вообще?! Какое «не настоящий»?!

Тени у стен ожили. Преподаватель вокала вскочил с места, а стоящие в углу трейни начали с опаской шептаться.

— Хёнджин, ты что, пьян?! — Феликс сделал шаг к нему, подбоченившись, пока в его глазах читалась смесь глубокой обиды, злости и неподдельного шока. — Ты пришёл на официальный прогон перед Чан-хёном бухой в дрова?! От тебя несёт какой-то дрянью и бензином за версту! Чем ты всю ночь занимался?!

— Ликс, прекрати... — пульс забился в горле, отсчитывая рваный ритм. Ловушка джинна оказалась куда изощрённее, чем представлялось. Монстр умело заставлял поверить в собственное безумие.

— Нет, ты мне объясни! — вскинув руки, выпалил младший, срываясь на привычные экспрессивные интонации. — Мы завтра сдаём материал! Чан-хён в соседнем кабинете доделывает мастер-трек, парни ждут нас на хореографию, а ты стоишь тут с грязными руками и несёшь чушь о том, что я «ненастоящий»?! Ты в своём уме, Хван Хёнджин?! Крыша поехала от нагрузок?!

— Хёнджин-ши, опомнитесь! — резко осадил преподаватель, не сводя глаз с ученика. — Если сорвёте запись из-за алкоголя или нервного срыва, дирекция JYP расторгнет контракт прямо сегодня!

Конфликт нарастал, становясь почти осязаемым. В голосе «Феликса» сквозило столько искреннего переживания за группу, столько праведной ярости на беспечность напарника, что Хёнджин на миг усомнился в происходящем.

Наваждение подтачивало уверенность: *неужели гараж, «Мустанг», грыжа, серебряные ножи и джинн — всего лишь фантазия? Что, если я на самом деле спятил от бессонницы и сейчас, стоя посреди класса, просто пытаюсь удержаться за обломки реальности, которой не существует?*

— Посмотри на себя! — рявкнул младший, сокращая дистанцию и тыча пальцем в грудь Хвана. — Ты не можешь взять простейшую ноту! Твоё исполнение никуда не годится! И вме-

сто того, чтобы признать ошибку, продолжаешь нести эту хуйню? Соберись, идиот, или ты угробишь всю группу!

Старший, схватившись за виски, сжал голову ладонями. Шум голосов отдавался в черепе, усиливая ментальную западню. Взгляд невольно упал на собственные пальцы, испачканные в нечто, напоминающее мазут. В памяти вспыхнули воспоминания о страданиях Феликса, о том, как того скручивало в комнате. Всплыл и образ его искренней улыбки, выкладывающегося на пределе сил.

Настоящий Ликс прямо сейчас корчится от физической боли, спасая чужого ребёнка, — эта догадка пробилась сквозь пелену обмана. — Настоящий Ликс никогда бы не стал упрекать контрактом, когда на кону стоит нечто большее. Это... это ложь.

Сделав глубокий вдох, Хёнджин выпрямился. Спор и неразбериха вокруг отступили, превращаясь в неразборчивый гул.

— Прости, Ликс. Если ты настоящий — я труп. Но если ты лишь морок... Я вытащу нас обоих, — тихо, но решительно пообещал Хван.

— Что? Что ты там бормочешь?! — рявкнул Феликс, делая шаг навстречу с угрожающим видом.

Вместо оправданий старший развернулся к громоздкому синтезатору.

— Стой, Хёнджин! Что творишь?! — вскрикнул преподаватель, вскинув руки в молящем жесте.

Не обращая внимания на вопли, Хван с яростным криком ударил ногой по опоре инструмента.

ГРОХОТ!

Инструмент с оглушительным треском рухнул набок, врезавшись в зеркальную стену. Защитная панель дисплея разлетелась на десятки кривых, рваных фрагментов калёного пластика.

— Ты сдурел?! Эй, зовите охрану! Вызывайте психбригаду, он не в себе! — завизжал «Феликс», отскакивая в сторону и прикрывая лицо ладонями от разлетающихся в разные стороны обломков. — Хёнджин, брось это! Не твори глупостей, ты же себя покалечишь, идиота кусок!

Рухнув на колени прямо на стеклянное крошево, Хван сжал пальцы на самом крупном, режущем крае. Преподаватель вместе с Феликсом кинулись наперерез, пытаясь перехватить его кисть. Но опоздали: Хёнджин поднёс опасное лезвие к собственному горлу. Действие напоминало прыжок в бездну — за грань разума и страха.

Прости меня, Чан-хён... Прости, мама... — промелькнуло в сознании перед финальным рывком. — Ликс, если ошибся и правда сошёл с ума... встретимся на той стороне.

— СТОЙ-Й-Й! — взвыл «Феликс».

Зажмурившись, Хёнджин с беспощадной силой загнал осколок точно в сонную артерию.

Стерильный класс JYP, вопящие тени и рушащиеся стены мгновенно схлопнулись в бесконечно малую точку. Вспышка невыносимой, ослепляющей агонии испепелила иллюзорную реальность. Разум Хёнджина «умер» внутри сна.

Тело, до этого недвижно лежавшее возле лужи у бетонной стены, резко, судорожно выгнулось дугой.

— А-XXX-А-А-А! — из горла вырвался дикий, задыхающийся, рваный крик.

Веки распахнулись, зрачки сузились до размера макового зерна. Зрение возвращалось дёргаными кадрами, пока мозг пытался отойти от шока перенесенной смерти. Однако в лёгкие хлынул настоящий, живой поток — едкий, тяжёлый, пропитанный смрадом застоявшейся воды, мазута и приторного жасмина.

Метод Винчестера сработал: мозг, поверив в гибель внутри иллюзии, вышвырнул сознание назад. Хван тяжело задыхался, срываясь на надрывный кашель. Шея, распоротая в грёзах,

пульсировала остаточными фантомными импульсами, хотя в реальности кожу саднили лишь багровые полосы от когтей Джинна на подбородке.

Пульс медленно приходил в норму: всё-таки удалось выкарабкаться.

Дрожа, Хёнджин опирался на ослабевшую ладонь, пытаясь прогнать пелену перед глазами. Наконец зрение сфокусировалось, и он увидел Феликса: тот лежал в нескольких метрах без сознания.

В десяти шагах от него замер Джинн. Существо медленно повернуло голову. На бледной коже вспыхнула тёмно-синяя вязь символов. В глазах монстра отразилось смятение, смешанное с дикой яростью: человеческий разум умудрился вырваться из ментальной петли.

Переведя взгляд с бесчувственного Феликса на врага, Хван процедил сквозь зубы, вкладывая в слова всю свою ненависть:

— Тебе пиздец, сука.

Резко оттолкнувшись от бетонного пола, он сорвался с места, подобно хищнику, почувшему добычу.

Тварь рванула навстречу. В гулком, пустом подвале, где колонны тонули в полумраке, существо превратилось в смазанное пятно.

За годы изнурительных тренировок тело Хёнджина научилось реагировать быстрее мысли. Безупречное чувство пространства и доведённая до автоматизма координация превращали каждое движение в искусство.

Стоило когтистой руке монстра рассеять пространство там, где секунду назад находилась шея Хвана, как тот ушёл в низкий, скользящий сплит-слайд по влажному бетону. Грязные капли брызнули веером. Проскочив под бёдрами существа, он позволил ему пронестись над собой.

Не теряя ни доли секунды, Хёнджин доверился адреналину, захлестнувшему тело. Резкий разворот на опорной ноге, перенос инерции в корпус — и хлесткий удар пяткой, тяжёлый как кувалда, пришёлся точно в затылок твари.

ХРУСТ.

Ботинок, помноженный на вес тренированного Хвана, вбил Джинна лицом в бетонную опору. Тот зарычал, разворачиваясь на месте с неестественным скрежетом суставов. В глазах вспыхнула ярость. Он превосходил любого человека в физической мощи, но Хван двигался совсем не как испуганная добыча.

— Это всё, на что ты способен? Ну же, попробуй ещё раз.

Джинн попытался сгрести противника в охапку, стремясь прижать к стене и вонзить когти в горло. Но Хёнджин сорвался с места, проскакивая мимо захвата, и нырнул в «мёртвую» зону — вплотную к чужой груди, где длинные конечности теряли рычаг. Он ухватился левой рукой в предплечье твари, сбивая траекторию, а правой — согнутой в локте — обрушил серию коротких, сокрушительных ударов снизу вверх, прямо в повреждённую челюсть и рёбра.

УДАР! УДАР! УДАР!

Каждый выпад отдавался глухим костным треском. Хван вкладывал в движения всю ярость, скопившуюся за ночь: за Феликса, за издевательский кошмар, за растоптанный покой. Очередной рывок выбил из пасти монстра фонтан синей, искрящейся ихоры и крошево зубов. Существо отбросило назад, и затылок с влажным хлопом врезался в швеллер. Однако охотник не позволил врагу перевести дух.

Сбив монстра с ног, Хёнджин рухнул на бетон вместе с ним. Пальцы вцепились в горло, перекрывая доступ кислорода, а свободная рука, сжатая в свинцовый кулак, начала методично и с жестоким нажимом вбивать удары прямо в изувеченную рожу.

УДАР! УДАР! ЕЩЁ УДАР!

— Думал, мозги мне сварить, мразь?! — хрипел Хёнджин, вколачивая костяшки в податливую плоть. — На, блядь! Попробуй это сожрать!

Сверхчеловеческое тело упиралось, но Хван бил не как спортсмен на ринге, а как безумец, защищающий свою стаю. С каждым выпадом кожа на кулаках превращалась в кровавое месиво, но из пасти монстра вырывался захлёбывающийся, надрывный хрип.

Поняв, что проигрывает, Джинн взвыл. Наотмашь выбросив когтистую лапу, тот впился в правый бок охотника. Плотная ткань худи расплзлась. Когти с влажным хлопом и треском рвущихся волокон распорили кожу, оставив на рёбрах обжигающие борозды.

— А-а-ух, сука-а-а! — сорвался на крик Хёнджин от дикой вспышки боли.

Болевой рефлекс должен был сломить его, заставить сжаться, но адреналин лишь сильнее разжёл его упрямую, опасную натуру. Наплевав на обжигающую рану, Хван перехватил запястье врага, вцепился в указательный и средний пальцы и с тошнотворным, сухим хрустом вывернул их назад — до полного разрыва суставов.

ХРУСТ-ХРУСТ!

— На, сука! Попробуй помахаться своими граблями! — прохрипел Хёнджин, харкая твари прямо в залитое синей кровью лицо.

Монстр истошно взвизгнул. Навалившись всем весом, Хван прижал его к бетону, фиксируя руки коленями, и с размаху вогнал локоть прямо в глазницу. Раз. Два. На третий удар хрупкая орбита глазницы треснула, хрустнув под напором кости, и из рваной раны хлынула тёмная кровь.

Дёргаясь в конвульсиях, чудовище попыталось сбросить охотника и резко крутанулось, но Хван лишь сильнее сжал бёдра, блокируя его поясницу в захвате и вдавливая тушу в пол. Взгляд лихорадочно метался по сторонам в поисках оружия. В полуметре от головы твари тускло блеснула рукоять серебряного клинка.

— Твою же мать... — прошипел старший.

Джинн выбросил вторую руку, пытаясь вцепиться в лицо и впрыснуть ментальный яд. Хван резко подался в сторону, уходя от когтей, и, не ослабляя захват, максимально вытянулся к лезвию. Кончики пальцев отчаянно скребли по бетонному полу. Взбешённый монстр взревел, выгибаясь в новой попытке сбросить седока, но Хёнджин прокусил врагу запястье, пробивая клыками податливую плоть до самой кости. В рот хлынул привкус чужой, кислой, разъедающей ихоры.

Воспользовавшись секундным замешательством, охотник с силой рванул руку вперёд. Пальцы сомкнулись на рукояти.

Есть.

— Хуй тебе! — прорычал Хван сквозь стиснутые челюсти.

С жестоким, бескомпромиссным замахом он вогнал восьмидюймовый клинок точно в яремную вену Джинна — по самую крестовину.

ЗВУК ВЫГОРАЮЩЕЙ ПЛОТИ. РЁВ.

Реакция чистого серебра, заземлённого жертвенной кровью, на астральное тело была подобна падению капли воды в раскалённое масло. Из пробитой шеи, глазниц, ушей и раскрытой пасти вырвался поток слепящего, лазурного огня. Вся впитанная тварью жизненная сила детей со свистом вылетала наружу обжигающими, тугими струями.

Джинн забился в предсмертных конвульсиях, скребя когтями бетон. Хёнджин не отпускал. Сидя на груди у полыхающей туши и удерживая её «треугольником», он сжимал рукоять ножа обеими окровавленными ладонями, с ненавистью проворачивая лезвие в ране.

— За Ликса, блядь! За всех! На хуй пошёл, гнида! — истошно вопил он, захлёбываясь яростью в сиянии ослепительного пламени.

Поток энергии пожрал тварь за считанные секунды. Иссошенное тело, покрытое татуировками, превратилось в хрупкий чёрный шлак, который под весом Хвана рассыпался в труху и с шипением растворился в грязной воде коллектора.

На бетоне остался лежать добела раскалённый нож, от которого поднимался едкий дым. Шум битвы утих, сменившись гулким, рваным, захлёбывающимся кашлем. Хван повалился на бок. Грудь ходила ходуном, а всё тело — от сбитых в мясо костяшек до разодранного бока — горело огнём. Вода под ногами окрасилась в тёмно-алый: чёрный мазут из подвала, синяя ихора Джинна и собственная кровь смешались, запекаясь коркой на порезанной коже.

Победа. Без оружия, без укрытий. Только первобытная ярость.

С усилием перевернувшись на живот, охотник сплюнул на бетон вязкую слюну и вытер губы сбитой, тыльной стороной ладони. Взгляд затуманенных глаз устремился вглубь туннеля.

В десяти метрах, во мраке коллектора, у бетонного столба всё так же неподвижно лежало тело Феликса.

Скрипнув зубами, Хёнджин поднялся, преодолевая слабость. Ноги подкашивались, но он заставил себя двигаться вперёд — шатаясь, волоча ступни. Добравшись до опоры, он больше не смог держаться и рухнул на колени рядом с бездыханным телом.

— Ликс... — прохрипел охотник, хватая напарника за мокрое плечо. — Ликс, блядь... Слышишь меня?! Открывай глаза, чёрт тебя дери!

Силы, державшие старшего, иссякли в одно мгновение. Он тяжело завалился на бок, прислонившись спиной к шершавой поверхности.

— Ликс... Ликс!

Дрожащие ладони Хвана — сбитые в кровь, измазанные в мазуте, алой человеческой и синей демонской субстанции — плохо слушались. Пальцы с трудом получилось направить к шее Феликса. Он прижал указательный и средний к сонной артерии, затаив дыхание.

Первая секунда. Вторая. Третья.

Ничего. Только бешеный, оглушительный стук собственной крови, барабаниющий в висках.

— Нет-нет-нет... Нет, блядь, только не это! — паника, ударившая сильнее когтей Джинна, перехватила дыхание. — Ликс! Ёнбок!

Рваным движением Хван подтянул Феликса к себе, прижимая к груди. Голова младшего бессильно запрокинулась, бледные губы приоткрылись, а мокрая чёлка липла к бескровному, безмятежному лбу.

— Не смей, сука! Слышишь меня?! Не смей бросать меня, Ёнбок! — Хёнджин тряхнул его за плечи, теряя остатки самообладания. — Открывай глаза! Я всё сделал! Слышишь?!

Ладони старшего сползли ниже, к самой ключице, впиваясь в кожу.

Тук...

Слабый, едва ощутимый ритмичный отклик.

Тук... Тук...

Сердце билось — слабо, на грани остановки из-за дичайшего шока и контузии, но всё же продолжало гнать кровь. У Хёнджина вырвался рваный, прерывистый вдох. Сковавший ужас на мгновение уступил место острой братской нежности, отчего в груди болезненно сжалось.

Бережно уложив голову Феликса на колени, Хван прикрыл его от пронизывающей сырости. Та самая рука, что только что рвала плоть чудовища, невесомо коснулась щеки младшего.

Тыльная сторона большого пальца мягко, почти трепетно, стёрла грязь, слой пыли и испарину с измождённого лица. Старший огладил запавший висок, пропуская меж пальцев спутанные, промокшие пряди.

— Живой... Живой, дурак... — прошептал Хёнджин, прильнув лбом к мокрой макушке. Слезы, не скрываясь, чертили светлые дорожки на запачканных щеках. — Ёнбок-а... Мы же договаривались... Я обещал, что мы вернёмся... Нам ещё в тур ехать, помнишь?

От тепла чужих рук и едкого запаха крови Феликс вздрогнул, и по телу пробежала слабая судорога. Грудная клетка под корсетом дёрнулась, выталкивая надрывный, мучительный кашель.

— Кх-ха!.. Кхм-кхм... — младший с трудом перевёл дыхание, пальцы слепо заскребли по бетонной плите и вцепились в штанину Хёнджина.

— Я здесь! Я тут, Ликс! — Хван тут же накрыл ладонь брата своей, сжимая с отчаянной силой.

Веки Феликса тяжело приподнялись, будто приходилось преодолевать неимоверное сопротивление гравитации. Мутные карие глаза долго блуждали по мрачным сводам коллектора, пока наконец не сфокусировались на лице Хвана, сияющем от облегчения.

С трудом сглотнув и поморщившись от пульсирующей боли в затылке и пояснице, Ликс прочистил пересохшее горло. Из груди вырвался едва различимый, сиплый шёпот:

— Хёнджин... — он моргнул, пытаясь собрать реальность в единую картину. — Мы... кхм... мы победили?

Старший на секунду застыл, вглядываясь в это перепуганное, но живое лицо. А затем из его груди вырвался первый, сухой и прерывистый смешок — как будто он всё ещё не верил, что это происходит на самом деле. Но вслед за ним, ломаясь и набирая силу, вырвался уже настоящий, надрывной хохот — звук человека, только что вырвавшего брата из лап самой смерти. Хёнджин уткнулся мокрым носом в плечо Феликса и, уже не сдерживая истеричных ноток, зашёлся смехом, неловко вытирая слёзы и мазут с лица рукавом.

— Идиот, блядь... — сдавленно прохрипел он, притягивая младшего ближе. — Какой же ты идиот, Ёнбок... Конечно, справились. Мы эту мразь в пепел раскатали.

Феликс с облегчением выдохнул, укладываясь затылком на бедро брата, но веселье Хёнджина внезапно оборвалось. По подземелью прокатился странный шорох.

Гибель Джинна привела к распаду его структуры. Чёрные отростки, похожие на засохшую кору, которыми тварь оплетала арматуру, начали разрушаться. Они покрывались трещинами и осыпались прахом, освобождая пленников.

В паре метров, на влажном бетоне, зашевелились двое спасённых — те самые, кого удалось освободить первыми.

Девочка лет девяти в рваной пижаме судорожно втянула в лёгкие затхлый воздух, закашлявшись от едкого, приторно-сладкого осадка, оставшегося в горле после ментального сна. Она перевернулась на бок, детские ладони беспомощно заскребли по шершавому полу.

Через мгновение тишину коллектора пронзил тонкий, надрывной, полный первобытного страха голос:

— Ма-ма... — последовал всхлип, и короткий выдох перерос в дрожащий плач. — Мамочка... где ты...

Рыдания малышки разбудили второго ребенка, лежащего рядом. Мальчик встрепенулся, сжимаясь в комок от пронизывающей сырости, и тоже жалобно запричитал, клича родителей.

Сверху, с покрытых рыжими пятнами подмоствок, донесся щелчок. Третий ребёнок — десятилетний мальчуган, чья искра жизни угасала быстрее всех, — отделился от рассыпающегося чёрного кокона. Слабенько застонав, он повис, зацепившись кофтой за стальной уголок, слишком обессиленный, чтобы удержаться самостоятельно.

Звук детского плача — настоящий, живой, разрывающий полумрак туннеля — подействовал на охотников лучше любых стимуляторов.

У Ликса прояснилось в глазах. Стоило повернуться, как во взгляде заплесало дикое, ослепительное торжество. Вспышки ломоты в пояснице и пульсация гематомы на затылке мгновенно отошли на второй план.

— Слышал?.. — прошептал младший, едва справляясь с дрожью в голосе, полном иступленной надежды. — Хван... Ты слышишь?!

— Слышу, — отрывисто отозвался старший. Сжав челюсти, он тяжело дышал, стараясь унять сердцебиение, и бережно помог напарнику присесть, устроив его спиной о бетонную колонну.

— Они живы... — Феликс закрыл лицо ладонями, жадно хватая ртом кислород. — Блядь, Хёнджин, мы успели... живы...

— А были сомнения? — старший вытер окровавленные костяшки о край худи и поднялся на подкашивающихся ногах. Тело повело от изнеможения, но он упёрся рукой в опору и выпрямился. — Сиди здесь и не дёргайся. Слышишь меня, Ёнбок? Твою спину сейчас только доламывать не хватало. Я сам их сниму.

— Ага, шас... Сидеть я буду... — просипел Феликс, упрямо мотнув головой.

Игнорируя пульсирующую, выжигающую нутро боль, младший сцепил зубы, упёрся ладонями в мокрый бетон и с мучительным стоном начал выпрямляться. Позвоночник отозвался недобрым прострелом, но он даже не поморщился.

— Ты спятил?! — Хёнджин бросился к другу, подхватывая за локоть и не давая упасть. — Я же сказал: сиди!

— Там... ещё трое висят, Хван! — Феликс твёрдо посмотрел прямо в глаза старшего, часто дыша. — Трое детей под потолком! Мы пришли спасать их вместе — вместе и закончим. Помогай давай.

Хван смерил друга взглядом, узнавая эту непробиваемую австралийскую упрямость, и издал протяжный, обречённый выдох:

— Идиотина... Убью когда-нибудь, Ёнбок. Ладно, держись за меня и не смей дёргаться.

Алые отметины от когтей Джинна на рёбрах Хёнджина горели огнём, но, к счастью, рана оказалась лишь глубокой царапиной — болезненной, саднящей, но не смертельной. Настоящим врагом стала невыносимая, изматывающая усталость: ноги после схватки и отходняка от яда буквально подгибались, а мышцы налились свинцом.

Однако отступать было некуда.

— Держу! — старший сделал два резких шага, вытянул руки вверх и подхватил падающего ребёнка под мышки.

Мальчик был невесомым, озябшим и совсем слабым. Хван бережно передал его на руки Феликсу, который тут же прижал ребёнка к груди, подставляя плечо, чтобы не давить на собственную поясницу.

Вскоре старший с трудом взобрался на нижнюю опору, счищая промасленными пальцами остатки сгнивших отростков. Через полминуты на бетон опустились остальные двое — испуганная девочка лет десяти и совсем крохотный мальчуган в пижаме с динозаврами.

Вся пятёрка спасённых теперь оказалась в безопасности.

Однако, когда туман Джинна окончательно рассеялся и к малышам вернулось чувство реальности, пришло осознание, где они находятся: в сыром коллекторе, пропитанном запахом гари и серы. А рядом — два высоких незнакомца в тёмной одежде.

Вид у парней был пугающий: Феликс с ног до головы был покрыт строительной пылью, а толстовка Хёнджина оказалась залита кровью, смешавшейся на ладонях с чёрными следами гаражного мазута.

Дети в ужасе сжались в дрожащую кучку у колонны. Девочка в пижаме зашлась горькими слезами, пряча лицо:

— Не трогайте нас! Пожалуйста! Мама... Где моя мама?!

— Очень страшно! Вы плохие?! — закричал мальчик в пижаме с динозаврами, отползая назад.

Напарники коротко переглянулись, мгновенно сообразив, насколько пугающе выглядят со стороны в глазах перепуганных детей.

— Эй-эй... Ну-ну, малышня, не бойтесь, — первым на колени опустился Феликс, демонстрируя открытые ладони в знак мира.

Младший глубоко вздохнул, убирая из голоса всю жёсткость, и заговорил самым тёплым, убаюкивающим тоном — тем самым, которым успокаивал фанатов на трансляциях. На лице расцвела нежная, искренняя улыбка.

— Всё хорошо. Слышите меня? Страшный сон закончился. Монстр ушёл, он больше не вернётся.

Девочка перестала плакать и сквозь слёзы взглянула на блондина. Хёнджин аккуратно стянул с себя худи — единственную вещь, способную хоть немного согреть, — и бережно укутал двоих самых продрогших ребятшек.

— Моя кофта немного в крови и дырявая, конечно, — старший усмехнулся, опускаясь на корточки рядом с напарником. — Но поверьте, мы не причиним вам вреда. Правда.

Он осторожно стёр пальцами влажные дорожки со щёк ребёнка.

— Мы здесь, чтобы помочь. Вернуть вас домой, к родителям.

Сначала мальчик всмотрелся в лицо Хвана, но тут же переключил внимание на светлые, спутанные волосы Феликса и его карие глаза.

— Вы... Вы спасатели? — прошептал ребёнок, шмыгая носом.

— Типа того, — младший хмыкнул, подтягивая к себе мальчишку в пижаме с динозаврами и приобнимая его. — Мы что-то вроде ночной службы безопасности. Приходим, когда приснится самый плохой кошмар.

Мальчишка уткнулся носом в грудь своего защитника, прерывисто вздыхая и постепенно утихая. Остальные дети, ещё минуту назад находившиеся на грани истерики, потянулись к «спасателям», ища защиты.

— Вы все невероятно смелые, — заговорил Хван. В голосе звучало столько искренности, что дети окончательно перестали плакать. — Вы справились. Вы через такое прошли, вы настоящие герои.

Дети смотрели на него, открыв рты, стирая кулачками слёзы с испачканных щёк.

— Сейчас мы поднимемся наверх, выведем вас на свежий воздух и сразу вызовем полицию и скорую, — продолжал старший, мягко улыбаясь. — Вас быстро осмотрят и отвезут домой. Но... У нас есть одно важное условие. Договор. Самое главное: вы нас никогда не видели. Поняли?

Прильнувшая к Хёнджину малышка удивлённо моргнула большими доверчивыми глазами:

— Почему?... Это... секрет? Вы что, супергерои? — прошептала она с детским восхищением.

— А плохой дядя... — подал голос мальчик в накинутах худи, шмыгая носом и сжимая край рукава. — Он больше не вернётся? Я так сильно испугался... Мне снились жуткие кошмары...

Ласково погладив кроху по спинке, Феликс слегка нагнулся к ребятам:

— Плохой дядя больше никогда не вернётся. Честно-честно, — мягко ответил младший. — Мы прогнали его навсегда, и даже тени не осталось. А насчёт супергероев... Ну, считайте, что это наша с вами спецмиссия. Настоящие ночные защитники не любят показывать лица полиции и журналистам. Если о нас узнают — волшебство исчезнет. Сбережёте наш секрет?

Дети, ради которых парни и спустились в этот ад, дружно и очень серьёзно закивали. А десятилетний мальчишка едва различимо шепнул:

— Я никому не скажу. Даже маме. Спасибо вам...

— Ну вот и отлично, — тяжело поднявшись и сдержав глухой стон от вспышки боли в боку, Хёнджин протянул руки к обессиленному мальчику. — Пойдёмте на волю.

Осторожно подхватив уставшего спасённого, Хван прижал того к себе.

Вторая девочка, всё ещё опасаясь глухой темноты туннеля, крепко ухватилась пальчиками за рваную ткань футболки у брючного ремня Хёнджина.

Сгруппировавшись и контролируя каждый миллиметр поясицы, Феликс с идеально прямой, ровной осанкой аккуратно поднял на руки самого маленького — ребёнка в пижаме с динозаврами, а свободной рукой мягко сжал ладошку первой девочки.

Шустрый мальчуган, полностью закутанный в огромное худи Хёнджина, будто в королевский плащ, гордо и храбро зашагал впереди, прокладывая дорогу и подсвечивая путь найденным на бетоне фонариком.

— Пошли, отряд, — негромко скомандовал Хёнджин. — К свету.

Маленькая процессия медленно двинулась по гулкому туннелю. Шаги отзывались эхом в застывшем воздухе подземного коллектора, который больше не казался жуткой ловушкой.

На ходу Феликс напевал на ухо засыпающему малышу австралийскую считалочку, успокаивая того низким бархатным голосом. Дети больше не дрожали — рядом со своими тайными спасателями они находились в полной безопасности.

По мере того как они покидали сумрачные недра развалин третьего цеха, вокруг с каждым шагом становилось всё светлее. На востоке небосвод уже наливался перламутровыми, розовато-серыми красками рождающегося утра.

Своих подопечных парни аккуратно довели до главного входа заброшенного завода и усадили четверых детей на широкие, покрытые трещинами бетонные ступени под полуразрушенным навесом.

Пятого, самого маленького кроху в пижаме с динозаврами, Феликс осторожно спустил с рук на пыльную ступеньку. Малыш, окончательно сморенный усталостью, слабо потёр кулачком глаза и прижался боком к старшей девочке.

Запустив измазанную в пыли ладонь в глубокий карман джинсов, младший нащупал смартфон. Вытащив гаджет на свет, он облегчённо выдохнул: стекло осталось целым, а прочный чехол принял на себя весь удар от падения на бетон.

Но едва экран ярко вспыхнул, на панели уведомлений чехардой посыпались значки.

— Ох, блядь... — пробормотал Феликс, не скрывая растерянности.

На экране горел ярко-красный круг: 47 пропущенных вызовов и три десятка сообщений от «Чан хён (Лидер)». Последнее СМС, пришедшее двадцать минут назад, гласило: «Вы где, черти?! 4:30 утра! Почему ваши кровати пустые?! Если вы на тренировке в такое время, я вам головы оторву! Ответьте срочно!».

— Что там? — озадаченно поинтересовался Хёнджин, потирая ноющий бок и поправляя растрёпанные волосы.

— Чан хён... — младший нервно сглотнул, развернув к другу светящийся дисплей. — Кажется, по возвращении в общагу нас ждёт ещё один бой. Беспощадный и без права на ошибку.

— С этим разберёмся позже, — Хван мрачно кивнул на телефон. — Звони.

Смахнув уведомления от лидера, Феликс набрал короткий номер экстренных служб. Соединение прошло за долю секунды. Из динамика раздался собранный женский голос:

— Служба спасения Сеула, оператор 14. Что у вас произошло?

Глубоко вздохнув, Феликс опустил подбородок к груди и понизил регистр, придавая голосу искусственную хрипотцу, характерную для зрелого мужчины:

— Здравствуйте. Записывайте адрес: заброшенный бетонный завод на южном стыке Кан-нама с промзоной. Главный вход. Здесь пятеро детей из списка пропавших за последний месяц. Они живы, но истощены и в шоке. Срочно направляйте медиков и полицию.

На линии повисла пауза, сменившаяся быстрым стуком клавиш:

— Господин, оставайтесь на связи! Пятеро пропавших?! Назовите себя! Кто вы и как там оказались? С кем я разговариваю?!

— Считайте, что говорите с анонимом, — отчеканил младший, сохранив низкий тон. — Торопитесь, у детей сильное переохлаждение.

Сбросив вызов, Феликс перевёл устройство в авиарежим. Хёнджин, всё это время напряжённо вглядывавшийся в сумрак туннеля, вскинул голову, зарываясь пальцами в волосы.

— Проклятье...

— Что такое? — растерялся Феликс.

— Клинки! — сбавив голос до панического шёпота, Хван резко обернулся к другу. — На рукоятках обоих ножей — наши блядские отпечатки пальцев, Ликс! Мои и твои! Если полиция приедет и заберёт их в криминалистическую лабораторию, нам конец.

Младший от ужаса приоткрыл рот. Оставить улики означало добровольно подставиться под статью. Сорвавшись с места, Хван подскочил к детям и аккуратно потянул за край собственного худи, в которое те укутались:

— Простите, зайки, мне придётся забрать кофту, чтобы кое-что вам не показывать, — мягко попросил он и тут же перевёл взгляд на ручонки мальчика, сжимавшие фонарик: — И это тоже одолжу.

Малыши без лишних расспросов и споров тут же расцепили пальчики и с готовностью протянули вещи.

— Сиди с ними! Я одна нога здесь, другая там! — выдохнул старший, подхватывая одежду.

Не дожидаясь ответа, Хван развернулся и бросился назад, в черноту заброшенного завода. Наплевав на усталость и ноющий бок, он летел по памяти к подземному коллектору, освещая путь единственным источником света.

С ходу вбежав в затопленный резервуар, старший подбежал к бетонной колонне, подхватил из грязи первый клинок и сразу обернул его тканью. Затем вернулся к угольно-чёрной куче шлака, выхватил второй нож и надёжно спрятал оружие в толстовке.

Через четыре минуты запыхавшийся Хёнджин вернулся на свежий воздух к ступеням, крепко прижимая к себе узел с одеждой.

— Успел, — тяжело обронил он, рухнув рядом с напарником. — Всё чисто.

Минуты потянулись в томительном ожидании. Прошло около десяти минут безмятежности, пока из-за поворота автострады не донёсся надрывный вой сирен. Красные и синие проблесковые маячки прорезали утренний туман. На полной скорости к территории завода неслись три полицейские машины и две кареты реанимации.

Сгрудившись на ступенях, дети испуганно засуетились и прижались к бетону. Десятилетний мальчик — самый старший среди спасённых — встревоженно вскочил:

— Они едут!.. Вы... вы уйдёте?! — в дрожащем голосе вновь пробила тревога.

— Нам пора, — мягко и тепло сказал Феликс, поднимаясь на ноги вместе с Хёнджином. — Мы выполнили свою работу. Теперь вас заберут хорошие врачи и полицейские.

Девочка рядом замялась и несмело прошептала:

— Но мы... мы вас больше никогда не увидим?

Отложив в сторону свёрток с оружием, Хёнджин опустился на одно колено перед девушкой. Нежно накрыв её дрожащую ручку своей широкой ладонью, он подарил малышке чувство полной безопасности.

— Помните наш договор? — ласково улыбнулся он, заглядывая ей в глаза. — Вы нас не видели. Забудьте наши лица, но помните самое главное: монстров больше нет. Вы в полной безопасности. Сдержите обещание?

Всхлипнув, она уверенно кивнула.

В этот момент Ликс опустился на корточки перед самым маленьким крохой в пижаме с динозаврами, сонно разглядывавшим спасителя. Светлые спутанные волосы падали на лоб, а взгляд сиял чистой, почти ангельской ясностью. Тонкие пальцы привычно расстегнули замочек, и с шеи айдола соскользнула золотая цепочка с изящным кулоном. Тёплое украшение аккуратно легло в детскую ладошку, после чего он бережно сжал крошечный кулачок.

— Храни это. Твой личный оберег от любых плохих снов.

Крепко сжав подвеску, ребёнок широко улыбнулся. Феликс подмигнул малышу, плавно поднялся и лёгким жестом подтолкнул детей друг к другу:

— Встречайте спасателей!

Сирены завывали уже у самых ворот заводской промзоны — до прибытия машин оставались считанные мгновения.

— Ликс, уходим! Скорее! — поторопил Хёнджин, подхватывая худи с оружием и увлекая напарника за рукав.

Сорвавшись с места, айдолы метнулись за угол бетонного здания, исчезая в утренних сумерках за секунду до того, как на площадь перед ступенями с визгом тормозов вылетел первый полицейский седан. Не обращая внимания на усталость, ноющую спину и саднящие порезы, парни помчались через гравийную площадку к заднему двору, где под ветвистыми ивами притаился чёрный Мустанг.

На ходу выудив ключи из кармана и сняв блокировку, Хёнджин с усилием дёрнул массивную дверь, закинул клинки на заднее сиденье и обессиленно рухнул в потёртое кожаное кресло. Младший же, преодолевая тупую боль и с трудом набирая воздух в лёгкие, обошёл длинный капот масл-кара, скользнул на пассажирское место и со звонким стуком захлопнул за собой дверцу.

— Мотель? — сипло уточнил Феликс, повернувшись к другу.

— В мотель, — отрезал Хван, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, где на границах промзоны уже повсюду пульсировали ядовитые всполохи мигалок. — Самый унылый, захламленный и неприметный придорожный ночлег на объездной.

Крутанув руль и примериваясь к выезду, старший продолжал:

— Там отмоемся, обработаем мои рёбра и твою спину, сожжём или выбросим к чёртовой матери всю одежду, пропитанную мазутом, потом и чужой кровью. Нужно успеть до того, как Чан-хён объявит нас в международный розыск. Через неделю на музыкальных шоу мы обязаны сиять под софитами в идеальном гриме, а сегодня... сегодня сделаем вид, что мы просто два парня, которые слишком много выпили и отключили телефоны в каком-нибудь караоке-баре.

Вставив ключ в замок зажигания, Хёнджин повернул его. Двигатель взвыл без промедления: издал утробный, яростный рык, чья мощь напрочь заглушила вой удаляющихся сирен. Откинувшись на спинку сиденья, он впервые за эту безумную ночь позволил себе бледную, но искреннюю улыбку.

— Ладно, — выдохнул он, бросив взгляд на приборную панель. — Время для правильного саундтрека.

Дотянувшись до винтажной магнитолы, сохранившейся в салоне «Мустанга» ещё со времён шестидесятых, он нажал на тугую кнопку. Внутри уже находилась кассета, оставленная дядей Минсоком.

Магнитола ответила едва слышным щелчком, и из динамиков, преодолевая лёгкий хрип старых проводов, с первыми культовыми аккордами вырвался тяжёлый рок. Салон накрыла волна «Hells Bells» от AC/DC.

— Серьёзно?! — простонал младший, закатывая глаза так сильно, что на мгновение показались белки. — «Hells Bells»? Джинни, ты же отлично знаешь, как я ненавижу эту песню! Она бьёт по ушам!

Повернув голову к младшему, Хёнджин усмехнулся — хищно и безумно, будто действительно сбежал из преисподней. Резким движением он выкрутил аналоговый регулятор до предела, заставляя раскатистые гитарные басы физически вибрировать в грудной клетке.

— Ты, кажется, забыл главное правило, Ликс, — перекрывая рёв мотора и грохот аудиосистемы, перекрикнул Хван. — Водитель выбирает музыку, а пассажир помалкивает в тряпочку!

С театральным отчаянием младший откинулся на спинку кресла, закрывая лицо руками, но сопротивляться этой бешеной энергии было бесполезно.

— Я искренне ненавижу тебя, Хван Хёнджин, — пробубнил Феликс прямо в ладони.

— Расслабься, Ёнбок-а! — включив поворотник, Хёнджин выжал тугое сцепление, и «Мустанг» плавно, но мощно выкатился с обочины на пустынную автостраду.

Масл-кар мгновенно влился в редкий поток попутных машин, оставляя позади только короткий визг покрышек и серое облако придорожной пыли.

Музыка гремела всё сильнее. Хёнджин вошёл в кураж: принялся азартно отбивать ритм пальцами по кожаной оплётке руля, подпевая динамикам своим низким, надтреснутым, но уверенным голосом, получая от каждой строчки чистое, адреналиновое удовольствие:

I won't take no prisoners, won't spare no lives,

Nobody's putting up a fight,

I got my bell, I'm gonna take you to hell,

I'm gonna get you, Satan get you...

Наблюдать за приятелем довелось всего несколько секунд: напускное раздражение и усталость постепенно таяли под неодолимым напором агрессивного бита и культового гитарного риффа. Младшему было чертовски противно признавать это вслух, но ревущий раритет 1969 года и драйвовый рок подходили Хёнджину в нынешнем состоянии идеально. В этот час Хван не был глянцевым принцем с рекламных плакатов — сейчас рядом находился brutalный, смертельно опасный охотник. И, что самое удивительное, сейчас он выглядел по-настоящему живым.

Через мгновение, чуть заметно качая головой в такт, Феликс окончательно сдался. Улыбнувшись одними уголками губ, он вполголоса подхватил следующий куплет, вплетая в бархатный вокал чарующую нотку иронии:

I'll give you black sensations up and down your spine,

If you're into evil, you're a friend of mine...

Услышав подпевку, Хёнджин резко обернулся и громко расхохотался, видя, как друг всё-таки позволил музыке взять верх, полностью отдавшись безумному драйву дороги.

— Вот так-то лучше, дружище! — Хван прибавил газу, перестраиваясь в левый ряд. — Добро пожаловать в ад! Держись крепче!

Чёрный «Мустанг» покинул серые окраины Каннама. Масл-кар яростно рвал влажный асфальт, унося бродячих детей подальше от мигающих полицейских огней, пролитых слёз и кошмаров, оставшихся гнить в ночной мгле.

Теперь у беглецов появилась новая, вполне осязаемая цель на остаток предрассветных часов: выжить под прицелом лидера, смыть грязь и, нацепив свои сияющие, чистые маски, снова стать теми, кем их знал весь мир — global-айдолами. Теперь у парней появилась новая, вполне конкретная цель на остаток предрассветных часов: выжить под прицелом лидера, смыть грязь и, нацепив свои сияющие, чистые маски, снова стать теми, кем их знал весь мир — global-айдолами.

Но под фальшивым фасадом, в глубине карих глаз, отныне и навсегда поселилась нешуточная опасность и первобытный азарт победы над сверхъестественным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.